

СМЕНА

январь
2000

В. Пшонин **Смерть в своей постели** ■
А. Курлаткин **Жизнь крутых** ■

ВМЕСТЕ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

«ЛУКОЙЛ» ориентируется на потребителя и выпускает широкий ассортимент масел как для двигателей подержанных автомобилей, так и для двигателей последнего поколения.

«ЛУКОЙЛ» ценит свой товарный знак , поэтому качество масел контролируется в течение всего процесса изготовления, и каждая партия продукции перед отправкой проверяется и сопровождается паспортом качества.

ТЕЛЕФОН: (095) 207-1441.
ТОЛЬКО ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ.

ТОВАР СЕРТИФИЦИРОВАН

ЛУКОЙЛ

Главный редактор*Михаил Кизилов***Редколлегия:****зам. главного редактора***Борис Данюшевский**Николай Левицев***зам. главного редактора***Сергей Попов***главный художник***Виталий Федоров***редактор отдела****литературы и искусства***Шамара Чинна*

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

1 **2000**
январь (1623)

Сдано в набор 23.11.99.

Подписано к печати 21.12.99.

Бумага офсетная.

Печать офсетная.

Заказ № 3034

Тираж 50 000 экз.

Цена свободная

101457, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок.**250-29-39** — отдел реализации.**Факс (095) 250-59-28.****E-mail: smena@garnet.ru**

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Reg. № 014832

Учредитель —**ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки

не возвращаются.

Набор, верстка и цветоделение

ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в типографии

ОАО ПО "Пресса-1"

В случае полиграфического брака

обращаться в типографию

ОАО ПО "Пресса-1"

257-42-29

257-41-03

**Журнал выходит
12 раз в год.**

© "Смена", 2000.

16 *Евгений Носов*
ТРАВНЫЙ ВЕТЕР
 Этюды

*Анатолий
 Курляткин*
 70 **ЖИЗНЬ КРУТЫХ**
 Рассказ

138 *Виктор Прунин*
**СМЕРТЬ В СВОЕЙ
 ПОСТЕЛИ**
 Детектив

4 *Юрий Козлов*
ЯДЕРНЫЙ ГРАД

30 *Алла Митрофанова*
**"НЕХОРОШАЯ"
 КВАРТИРА**

54 *Людмила Мазурова*
РУССКИЙ МЕХ

118 *Марина Полевая*
**ПАПА, МАМА, Я —
 А ГДЕ ЖЕ СЕМЬЯ?**

*Светлана
 Бестужева-Лада*
 240 **НЕОПОЗНАННОЕ
 ЯВЛЕНИЕ**

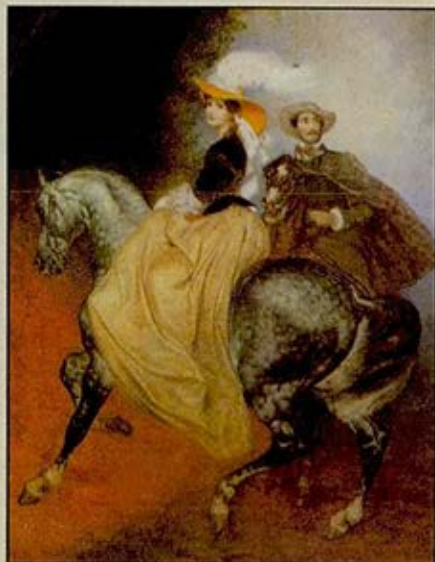
251 *Виталий Кузьмин*
**РАЗГОВОРЫ
 С СОБАКОЙ**

стр. 96

стр. 4

На 1-ой обложке:
 фотозащит Александр Потопов.

40 *Любовь Ручева*
ПОЭТ-ДИПЛОМАТ

96 *Лилия Байрамова*
КАРЛ БРЮЛЛОВ

124 *Алексей Зуев:*
**"ТЕАТР —
 ЗОНА ПОВЫШЕННОЙ
 ТЕМПЕРАТУРЫ"**

130 *Строки века*
**КОНКУРС ЗНАТOKOВ
 OТЕЧЕСТВЕННОЙ
 ПОЭЗИИ**

264 *Диана Турукая:*
**"ВСЕ КРАСКИ МИРА
 Я ВИЖУ СЕРДЦЕМ"**

36 *Сергей Фонтаренко*

*Михаил
 Казовский*
**"ЧЕРЕПАХИ
 ЖИВУТ
 ТРИСТА ЛЕТ"**

Рассказ молодого писателя написан от лица девочки-подростка, больной, по мнению окружающих, болезнью Дауна. Проникнут он такой психологичностью, добротой и светом, что заставляет читателя оглянуться и задуматься о том, а кто же живет, кто чувствует, кто любит и переживает рядом с нами, чем наполнена душа близкого человека, не затронутая черствостью и глухотой, которыми мы, к сожалению, сегодня все страдаем.

*Анатолий
 Рыбин*
**БЛЕСК И НИЩЕТА
 ВТОРОЙ
 ДРЕВНЕЙШЕЙ**

Чего только уже не написано о тех наших "милых" созданиях, кто добывает себе хлеб насущный на панели, торгуя своим телом... а вот откровеннейшая исповедь сутенера — такого наш читатель, пожалуй, еще не читал.

стр. 54

Февраль '2000

АНОНС:

ядерный град

Юрий КОЗЛОВ

Правда это или выдумка, но от жителей Дубны пришлось как-то услышать байку об одном курьезном случае.

Однажды в Объединенный институт ядерных исследований на очередную конференцию отправилась группа японских ученых. Когда до Дубны оставалось каких-нибудь двадцать километров, среди членов делегации неожиданно начался переполох. "Заработали" персональные дозиметрические счетчики, показывая необоснованно повышенный уровень радиации в атмосфере. Не мудрствуя лукаво, японцы на ходу развернули

фото Владимира Чейшвили

свой автомобильный кортеж и укатили обратно в Москву.

Достоверность произошедшего конфуза теперь, наверное, уже вряд ли кто-либо подтвердит. Но разговоры о пресловутом ядерном центре на севере Подмосковья и его населении, которое вроде бы сплошь "облученное, свихнутое и больное", к сожалению, еще имеют место быть среди непосвященных обывателей.

Обидно. Потому что на самом деле радиационный фон в городе физиков даже несколько ниже, чем в некоторых районах нашей столицы.

И вообще...Чтобы начисто отместить недостойно-ошибочные слухи о подмосковном наукограде и о его якобы "нездоровых" обитателях, не лучше ли познакомиться с Дубной поближе?..

Местоположение современной Дубны (недалеко от так называемой "Ратминской стрелки", где река Дубна впадает в Волгу) издревле считалось стратегически привлекательным. Первое упоминание о Дубне как о пограничной крепости, согласно Новгородским летописям, относится к 1134 году. Этот населенный пункт с явно военным и оборонительным характером деятельности в начале XIII века был заброшен или разорен. В XV веке жизнь в деревне возобновилась, позднее (к середине XVIII века) возникло другое название — Дубненское Городище. С начала XX века — деревня Ратмино.

В 1932 году здесь начались подготовительные земляные и бетонные работы по строительству Ивановской ГЭС и канала им. Москвы. Через 14 лет на правом берегу реки Волги, недалеко от

деревни Ново-Иваньково, началось строительство двух научных учреждений АН СССР, положивших начало истории Объединенного института ядерных исследований (ОИЯИ). Одновременно возводились лабораторные корпуса и жилой поселок. Зона строительства со всех сторон была окружена водой: на севере — Волга, на востоке — ее приток река Дубна. Московское море, канал и река Сестра замыкали кольцо. Вероятно, в этом тоже присутствовали стратегические задумки, а обилие воды позволяло беспрепятственно осуществлять начественное охлаждение мощных физических установок.

Неофициально место называлось "Змеиный остров". И действительно, змей в этих краях водилось множество. Строительные площадки оказались сильно заболоченными, частично затоплены водой. Нередко по объектам передвигались на лодках. Лишь в конце 40-х годов были проведены осушительные работы.

В 1949 году начал работать синхротрон Института ядерных проблем АН СССР (ныне Лаборатория ядерных проблем), а в конце 1956 года закончился монтаж основных узлов синхрофазотрона, на базе которого возникла Электрофизическая лаборатория АН СССР (ныне Лаборатория высоких энергий). В 1956 году безымянный до того времени поселок был преобразован в город областного подчинения Дубну, а два института АН СССР слились в ОИЯИ. Первым директором нового научного центра стал академик Д.И.Блохинцев.

...Теперь все это — страницы нашей истории. Но за ними, как

известно, всегда просматриваются многочисленные людские судьбы. И каждая — со своей болью или радостью, взлетами и падениями, разочарованием или стремлением к дальнейшему созиданию.

Пронесли буйные ветры перестройки и рыночных преобразований. Не обошли они стороной и Объединенный институт... Как сейчас поживают (если уместно это слово) его сотрудники? Какие проблемы тяготят их, какие события радуют?

Обратимся к откровениям из первых уст...

Но сначала напомним, что Объединенный институт ядерных исследований — это первый международный физический центр стран социалистического содружества. В 1980 году в нем работало более 6000 сотрудников. В Дубне были созданы отличные условия для плодотворного роста и становления молодых ученых — творческая атмосфера, дух научного демократизма, общение с известными учеными, возможность работать с уникальной экспериментальной техникой. За годы деятельности ОИЯИ здесь прошли стажировку тысячи ученых и инженеров из многих институтов, выросли талантливые высококвалифицированные специалисты разных отраслей современной науки и техники.

К сожалению, многое из вышперечисленного теперь уже в прошлом. Хаос кризисных потрясений внес свои "коррективы" и в научную деятельность Института. Добрая половина сотрудников ОИЯИ вынуждена сейчас искать подработку на стороне: выполнять не-

сложные заказы от других предприятий, заниматься репетиторством, переводами, редактированием технических текстов, составлением научных рефератов, статей, технологических компьютерных программ и прочей "шабашкой". Есть и такие, кто из-за общей неустойчивости в стране чувствует себя, мягко говоря, не совсем уверенно и потому "успешно" налаживает контакты с общеизвестным антидепрессантом — "Russian vodka".

Если раньше с зеленым змием, случалось, "заигрывала" в основном рабочая прослойка недобросовестных тружеников, то сегодня этим занятием, бывает, грешат и доктора наук. О причинах "ныряния в бутылку" отвечают коротко: "Да, работа есть, ее надо выполнять. Но с такими низкими ставками и окладами никакого рвения к ней не ощущается. Так что..." — и виновато разводят руками.

По словам тех же "работников", сейчас более или менее на плаву держатся лишь те, у кого есть возможность выезжать в заграничные командировки. Отток "светлых умов" за "бугор" (у кого была такая возможность, то и насовсем) начался в 1992-93 годах, когда железной пятой прошли по стране "реформы", одновременно с космической скоростью повышая уровень инфляции и обратно пропорционально уменьшая содержание кошельков у населения. Довольно ощутимо "отрихтовал" субсидирование многих научных программ и финансово-экономический кризис 17 августа 1998 года.

Многие физики откровенно променяли научные эксперимен-

ты на опыты в области мелкого и среднего бизнеса. До сих пор весьма ценные научные кадры можно видеть на городском рынке, в коммерческих палатках, магазинах или ресторанных заведениях в роли суетливо-озабоченных торгашей или средней руки пред-

боты в области радиотерапии онкологических больных, ведет успешные исследования по применению пучков тяжелых заряженных частиц в медицинских целях. Чем интересны эти исследования?

Перед традиционными в радиотерапии излучениями (гамма-

принимателей. Реже — на совсем крутых, "респектабельных" должностях.

...Однако не все так мрачно, как может показаться читателю. В Лаборатории ядерных проблем Института после окончания физфака МГУ с 1983 года работает кандидат технических наук Геннадий Валентинович Мицын. Сегодня он, возглавив экспериментальные ра-

боты в области радиотерапии онкологических больных, ведет успешные исследования по применению пучков тяжелых заряженных частиц высоких энергий (протоны, нейтроны, пи-мезоны, ионы) имеют ряд преимуществ. Они не создают лучевых повреждений здоровых органов и тканей в непосредственной близости от облучаемого очага (раковой опухоли или, как называют ее в данных экспериментах, — "мишени"). Проще говоря, метод радио-

терапии протонным излучением позволяет уничтожать недоброкачественные клетки раковой опухоли, практически не нанося никакого вреда здоровым тканям.

На первой стадии практического применения этого метода в Дубне курс лечения прошли 84

шинство из этих центров используют ускорители, которые изначально были построены для физических экспериментов. Но уже сейчас существуют учреждения, работающие на базе специализированных ускорителей именно для медицинских целей.

пациента. После реконструкции ускорителя на протонных медицинских пучках "засветился" еще 41 человек. 83 процента больных после курса лечения протонной радиотерапией жили еще в среднем 5 лет.

Сегодня в мире насчитывается 25 подобных центров и еще столько же планируется запустить в ближайшие годы. Боль-

А что в этом плане делается в Дубне?

Сейчас, как сказал Геннадий Валентинович, на базе бывшего инфекционного диспансера при городском больничном стационаре переоборудовано отделение, которое готово принять онкологических больных. Во время лечения им предстоит пройти 10-20 сеансов облучения, которые будут

проводиться в ЛЯП в специально оборудованных процедурных кабинетах. То есть больные будут находиться как в больничном комплексе (под наблюдением врачей), так и доставляться в Лабораторию ядерных проблем для сеансов облучения на протонном пучке, проводимых физиками. Такой неожиданный на первый взгляд альянс обещает принести довольно эффективные результаты по лечению онкологических пациентов. Но...

Как это часто бывает, особенно в последнее время, и тут, к сожалению, все упирается в финансирование.

Дирекция Института эти работы оплачивать не может, поскольку не хватает средств и на фундаментальные исследования. В Минздраве РФ при поддержке Министерства атомной промышленности обещали с 1 октября 1999 года открыть финансирование, после чего больные смогли бы бесплатно "пойти на поток". Но обещания так и остались обещаниями, а сотрудникам медико-технологического комплекса приходится бунвально клянчить деньги у различных организаций или "добрых дяденек-спонсоров".

К слову сказать, в Америке центры, применяющие протонное радиотерапевтическое лечение онкологических больных, уже имеют зарегистрированные лицензии на проведение этих работ (платный "поток") и потому безбедно существуют. В России, чтобы получить такую лицензию, необходимо набрать положительную статистику по обследуемым больным. А как ее "набрать", если лечились пока единицы? Чтобы успешно продолжать подобные экспери-

менты, нужны денежные средства, которые пока только обещают. Получается замкнутый круг.

К северу от институтской части города в живописном лесном массиве расположилась другая, так называемая "закрытая площадка", где в Лаборатории высоких энергий (ЛВЭ) с 1957 года успешно функционирует старейший ускоритель (ногда-то один из самых мощных в мире) — синхрофазотрон. Великое множество открытий и научных экспериментов подарил он физикам-ядерщикам всей планеты.

Даже сегодня, когда "старинку" уже не под силу тягаться с современными установками — "правнуками", его потенциал еще довольно эффективно используется в оригинальных разработках.

В 1993 году в Лаборатории высоких энергий введен в действие первый специализированный сверхпроводящий ускоритель ядер на высокие энергии — нуклотрон. В тандеме с синхрофазотроном эти два ускорителя позволяют получать пучки ядер с небывалой энергией. После окончательных доработок всех секций и узлов нуклотрона, которые планируется завершить в ближайшее время, можно ожидать очередных потрясающих открытий, которые станут не менее грандиозными, чем недавнее открытие нового, 114-го элемента в Лаборатории ядерных реакций.

К этому событию шли более десяти лет. Вместе с российскими учеными в программе принимали участие немцы, словани, японцы, итальянцы, американцы...

Вот что рассказало об этом важнейшем открытии научный ру-

новодитель эксперимента, член-корреспондент РАН Юрий Цоланович Оганесян:

—...Последний эксперимент по синтезу 114-го элемента был сделан в Дармштадте (Германия) в 1985 году. С тех пор наука ушла далеко вперед. Дубненские ученые решили, что надо "дотягиваться", т.е. повышать чувствительность элемента.

Синтез проводился в газонаполненном сепараторе (ГНС) в реакции слияния кальция-48 и плутония-244 (тяжелый изотоп, который предоставили коллаборанты из Ливерморской национальной лаборатории США, а изготовил мишень наш сотрудник Г.В.Букланов).

Эксперимент длился 40 дней — закончили мы его утром 31 декабря 1998 года. А 25 декабря, когда у всех уже было предновогоднее настроение, мы с руководителем сектора ГНС В.Н.Утенновым, просматривая и анализируя результаты, увидели то, что как будто бы искали... После долгого изучения, кропотливых проверок и дополнительных исследований предположение подтвердилось: обнаружен элемент, который живет полминуты. Ему был присвоен номер 114. Официального названия элемент пока не имеет.

Мы, естественно, не можем не радоваться, что открытие 114-го произошло у нас в Дубне, хотя объективно оно могло произойти и в Дармштадте, и в Беркли — мы шли к этому результату вместе, делясь опытом, информацией, учитывая ошибки и наработки друг друга. Я считаю — это наш общий результат...

А профессор Гирсо из Беркли (США) высказался по этому пово-

ду так: "Российско-американская группа создала ультратяжелый элемент. Я не могу выразить, насколько мы желали получить 114-й элемент в своей лаборатории — это одно из величайших достижений физики. Но я рад, что это сделали в Дубне — 114-й элемент имеет громадную важность для исследования физики сверхтяжелых элементов".

Но всему вышесказанному необходимо еще добавить, что мировым научным сообществом признан неоспоримый приоритет ОИЯИ в открытии 102-105-го элементов и большой вклад в открытие 106-108-го элементов. Так что, знай наших!..

Конечно, обо всех научных разработках, проводимых нынче в Дубне, рассказать невозможно. Отмечены лишь самые интересные. Автор надеется, что читатели простят ему вынужденное употребление некоторых сугубо технических терминов и поверят, что без использования этих мудреных словесных "наворотов" достоверность описания современных научных открытий выглядела бы не совсем убедительно.

А чтобы у читателей не сложилось о дубненских ученых расхожестереотипного представления как о затворниках, угрюмо корпящих среди нагромождения таинственной аппаратуры, уместно привести несколько высказываний, в шутку сочиненных физиками о самих себе.

Образ ученого претерпел за последнее время ряд существенных изменений. Добрый, деликатный, интеллигентный академик разговаривал на "вы" даже с пятилетним делегатом из соседнего дельтсада. Например, так: "Вы, ба-

тенька мой, хотите, чтобы я прочел у вас лекцию об открытиях э...мэ... великого, батенька, мэ...нштейна. С удовольствием, друг мой, с удовольствием. Мда... В наше время в детском саду этого не проходили. Помню, как мы с покойным Петром Петровичем Серебряниновым в ваши годы ползали на коленках и собирали дизель-электровоз".

Обязательными также были бородка клинышном, пенсне и архиультрасверхрассеянность. Рассеянность вносила комический эффект. Например, старый ученый чистил по утрам зубы сапожной щеткой и спешил в институт в напоте своей жены. Все это вызывало у сослуживцев и коллег добрую улыбку.

Теперь наблюдается резкий качественный скачок. Прежде всего, ученый помолодел. Ему лет 25-30. Изменилась и борода — старый, консервативный клинышек заменила мощная растительность "а ля Хемингуэй". Попадают и пожилые деятели науки (не старше 60), но это, как правило, ретроградствующие корифеи.

Молодой физик не чуждается обычных земных радостей. Днем он работает, как черт, перемежая открытия тонкой, остроумной шуткой. За рабочим столом сидит без пиджака, со слегка развязанным галстуком и курит сигарету за сигаретой. Особенно талантливые ходят (даже на прием к директору — пожилому ретрограду) в футболке, джинсах и кроссовках. Там они режут старику правду-матку.

Очень хорошо одетый физик, причесанный и побритый, обычно карьерист. Это не мешает ему быть интеллектуалом и прибегать порой к циничному юмору.

Положительный физик поет под гитару, танцует "брэйн-данс", пьет водку, имеет любовницу, мучается различными проблемами, дерзает, борется, профессионально бьет по морде отрицательного физика, а в свободное время жертвует собой ради науки.

Отрицательный физик живет только с женой, занимается демагогией и получает по морде от положительного физика...

...Ну а если говорить серьезно, то сегодня ОИЯИ живет, конечно же, теми же проблемами, что и вся Россия в целом. Как уже отмечалось, известные финансовые осложнения последних лет привели к сокращению финансирования научной программы. Положение осложняется несвоевременным и не в полном объеме внесением долевых взносов стран-участниц ОИЯИ. Большое напряжение вызывают вопросы социальной незащищенности сотрудников.

На этом фоне, кстати сказать, зарплата (после 1 апреля 1999 года) составляет на сегодняшний день: у старших научных сотрудников — около 1500 рублей; у инженеров и старших инженеров — 800-900 рублей.

Хорошим подспорьем к явно недостаточным средствам бюджетного финансирования становятся денежные "вливания" целевых национальных программ, гранты различных фондов. Получается как бы взаимовыгодная связь. Западным ученым намного выгоднее использовать наши (уже готовые) установки и относительно дешевый труд для решения своих исследовательских программ, а физикам из Дубны — это возможность для проведения

дальнейших уникальных экспериментов, плюс какая-никакая "поддержка (пardon!) для штанов".

Если же не брать в расчет семейные разборки в день зарплаты, то в общей массе сотрудники Института своей работой довольны. Современный научно-технический потенциал (34,5% работоспособного населения Дубны непосредственно связаны с наукой), а также высокая квалификация специалистов и их энтузиазм помогают ОИЯИ сохранять свои международные позиции и продвигаться вперед в ряде научных направлений.

Так что поводов для болезненного "чесания в затылках" ("А нет ли где местечка получше?") у дубненских ученых пока что явно недостаточно. Новых заманчивых проектов, версий и планов на сегодняшний день хватает с лихвой. Было бы желание успешно их реализовывать. Но на то они и физики, которые с одинаковым успехом могут быть и лириками, и неупывающими юмористами, и бардами, и... великими учеными, прославившимися по всему миру не менее великими открытиями.

Несмотря на основательную "загрузку" юркими протонами, нейтронами и прочими "мезонами", любят дубненские физики и отдыхать. И, надо признать, понимают в этом толк, украшая свой досуг самыми разнообразными, если так можно выразиться, увлечениями.

Как только по весне пригреет солнышко и оттаявшая земля освободится от залежалых "айсбергов" грязного снега, на садовых участках начинается бурная огородная деятельность. И взрослые,

и дети (кто пешком, кто на велосипедах) по вечерам и в выходные тянутся к своим земельным наделам (а их от 4 до 6-ти соток — при желании может приобрести практически каждая семья) и усердно копошатся там до густых сумерек.

Щедрым дарам подмосковной природы дубненцы так же признательны, как и благодатным солнечным лучам, возвещающим на пороге лета об очередной майской "посевной". Весь сентябрь и октябрь на улицах города можно видеть озабоченных (но счастливых!) жителей, несущих и везущих (в основном тоже на велосипедах) мешки с картошкой и напустой, сумки и рюкзаки с овощными культурами, ящички и корзины с яблонами.

Такое бережно-трогательное трудолюбие дубненских "жрецов науки" (по совместительству — садоводов, грибников и даже рыбаков) понятно и похвально, потому что даже академиком и членом РАН иногда, простите, тоже нушать хочется. И как это ни банально звучит, но действительно: как по солнышку потопашешь, так зимой и полопашешь. Отсюда напрямую зависят и "качество", и "своевременность" многих научных открытий...

Обилие в округе лесов и водоемов создает для дубненцев дополнительный комфорт: не надо ломать голову над дальними странствиями, а купаться и загорать можно даже в черте города. Не всех, конечно, устраивает такой вариант, поэтому некоторые жители (у кого есть возможность) ищут другие места отдыха. С наступлением поры отпусков они с палатками и рюкзаками отправляются или в давно уже облюбованные уголки нашей страны, или же

открывают новые, неведомые тропы, затерявшиеся в бескрайних просторах России. В Дубне уже не первый год успешно работает городской клуб туристов. Прошлым летом на реке Сестре состоялся 76-й слет туристов по традиционной программе: ночное ориентирование, гонки на личных байдарках и велотрасса. Обсуждались маршруты Туриады-2000 и спортивной экспедиции по рекам Тавайони и Листа в Карелии.

Есть в Дубне ценители и других видов хобби и отдыха. Первым надо назвать Тито Понтенорво, сына академика Бруно Понтенорво, бежавшего из Италии в СССР в годы режима "дуче". Получилось так, что Тито, физик по образованию, стал конюхом по призванию. Его комплекс по выращиванию чистопородных ахалтекинских скакунов (вблизи деревни Святые) гремит на всю Россию и даже за ее пределами. Сама Елена Петушкова, олимпийская чемпионка по конному спорту, изъявила желание сотрудничать с ним.

Кстати, своих чемпионов и в Дубне хватает. Кто не знает чемпионку мира и Европы по водным лыжам Наталью Румянцеву? Сегодня дубненские воднолыжники на соревнованиях различного уровня достойно защищают честь российского флага, представляя одну из первых в стране школу воднолыжного спорта, которую основали еще в 60-х годах научные сотрудники Института, заслуженные тренеры Юрий и Валерий Нехаевские. Теперь их имена известны всему миру.

Официально (или неофициально) город Дубна делится как бы на четыре "блока": Институтская

часть (где расположен и ОИАИ), микрорайон Черная речка, район Большая Волга и Левобережная часть. Повсюду множество деревьев, кустарников, цветочных клумб и другой зелени, в изобилии произрастающей вокруг жилых домов и муниципальных учреждений. Широкие улицы, проспекты, дворы и скверы города поражают своей чистотой и уютом. Даже в знойный день здесь не чувствуется изнурительной жары и всегда приятно посидеть на скамеечке в тени тихо шелестящих крон многочисленных деревьев. Недаром, исходя из привлекательности ландшафта и современной оснащенности наукограда, самые инициативные оптимисты предлагают создать вокруг Дубны оздоровительно-курортную туристическую зону. Подобная программа принесла бы в бюджет города неплохую дополнительную "подпитку", позволив открыть и новые рабочие места для населения. Вот только изначальных средств, к сожалению, пока недостаточно, чтобы эту интересную идею воплотить в реальность.

Приглядываясь к многочисленным табличкам на домах Дубны, многократно убеждаешься, что дубненцы помнят и чтят тех деятелей науки, которые когда-то работали здесь или были тесно связаны с Институтом. В строго изысканной планировке города мелькают дома, где когда-то жили и работали Курчатова, Вавилова, Жолио-Кюри, Векслера, Боголюбова, Блохинцев, Понтенорво, Франк, Флеров... Даже в лесопарковой зоне (на Черной речке) есть живописный холм, поросший смолистыми соснами, который в народе именуют "пик Тяпкина". Не

часто увидишь в каком-либо другом городе такую трепетную дань ученым.

Отразилось это почитание людей науки и в бесчисленных стихах и песнях, из которых самая известная, конечно, эта:

"Товарищи ученые, доценты с кандидатами,

Замучились вы с инсами, запутались в нулях..."

Владимир Высоцкий очень любил бывать в Дубне и память о нем дубненцы бережно хранят.

...Нусочек дневного светила устало оседает за левобережным лесным массивом. Вечерняя набережная кротко затихла, легкий ветерок вместе с речной прохладой приносит запахи засыпающе-

го леса и свежескошенной травы на лугах.

Перед шлюзом, рядом с плотиной, уже зазвонили сигнальные огни на баненах. Еще дальше еле приметно различается в сизоватосумеречной пелене красный отблеск на вышине большеволжского маяка.

По Волге на самом малом ходу идет красавец-теплоход, ярко сияющий всей световой гаммой палубных паропетов, иллюминаторов и габаритных огней. Где-то на корме гремит дискотечка, смех и крики пассажиров далеко разносятся над погружившимися во тьму засыпающими берегами.

Спокойной ночи тебе, Дубна! Счастья и созидания вам, беспокойные трудяги-физики!.. ■

*"Смена" поздравляет
своего постоянного автора
Евгения Ивановича
Носова с 75-летием!*

ТРАВНЫЙ ВЕТЕР

Евгений НОСОВ

ДОРОГА К КНИГЕ

Писать книгу — все равно, что отправляться в дальнюю дорогу. Будут и непроходимо вязкие места, сокрытые туманом неясностей и сомнений. Придется буксовать в непролазных фразах, блудить в сюжетной чащобе. Встанут на пути и крутые, неподатливые взгорья, на которые поначалу нерасчетливо, по-мальчишески захочется взбежать единым духом, но вскоре выбьешься из сил и остановишься с отчаянной мыслью все бросить...

Но встречаются и такие отрадные места, похожие на степные просторы, когда шагать привольно и радостно и заранее видно, куда идти.

И все же самые счастливые минуты те, когда из последних сил взойдешь-таки на гору и поставишь последнюю точку, как знамя победы...

ВЫШИВАНИЕ КРЕСТОМ

Иное писание похоже на вышивание крестом. Вместо иглы — мысль, вместо льняного холста — белый лист бумаги. Слово — тот же вышивальный крестик. Оно тоже окрашено в определенный цвет, и прежде, чем положить на бумагу, его надо, как и шелковую нить, определить на цветность — не слишком ли бледно или наоборот — ярко, опробовать душевно, не вопреки ли смыслу и желанию, не кричит ли нелепо?

Слово к слову, крестик к крестику — и возникает многоцветный рисунок, а то и произведение подлинного искусства, если его творила рука мастера. Иногда закрадывается ошибка, и хорошо, если она замечена вовремя. Тогда легче подпороть неточность и взамен вставить единственно верное слово-стежок.

Трудно работать таким кропотливым способом, но по-другому не могу, не умею.

Наверное, потому долго писал обыкновенной школьной ручкой с восемьдесят шестым пером, похожим на вышивальную иглу, и не обзаводился самописными орудиями строчкогонства.

НАЧАЛО ГЛАВЫ

Никогда не писал многоглавых романов.

Мне кажется, что начинать новую главу — все равно, что предпринять десантную операцию, свершить бросок на ту сторону неведомого... Сначала хотя бы только мыслью зацепиться за чистый лист бумаги, вчерне, наспех обозначить замысел. А ухватившись, начать окапываться, углублять сюжетные траншеи, налаживать связь с прежде написанным в ожидании главных слов и мыслей.

ГЛАВНЫЙ ЛАКМУС

Когда надо конкретно ответить на вопрос: “Состоялся или не состоялся писатель?”, — лично я прибегаю к следующему критерию, который, кстати, никогда не подводил. Для меня важно в первую очередь не то, о чем написана книга, а то, как она написана.

В самом деле, когда экзаменуют молодого певца, то прежде всего слушают его голос, его исполнительские возможности, а не репертуар. Репертуар — дело наживное...

Разумеется, идейное содержание творчества, его общественная полезность не могут быть сброшены с чаши весов. Это очевидно. И все же — как написана книга — вот главный лакмус! Ибо “о чем” — исправить еще возможно, а вот “как” — это уже пожизненно. Именно от этого качества и зависит — быть или не быть писателю.

“О чем”, но без “как” — та щель, через которую всегда старается проскочить бойкая амбициозная конъюнктура, бескрылая серость.

СИЛА ПРИВЫЧКИ

Долгие годы не знал, не ведал черной икры. И вот один волжский знакомый прислал по случаю баночку. Но я ее так и не открыл, а только повертел в руках, поглядел наклейку. А потом она куда-то задевалась, видно, нашлись любители...

Так вот и со словарями у меня: долгие годы не заводил никаких словарей, не имел к ним вкуса. А когда однажды преподнесли Даля, то он, вроде той икры, и по сей день лежит без надобности. Не привык я роскошествовать даже в письме, обхожусь тем словарем, что сам нажил. И хотя понимаю, что теперь и не грех бы иной раз на досуге полистать Даля, так просто, для интереса, для удовольствия, как прочитывают стихи. Но не привык как-то... Все надо делать в свое время. И читать Даля, и... есть черную икру. Пока не окостенели привычки.

ВЕТЕРАН

В канун Дня Победы Петр Иванович Костюков, житель хутора Брусы, получил из района повестку с предписанием явиться тогда-то к таким-то ноль-ноль на предмет получения воинской награды.

— Эта которая-то будет? — повертел бумажку Петр Иванович. — Семья, не то восьмая? Уж и со счету сбился...

— А тебе чего? — разумно рассудила почтарка Пашута, одной ногой подпиравшая велосипед у калитки. — Вешай да блестя.

— Уж и пиджак на перекося пошел: пуговицы с петлями не стали сходиться... — мучался смущением Петр Иванович. — Я ить только под Старой Руссой и повоевал. А они все вручают и вручают... Вон Герасим, тот до самого Берлина дошел, на ристаге расписался, на него и вешали б...

— Поезжай, поезжай, — подбодрила Пашута.

— Ну разве что последнюю... Закрою ряд да и баста... На больше меня не хватит: подходит край...

И вот завтра на рассвете ветеран натянет свои остро пахнущие дегтем стародавние солдатские сапоги, хранимые для таких вот случаев, пройдет в них туда-сюда, привыкая и примериваясь к близкой ходьбе, потом, поплескавшись под ручкомойником-чуруканом, обрядится в летнюю комсоставскую рубашу в четких квадратах лѐжки, привезенную племянником аж из самой Москвы, разберет на две стороны остатки своего русокудрия: поменьше — на правый висок, побольше — на проступившее темечко, непослушный пробор смочит с руки чайной заваркой и, оглядев себя в зеркало, обстриженного женой и намытого в бане, подведет некий итог: "Не сказать, что герой, но уже и не лешай..."

И лишь перед самым выходом торжественно и бережно наденет извлеченный из шифоньера, всегда готовый, отутюжен-

ный наградной пиджак, ожидавший его на лосёвом роге, снимет с медалей целлофановые обертки от сигарет, энергично, до звяка воссиявшей бронзы одёрнет его полы и на всю дорогу построжает лицом, помеченным над правой бровью багровым шрамом...

смотри и радуйся

В конце апреля, в еще голом, сквозном лесу, на возвышенных прогретых местах сквозь жесткую подстилку пробивается сон-трава. На нежных опушённых стеблях, как бы еще не окрепших от перворождения, поникше дремлют крупные синефиолетовые цветы. Об эту пору растеньице еще без единого листочка: просто стебель и на нем — цветок. Сон-трава так и зимовала под снегом, под опавшими древесными листьями с уже готовым бутонем, с тем, чтобы, пока вокруг еще нет ни одной травинки, первой пробиться к солнцу, поскорее развернуть бутон и понежиться, подремать в ласковых вешних лучах. Ничего подобного этой яркой, праздничной сини нет во всем пока еще не прибранном, буро-жухлом лесу, и потому так радостно изумишься, когда еще издали, за много шагов, увидишь это диво весны.

Рвать цветок нельзя. Он и сам по себе трепетно-нежный, неприкасаемый и даже под бодрящим апрельским солнцем не в силах приподнять дремотно опущенной головы. Если же его сорвать, то он тут же безвольно поникнет и уснет навсегда... Оттого и назван так — сон-трава.

Но вот все-таки рвут многочисленные посетители вешнего леса! Рвут и вскоре бросают. Бросают из-за этой нежной неприкасаемости растения, а стало быть, из-за его бесполезности и ненужности. Бывает, в воскресный день все лесные тропки, ведущие к электричке, усыпаны завядшими и растоптанными цветами.

А ведь с меркантильной меркой (полезное-бесполезное) мы относимся не только к природе. Это потребительство ныне распространилось и на общение с человеком. Прежде всего прикидывают: что от этого можно иметь? Нужный человек или ненужный? Можно извлечь из него что-либо для карьеры, "для дома, для семьи"? Или хотя бы для гаража?.. Больше того, так стали выбирать себе жениха или невесту... Рвут и вскоре бросают. Рвут и бросают... А ведь еще бабушка моя говаривала: смотри и радуйся...

ЗИМНИЕ ПТАХИ

Саженный сосняк, сквозной и чистый, с одной лишь хвойной подстилкой, сменил густой, непроглядный урёмник: темнели ракиты, иные совсем древние, с корявыми морщинистыми обножьями, с провалами черных дупел. Под их кронами теснились черёмушник, крушина, мелкоклюнье, колючей про-

волокой опутывал трухлявые пни, поваленные колодины еще не отмерший, покрасневший от холода ежевичник. Закостенелая дорога толсто укрылась палым листом, уже прибитым дождями и густо просоленным изморозью. Сюда, в эту еще девственно-непричесанную урёмину, оставшуюся такой благодаря близкой реке и ее буйным вешним разливам, затоплявшим лес, который потом все лето курился паркой сыростью, слеталась на зимовку всякая крылатая живность.

Вертелись, бегали вверх-вниз по озябшим стволам сизые ползны, грустно просвистывали затихшую чащобу.

Семейками в пять-шесть душ перепархивали синицы в черных платочках, обследовали каждый случайно уцелевший на ветке листок, каждую подозрительную зазоринку, заглядывали в разверстые пасти ракитовых дупел, где среди смержшейся гнили мог затаиться на зимовку какой-нибудь онемевший, бескровный червячишко. И даже пробовали теребить черные неподатливые шишки ольшаника, совсем уже бескормные, такие, что когда синица раздвигает наконец чешуйки с превеликим трудом, то сама удивляется никчемности семечек, черных и деревянных, как и сама шишка.

С ливневым шелестом сорвались с дороги, на которой невесть что клевали, ничейные, нигде не прописанные урёмные воробьи, обсыпали куст чернотала. Вытирают об ветки носы с таким видом, будто только что пообедали из трех блюд. Но по взъерошенным загривкам без труда можно понять, что клев этот на лесной дороге был пустопорожним, так только, чтобы не сидеть без дела. А уж что они будут клевать, какую отыщут поживу, когда вьюга завалит землю и вымолотит из травинок последние семена, как перебьются, одолеют зиму — одному Богу ведомо, да и то вряд ли...

И снегири уже объявились в урёме, прилетели из северных краев. Одеты тепло, в толстые зобастые шубы, а поверх шуб повязали красные фартуки, чтобы не замарать одежки. Сидели по деревьям степенно, чинно, будто старинные лабазники, и с той же степенностью, не жадничая, не поспешая, а будто помня, что они здесь, хотя и тоже в России, но все же залетные с севера гости — ярославские, костромские, вологодские — срывали с кленовых веток крылатые семена, для них, для гостей, диковинные, заманчивые, так и этак неспешно поворачивали в толстых клювах, приноравливаясь к замысловатому яству, и наконец разобравшись, что к чему, найдя в семени отмычку, раздвигали его и пускали по ветру крылатые кожурки. И перед тем, как сорвать новое, склонив голову набок, с интересом наблюдали за кожурой, как та, запорхав мотыльком, долго летела прочь, пока не ударялась случайно о встречную ветку и не сбивалась с полета.

Все эти пернатые семейки соглашались и на стужу, и на несытое коротанье ради того только, чтобы не покидать родных

мест, не лететь за синь-море, где, может быть, и тепло, да зато одиноко российской неказистой птахе среди чужой вечной зелени и пестро расфранченных заморских хозяев.

На воздушном шаре

Человека в известной мере можно сравнить с воздушным шаром: к концу пути, когда слабеет полетная сила, приходится выбрасывать из перегруженной гондолы даже самое сокровенное, например, привычку выпить, покурить с другом. Жалко, но что поделаешь: хочется еще хоть как-то протянуть, продлить полет и не так круто грохнуться в небытие.

Час прогулки

В летний полдень, в час прогулки, в мою комнату вошла собака. Нездоровилось, я лежал на диване и услышал ее по стуку когтей о паркет.

Собака долго смотрела на меня темными, с терновой просинью глазами, я же прикрыл веки и нарочно задышал глубже, лентясь вставать, чтобы идти с ней на улицу. Она, еще сколько понаблюдав за моим лицом, наконец поверила, что я сплю, и, сокрушенно вздохнув, отошла прочь. Скучающе обойдя помещение и обнюхав мое пустое кресло у письменного стола, она остановилась посередине комнаты и уставилась в окно. А там беспечно, с ликующим визгом носились стрижи и была такая безмятежная полуденная синь, такая воля! И пес изваянно стоял и стоял, глядел в безоблачный полдень, охваченный какой-то своей горестной думой, вроде: "А жизнь проходит..."

О счастье

Один мудрец на вопрос, что такое счастье, ответил, что счастье — это быть искренним. Так неожиданно на первый слух! Ведь принято считать, что счастье в труде, в нужности людям.

Но, поразмыслив, приходишь к согласию: и в труде нужно быть искренним, иначе труд станет обузой.

И людям ты нужен лишь тогда, когда искренен с ними.

Долгая ночь в октябре

Отправляясь спать, потрогал отопительную батарею: никаких перемен, чугун мертв и, день ото дня холодея, сам поглощает последние градусы тепла.

А на дворе — октябрь. Все больше цепенеет земля, стынут стены домов и порой слышно, как хрустит ледок под ногами ночного прохожего.

Озябшее воображение уже рисует апокалипсический час, когда можно будет распахнуть окна, ибо по обе стороны стены — изнутри и снаружи — станет одинаково люто.

Так повторяется почти каждую осень. Именно об эту пору вспоминают про отопительную систему, и тогда в этом огром-

ном подземном вентиляном тромбоне начинает что-то утробно булькать, сопеть, истекать гемоглобиново — ржавой жижей, железно, изнуоряюще греметь гаечными “попугаями”.

Натянув трико, сверх того — шерстяной свитер с нагрудными пингвинами, нерешительно мешкаю перед трехслойным ворохом одеял. Надо в самом деле иметь мужество, чтобы нырнуть под их толщу, где такая же холодрыга, как и в антарктическом сугробе. Наверное, немало теряешь в весе, пока прогреешь эту берлогу и наконец-то продрогло замрешь в ненадежном сне.

Просыпаюсь в предутренней тиши от подсознательного чувства чьего-то присутствия. Чудилось, будто кто-то мягкий, теплый, едва весомый устроился на моих одеялах, сообщив и мне уют и расслабляющее тепло. Кому же еще быть: ну конечно, это — хитрован Тихоня, подумал я о котенке, месяц назад прибывшемся к нашему порогу, и который уже имел обыкновение запрыгнуть на постель и, осторожно переставляя белеенькие мягонькие помпончики лапок, пробираться ко мне под бок, а то и свернуться калачиком на моей груди, если я, как сейчас, отогревшись, позволял себе простереться навзничь.

Видимо, я позабыл запереться на задвижку, без которой в двери оставался небольшой просвет, и Тихоня, просунув в щель лапу, последующими стараниями открывал трудную для него дверь до необходимой гостеприимности. Я не хотел, чтобы эти в общем-то приятные ночные выражения привязанности ко мне Тихони сделались бы его стойкой привычкой, особенно когда он через несколько месяцев, став солидным усатым Тихоном, обретет развязную бесцеремонность полного хозяина тахты, а потому, подавив умиление, высвободил руку, чтобы снять с себя незваного гостя. Но Тихони на постели не оказало...

Однако странное чувство постороннего присутствия так и не покинуло меня. Я всем своим существом ощущал, что кто-то незримый и бездыханный все же объявился в этих четырех стенах. Но кто?

Охота поспать еще часок-другой сама собой прошла, и я, не включая света, лежал в глухой замшевой темноте своего жилья, где слабой синью проступало единственное окно, стекла которого слегка мерцали от боковых лучей невидимого мне дворового фонаря.

И тут новая бесовщинка. На фоне темного окна, как раз там, где сходятся створки, а к шпингалету приторочен горшочек с традесканцией, в ее обникших локонах отчетливо засветился золотистый огонек, как если бы некто, спрятавшись в зарослях, нечаянно пыхнул сигаретой. Вспышка тотчас погасла, но по прошествии четверти или даже полуминуты “сигарета” воспылала вновь, но чуть выше и несколько правее. Потом верну-

лась прежняя темь и традесканция снова растворилась в глубокой синеве окна.

Однако после той же четверти или полуминуты все повторилось: кто-то снова курнул в листе и следом еще пыхнуло чуть выше и правее...

От всего этого я приподнялся и кулаком подпихнул подушку, чтобы не приливало в голову. Понаблюдав за всем этим перемигиванием и не найдя подходящих объяснений, я успокоил себя своим старым и надежным правилом, что если не суетиться, не впадать в мистическую панику и не покрываться испариной, то постепенно все разрешится и обретет трезвую ясность. Именно на этом стоит и развивается миропонимание. И действительно, как только я осенил себя этой истиной, так тотчас и вспомнил, что на том месте, где вспыхивают огоньки, как раз на уровне традесканции, висит на нитке "крокодилчик", которым обычно прищепляют занавески, я же в недавнее летнее время, в знойные дни, когда солнце нещадно било в окно, прикусывал этим зубастым устройством плотный лист бандерольной бумаги и передвигал его вдоль карниза по мере надобности, создавая затененность на своем столе, на листе писчей бумаги. Он-то, поворачиваясь на нитке своим никелем, и отражал свет дворового фонаря — то выпуклой спинкой, то спустя некоторое время — бочком, на котором у него имелись округлые уши для скрепляющей оси. Вот и всё! Вот тебе и все "кобиясы"!

Да, но кто же заставил вращаться этого крокодилчика? Ведь еще вчера он вел себя смирно, и я даже забыл о его существовании. И только этой ночью он принялся "покуривать" под покровом традесканции...

Я выскользнул из-под одеял, подбежал к батарее и с ликующей догадкой цапнул ее рукой: так и есть — затопили!

Так вот, оказывается, какой теплый и пушистый пожаловал ко мне Тихон на рассвете!

сказ о хлебе насущном

Еще у калитки изба повеяла житным теплом, как бывало на большие праздники. В кухне уже было прибрано, печное устье задернуто занавеской, а на столе, под волглой дерюжкой отдыхали выставленные хлеба.

В детстве я всегда старался не пропустить этого радостного момента. Мать время от времени подходила к таинственно молчаливой печи, в черной, выметенной утробе которой совершалось нечто необыкновенное, томительно-долгое, приоткрывала на пол-устья жестяную заслонку и легкой осиновою лопатой поддевала ближайшую ковригу, размягчившуюся, глянцево мерцавшую округлой коркой. Она брала хлебину в руки, от жаркости подбрасывала ее, тетёшкала, перекладывала с ладони на ладонь, после чего, дав поостыть маленько, подносила к

лицу и, будто кланяясь хлебу, осторожно прикасалась к темно-му зажаристому верху кончиком носа. Невольно прослезясь, мать тотчас отдергивала лицо, и это означало, что хлеб еще не в поре, полон внутреннего сырого жара и надо снова отсылать его в печь. Мать сначала робко, а потом все смелее прижималась к ковриге носом, наконец и вовсе расплющивала его, терпя, не уступая внутреннему ржаному пылу. В такую минуту лицо ее радостно расцветало, и она, то ли самой себе, то ли всему дому, объявляла: "Слава тебе..." С легким шуршанием хлеба один за другим слетали с лопаты на выскобленную столешницу, и сначала кухня, затем горница и все закоулки в избе начинали полниться теплой житной сытостью, которая потом проливалась в сени, заполняла собой двор и волнами катилась по улице...

О ПОЭЗИИ

Настоящая поэзия мне всегда представлялась... хорошо прожаренным ржаным сухарем. И пусть вас не пугает это сравнение. В отличие от сырой буханки хлеба из него выпарено все лишнее, оставлено только сухое концентрированное вещество. Да, о сухарь иногда ломают зубы и дерут рот. Но какая же это поэзия, которую, как размазную, заглатывают, не жуя! Зато не забыть аромата, когда разжуеть кусочек! И дымом, и домом, и полем, и Русью, и вольной волей повеет от каждой его крошки. И ты изумлен: из чего?

Вообще-то многие пытаются разгадать это "из чего?" Из чего рождается поэзия? Откуда в ней этот непостижимый аромат "и дома, и дыма"? И не только разгадать, но и вожаделенно проникнуть в ее горячий цех. Иные даже умудряются заручиться контрамарками в виде членских билетов, которыми удостоверяется поэтическая личность. Но, увы, справка, даже с печатью — это еще не доподлинное свидетельство. И нет такого учебного заведения, где бы научили, как это делается. Как поддельваться — этому еще научиться можно. Но подобная дипломированная мимикрия сразу же линяет, как только она оказывается перед лицом читателя. Мудрая природа искусства избегает опасного перенаселения, которое ведет к пресыщению и девальвации и самого искусства. Один из моих друзей заметил, что если бы все небо было сплошь усыпано звездами, то мы не увидели бы самих звезд. Истинный талант редок и будет редкостью вовеки и потому он имеет значимость всенародной ценности.

Лес велик, бесчислен в нем деревья, кустарников и всяких цветов и трав. Каждое из этих растений по-своему прекрасно и полезно. Но в том-то и дело, что их много, потому они своим сообществом и составляют лес. А вот женьшень в этом лесу может оказаться всего один корешок. Или вовсе не оказаться. Видимо, и здесь, в лесу, природа позаботилась о том, чтобы избежать

пресыщения и не дать каждому лопуху мнить себя корнем жизни.

ТРАВНЫЙ ВЕТЕР

В послевоенную неустроенную пору откололась от родной деревни тетушка моя Валентина. Не выдержала молодая девушка лебеды, завербовалась, куда глаза глядят, и завез ее радель-оргнабор в озерно-скальную Карелию. Там она заделалась заправским подрывником, нажила семью и до самой пенсии и в снег, и в дождь прочертоломил в каменном карьере. Ходила она в заклёклой брезентовой робе, железной каске поверх платка и с милицейским свистком на шее, дабы никто не угодил под тротилловую шашку. Ушла на отдых вся простуженная, держась за негнущуюся поясницу, охая и шутейно припевая: "Долго будет Карелия сниться..." И лишь тогда только наконец вырвалась на родину — через тридцать шесть лет!

Ну конечно, воды за это время утекло много. Приехала в прежнюю свою деревню, сама никем не узнаваемая, ничего и никого не узнавая: все переменилось, перестроилось, ни одного знакомого дома на деревне, ни одного знакомого лица... Собаки, и те все другие. Глядит вокруг тетка Валентина, волнуется, силится что-то вспомнить, вздыхает горестно, и слезы произвольно катятся по ее заветренному широкому лицу, капают за тучную пазуху.

— Ох, девки милые! — всплескивает она руками. — Хорошо-то у вас как! И все скопом живете, на прежнем месте. А вот я, сорока, куда залетела... Да чего теперь, жизнь прошла-пробежала. Там у меня дом, внуки, корова теперь рогами в дверь тычется, хозяйку ждет. А все ж душа моя напополам разрывается. Тут-то мне все роднее. Вон и небушко без хмари, и ветер наш, травный, покосный. Чуете? Живой чебрец!

Она шумно, глубоко вздыхает, ловит распахнутым ртом, всей грудью полуденный ветер и, не вытирая слез, говорит:

— Вот полечу обратно, теперь, видать, уж насовсем. Не свидимся больше. Ничегошеньки мне не дарите на прощанье, ничего мне не надо, все у меня есть: шмутки, полированная скарбота... Только дайте набрать землицы! Хоть горсточку, хоть щепотку. Я ж по ней бегала босой да несмышленной. А теперь и мама наша под ней лежит... Повезу с собой жменьку — хоть когда прикоснусь, понюхаю. А не то в слабую минутку потужу-погорюю, что так у меня нескладно получилось...

ВЕЧЕРНИЙ РЕЙС

Уже надвечер самолет взлетел над Быково и взял курс в нашу, южную сторону.

На высоте трех тысяч метров мы снова увидели солнце, которого там, внизу, когда нас провожали на посадку, уже не бы-

ло. Показавшись над горизонтом в полдиска, оно осветило правый борт и залило салон тревожным багровым отсветом. Был как раз тот момент, когда с земли, уже окутанной сумерками, мы, летящие в пустынном вечерющем небе, кажемся загадочным раскаленным крестиком.

Здесь еще можно было читать без плафонов, и кое-кто зашуршал страницами. Но я никогда не занимал себя чтивом в дороге, особенно в поезде. Для меня самая лучшая, самая интересная книга — за окном.

Мое место оказалось у иллюминатора по левому борту, откуда закатный свет не мешал смотреть вниз. Я рассчитывал взглянуть на осенние, в разгаре золотой поры березовые леса, которые здесь, под Москвой, пока еще не редкость. Даже с такой высоты должны быть видны их пространные огненные разливы с прожилками дорог, просек и лесных речек. Но под крылом уже надвинулась легкая, кисейная синева, постепенно густеющая к востоку, где небо, готовясь к ночи, обрело свою отрешенную аспидность. Там, под его мерклым покровом, уже зажглись первые огни и пунктирно обозначились невидимые дороги бегущим светом автомобильных фар.

Минут через пятнадцать полета впереди по курсу в загадочной сини земли молнией взблеснула река. По широким, плавным извилам, свойственным большим рекам, я узнал Оку. И сразу же отвесно внизу начал ртутно поблескивать, суетливо петлять левый ее приток — Нара. То, что это на самом деле была Нара, подтверждалось знакомым скоплением огней вблизи ее устья.

— Уже Серпухов, — сказал я тучному соседу, перекатывавшему во рту взлетную карамельку.

— Ну? Не может быть! — сосед взглянул на часы. — Мы же только что взлетели.

— И все-таки Серпухов, — настаивал я. — Уж что-что, а Серпухов-то ни с чем не мог спутать: в сорок пятом я полгода провалялся в одном из его госпиталей. Да и что там путать: где Ока и Нара, там и Серпухов.

— Если это уже Серпухов, — возразила женщина позади меня, — то что же тогда вон то?.. Видите, впереди?

Действительно, мы еще не потеряли из виду первое скопление огней, как впереди, сначала неясным желтоватым заревом, а потом и бисерной россыпью обозначился другой город.

— Тогда что это, по-вашему?

— Надо думать, это Таруса.

Салон оживился. Сидевшие по борту припали к иллюминаторам.

Все оживленно заговорили, заспорили. Уж слишком невероятной казалась такая сиюминутная близость городов.

В конце концов вызвали бортпроводницу. Та выслушала суть разногласий, улыбнулась и отправилась к пилотам. Но

пока она там выясняла, а пробыла она в пилотской не более двух-трех минут, самолет уже летел над вторым светящимся очагом.

— Да, товарищи, — объявила она. — Пять минут назад мы пролетели над Серпуховом. Сейчас под нами Таруса. А впереди уже виден Алексин. Только, пожалуйста, не вставать, всем сидеть на местах.

— Да, правда, впереди опять виден город, — как-то потерянно удивилась женщина за моей спиной. — Какая все-таки маленькая наша земля... Даже не по себе как-то...

Я забыл сказать, что возвращался с большого форума в защиту мира. Там тоже было сказано о малости и незащищенности нашей планеты. Когда об этом говорят сразу столько авторитетов на многих языках, на душе становится неуютно и тревожно от приведенных цифр и фактов. Но даже тогда так остро и зримо не почувствовал этой малости, как сейчас, когда видел под собой почти сразу три русских города. Живя там, внизу, привычно пользуясь земными мерками, преодолевая земные версты, порой такие трудные и обессиливающие, мы с самого детства обманываемся огромностью нашей обители, ее туманными далями и расстояниями. А она, оказывается, так мала и все ее километры так опасно преодолимы!..

И в наполнившемся сумерками салоне надолго воцаряется сдержанное безмолвие.

малая родина

Вот пишут: малая родина... Но что это такое? Где ее границы? Откуда и докуда она простирается? Как исчислить, измерить, обсказать?

По-моему, малая родина — это окоём нашего детства. Увиденная, услышанная и восчувствованная первореальность. Та округа под чашей лазурного неба, которую способно объять мальчишеское око и вместить в себя чистая распахнутая душа, где эта душа впервые удивилась, обрадовалась и возликовала от охватившего счастья быть на земле. И где впервые огорчилась, обронила первую слезу, разгневалась и пережила первое потрясение.

...Тихая деревенская улица, отчий дом в ее ряду под неохватной ивой. Тесный магазинчик на выгоне, маняще пропахший мятными пряниками, ремённой сбруей и бочковой седелкой, неприхотливая семилетняя школа под светлой сенью берез, куда еще только предстояло ходить первоклашкой, обветшалая церковь с погостом, где в зачащенной сирени едва видны дерновые надгробья прежних жителей, уже отбывших свое...

А за околицей — машинный двор, куда всегда тянет пробраться, тайком посидеть в кабине трактора, потрогать рычаги,

блаженно повдыхать еще теплый запах наработавшегося мотора.

А дальше — сбегающий по склону артельный сад, еще дышащий сушью знойного дня, разогретой вишневой смолкой, которую можно жевать, и уже налившимися яблоками, мерцающими багряным лоском в обвядшей куще листвы.

Ну а внизу, за садом, — луговая вольница, травяной ветерок, медвяная цветь подмаренника, тугой перегуд шмелей и маревный, дремотный звон овсянок. И наконец, речушка — петлявая, увертливая, не терпящая открытых мест и норовящая улизнуть в лозняки и калину. А если не жалеть штанов и рубахи, то можно продраться к старой мельнице, где сквозь дощаные мостки и дверные проемы бойко бьет малиновый кипрей. Здесь тоже не принято говорить громко: и теперь еще в омуте обретается водяной Никиша. Сказывают, будто по темным ночам можно услышать, как в глубине мельничного острова сопит и тужится он, норовя столкнуть в омут уже никому не нужный жернов...

За реку забредать как-то не повелось: на высоком убережье — другая деревня, иной, запредельный мир. Его обживают свои вихрастые окоёмчики, на глаза которых поодиночке лучше не попадаться...

Разумеется, у каждого человека — своя малая родина, и ее приметы тоже разные.

Но такого невеликого окоёмного обиталища вдосталь хватает всем, чтобы за Божий день набегаться и навпечатлаться до предела сил, когда за вечерней кружкой молока начнет безвольно клониться опаленная солнцем и вытрепанная ветром неуемная головушка, и мать подхватит исцарапанное, исклеванное паутами, пахнущее розогом и тиной обмякшее чадо и понесет к постели, как с поля боя уносит павшего сестра милосердия.

И видится жарко разметавшемуся чаду, будто взбирается он на вековую ветлу, что укрывает собой и дом, и половину двора, и часть взгорка под окнами, и осыпает по осени чуть ли не весь околоток позолоченным листом. Напряженно побелевшими пальцами мальчонка впивается в грубо испещренное корье старого дерева, сыро, тленно дышащего разверстым дуплом, ощупывает каждый подходящий выступ, каждый отмерший сучок, чтобы, упиваясь сладостным чувством одоления, подняться выше тех отметин, где он уже побывал в прежние свои восхождения. Но чем дальше влезает он, зелена и мочала на себе майку, тем все меньше попадается подходящих зацеп, тем глаже и неприступней становится главный стволый кругляш, несущий на себе основной разброс вершинных веток, за которыми сквозь зыбкий полог шепотливой листвы маняще млеет синь летнего неба. Закусив губы, он упрямо подтягивается на немеющих руках до очередного ответвления, забрасывает туда ногу и, переводя дух, торжествуя поглядывает вниз, на покину-

тую им повседневность подворья, на вышедшую из сеней мать с тазиком постирушек...

И вот с замиранием сердца он обхватывает самую последнюю ветвь, дерзко устремленную ввысь и осыпанную пригоршней узких трепетных листьев, похожих на речных рыбешек. Вольные верховые листья неугомонно полощутся в солнечной синеве, взблескивая то темно-зеленой лаковостью, то белесой матовостью изнанки. Раскачиваясь из стороны в сторону от собственного веса, он с ликующей жутью оглядывается окрест, чтобы наконец-то увидеть, а что же там дальше, за окоёмом, где он еще не бывал?..

И как это случается в мальчишеских сновидениях, опорный боковой вырост вдруг издает изморозный треск и прослабленно уползает из-под ноги...

С запавшим дыханием и невыплеснувшимся воплем, ломая и руша встречную неразбериху ветвей и сучьев, мальчонка немом низвергается в зеленую пучину. Самое страшное в таких снах вовсе не превращение сердца в ледышку, не мерзкое чувство своего бессилия что-либо сделать, а роковая цепенящая невозможность позвать маму. Вон же она, под деревом, ничего не ведая, развешивает на нижних ветвях его же штанишки и рубашонки. Услыхав зов, она, конечно, протянула бы навстречу свои руки. Но он, пораженный немотой, не в силах даже разомкнуть рта...

Пронизав толщу кроющего купола, мальчонка промелькивает белой майкой в межъярусной пустоте, и в это ничтожное мгновение он невольно по какому-то неосознанному велению успевает разбросать руки подобно выпростанным крыльям. Небесный ветер упруго и бережно подхватывает этот крестик, возникший из тельца и распято раскинутых ладоней, и мальчонка начинает ощущать, как он наполняется небывалой легкостью, и впервые вдыхает полной грудью.

И вот он уже парит, парит, оставив в стороне ветлу, свершает захватывающие развороты над полуденной деревенькой, над россыпью сенных стогов, охваченных фольговой перевязью речушки, над голубинкой мельничного омута, на дне которого затаился водяной Никиша, — над всем тем, что изведано и неведано дотоле.

Близкие облака спяют белизной, овеают влажной прохладой, вкусно пахнут первозданным снежком. Нарастающая высота хмелит и полнит ликующей радостью бытия.

— Мама, это я! Я лечу-у, мама!..

Алла МИТРОФАНОВА

“Нехорошая” квартира

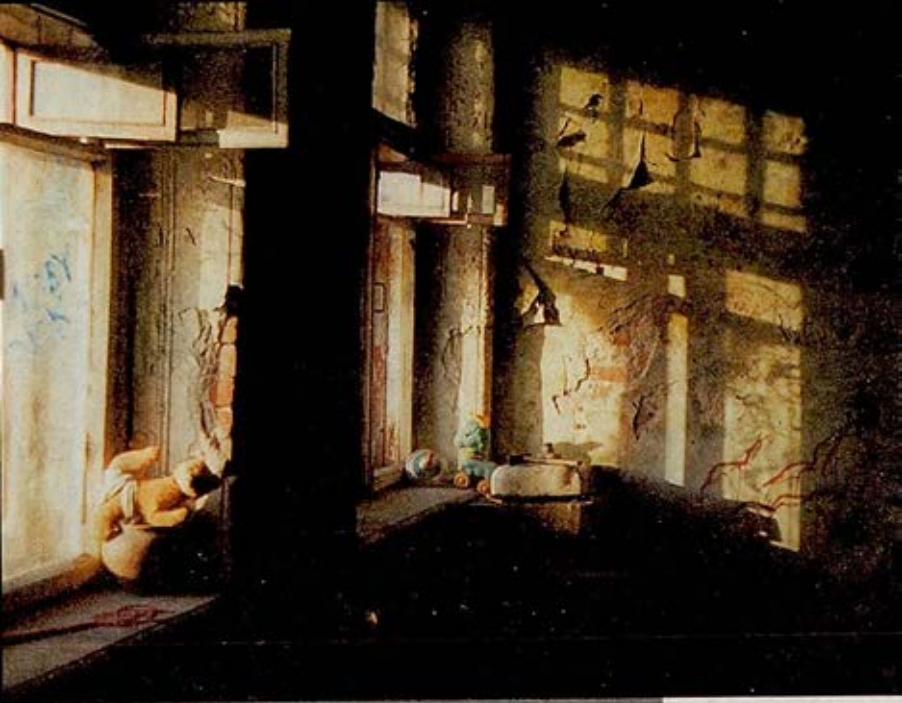
Черт возьми, есть здесь электричество?" — ругается очередная жертва крутых ступенек в исписанном подъезде. Полумрак. Постепенно просачиваются белые и черные, расплывчатые и редкие буквы. Надписи обступают со всех сторон. Великий роман Булганова буквально перенесен на стены, "процитирован", если хотите. Лай собаки в нижнем этанже, крики соседей: опять, мол, в нехорошую квартирну посетители! Из угла — мяу! — кот растворился в подлестничном мраке. "Черт возьми, да где здесь выключатель?" — снова проклятия (простите, месьир!) и — наконец-то! — последний этанж, освещение, квартира № 50, та самая, где состоялся бал сатаны и где жил Булганов. Ее окрестили "нехорошей", должно быть, не случайно. Помните, в старой песенке: "Как вы яхту назовете, так

она и поплывет"? Оправдал ли себя вызывающий эпитет? Посмотрим.

Знаменитый дом на Большой Садовой отмечен с внешней стороны лишь мемориальной доской. Скучная информация о легендарном жильце. Но стоит свернуть во двор, как на вас потоком обрушатся красноречивые свидетельства того, что "дело нечисто".

Во-первых, обилие стеновых надписей. Повылезли наружу, не найдя себе места в подъезде, и лихо разместились под оннами. Местная достопримечательность — отрывок чьей-то исповеди: "Мастер, у меня была настоящая Маргарита!" Вот счастливчик-то!

Во-вторых, атака со стороны местных жильцов. Предприимчивый народ без всякой помощи черной магии вынуживает деньги из посетителей, ссылаясь на бедственное положение, жилищную

близость к "нехорошей" квартире и постоянные беспокойства полусумасшедших фанатов. Совет здесь может быть один: не поддавайтесь на подобного рода уловки! И если бойкий мальчуган станет выпрашивать у вас деньги на неросин или подсолнечное масло, то это не по бедности, а скорее по хитрости. Еще и марну при этом держит.

Да, похоже, не меняются наши люди. Спроецировать булгановских героев на современность — и выйдут сегодняшние жильцы один к одному. В тех же дворах и квартирах — ругань на кухне по ночам и дележка жилплощади. Но Булганов тогда с непривычки оказался в легком шоке от своих соседей. Помните? Тихий мент в целом неприметен, ведет размеренно стучащий образ жизни. Проститутка Дуся держит

поросенка в своей комнате, а мужа и сына — в соседней (эта дама и есть ближайшая соседка Булганова). Пекарь щедро покрывает синяками жену-собутельницу, та визжит не хуже душиного борова. И, конечно, Аннушка Горячева, самогонщица, "чума с Большой Садовой", мастерица на всяческие случайные неприятности (например, устроить пожар). Была еще одна легендарная соседка — старушка-миллионерша. Сейфам не доверяла, сокровища, якобы, спрятала в пол, за что и поплатилась, убита грабителями. Кровавое пятно — след страшного преступления — навечно впитано паркетом, который с тех пор ни разу не обновлялся.

Как видно, все соседи вели достаточно активный образ жизни. Михаил Булганов был, пожалуй, самым тихим среди них. Но и

в его дверь частенько стучали твердые кулаки: путали комнату с соседней — дусиной приемной. Говорят, однажды ее поросенок выскочил в коридор и с визгом носился по длинному проходу. Об этом, а также о пожаре и о многом другом из жизни квартиры № 50 читайте в рассказе "Дом № 13 Эльпитрабноммуна".

Но не только эти герои увеночены Булгаковым. Швондеры, берлиозы и литературные критики тоже списаны с реальных лиц. Так что же ответить Воланду на вопрос, изменились ли москвичи внутренне? — Да черта с два они изменились (простите, мессир)! А, впрочем, решайте сами.

И все-таки есть одно существенное отличие от тех далеких уж времен — жилищно-бытовое. Огромные квартиры в знаменитом доме — больше не коммуналки. Живут здесь одна — максимум две семьи. А в квартире № 50 размещается Фонд имени Булгакова, который носит статус международного. Директор фонда — крупнейший булгаковед М.А. Чуданова. Именно ей пришла в голову идея создать в квартире музей и официально открыть его для посетителей. Заслуга организаторов в том, что здесь царит атмосфера скорее романа, чем коммуналки. Стильное оформление, антиквариат, афиши и программки спектаклей по пьесам Булгакова, выставки картин молодых художников... Любопытное зрелище.

Путешествуем из комнаты в комнату. Почти все они сохранили характер жильцов: у Дуси чаще всего собираются молодежные тусовки, в комнате с кровавым пятном выступают ученики студии

МХАТ, а чайная там, где размещалась кухня. Есть еще интересный закуток — комната с окном, не выходящим нигуда: между ним и соседней стеной — щель. Точно в такую Николка спускал документы и пистолет в романе "Белая гвардия".

Ванной комнаты как не было, так и нет. Да и откуда ей взяться? Дом, построенный в 1903 году, ни разу не подлежал капитальному ремонту. Возведенные на совесть стены еще держатся молодцом, а вот крыша сдает. Живописная дыра образовалась как раз над одной из комнат "нехорошей" квартиры. Это результат бурной чердачной деятельности обитавших здесь хиппи. Ныне она залатана, но след сохранился. Другая потолочная беда — пятно в подъезде. Залило во время дождя. Но и оно прижилось и прекрасно гармонирует со стенами. К тому же, форму имеет интересную: не то облака, не то человека. Более узнаваемы портреты рукописные: Азазелло, Коровьев, Марго... Ранее здесь красовался и Воланд. Но стены неоднократно подвергались варварскому замазыванию (недовольные соседи выражали так свой протест), и теперь мессир покрыт двумя слоями новых надписей.

По цитатам и высказываниям можно судить о весьма различном уровне интеллекта посетителей. В наследство от нелегальных тусовок 80-х подъезд получил стихи Ахматовой, посвящения Булгакову и Елене Сергеевне. Рядом с ними — универсальные формулы любви и фразы на все времена о примусе и степени свежести продуктов. А между 3-м и 4-м этажами красуется яркое "Антракт, не-

годяи!", по совместительству звучащее в спектакле студентов ГИТИСа. Множество "криков души": публики здесь всегда была эмоциональной. И разношерстной. Еще будучи бесхозной, квартира привлекала массу людей разных поколений, и особенно фанатов отечественного рока (здесь бывал и Б.Г.). Теперь это излюбленное место посещения иностранцев, студентов и представителей других литературных фондов. Для них организуются ленчи и экскурсии на Патриаршие пруды. Прекрасный материал для дискуссий — на какой скамейке пили абрикосовую Бездомный и Берлиоз. Для более

тонких знатоков — поиск турникета и трамвайных путей, которых здесь никогда не было. Впрочем, желающие могут считать их нашедшими в четвертое измерение.

А квартире и Фонду и в нашем миру места вполне хватает. Поле деятельности расширится вскоре благодаря филиалам за границей. Сегодня члены Фонда заняты поисками инвесторов. Значит, не так плоха "нехорошая" квартира, если есть в ней доброе начало? У Фонда множество проблем, но как же без них-то? И если свято место пусто не бывает, то почему бы и Булгакову не обрести наконец вечный приют? ■

Сергей ГОНЧАРЕНКО

* * *

*Рвется пятен родимых
пуповинная нить.
Никого из любимых
не хочу хоронить.
Отче, в пищу надежде
даждь хоть жеванный жмых.
Прибери меня прежде,
чем любимых моих.
Но, слукавив немного,
слезы им осуши:
заслужил, мол, у Бога
я бессмертье души.
И шепни мне полслова
хоть в раю, хоть в огне,
что они все здоровы
и не плачут по мне.
Дай мне, Боже, хоть это
для начала — а там
научусь с того света
помогать им и сам.*

* * *

*Свет себя изо тьмы добудет,
и да будет свечою мрак.
Я не верю, что так и будет,
хоть и знаю, что будет так.
Да развеется зимним страхом
улетающей стаи дым.
Я не верю, что стану прахом,
хоть и знаю, что буду им.*

* * *

*Когда след в след за неудачей
идет провал, а то и крах,
и, раз начав, начать иначе
не поспеваешь впопыхах,
и все не в масть и как-то криво,
а то и наперекосяк,
и так недалеко до срыва,
что Божий дар в тебе иссяк, —
и вот бы ливень, и грозу бы,
но сухо в небе и во рту, —
тогда есть шанс, что, стиснув зубы,
взойдешь на эту высоту.*

ARS CONVERTENDI

*С левобережия на правый
отвесный берег у реки*

стань, переводчик, переправой
для поэтической строки.
Мостов тут нет. Паромов — тоже.
И брода явно не найти.
Легко уйти на дно... Но все же
трепещет призраком пути
тропа луны — как озаренье:
мол, вот моста живая плоть!
По ней пройдет стихотворенье,
как по воде прошел Господь.
О, нарушители границы,
переведенные стихи!
Зря с подлинником вам сравниться
мешают мнимые грехи.
Не вы ли подвиг совершили,
прошествовавши по воде,
не беспокоясь о настиле
и уж тем паче — о ладье?
Не важно, пальма ли, ольха ли
теперь вас приняли в свой лес.
Важней, что вы не сплеховали,
когда речной вас путал бес.
В упор не видя водяного,
вы перешли пучину вброд,
и вот — любое ваше слово —
источник, а не перевод.

* * *

Сквозь зелень листьев льет июльский дождь.
Окно, оно его картине — рама.
В сырой земле, в одной из мокрых роц
растворены мои отец и мама.
Растворены, и крепко на затвор
к ним от меня пока закрыты двери,
и лишь через окно в зеленый двор
мой взор как будто ищет две потери.
А дождь — хотя и весь он из воды,
он все-таки лишь ливень, а не море:
в нем нет солоноватости беды
и горечи доподлинного горя.
Но кажется, что льется этот дождь
с небесной высоты под землю прямо...
В сырой земле в одной из мокрых роц
растворены мои отец и мама.

* * *

И всего-то сто шагов до храма...
Только все же тем, кто во плоти,
не пройти их по подобию шрама,
по рубцу последнего пути.

*Дай-то Бог хотя бы нашим душам,
отделившись от наших тел,
в храме, что был нами же разрушен,
обрести посмертно свой удел.*

*Шагомером этот путь не мерьте:
кто из тех, кто жив еще, готов
доползти на брюхе до бессмертья
по ножу длиною в сто шагов?*

* * *

*Как лыжи по лыжне, по белизне
листа скользит гусиное перо, —
но все, чем бредил почерк в полусне,
наутро явит нудное нутро.*

*Скрипит перо. Роняет воск свеча
на рукопись, не убранную в стол,
и, щекоча тщеславье рифмача,
горит вдали бесхозный ореол.
Заумный и занудный сумасброд
с пером жар-птицы в мёрзнувшей руке...
Но лишь ему дано нащупать брод
поэзии в безжизненной реке.*

* * *

*Опади, раболепье холопье,
с нас в палатах и в чаде корчмы...
С неба падают снежные хлопья,
будто белые листья зимы.*

*Опади — пусть мы станем нагими,
как декабрьские ветви берез...*

*Белый парус пурги, помоги мне
дать ответ на заветный вопрос:
как случилось, что снежная вьюга
так вот запросто вдруг погребла
под собой виноградники Юга,
да и винные все погребла?*

*Опади же ты с нас, раболепье,
шелухой, чтобы чья в чем вина,
стало видно, и смерть наша в склепе
припасла бы нам вдосталь вина.*

*Все вели мы себя не невинно,
но не подло, так пусть уж хоть там
мы отведаем тонкие вина,
позабыв фронтовые сто грамм.*

*Всё бои, всё борьба или битва
то за званье, то за урожай...*

*Но пускай не понятна молитва,
все же шепот ее уважай.*

*Ибо даже и рвенье холопье
не спасет от сумы и тюрьмы...*

С чьей же кроны все падают хлопья,
словно снежные листья зимы?

* * *

Прозрачней ветра, легче дыма,
неосязаемы, они,
езде присутствуя незримо,
душе и воздуху сродни.
Как нет без воздуха дыханья,
как мысли без души темны,
как без живой воды декхане
среди песков обречены,
так и мирской текущей гущи
безжизнен был бы наш уклад, —
но нет: они уж тем, что сущи,
все сущее животворят.
Молекулы пересечения
миров они? Биополя?
Не знаю... Но без их свечения
святых не знала бы земля.

* * *

Окончен год. Начнем с начала.
Вернемся к чистому листу,
где бы ничто не разлучало
нетленное и суету.
Все рубежи, межи, границы
и разветвления пути, —
все впереди... Еще хранится
ключ от различий взаперти.
Еще ни разу выбор между
тем и другим не совершен.
Еще питающий надежду
пока нисколько не смешон.
Зато уже смешны обиды
на все, что было в том году,
и чуют фибры, что флюиды
сменили вектор и звезду.
И даже то пока что зыбко,
в чем твердо все убеждены.
Еще ни выбор, ни ошибка
не знают за собой вины.
Начнем и мы с начала тоже.
Исправим список дел и тем.
...Но дней шагреновая кожа
все съезживается меж тем.
И ладно. Это не причина
с нуля не строить новый храм,
хотя несущая нас льдина
так явно тает по краям.

Любовь РУСЕВА

ПОЭТ-ДИПЛОМАТ

рисунок **Геннадия Новожилова**

“...Ваше императорское величество подлинно в нем изволили потерять верного раба и весьма искусного ученого и министра, — доносил о смерти русского посла в Париже его секретарь Гросс. — Здесь таким обще все его почитали, и понеже к превосходным качествам ума присовокупление гораздо приятное обхождение со всеми людьми, а особливо с своими друзьями, обще же в городе и при дворе сожалеют о преждевременной его смерти...”

Эти слова прозвучали 31 марта 1744 года, в день, когда скончался 35-летний князь Антиох Дмитриевич Кантемир — первый светский поэт на Руси, дипломат, ученый и переводчик. Он был младшим сыном господаря Молдавии князя Дмитрия Кантемира и княгини Кассандры, урожденной княжны Кантакузен. Род Кантемир ведет свое начало от легендарного Тамерлана. По линии матери Антиох был потомком византийских императоров.

Столь знатное происхождение и воспитание позволили ему сыграть особую роль в развитии русской культуры и дипломатии.

...Знойным днем 12 июля 1711 года 38-тысячную русскую армию, окруженную 180-тысячным турецким войском, облетела неправдоподобная весть — турки заключили мир! Возбужденные, перекидываясь шутками, солдаты форсировали реку — владения Порты остались позади. Но было в армии несколько тысяч человек — молдаване, которые с тоской оглядывались: кто знает, удастся ли вернуться на родину?

Особенно тяжело было на душе молдавского господаря Дмитрия Кантемира — он потерял все — Отечество, престол, состояние, библиотеку... Деда его убили турки, отца повезло больше — умер на престоле своей смертью, что было редким для господарей Молдавии. Что станет теперь с его княжеством? Что ждет его соотечественников, которые покидали Молдавию вместе с ним?

Султан потребовал выдать господаря-изменника Дмитрия Кантемира — без этого русских не выпустит.

— Я лучше уступлю туркам... всю землю... до Курска, нежели выдам князя, пожертвовавшего для меня всем своим достоинством. Потерянное оружие оружием возвращается; но нарушение данного слова невозвратимо. Отступить от чести то же, что не быть государем, — был ответ Петра Великого.

Кантемир получает княжеское достоинство Российской империи с титулом Светлости. Он становится сенатором, тайным советником и доверенным лицом государя по делам Востока.

Князь был энциклопедически образованным человеком. Будучи заложником у турецкого султана*, Кантемир слушает лекции по истории, философии, богословию в греческой (патриаршей) академии; изучает языки (турецкий, персидский, арабский и

* В период турецкого владычества каждый господарь Молдавии обязан был посылать в Константинополь в качестве заложника сына или брата, что служило гарантом его преданности Порте. Таким заложником стал и Дмитрий, который прибыл в Константинополь в пятнадцатилетнем возрасте.

французский); увлеченно занимается архитектурой, музыкой, математикой, историей, философией и другими науками.

В России Дмитрий Константинович приступает к глубоким научным исследованиям в области экономики и права, государственного устройства и политики, войны и мира; проявляет большой интерес к естественным наукам. Его труды переводятся на многие языки, он избирается членом разных академий наук.

Во время Персидского похода Петра Первого князь являлся управляющим походной канцелярией царя. Он не только писал воззвания и манифесты к жителям Персии, не только переводил необходимые документы для Петра, но и занимался научными исследованиями, в которых ему помогал младший сын Антиох.

Во время похода у Дмитрия Константиновича обострился диабет, и он возвратился в свое имение — село Дмитровка Орловской губернии, где 21 августа 1723 года скончался на пятидесятом году жизни. Его похоронили в Москве в греческом монастыре...

...Поздней ночью Петр Алексеевич занимался в своей опочивальне, как вдруг за дверями раздались шум и яростный крик:

— Убью шайтана! Так ты верой и правдой служишь государю!

Петр бросился в соседнюю комнату и увидел у противоположной стены съжившегося на полу Антиоха, на которого с обнаженным мечом ринулся разгневанный отец. Царь одним прыжком настиг Кантемира и успел перехватить его руку.

— Ты, князь, мальчика не трожь! — рявкнул царь. — Жизни лишать моих верноподданных тебе воли никто не давал! С солдатом сим я сам разберусь.

Дмитрий Константинович считал, что сын должен с малолетства верой и правдой служить Отечеству, и заставил его вступить в действительную службу. В тот день одиннадцатилетний солдат лейб-гвардии Преображенского полка был поставлен на часах с ружьем и в полном обмундировании у опочивальни государя. Отец решил проверить, как сын несет службу, и ночью явился во дворец. К ужасу и стыду своему он обнаружил часового спящим сладким сном и прижимающим к груди книжку.

— Не гневайся, государь, но ты с ним по-царски, а я — по-отцовски шкуру с него спущу.

— Ишь, распалился! И за что же это шкуру с него спускать?! Княжич, ваша светлость, в тебя пошел. Ему науками заниматься, а ты его — в солдаты!

На этом военная карьера Антиоха прервалась, и мальчик все время стал отдавать учебе.

* В Походе принимали участие четырнадцатилетний Антиох и старшая дочь Мария, которая стала фавориткой императора. Как-то Петр неосторожно заявил, что если родится сын у Марии, то он станет наследником Российского престола. Роды принимал врач, которого послала Екатерина I с приказанием, если родится мальчик, — задушить. Так оно и произошло.

Антиох Кантемир родился в Константинополе 10 сентября 1708 года. Первым его воспитателем и учителем была мать — высокообразованная женщина. Мальчик с детства говорил на нескольких языках, в семье же обиходным был греческий. Отец обучал сына математике, астрономии, физике и другим наукам, необходимым для военного поприща. Кроме того, ученый пристрастил сына к гуманитарным и естественным наукам и руководил его образованием до самой смерти.

Блестящая образованность и разносторонность интересов молодого князя поражали современников. Сам же он считал себя недостаточно образованным и в 1724 году обращается к Петру: “Крайнее желание имею учиться и склонность в себе усмотряю чрез латинский язык снискать науки, а именно знание истории древняя и новая и географии, юриспруденции и что к статусу политическому надлежит; имею паки и к математическим наукам немалую охоту... Но понеже вышеупомянутые науки ... удобнее приобретаются в знаменитых окрестных государствах академиях, требуется к ... пребыванию и денежное иждивение, а сиротство мое и крайний в деньгах недостаток ... вашему императорскому величеству довольно ведомы... того ради прошу хотя малое на таковое иждивение пожаловать”.

Но император, вопреки своему обыкновению, не согласился отпустить 16-летнего князя за границу, так как вскорости в России должна была открыться императорская Академия наук.

Антиох Дмитриевич поступает в гвардию. С открытием Академии молодой офицер посещает лекции приглашенных европейских светил: математику изучает у профессора Бернулли, физику — у Бильфингера, историю — у Байера, нравственную философию — у Хр.Гросса.

Служба в гвардии и обучение в Академии не препятствовали Кантемиру заниматься наукой и беседовать с музами. Ему еще не исполнилось двадцати лет, когда была написана первая сатира “К уму своему”.

Реформы Петра Великого освободили русскую литературу от опеки и вмешательства церкви, и первым светским поэтом на Руси по праву считается Антиох Дмитриевич Кантемир. Его сатиры клеймили врагов просвещения. Основой мировоззрения Кантемира была христианская философия и убеждение в высоком значении просвещения. Как активный политический деятель, писатель-просветитель, он не мог оставаться в стороне, видя пороки общества. “Не писать мне нельзя — не могу стерпеть”.

Кантемир мог с большим правом, нежели Ювенал, сказать, что “время” сделало его сатириком. Характером Антиох был кротким и сдержанным, обладал созерцательным и вдумчивым умом, и при этом в нем отсутствовали негодующее чувство и страстное отношение к конкретному факту, которые так необходимы для сатирика. Тем не менее, князь являлся основоположником сатирического направления в литературе, которое станет

доминирующим в XIX столетии и гениально разовьется Гоголем.

Последние два года пребывания в России Кантемир с большим вдохновением отдается научным исследованиям и переводам. Он оставил заметный след в математике, астрономии и философии. Антиох перевел труд Фонтенеля "Разговор о множестве миров", который представлял собой популярное изложение гелиоцентрической системы Коперника, тем самым впервые познакомил с этой теорией русское общество. Рукопись ученый отдал в Академию наук, но опубликована она была только спустя 10 лет — в 1740 году. В 1756 году этот перевод по приказу Синода был конфискован как атеистическое "богопротивное книжищице", сеющее "сатанинское коварство". В 1761 году книга вновь издана, а в 1802 году последовало третье ее издание.

Политика, проводимая правительством после смерти царя-преобразователя, не только затормозила реформы государства, но и поставила их под угрозу. Власть после смерти Петра перешла в руки верховников, которые установили олигархию.

25 февраля 1730 года в зал заседаний Тайного верховного совета с шумом ворвались несколько сот офицеров* во главе с князем Алексеем Михайловичем Черкасским. Князь громко прочел челобитную к императрице с требованием восстановить самодержавие.

Это эмоциональное обращение было написано Кантемиром, им же и собрано большое количество подписей в гвардии. Шаг этот сыграл важную роль в жизни молодого князя. Анна Иоанновна была ему признательна. "Первым знаком признательности, — писал аббат Гуаско, — полученной кн. Кантемиром от императрицы, было пожалование тысячи крестьянских дворов. Она награждала этим подарком не только А. Кантемира лично, но также его двух братьев и сестер, которые обладали весьма незначительной частью наследства отца. Это проявление монаршей благосклонности напугало придворных и особенно кн. Голицына, тестя Константина, старшего брата Антиоха; кн. Голицын опасался, как бы последний не воспользовался милостью к нему императрицы, чтобы возвратить поместья, несправедливо от него отчужденные. Убедили императрицу отправить его к какому-либо иностранному двору в качестве посланника. Искавшая только повода для вознаграждения А. Кантемира, она поверила тому, что это предложение исходит из чистых побуждений".

В дело вступил всесильный Бирон, который решительно поддержал это предложение, и императрица дала свое согласие послать князя в Лондон. Многие придворные, лично задетые сатирами князя, радовались этому назначению. Они потирали руки в уверенности, что 24-летний сатирик сломает себе шею. Образованность и ум — это еще не все. Поди, наладь дипломатические отношения с Англией, когда более одиннадцати лет назад Петр в

* По одним данным их было 150, по другим — 700.

сердцах разорвал их. Тут не рифмоплет нужен, а матерый дипломат.

1 января 1732 года Кантемир отправился в Лондон через Берлин и Гаагу. Начало дипломатической службы при дворе великой державы, в особенности такой, как Англия, было тяжким делом. О людях часто судят по первому впечатлению, а дипломат должен уметь поставить себя, чтобы занять в обществе почетное положение. Кантемир был уже известен в ученых кругах Англии, но как дипломату ему только предстояло себя показать. И он показал... Служба его начиналась в очень неблагоприятной международной обстановке — престиж России в мире резко упал.

Основные черты внешней политики, которую проводила Россия, были намечены Петром I. Еще при жизни царя в Западной Европе обозначилась коалиция враждебно настроенных к России держав, в которую входили Франция, Англия и Пруссия. В годы дипломатической службы Кантемира антирусская политика этих держав, и в особенности Франции, отличалась особенной активностью. Франция прилагала напряженные усилия с тем, чтобы создать антирусский блок из граничивших с Россией государств: Швеции, Польши и Турции. В сложившейся международной обстановке от русского дипломата требовалась особая предусмотрительность и гибкость, умение использовать существовавшие между западными державами противоречия. Кантемир, как оказалось, в полной мере обладал этими качествами.

Чтобы верно оценить блестящие успехи молодого дипломата, необходимо знать все трудности, вплоть до бытовых, с которыми ему пришлось столкнуться.

В Англии публичные аудиенции у короля отличались особой торжественностью. Нужно было иметь "лучший убор и экипаж", в передних комнатах дворца посла встречал королевский камергер вместе с церемониймейстером, которые провожали дипломата до той залы, где находились со своей свитой королева или король.

Представляясь английским монархам, дипломаты входили при шпагах и без перчаток, кланялись по-венециански, произносили речи и передавали в руки монарха верительные грамоты. Шляпы надевали, но "на один момент только".

Английские лорды, желавшие познакомиться с вновь прибывшим дипломатическим представителем, первые делали ему визит, но только после аудиенции. Ответные визиты лордам были обязательны. Кроме того, по сложившейся традиции дипломат вскоре после аудиенции и визитов устраивал несколько обедов — для статс-секретарей, для правившей партии и для оппозиции.

Одним словом — на все это необходимы крупные суммы. Содержание же дипломатов было мизерное (да и то зачастую задерживалось на полгода и более), поэтому все расходы оплачивались ими из своего кармана, приходилось и влезать в долги.

Жалованье Кантемира составляло 3000 рублей в год. Платили векселями, на чем терялось 500 рублей. За карету в год нужно бы-

ло платить более 600 рублей. Прислуга стоила дорого, цены на продукты питания — очень высоки. Кроме того, “ливрею надобно давать повсегодно, на всякий королевский и королевы праздники должен я быть в новом платье, понеже таков здесь обычай, и в старом платье в те дни ко двору показаться не можно... К тому, всемилостивейшая государыня, для интересов в-го имп-го в-а, должен я обхождение иметь с здешними господами и с чужестранными министрами, которое обхождение понуждает к чрезвычайным расходам...”. К этому нужно добавить, что для получения секретных сведений тоже приходилось платить немалые суммы.

Вновь прибывший посол должен был завести свой дом. Для приемов дипломатов других стран и влиятельных лиц Англии у Кантемира не было даже серебряного сервиза, и он просит императрицу выделить на его приобретение 700 фунтов с обещанием вернуть сервиз в казну, как только вернется в Россию. Кантемир написал императрице, что 3000 рублей недостаточно даже на полгода. Только через год русскому послу в два раза увеличили содержание, но и оно было недостаточным для установления близких отношений с богатыми влиятельными лордами.

Несмотря на это, князь вскоре сумел заслужить расположение английского двора, в особенности королевы Анны, и уважение обоих братьев Вальполей — могущественных министров, которые определяли внутреннюю и внешнюю политику Великобритании. С Горацием Вальполем Кантемира связывали тесные дружеские отношения. Европейская образованность, дипломатическая пронципальность, сочетавшаяся с прямодушием, благородство облика и глубина натуры — все привлекало в русском после. В Кантемире видели представителя интеллигенции новой России, и это не могло не способствовать признанию “России молодой”.

Прибыв в Англию, Антиох Дмитриевич сразу же окунулся в дела. В Лондоне он нашел в бедственном положении несколько десятков русских людей. Они были посланы туда когда-то правительством и совершенно им позабыты. Некоторым за долги угрожала тюрьма. С точки зрения посла честь России требовала их выручить. Он обращается к императрице, но его хлопоты не имели успеха. Кантемир вынужден оплатить долги из своего кармана.

Больших усилий от посла требовалось для опровержения клеветнических сведений о России, которые систематически распространялись прессой, а также международными авантюристами, состоявшими на службе у политических врагов России.

Кантемир добивается отправки в Россию на правах полномочного министра лорда Георга Форбеса вместо резидента Рондо. Благодаря ему из Константинополя был отозван английский посол лорд Кинкуль, который опасно интриговал там против России. Наконец Кантемир добивается заключения между двумя державами договора о дружбе, взаимной торговле и мореплавании.

В 1733 году умирает польский король Август II. Началась ожесточенная борьба разных Дворов за этот престол. Франция по-

тратила более миллиона ливров на поддержку своего ставленника Станислава Лещинского, во главе партии которого стоял французский посол маркиз Монти. В интересах России было не допустить избрания Станислава, который зависел от исконных ее врагов — Франции, Швеции и Турции. Россия выдвигает свою кандидатуру — сына скончавшегося короля.

В Европе запахло порохом. В случае вмешательства России в выборы Швеция, на субсидии Франции, готовилась ввести свои войска. Этим же грозила Турция, у нее наготове уже было огромное войско. В сложившейся ситуации крайне важно было убедить английский двор поддержать русского ставленника. Кабинет министров согласился, но при условии соблюдения свободы выборов.

Сейм большинством голосов все-таки избрал своим королем Станислава Лещинского — Россия ввела войска. Под канонаду русских пушек королем Речи Посполитой был избран Август III.

Русское правительство во что бы то ни стало желало заключить союз с Англией и настаивало, чтобы Кантемир этого добился любыми средствами. Зная ситуацию, посол ясно видит, что этого достичь невозможно: Франция еще очень сильна, чтобы Англия рискнула раздражить ее этим союзом. “Нынешнее министерство всеми средствами старается сохранить внутри и вне государства тишину, которую английский король парламенту своему и в прошлом и в нынешнем году обещал; поэтому я не надеюсь, чтоб против французского двора английский король захотел поступить открыто”, — докладывает Кантемир.

Несмотря на это, двор бомбардирует депешами посла с требованием вынудить англичан заключить союз. Кантемир отвечает, что ради престижа державы и государыни не может обращаться к английским министрам с предложениями, на которые заведомо ответят отказом. Министр иностранных дел России Остерман трактует это как нежелание посла подчиниться, и убеждает императрицу, что тот, не уважая ее, попросту игнорирует указания. Анна Иоанновна не довольна, на Кантемира посыпались выговоры и угрозы.

Польский конфликт затягивался, ожидалось появление французского флота в Балтийском море. От Кантемира вновь потребовали возобновить переговоры о союзе. Посол поневоле отправился к управляющему иностранными делами лорду Гаррингтону. Говоря об обоюдной выгоде союза, Кантемир убеждал:

— Россия не потребует ничего больше, как помощи одною эскадрою, если которая-нибудь из северных держав начнет против нее войну, а сама императрица причины к войне никогда не подаст... Таков союз не может быть в тягость английскому народу, потому что Великобритания для собственного интереса, для защиты своей торговли и без всякого обязательства принуждена будет посылать в Балтийское море эскадры, если мир на севере будет нарушен, как и не раз случалось.

— Союз может быть полезен только одной России, потому что если Англия подвергнется нападению, то от России не может

ожидать никакой помощи, ибо в кораблях и деньгах нужды не имеет, а перевозить русские войска в такое отдаленное место неудобно, — последовал ответ лорда.

В 1737 году Кантемиру поручили вести переговоры с французским послом в Лондоне по вопросу восстановления дипломатических отношений, которые были прерваны Францией в связи с польской войной. За успех этих переговоров 18 апреля 1738 года Кантемир пожалован званием камергера, он получает приказ отправиться послом во Францию.

Покидая Англию, дипломат подробно характеризует императрице английский двор. "... Король честен, праводушен, верен в слове и был бы неизменен в поступках, если бы нужда здешних законов и часто советы министров не отвлекали его в противную сторону. Вспыльчивость короля подала повод к раздору с сыном. Принц погрешает тем, что сообщается с противниками его. В руках господ Вальполей заключается все здешнее правительство. Старший брат Роберт добр, остроумен, а из парламентских дел его видно, что он искусен во внутреннем управлении. Зная склонность английского народа, он влечет его, куда хочет, особенно золотою уздой. В делах иностранных несведущ, почему и уважает брата своего Горация, бывшего во многих посольствах... Оба брата не любят войны; они опасаются и умножения неприятелей и того, чтоб власть их не перешла во многие руки. Они всем пожертвуют личным своим выгодам... Королю не нравится распространение Прусского Двора... Несогласие с Испанским Двором стараются утешить без войны. Но если Двор Испанский не удовлетворит купечества английского, то могут быть худые следствия. А потому братья Вальполи и пекутся о сем деле неуспышно, тем более, что если б воспылила война, то опасаются соединения Двора Испанского с Французским. Миротлюбивые сношения Франции с Австрией беспокоят английских политиков, но не министров. Они довольны тем, что Цесарский Двор не требует помощи от Англии, и что тишина европейская, хотя как-нибудь, продолжается. Они рады сей тишине и не заботятся о том, что после их случится. В переговорах к примирению России с Портою охотно приняли бы участие... однако же здесь очень не нравится, что Французский Двор особенно о том переговаривается, отчего и отъезд мой туда не совсем приятен".

Подобная информация помогла хорошо ориентироваться премнику Кантемира графу Семену Романовичу Воронцову, который выскажет пожелания всем начинающим дипломатам изучать реляции князя, представляющие собой истинно художественные произведения.

27 августа 1738 года Антиох Дмитриевич откланялся Георгу II и 7 сентября прибыл в Париж.

Шесть лет в Англии явились хорошей дипломатической школой для Кантемира, он с честью выполнил свою миссию.

И снова князя посылают посланником в страну, с которой необходимо было восстанавливать дипломатические отношения, разорванные по вине России, причем интересы держав прямо противоположны: Россия заключила с Австрией (исконным врагом Франции) союзнический договор, Франция находится в дружеских отношениях с врагами России — Швецией и Турцией. Держава в катастрофическом положении: кровопролитная война с Турцией продолжается, Швеция вооружается, чтобы напасть на Россию, пока она воюет с Портой.

Через год после назначения Кантемира послом в Париж нависла угроза разрыва дипломатических отношений между Россией и Францией. И только энергичная деятельность и дипломатическое мастерство князя предотвратили катастрофу.

Напряжение возникло из-за того, что в 1739 году в Силезии произошло политическое убийство — по приказу петербургского двора был убит шведский майор Синклер. Франция немедленно задержала отправку своего посла в Россию маркиза Шетарди.

Русский посол при шведском дворе Михаил Петрович Бестужев не раз писал в своих депешах о деятельности опасного шпиона Синклера и предлагал его уничтожить. Бестужев доносил русскому двору, что секретная комиссия Швеции решила отправить обещанный туркам за долг Карла XII корабль и 30 тысяч мушкетеров. «Неизвестно, какою дорогою поедет курьер с этими депешами. Я уведомился, что майор Синклер, который в прошлом году был шпионом во Львове и теперь сидит в секретной комиссии, сам предложил, чтоб его опять туда послать для наблюдения, что будет происходить в армии вашего величества. Слышу, что он отправился очень тайно, и, может быть, с ним пошлют дубликаты тех депеш, которые он может отдать туркам в Хотине, сам будет держаться около тех мест и шпионить, а поляков возбуждать против короля их и России, как он в прошлом году делал. Будучи великим злодеем и поносителем всей российской нации, он действует здесь против короля и министерства. Мое мнение, что его «анлевировать», а потом пустить слух, что на него напали гайдамаки или кто-нибудь другой. Я обнадежен, что такой поступок с Синклером будет приятен королю и министерству». Курьер действительно отвез депешу, в которых были инструкции шведским агентам, чтобы они не от имени короля, а сами собою внушали туркам не торопиться с заключением мира с Россией, пока войну ей не объявит Швеция. Бестужев настойчиво советует уничтожить Синклера. В начале июля двое из посланных офицеров «исполнили свою комиссию», но сделали это настолько неосторожно, что вся европейская общечеловечность поднялась против России. Швеция подготовила 22 линейных корабля и войско для отправления к российским границам. Убийцы курьера вручили его бумаги послу в Польше Кейзерлингу, который арестовал в Дрездене спутника Синклера — французского купца Кутурьера.

Из-за этого ареста Франция раздула скандал и задержала отправку своего посла в Россию. Кантемир был вызван к главе правительства кардиналу де Флери, который в резкой форме выразил свое негодование.

— Я не знаю, для какой причины и с какого повода нанесено оскорбление французской нации арестованием безвинного подданного его величества, — гремел кардинал, — вопреки существующей дружбы между обеими державами и против права народного?!

— Кутурьер, как свидетель убийства Синклера, наверно арестован бароном Кейзерлингом с тою только целью, чтобы удобнее было ему отыскать убийцев и уничтожить подозрение, возводимое на российский двор, — отвечал Кантемир. — Впрочем, задержание частной особы вне России не может нанести оскорбление целому народу, не должно служить препятствием к отправлению посольства. Я беру на себя возвращение свободы Кутурьеру и буду писать о том в Варшаву.

Купца выпустили, и маркиз де Шетарди прибыл в Петербург 16 декабря 1739 года.

Но предотвратить дипломатический разрыв — это только полдела. Союзная Австрия подписала сепаратный мир с Турцией, и та обрушила все силы на Россию, шведские войска двинулись к нашим границам. Рассчитывать, что после такого политического скандала Англия выступит гарантом между Россией и Портой, не приходилось. Кантемир прилагает все усилия для того, чтобы эту роль взяла на себя Франция. Ему удается склонить версальский двор к посредничеству. Правда, Антиох Дмитриевич идет на большую жертву — ради пользы Отечества он отказывается от прав своего дома на владение Молдавским княжеством.

Мир с Турцией был заключен. Швеция, не успев начать военных действий, восприняла посредничество Франции как предательство.

Чрезвычайно сложная миссия Кантемира усугублялась препонами собственного правительства. Коллегией иностранных дел в это время заведовал Остерман, который отказывал Кантемиру в самых минимальных средствах, необходимых русскому посольству для борьбы с враждебной агитацией против России, для сбора информации о политическом состоянии европейских стран.

Граф был подозрительным и завистливым человеком, он ненавидел русского посла за его откровенность, за блестящий дипломатический талант, за приобретенное им уважение в просвещенной Европе. Остерман видел в Кантемире опасного соперника, поэтому не только ненавидел его, но и боялся. Самые благонамеренные действия князя он представлял в превратном виде. Императрица гневалась, на Антиоха беспрестанно сыпались выговоры.

Кардинал Флери захотел польстить Остерману и в виде похвалы пишет ему: "...князь Кантемир с успехом исполнит возложенное на него поручение, особенно если будет руководствоваться ва-

шими наставлениями". Остерман преподносит это императрице как недовольство де Флери действиями дипломата. — Выговор!

При очередной аудиенции посол обращается к королю с речью на французском языке. — Выговор: почему не на русском, хотя никакого замечания по этому поводу до сих пор не следовало.

Послом в Россию назначен Вогрепан, но он отказывается от назначения из-за ограниченного жалования, назначенного кардиналом. На его место определяют маркиза Шетарди, но этому назначению противится Остерман по причине незнатного происхождения маркиза. Выговор Кантемиру — почему затягивается приезд французского посла?!

Ко всему еще и французский двор недоволен дипломатическими успехами русского посла — за ним устанавливается слежка, которая не всегда была удачной. В донесениях парижской полиции звучат жалобы на Кантемира — слишком осторожен, к тому же так быстро ходит, что полицейские агенты постоянно теряют его из виду. Приказано ввести в дом посла своего лакея — не могут: Кантемир берет только проверенных и надежных.

Несмотря на все сложности, деятельность Кантемира была исключительно эффективной. Его тонкий ум, превосходная осведомленность в вопросах международной политики и хорошее знание особенностей французской жизни укрепляли престиж России. Современники считали, что успех его дипломатической миссии в Англии и в Париже — в высоких нравственных свойствах его личности, которые позволяли ему вносить больше искренности и честности в дипломатическое дело, чем это обыкновенно бывало.

Служебные обязанности Кантемира не ограничивались чисто дипломатической деятельностью. По поручению русского правительства ему приходилось подыскивать за границей специалистов; выполнять поручения Петербургской Академии наук; проявлять заботу в отношении русских людей, отправленных по делам за границу и оставленных там без всяких средств и внимания со стороны русского правительства; выполнять отдельные поручения русских сановников.

Роль посредника в сношениях между Петербургской, Лондонской и Парижской Академиями наук, которую добровольно взял на себя Антиох Кантемир, способствовала возникновению научных связей.

Помимо служебных дел князь продолжает литературную деятельность. Он упорно работает над переводами шедевров мировой литературы и научно-популярных сочинений, рассматривая их как "повод обогатить народ наш переводами древних писателей, греческих и латинских, которые всего лучше могут возбудить в нас охоту к наукам". И все это он сопровождает комментариями, объясняя термины, сообщая множество сведений из истории, филологии, мифологии, географии. Ученый просветитель значительно обогатил русскую лексику — многие слова, которыми мы сегодня активно пользуемся, были введены им.

Аристократ по воспитанию, Антиох Дмитриевич тяготился высокомерием и чванливостью вельмож. С детства он вращался среди сановников, иностранных принцев и дипломатов, которые посещали дом отца и никогда не тяготел к сильным мира сего, поэтому и в Англии, а особенно во Франции он сближается, прежде всего, с интеллектуальной элитой. Его друзьями становятся ученые, писатели, художники, дипломаты — поэт Ролли, философ Альгаротти, математик и натуралист Пьер-Луи Мопертюи, ученый аббат Гуаско, историк Н. Тиндаль, Монтескье, Вольтер.

В беседах с научной и писательской элитой Кантемир не устал пропагандировать лучшие достижения культуры русского народа. Гуаско называл его “ревностным пропагандистом установлений Петра Великого”. “Мы, русские, — писал Кантемир своей французской знакомой г-же Монконсель, — имел счастье хоть на короткое время быть его подданными, не способны на меньшее, как чтить его память за то, что он извлек нас из постыдной тьмы и вывел на дорогу славы”.

По просьбе русского посла парижские художники Субейран и Вилье изготовили гравированный портрет Петра Великого, чтобы его “в чужих краях к удивлению народов размножить”.

Русский дипломат не успел жениться, но у него была страстная любовь с французской маркизой, которая родила ему двух детей. Участие в событиях 1730 года сблизило Антиоха Дмитриевича с семьей князя Алексея Михайловича Черкасского. Добродушный старик искренне полюбил талантливого и симпатичного Кантемира и желал выдать за него единственную дочь Варвару — богатейшую невесту в России. Дело затянулось на 10 лет. Княгиня-мать не желала этого брака, да и недоступный и скрытный характер княжны, не дававшей решительного ответа, препятствовал этому. После смерти старого князя отношения между ними прервались к радости дипломата, он почувствовал себя свободным. Теперь он мог стать счастливым главой семейства, но...

Кантемир всегда вел очень воздержанный образ жизни, несмотря на это в 1740 году у него появились признаки болезни почек и печени. К ним присоединилась и чахотка. Лучшие парижские врачи отчаялись спасти посла и рекомендовали воздух Италии. Князь из Парижа пишет прошение императрице. Разрешение последовало 14 февраля 1744 года, но ему было отказано в выдаче необходимых для поездки средств. К моменту получения разрешения больной был уже настолько слаб, что совершить поездку был не в состоянии. В своем духовном завещании князь Кантемир попросил похоронить себя “в Греческом монастыре в Москве без всякой церемонии ночью”.

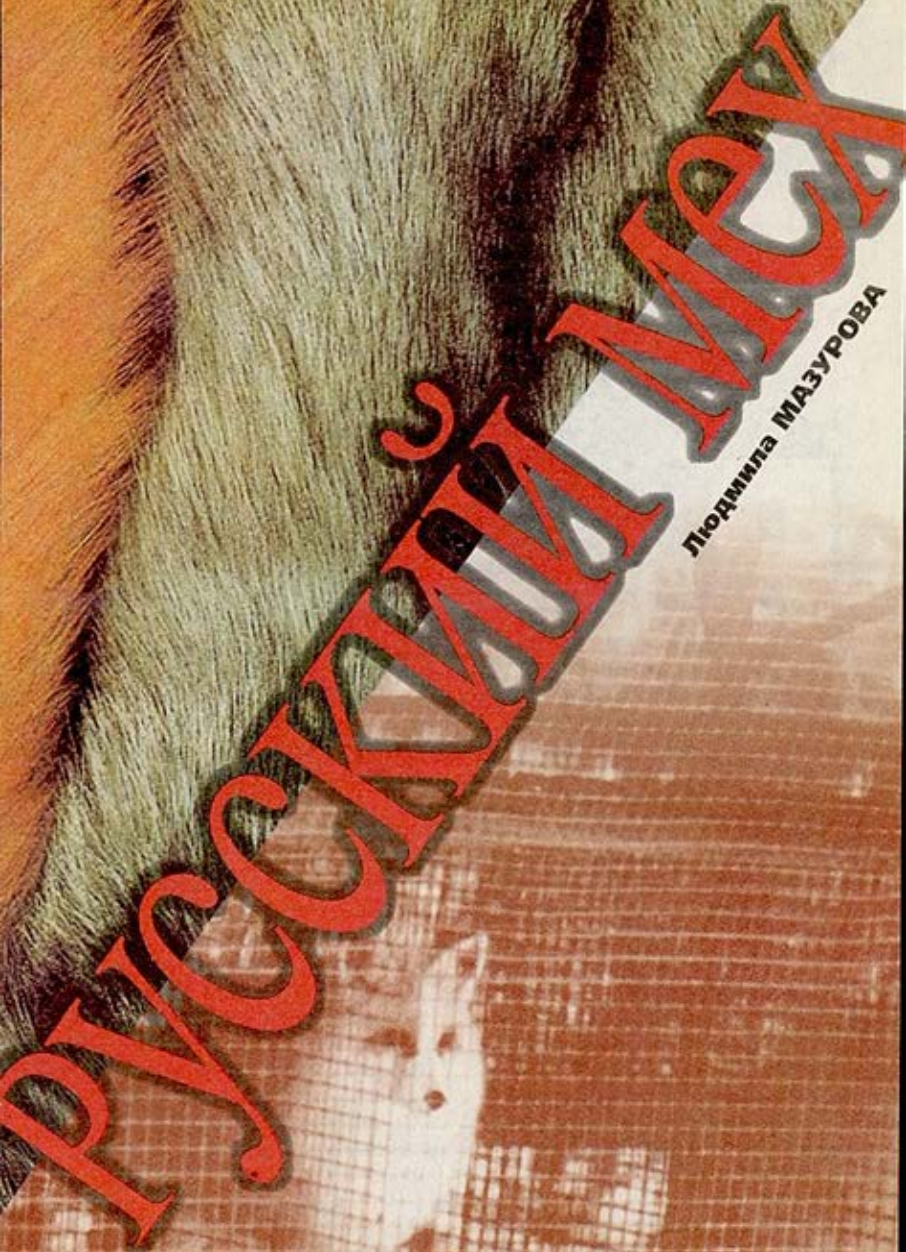
Так быстро угасла молодая жизнь потомка великого Тамерлана и византийских императоров, сына молдавского господара, основоположника русской светской литературы. Жизнь, ярким лучом осветившая только нарождавшуюся русскую дипломатию, науку и культуру.

**Импортные шубы и дублелки
заполонили наш рынок.
А где же отечественные?**

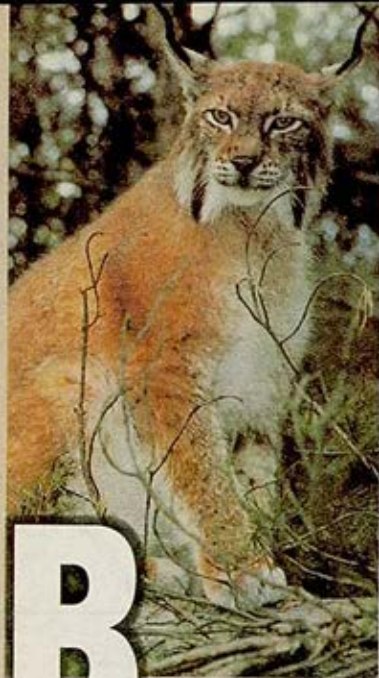

РУССКИЙ МЕХ

Людмила МАЗУРОВА

В древней Руси пушнину называли "мягкой рухлядь". Слово "рухлядь" тогда имело несколько иной смысл, и "мягкая рухлядь" выполняла роль денег. За "куны" — шкурки куниц — можно было купить овцу, корову или саблю. Сдачу же давали более мелкими "купюрами" — "белами", беличьими шкурками. Даже после перехода в X веке на чеканные деньги монеты в зависимости от достоинства по-прежнему величали кунями, резанами, мордками и белянками. "Мягкая рухлядь" была основой экономии, материального обращения, одним из побудительных мотивов географических открытий и завоевания новых земель. В первую очередь, конечно, сибирских.

Идя за пушниной, открывали неведомые территории, осваивали неизвестные доселе транспортные пути, строили города. И на

гербах этих городов, как символ благополучия, красовались белки, куницы, бобры и, конечно, соболь. Соболий мех украшает и символ державной российской власти — шапку Мономаха.

И в те далекие времена существовала мода на меха. Так, в X-XI веках шубы и одеяла для знати шили из собольих и куньих шкурок, в XII — из беличьих и медвежьих. В XVI веке вернулась мода на соболя, с которым по привлекательности соперничала лиса, а в XVIII — очень высоко ценился новый для Руси того времени мех морского бобра, привезенный с территорий Русской Америки. Во время особо торжественных и праздничных выездов головы лошадей в упряжках было модно украшать волчьими, лисьими и даже собольими хвостами. С древних времен Россия считалась самой богатой пушно-меховым сырьем страной, на первом месте в мире по заготовкам пушнины и мехового сырья оставался и СССР. В дореволюционной России на внутренний рынок шло около 40 процентов сырья, в социалистической, после введения госмонополии на "мягкое золото", уже более семидесяти. Но вот парадокс. Бедный люд до революции, прочла я в одной книге, мог позволить себе лишь тяжелые и неудобные шубы из овчины. Бедный люд после революции позволял себе тоже тяжелые, но менее теплые и вовсе не меховые пальто на ватине.

Теперь времена иные: самой изысканной дубленкой никого не удивишь. Вот только дубленки те в основном импортные. А что же с нашим-то мехом?

Злоключения белки

В конце прошлого века крестьянин Фрол Лесников открыл в уездном городе Слободском Вятской губернии "мелкое скорняжное заведение" по переработке белки. Уже через полтора десятилетия заведение стало самым крупным скорняжным предприятием России, ему доверялась честь шить мантии из горноста и белки для царственных особ. Славилась своим отменным качеством продукция фабрики и в годы социализма. Вот только купить этот дефицит было трудновато. Вспоминаю, как в конце 70-х в "Детском мире" давилась в очереди за кроличьими шубками для своих дочерей, как пришлось бегать домой за паспортом для подтверждения, что детей у меня двое, поскольку в руки шубку давали только одну.

Рассказываю этот эпизод нынешнему генеральному директору ОАО "Белка" Леониду Тарасову:

— Между прочим, Леонид Васильевич, те шубки были вашей фабрики.

Тарасов улыбается:

— Видели бы вы, что у нас тут тогда творилось. Снабженцы со всех концов страны на фабрике буквально дневали и ночевали. И ругань, и слезы, и истерики. Теперь, увы, — грустнеет директор, — тишина. Хотя шить и выделывать меха мы не разучились. Сами в этом можете убедиться...

Мне предложили оценить различные модели и меха на себе. От такого соблазна женщине трудно отка-

заться. И так, я примеряла: пальто из овчины облагороженной (это то, что в быту называют мутоном), из крота крашеного, из кролика стриженного (никогда бы, кстати, не догадалась, что это был всего лишь кролик), из хребтов белки, из куницы, хоря, лисы серебристо-черной и огневки, норки и каракуля, дубленку из ... кролика. Кстати, понятие "шуба" у современных производителей отсутствует, поскольку это русское слово и не переводится на иностранные языки. "Дубленка" тоже бытовое понятие. Все, что длиннее куртки — пальто. Укороченное или длинное. Меня не раз поправляли, когда я спрашивала: "Эта шуба из чего?", но все же позволю себе употребить оба слова, поскольку многие читатели, как и я, при слове "шуба" представляют себе мех, а при слове "пальто" — все-таки сначала драп.

Перемерив море шуб или пальто, пришла к банальному выводу: меха украшают любую женщину и любой женщине идут все меха. От обыкновенного кролика до экзотической шиншиллы. Что касается моделей и лекал, то на мне все сидело идеально, и чувствовала я себя прекрасно во всем. Цены? Овчина от 5 до 9 тысяч, белка от 5400 до 18100, кролик от 4200 до 8900, крот от 8700 до 11800, норка до 76000. Это расценки на длинные пальто. Полушубки, естественно, дешевле.

Закончили примерки мы одеждой из коллекции. Элегантный костюм из меха каракульчи, шуба из мягкой, как бархат, облагороженной овчины цвета морской волны и просто царское пальто из нежного струящегося горноста с накидкой под названием "Нупола" затмили все, что выпускается в серии. Но, увы, коллекция дорога...

Великолепны у мастеров "Белни" детские шубки и шапочки, а вот мужской ассортимент не так разнообразен. Это главным образом тканевые куртки с меховой подкладкой и воротником из овчины. Такая одежда практична, в ней тепло и удобно.

Короче говоря, прав генеральный директор: старейшая российская меховая фабрика шить и выделывать меха не разучилась. Напротив, продукция стала лучше, но — вот досада — в Москве ее почти не увидишь, а мы покупаем итальянские, греческие и китайские шубы и турецкие дубленки...

Когда грянула перестройка и открыли границы, сбыт у отечественных меховщиков резко упал. На наш рынок хлынула продукция

ведущих европейских стран, но еще больше — азиатских. Китайские шубы из кусочков кролика ползли по швам, красили платье и руки хозяйки в тот же цвет, в который были покрашены сами, но, тем не менее, раскупались в мгновение ока. Почему? В отличие от наших качественных, но фасона "прощай молодость", они были модны и по сравнению с отечественными очень дешевы.

Пока наши производители "хлопали ушами", иностранцы продолжали активно завоевывать российский рынок. Вместо облезлых кусочков кролика пошел кролик цельный, он был чуть дороже, но уже со стойким красителем и крепкими нитками на швах. Потом появился козлик, собака, норка из кусочков и цельная, лиса, ондатра... Китайские шубы носили и носят, конечно, бедные. Но если учесть количество наших бедных, можно представить, сколько заработали российские и китайские челноки и сколько потеряли отечественные меховщики.

Впрочем, они теряли не только на ассортименте для бедных. Те, кто чуть обеспеченнее, облачались в турецкие дубленки и греческий опоссум, богатые украсили себя европейскими мехами: Нашим, чтобы завоевать наш же рынок, надо было уже очень постараться. Первыми прорвались, как ни странно, кустари. Их изделия не отличались особой оригинальностью и качеством, зато были гораздо дешевле фабричных. На себестоимости кустарной шубы не висел социальбыт, пионерские лагеря, столовые и амортизация. Налоговый пресс на индивидуального предпринимателя тоже не-

сравнимо меньше, чем на предприятии.

В небольшом провинциальном Слободском, где расположена "Белна", кустарей, официально зарегистрированных и подпольных, пруд пруди. Породила их, как ни парадоксально, сама же "Белна", резко сократив несколько лет назад свой штат. Работать в городе больше особо негде: еле держащаяся на плаву мебельная фабрика да спиртзавод. Оставшиеся без работы меховщики очень быстро сообразили, что нет худа без добра, купили старые списанные швейные машины, а у многих они и раньше были, и начали шить шубы сами. Дела пошли. Стали переманивать специалистов и высокопрофессиональных швей с фабрики. Зарплата в мелком частном бизнесе гораздо выше, чем на производстве, поэтому перебежчиков оказалось предостаточно.

Не было у частника проблем и с моделями. У всех на фабрике остались либо друзья, либо родственники. Ленала новой, хорошо продающейся модели частник получал за небольшое вознаграждение, а когда и просто за "спасибо". Фабрика попыталась обезопасить себя, ужесточив контроль, но и это не помогло. Покупается одна шуба, распарывается, вот тебе и ленала.

Вообще, авторские права в меховом бизнесе — проблема проблем. И для крупных, и для средних предприятий, да и для известных в стране модельеров тоже. Недобросовестные конкуренты тут же "слизывают" ходовые модели и наводняют ими рынок. Можно подать в суд, но это ничего не даст. Заваленные всевоз-

можными исками суды так долго рассматривают дела, что конкуренты успевают за это время выжать из твоей модели все возможное. Даже если выиграешь суд, компенсация все равно не покроет убытков от модельного воровства. Впрочем, выиграть не так-то просто. Умный "вор" меняет парочку несущественных деталей, и доказать, что тут присутствовало нарушение авторских прав, уже невозможно.

Парадоксальный у нас капитализм: мелкий частник выигрывает от соседства с крупной, известной всей стране фабрикой. На Западе она бы давно поглотила конкурентов, скупая все поступающее сырье, например. Теоретически, чем больше оборот, тем больше "живых" денег. Практически же все наоборот. Чем крупнее производство, тем сложнее припрятать "заначку" (а все поставщики хотят получить исключительно наличные) на сырье. По закону же насовый остаток не должен превышать пятидесяти тысяч рублей, а выплаты одному поставщику в день — десяти тысяч.

Машина самого дешевого сырья, а меньше везти с другого конца страны невыгодно, стоит 300-400 тысяч рублей. Кто же согласится торчать у проходной больше месяца, собирая по десять тысяч в день! Поэтому производители вынуждены изыскивать обходные пути. Нан правило, находят. А если не находят они, находят мелкие частники. Выкупают сырье и потом его же отдают на фабрику для выделки. А вот с фабрикой частник расплачивается, как правило, не "живыми" деньгами, а этим же самым уведенным из-под носа сырьем.

Ограничивая наличные расчеты, государство пытается подвести под налогооблагаемую базу поставщиков. Однако у тех, кроме естественного нежелания расставаться с частью прибыли, есть и своя правда. Они скупают сырье у разбросанных там и сям охотников, мелких фермеров, животноводов-любителей и даже дачников. Большинство из них никаких счетов в банках не имеют, никому не доверяют и за свои десять кроличьих или овечьих шкур, например, хотят получить наличными и сразу.

— В начале вена наша фабрика в основном работала с белой, — говорит Тарасов. — В годы советской власти тоже шили из белки. Мы и теперь, пожалуй, лучше всех умеем ее выделывать, но, увы, как раз белки-то на "Белке" почти и нет. Охотники хотят "живые" деньги, как правило, в валюте. Можно купить белку на пушном аукционе, но уже гораздо дороже. А у нас и так 80 процентов себестоимости — сырье...

Такая вот охота...

В 80-е годы главным поставщиком диной пушнины были хозяйства Главохоты. Сто госпромхозов ежегодно добывали в среднем 45 тысяч штук соболя, 800 тысяч белки, 3 тысячи красной лисицы, 22 тысячи горностаев, 35 тысяч колонка, 120 тысяч ондатры, 10 тысяч норки диной. Промышляли пушнину штатные охотники и сезонные. Штатный имел четыре охотничьих избушки и промысловый участок размером в среднем 850 квадратных километров, у сезонников было по две избушки и по участку в 142 квадратных километра. Госпромхозы

обеспечивали оружием, боеприпасами, напканами, инвентарем и продуктами. На отдаленные участки охотников забрасывали автомашинами, вездеходами, натерами и вертолетами.

Сегодня госпромхозы частью совсем вымерли, частью преобразовались в закупочно-посреднические конторы. Вертолетами они уже давно никого никуда не забрасывают. Слишком дорогое удовольствие. Да и инвентарем тоже не обеспечивают. Сколько и какой пушнины добывается, теперь никто не знает. Государство такой статистики не ведет, как не следит оно и за популяциями, расселением, численностью пушных зверей. Впрочем, может быть, волноваться и не о чем? Разве что о соболе. Это единственный вид нашей пушнины, стабильно пользующийся спросом на мировых рынках. Если же учесть резкое снижение цен на него в начале перестройки, можно предположить, что после отмены госмонополии свободные охотники, а вернее перекупщики, выбросили на аукционы рекордное количество соболей.

Что касается лис, нуниц, горностаев, белок и прочих диких пушистиков, то, судя по аукционам и пустым складам сырья на фабриках, им сегодняшние охотники не угроза. По мнению заместителя начальника руководителя Департамента по охране и рациональному использованию охотничьих ресурсов Минсельхозпрода Александра Тихонова, нет сегодня в стране экономических условий и для пушного браконьерства. Больше страдают парнокопытные, которых стреляют ради мяса, а ту же лисичку в Подмосновье,

например, куда сегодня сдать? Раньше за шкурку лисицы давали двести (советских еще) рублей. При средней зарплате в стране в сто двадцать это была солидная сумма. И был стимул лисичку добывать.

Нет смысла добывать сейчас и крота. Та же "Белна" берет его по 3-5 рублей за шкурку. Если от

Возможно, повлиял на объемы пушного промысла и вводимый ЕЭС запрет на приемку на территории стран, входящих в сообщество, шкурок охотничьих животных, добытых негуманным способом. Поскольку перенаселенная Европа своих зверьков негуманным способом уже давным давно повыловила, запрет коснул-

этой цены отнять затраты и прибыль посредника, промысловику вообще останутся копейки. Может быть, дачники в Подмоскowie и за копейки ловили бы испававших все сады зверьков, да кому их сдавать? Организаций, ведущих прием шкурок, нет.

главным образом России, Канады и США. Специалисты посмеиваются и говорят, что закон этот родился не столько из заботы о животных, сколько из заботы о собственном пушном рынке. Но факт остается фактом. Если хотим продавать пушнину в страны

ЕЭС, надо менять орудия промысла. Пока наши промысловики оснащены капканами, которые ловят зверька за лапку и умерщвляют не сразу. Новые стандарты отлова и умерщвления разработаны, но дальше все зашло в тупик. Нет организации, которая бы нашла машиностроителей, определила объемы и оплатила заказ, собрала у охотников старые капканы и продала новые.

Всероссийский НИИ охотничьего хозяйства и звероводства, занимавшийся охотой как социально-экономической отраслью, в связи с кончиной этой самой отрасли вынужден был искать себе новые функции. Раньше одной из основных его задач была разработка проектной документации и создание коопзверопромхозов и госпромхозов. Первые занимались оленеводством, охотой, рыболовством и сбором лекарственных-технических трав; вторые — охотничьим промыслом и звероводством. Институт через свои опорные пункты и охоткорреспондентов учитывал такне охотресурсы и готовил цифры для госплана, который этим хозяйствам и спускался. От того, сколько уродилось мышей, мелких птиц, ягод и кедровых орехов зависит, сколько будет такого, например, всеядного хищника как соболь. С учетом состояния кормовой базы институт за два-три месяца до начала сезона делал прогноз о количестве самого соболя и о том, сколько его можно добыть без ущерба для природы.

Разрабатывали способы отлова, ветеринарные вакцины и препараты, восстанавливали поредившие популяции, расселяли и акклиматизировали новые виды

хозяйственно важных животных. Работы института оплачивал Центросоюз. Когда же он развалился на бесчисленные АО, занятые исключительно своей прибылью и борьбой за собственность, институт передали ВАСХНИЛу. К тому времени из пятисот сотрудников осталось сто, но оставшиеся довольны: быть академическим институтом престижно и есть хоть какое-то, треть от потребности, бюджетное финансирование.

Как нет у нас сегодня экономических условий для пушного браноньерства, так нет условий и для "пушной" науки. Зверохозяйства? Теоретически они могли бы при возникновении какой-либо проблемы заказывать институту ее решение. Но сегодня зверохозяйства экономических стимулов для своего существования тоже не имеют.

Норка-привереда

В 60-е годы Россия вышла на первое место в мире по клеточному пушному звероводству. Мы разводили в неволе норку, соболя, рысь, серебристо-черную и рыжую лисицу, песца, нутрию, енотовидных собак, хорей, шиншиллу, бобров, куниц. При этом норка, например, имела более ста (!) вариантов окраса, мех ее в зависимости от цели селекции был коротким или длинным, шелковистым или грубым, с определенным цветом подпушья и остевого волоса. В 80-е двести хозяйств производили около 12 миллионов шнурок норки, в последние годы — 2,5-3,5 миллиона. "Союзпушнина" ранее только за один аукцион продавала миллион шнурок норки, ныне это количество продается за год.

Как сказал директор подмосковного племенного зверосовхоза "ОАО Салтыковский" Александр Сайдинов, в голодной стране поднять звероводство невозможно. Звероводство во всем мире питается "объеднами", то есть продуктами переработки и отходами рыбной, мясоперерабатывающей и пищевой промышленности. У нас теперь отходов нет. Более того, рыба, которая раньше называлась КПЗ (корм для пушных зверей), стала единственно доступной и для значительной части населения. И теперь норки конкурируют с пенсионерами.

Цинично, наверное, так говорить, но норки, песцы и ондатры, в отличие от пенсионеров, плохо питаются не могут. Если нарушается рацион, у них портится мех, ухудшается плодовитость. Плохо кормить нельзя, а кормить хорошо нет возможности. Рост цен на корма после августовского кризиса составил 300-400 процентов, а на пушнину — всего 30.

Нехватка средств на хорошее зоотехническое и ветеринарное обслуживание, высокие цены на вакцины и корма стали причиной массового заболевания норок страшной алеутской болезнью. Многие хозяйства, чтобы спасти племя от полного вымирания, вынуждены были забить свои стада. Пошло на это даже такое мощное зверохозяйство, как "Салтыковское". Сейчас пробы почвы на "алеутку" у них равны нулю, но каким образом пополнять стадо? Три года назад в хозяйстве были норки десяти расцветок, теперь остались трех. Можно было бы прикупить племенных зверьков, но страшно вновь занести "алеутку".

В последние годы торговля на Санкт-Петербургском пушном аукционе, куда сдавали раньше шкурки все зверохозяйства, идет вяло. "Салтыковцы", например, подумывают о том, чтобы везти своего соболя в Копенгаген. Шкурками других зверьков стали торговать в розницу. Стратегия убогая, но ее вынуждены придерживаться сегодня все звероводы. Все открыли у себя ателье по пошиву, а то и небольшие фабрики. К чему это может привести, понятно. Торговля готовыми изделиями поглотит хлопотное и нерентабельное сегодня звероводство. Тем более, что тенденция падения цен на корма пока не просматривается.

Назалось бы, при низкой покупательной способности населения и очень высоких затратах на производство дорогостоящего сырья, пыльным цветом должно было бы расцвести кролиководство и нутриеводство. Те и другие животные менее капризны к питанию, они травоядны, что сегодня весьма существенно, к тому же можно продавать не только шкурки, но и мясо. Традиционно нутрий и кроликов выращивали в основном животноводы-любители. Но отсутствие посредника, который собирал бы шкурки и мясо, помогал закупать зерно по отпусным ценам, обеспечивал клетками и технической литературой, делает и эти отрасли невыгодными. Еще одна проблема — ветеринарная помощь. Вакцины и услуги ветеринаров столь дороги, что частник тут и там идет на подлог. Не лечит зверьков, а покупает справки. В результате "больной" оказывается не только шуба, но и, что гораздо опаснее, блюдо из нутрии, например.

В принципе, эти ухабы можно было бы сгладить, возродив обществу кролиководов и нутриеводов. Но пона их нет. Практически нет и шубок из кролина, а уж крольчатина, если и появляется в магазинах, то исключительно импортная. В конце 80-х в России заготавливалось 15-17 миллионов шкур кролина, сейчас лишь 200 тысяч. Откуда ж взяться самым демократичным по цене шубкам? Кролик нужен, впрочем, не только для шуб и диетических блюд. Наша фетровая промышленность на сегодня загружена лишь на 20 процентов своих мощностей, при этом 80 процентов перерабатываемого ею сырья — импорт. Не актуальна уже и избитая фраза "подопытный кролик". Нет у медиков ушастых помощников, и опробовать вакцины и биопрепараты не на ком.

Ах, ты, бедная овечка!

Впрочем, нашим хозяйствам есть чем и похвастать. Там и сям начали выращивать... страусов. Говорят, занятие выгодное и перспективное. Может быть, звероводы, действительно, люди дальновидные и уже начали готовиться к глобальному потеплению? Что ж, не будь у нас зим, можно было бы и в страусовых перьях походить, но пона все же овца актуальнее.

— Для меня это вообще загадка, — удивляется директор ВНИИ-ОЗа Владимир Сафонов, — якутскую лошадь загубили, оленеводство загубили, романовскую, исконно русскую, овцу загубили, а страусов выращиваем...

С 1991-го по 1998 годы поголовье овец в России снизилось

втрое. Сырьевая же база меховщины сократилась гораздо значительнее. До развала Союза львиная доля сырья шла из среднеазиатских республик и Украины. После обретения независимости соседи так взвинтили цены, что везти оттуда овечьи шкуры стало невыгодно. Некоторые российские регионы тоже выставили заслоны на вывоз сырья, в результате большинство меховых фабрик оказалось на голодном пайке.

Больше всех пострадали гиганты, такие, например, как Кировский бывший кожевенно-меховой комбинат имени Октябрьской революции, а ныне ОАО "Метакон". Многие десятилетия кировчане снабжали армию хромом, полшубнами и тулупами.

— Сейчас военные заказы практически равны нулю, — рассказывает начальник производства Арнадий Митяшин, проработавший на предприятии 43 года. — Понятно, что армия сократилась, и о прежних объемах мечтать не приходится. Но я не представляю, как солдат, служащий на Севере, может выстоять в сорокаградусный мороз ночь на посту без длинного тулупа. Или без шапки-ушанки, меховых рукавиц и так далее. Армия перешла на америнанский вариант амуниции. Но в Штатах минус десять — национальная трагедия, а на нашем Севере минус десять — редкая благодать...

Чтобы выжить, на предприятии освоили гражданский ассортимент, вырастили своих художников-модельеров. Шьют в основном женские, мужские и детские пальто и полупальто из меховой овчины (мехом наружу) и шубной

(мехом внутрь, то, что мы называем дубленками). Цены на дубленки и шубы для взрослых колеблются в пределах 6-12 тысяч рублей, на детские — от 600 рублей до 3500. Проблемы, как и на "Белке", не столько со сбытом, сколько с сырьем.

Когда мне показывали предприятие, как раз пришла машина с сырьем из Дагестана. Двое бритоголовых его хозяев мрачно наблюдали за приемщиками, сортирующими овечьи шкуры. Отошли к отброшенным в сторону, начали перебирать их, о чем-то вполголоса переговариваясь.

— Вид у ваших поставщиков какой-то... — попыталась я найти слово помягче, — непрезентабельный.

— Это цветочки. — Аркадий Нириллович увлек меня подальше от приемни. — Несколько лет назад вообще странные личности приезжали. Кооперация-то развалилась, а наличные, чтобы скупать шкуры по селам, были только у мафиози да бандитов. Наши приемщики стали просто артистами: с одной стороны надо не переплатить, с другой — не спугнуть поставщика. Тот иной раз сразу заявляет: либо берете всю машину не глядя по такой-то цене, либо уезжаем. Конкуренентов в Кирове и вокруг него полно.

"Метано" попыталось наладить связи с бывшими партнерами из Монголии. Но, увы. В свое время на предприятии готовили рабочих из этой страны, в наших вузах учились их будущие специалисты, мы же строили там кожевенные заводы. И теперь, освоив с нашей помощью кожевенное и меховое производство, монголы согласны продавать нам только готовый полуфабрикат. Причем

выделанный все-таки не самым лучшим образом.

Впрочем, и у нас, несмотря на многовековой опыт, с выделкой не все благополучно. Исконно русские тулупы европейцы превратили в элегантные дубленки и уже десятилетия совершенствуют технологию выделки овчин. Мы же вплоть до начала перестройки продолжали шить по сути дела тот же древний тулуп. Армия требовала от бекеш в первую очередь тепла, а населению дубленок все равно не доставалось.

Сейчас "Метано", безусловно, выделяет овчины для дубленок лучше. Они достаточно легкие, красивых сочных цветов, относительно дешевые, хорошо сшиты. Однако не стесненная в средствах и следящая за модой женщина все же купит, может быть, по модели и не лучшую, но более модную по выделке дубленку. А в моде нынче наппа, сальваджио, тоскана и велюр.

Во время реконструкции бывшего комбината имени Октябрьской революции средств хватило только на строительство зданий, оборудование же осталось прежним — ненамного моложе самой революции. Наша промышленность ничего не выпускает, а импортные машины дороги. Не лучше положение и с химматериалами. Хорошие красители, наполнители, жирующие надо покупать за рубежом, а у большинства фабрик на это просто нет средств.

Отстали мы даже в таком совсем уж русском деле, как выделка пушнины. Сегодня в зависимости от требований дизайнера ее стригут, формируя простоту и сложный рельеф, выщипывают, удаляя грубую ость и оставляя

мягкие переходные и нежные пуховые волосы, и много чего еще с ней вытворяют. Количество операций может достигать 150! У нас опять-таки все упирается в отсутствие машин, не щипать же вручную.

Под лежащий камень...

В том же Кирове есть меховая фирма "Калинка", владеет которой 37-летний Андрей Морозов. В прошлом учитель физкультуры, затем работник обкома комсомола, начальник снабжения МНН. В 91-ом прикупил несколько старых машин и открыл цех. Работали в нем отец, мать, сестра, жена и две ее подруги. Сами шили, сами свои изделия и продавали, а полуфабрикат покупали на "Белке" и "Метано". Позднее стали возить из Средней Азии наравку. Уже в 95-м в "Калинке" работало 500 человек, в 98-м торжественно ввели в строй новое пятиэтажное здание фабрики. Сегодня "Калинка" покупает дорогое импортное оборудование, шьет вполне конкурентоспособные изделия из высококачественного отечественного и импортного полуфабриката, вовсю пробивается на зарубежные рынки.

Слухов в городе о способах ухода от налогов Морозовым и вообще по поводу того, как удалось ему так быстро раскрутиться, ходит множество. Но дело даже не в этом. Частный предприниматель Морозов, в отличие от акционеров крупных АО, активен. Участвует во всех наших и зарубежных выставках, открывает тут и там фирменные магазины и старается как можно чаще попадать со своей торговой маркой в поле зрения прессы.

Пока собирала материал для статьи, походила по всем московским выставкам. "Калинка" была везде. "Белка" и "Метано" самостоятельно выступали лишь на федеральной "Меха-99", на других были представлены через "Калинку". Да, так они с одной стороны сэкономили, не платя за выставочные площади, а с другой — очень много, на мой взгляд, потеряли. Их изделия где-то там висели и часть из них, вероятно, была продана. Но на стендах марок "Белка" или "Метано" никто не увидел и никто, естественно, их не запомнил.

Еще одна фирма, которую я встречала на всех выставках-ярмарках — "Отрада" из Самарской области. У нее, как и у "Калинки", торговля шла бойко. Многие посетители, пришедшие на выставки без денег, жалели об этом и записывали на листочках названия фирм. Даже на главном осеннем форуме в Москве "Меха-99" российских производителей было не более тридцати процентов. Не удивительно, что 80 процентов женских и мужских меховых пальто на российском рынке европейского, американского и азиатского происхождения. Чуть лучше положение с детскими шубками — их вне завозится 50 процентов, с головными уборами — наших изделий на рынке 60-65 процентов. По-настоящему преуспели отечественные производители лишь в изготовлении меховых воротников — наших 95 процентов. Да вот беда, спрос на них сегодня невелик.

Все меховщики единодушны: развитию мешает дефицит сырья. При этом в 98-м году, например, более 93 процентов пушно-мехового экспорта составлял вывоз

именно сырья. С готовыми изделиями ситуация еще плачевнее — импорт превысил экспорт почти в семнадцать раз! Мы неуклонно превращаемся в сырьевой придаток, вывозим сырье, а потом ввозим его же, но уже в виде полуфабриката и готовых изделий. Обидно, господа.

Где же выход? Все производители мечтают об ужесточении, а лучше — запрете ввоза готовых изделий и вывоза сырья. Может быть, они от этого и выиграют, но мы-то все точно проиграем. За шубной средней паршивости опять придется часами стоять в очередях.

Сам себе эксперт

Шубу или дубленку лучше всего покупать, конечно, в фирменном магазине, если же такой возможности нет, не торопитесь, ходите по рынкам, приценитесь и, самое главное, попробуйте научиться определять подделку. На рынке в Кирове, где всегда мода на российские меха, меня уговаривали купить шубу из овчины якобы московской фабрики "Русский мех". Всего за пять тысяч рублей. Ярлыки, бирки и этикетки в порядке, но я знаю эту фабрику. Меха такой плохой выделки, как мне пытались всучить, она не выпускает. Фабричная московская шубна, как выяснилось, сшита местным частником из украинского полуфабриката...

Еще больше подделок на крупных московских рынках, куда стекается товар со всего мира. В оптовых китайских рядах на Чернизовском шубки выставлены еще те, однако торговля идет бойко, поскольку цены смешные по нынешним временам. Кролик — от

700 рублей до 1500, а норна из кусочков — три-пять. В более дорогих рядах качество товара выше, но и цены тоже. Однако, несмотря на ярлыки, на которых красовались Париск, Лондон и Нью-Йорк, за километр было видно, что в большинстве своем это Китай.

Сомневающимся продавцы вешали "лапшу на уши" по поводу греческого пошива по французской лицензии для французской же фирмы. С дубленками та же история. Низкого качества турецкие идут как турецкие, а турецкие более высокого качества — как итальянские.

В последние два года появился на рынках и отечественный товар. На Чернизовском я встретила знакомого нитайца, меховщик по профессии, уже несколько лет торгующего у нас шубами своей фабрики. Лао Джан бывает на всех московских меховых выставках. Своей жене купил, между прочим, норковую шубку фирмы "Отрада", а дети ходят в российских дубленках. Маме он в Харбин отправил нашу мутоновую шубу.

— У ваших шуб только один недостаток, — хитро щурится Лао Джан. — Слишком долго носятся.

Сколько тут правды, а сколько лести, сказать трудно. Но мне слышать это было приятно. И захотелось что-нибудь такое наше родное купить. Например, из коллекции, сделанной на "Белке" по лекалам самого известного нашего мехового дизайнера Ирины Крутиковой. Но, увы, эксклюзив я вряд ли когда-нибудь смогу себе позволить. Так же как и приглянувшиеся шубки из соболя, норки, каракуля, песца и прочих дорогих мехов. Придется ходить в купленной по случаю несколько

лет назад турецкой дубленке. Она уже нуждается в чистке, но операция эта стоит недешево — тысячу без трех рублей. С дубленками и шубами все равно что с автомобилями — чем дороже покупна, тем дороже обслуживание. При этом беречь шубку, стараясь как можно реже ее надевать, бессмысленно. Как объяснили специалисты, мех — материал живой. Поэтому он совершенно не выносит пластиновых панетов и затхлых шкафов. Мороз и солнце шубке только на пользу, а вот духи и дезодоранты с резким запахом — во вред. Если попали в шубе под дождь или мокрым снегом, не страшно. Просто подержите ее на открытом воздухе вдали от источников тепла до полной просушки. При этом лучше ее не вешать, а положить.

Мех дышит, успокаивает, дает ощущение уверенности в себе, заряжает энергией и всем без исключения идет. В нашем российском климате мода на него, что бы ни говорили "зеленые", не пройдет никогда, поскольку ничто лучше не защитит от мороза и ветра. Единственное, что быстроотечно — это мода. Поэтому, если вы не столь богаты, чтобы ежегодно обновлять гардероб, не покупайте слишком вычурные меховые пальто. В элегантной классической модели будете чувствовать себя респектабельно не один сезон.

И в заключение еще два слова о моде. Нынешней зимой престижно носить не только шубы, но и костюмы, жилетки или джемпера из мягкой и пластичной каракульчи, юбки из шелковистой нерпы, шарфы из пеща и шали из норки. Как и в XVI вене в моде муфты. Головы лошадей, правда, собольими хвостами уже не украшают, но меховые "фенечки" опять в ходу. Так что, если у вас где-то в шкафу завалялась старая шубна, не выбрасывайте ее. Если не подойдет для головной повязки, горжетки или подушечки, поможет при растяжении или ушибе. Приложите лоскуток мехом к телу, и боль утихнет. Или подарите мягкий коврик своей кошке. Она будет часами что-то ему урчать, успокаивая и излечивая и себя, и вас.

Анатолий КУРЧАТКИН

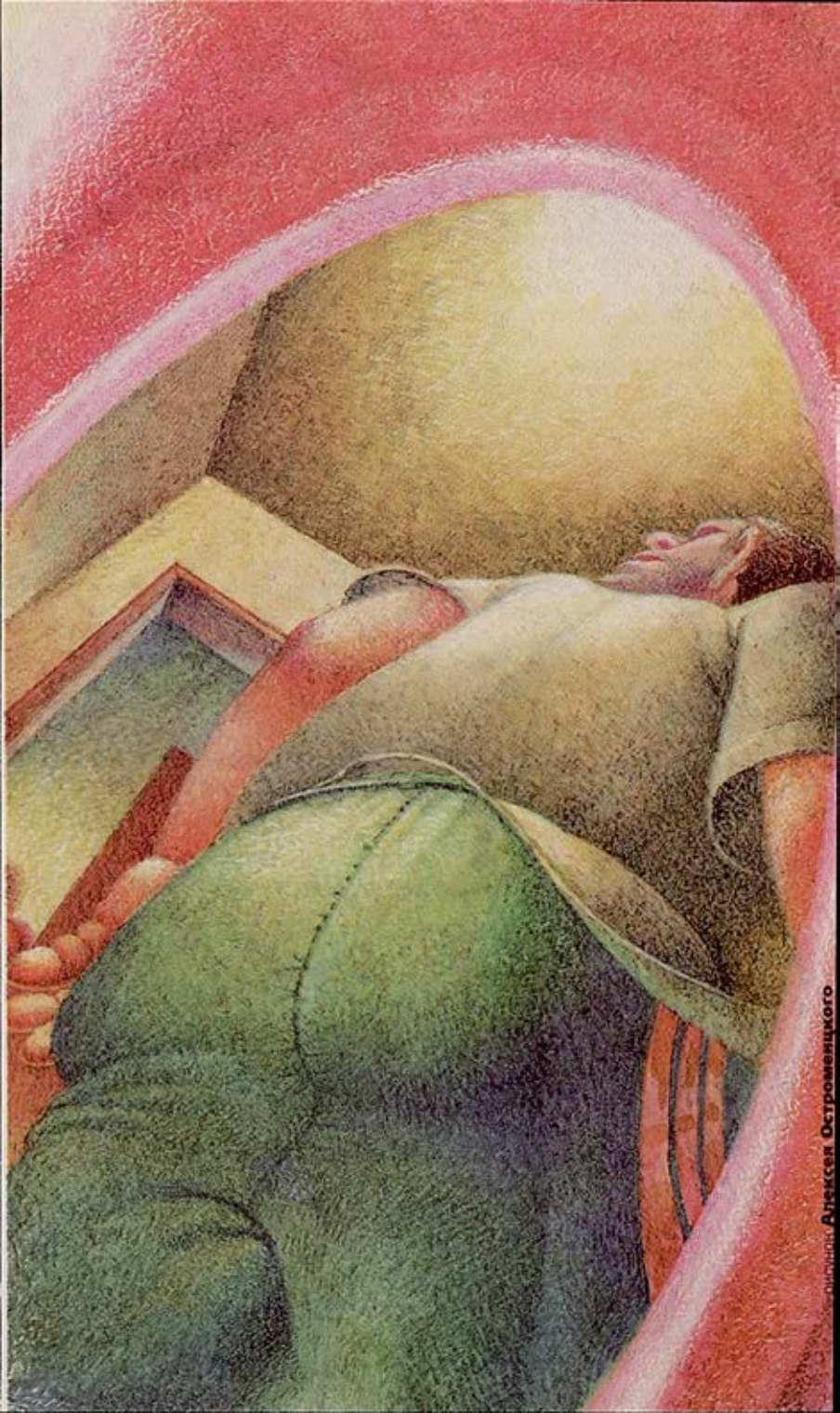
ЖИЗНЬ крутых

Слова “крутой” тогда еще не существовало. То есть оно было, но не в том смысле, в каком стало употребляться позднее. Тогда оно было еще прилагательным и без существительного ничего не значило. “Крутой берег”, “крутой мороз”, “крутой нрав” — в таком сочетании получало оно право жизни.

Но я уже тогда, в те времена, был “крутой” в нынешнем смысле. Такой, то есть, что закачаешься, сразу, с первого взгляда видно — особый, не похожий на других, из ряда вон. Во-первых, я был красного цвета. И не какого-нибудь там грязно-вульгарного, с коричневым или морковным оттенком, а ярко-красного, карминного — необычайной благородной насыщенности. Ха-ха, кто бы мог по-

хвастаться в ту пору таким цветом. Все вокруг были белые, белые, белые, и только изредка встречались голубые или кофейно-розовые. Но разве сравнишь с карминным какое-то розовое?

Во-вторых, меня сделали не простым, чисто функциональной формы — как обычно, сплошь и рядом, в девятисот девяносто девяти случаях из тысячи, — а с широкими размашистыми крыльями по бокам, чтобы они могли держать на себе книгу, коробку сигарет, зажигалку — что понадобится, придали моему телу орлиную могучую размашистость, — на эту великолепную гордую птицу я и походил. И это отнюдь не мое мнение, в жизни не видел орла, так что никак не смог бы сравнить себя с ним, — люди, что приходили ко мне, говорили между собой о нашей схожести.

В-третьих, наконец, чтоб я поместился в положенное нам помещение, его специально перестраивали для меня, расширяли, отобрав пространство у коридора, — сколько у кого я потом ни спрашивал, никто больше не удостоился такой чести. Все обитали в маленьких, тесных закутках, десять сантиметров — и стена слева, десять — и стена справа, сзади вообще впритык, а спереди — чуть побольше, чем по бокам, в общем, никакого воздуха, никакого объема, чтобы ощутить себя комфортно, уверенно, надежно, а у меня — хоть танцуй, такая площадь.

Надо признаться, временами мне и хотелось пуститься в пляс — так меня распирало от полноты жизни. Таким я чувствовал себя сильным, уверенным, *крутым*.

Но что невозможно, то невозможно. Стоять на месте — это наша судьба. Стоять крепко, неколебимо, не шелохнувшись, — намертво схваченным с фановой трубой.

Люди считают, что мы бездушны, неживы, лишены сознания, не можем говорить сами и не понимаем чужой речи. Я подразумеваю под “мы” не только собственно унитазаы, но и ванны, и умывальные раковины, и краны со змеиными головками душей, и трубы, которыми мы все связаны между собой, как люди своими телефонными проводами. Людям присуще делить мир на косную и живую материю, и коль мы сделаны из глины, металла, синтезированной резины — того, что они называют косной материей, они и полагают, будто бы мы слепы, глухи и немы.

На самом же деле все, чему придана форма, наделяется жизнью. А где жизнь, там и душа. А где душа, там возникает сознание, неотъемлемой частью которого является зрение, слух, речь. Другое дело, что это зрение не похоже на человеческое, совсем иной, чем у человека, слух, и иная речь. И еще вопрос, чьи органы чувств совершенней. Да, человек всемогущ, мы вылеплены им из земного праха, призваны им к жизни, и она всецело зависит от него, но вот мы слышим его речь, понимаем ее, а он нас не слышит. Он даже не догадывается, что мы в курсе

всех его дел, все знаем о нем и могли бы в каких-то случаях помочь хотя бы советом, однако это невозможно: он может слышать только себя, упоен собой, только о себе и думает, и ничего в мире, кроме него самого, для него не существует.

Впрочем, у меня к нему никаких претензий. Какие могут быть претензии к своему Создателю. Он вылепил меня, дал мне жизнь, вдохнул в меня душу, — и за это я признателен ему и обязан по гроб жизни.

Я, разумеется, знаю, что у людей есть лицо, по которому они и различают друг друга, но для меня лицо человека — его попа. Я общаюсь именно с нею, и было бы странно, если бы лицом было для меня что-то иное. Попа — удивительная часть человеческого тела, нет двух поп, похожих одна на другую. Руки у людей похожи, торсы, уши, носы, глаза — в общем, то, что они называют у себя лицом, а попы — нет. И как по-разному они ведут себя на мне, какие у всех разные привычки. Незнакомую попу я узнаю тотчас. К незнакомым я равнодушен, и мне все равно, как у них и что получается, а когда садятся свои, домашние, — ох, я переживаю, болею за них, хочу, чтобы все у них было как надо, наилучшим образом, без боли и крови, быстро и качественно.

В семье, где я живу, пятеро. Мужчина, которого зовут Николаем, его жена по имени Надя, двое детей мальчиков, и еще старая женщина, мать Нади. Когда-то, когда я только появился здесь и для меня расширяли помещение за счет коридора, был еще такой Валерий Галактионович, громогласный, лысый, глава семьи, работавший где-то в системе человеческих отношений крутым начальником, почему ему и удалось отхватить столь крутого, как я, но некоторое время спустя после моего появления он умер, и главой семьи стал Николай. Что значит “умер”, я так до конца и не понял. То есть я понял, что это как-то связано с каким-то переездом, вроде того, что из одной квартиры в другую, причем довольно маленькую, но зачем ему нужно было переезжать, отрываться от своей семьи, какие обстоятельства заставили его сделать подобное, — это для меня так и осталось непроясненным.

После его переезда семья бедствовала, питание у них стало безобразным до невозможного, — об этом можно было судить по их шлакам. Они все, даже дети, ели что-то такое низкого качества, что их печень отказывалась перерабатывать съеденное, и мне приходилось принимать в себя не единую, переваренную, туго спрессованную массу, как я люблю, а ошметья чего-то разжеванного, какие-то переплетенные волокна, отдельные куски, от чего мне всякий раз становилось дурно.

В семье начались скандалы. Из-за двери моего помещения, из глубины остальной квартиры доносились громкие разговоры Николая и Нади, иногда они переходили в крик. “Если ты же-

нился и родил детей, ты должен! — кричала Надя. — Если ты мужчина, ты просто обязан!” “Как я обязан, как я обязан?! — так же криком отвечал ей Николай. — Воровать? В партию вступить, чтоб карьеру сделать? Воровать мне нечего, а в партию твою выю гнуть — застрелюсь, не пойду!” Здесь, случилось, в разговор вступала мать Нади. “Ты чистеньким хочешь быть, невинность соблести, а дети пусть голодают, да? — присоединилась она к дочери. — Это, по-твоему, нравственно? Если это нравственно, то я царица Савская, а не вдова партработника!”

Ужасно было слышать их ссоры. Меня просто выворачивало от них наизнанку: то и дело случались засоры, все из фановой трубы шло обратно вверх, забивало меня сточной водой по самую кромку, и откуда-то приходил грязно одетый, отвратительно пахнущий водкой грубый мужик с толстой стальной проволокой, всаживал ее в меня и принимался ходить ею туда-сюда, туда-сюда — операция, выдержать которую и не треснуть в горле можно было лишь теша себя надеждой, что все в доме снова исполнится жизненного успеха, задышит благополучием, зафонтанирует радостью и довольством.

Мучения мои были не напрасны. Стойкость моя была вознаграждена. Настал день, когда дом огласился не криками ругани, а торжества и ликования. Кричала Надя, вторила ей мать, кричал сам Николай, и вслед им, не очень понимая суть дела, но разделяя общий восторг, кричали мальчики.

Твердость Николая, его верность избранной жизненной позиции принесли ему успех. В стране, в которой я имел счастье обрести жизнь и обитать в положенном мне помещении, людям дали добро на занятия кооперативной деятельностью. Иначе говоря, стало можно устроить для себя благополучную жизнь, достичь жизненного успеха, не воруя и не вступая в партию, не согнув ни перед кем выи. Николай тотчас бросился в эту деятельность очертя голову, отдал ей всю свою энергию, которая накопилась в нем за прежние годы, и крики торжества, огласившие дом, были связаны с принесенными им в дом первыми кооператорскими деньгами. Это были деньги, на которые они сразу могли купить машину. Или загородный дом. Или... да что угодно могли купить!

Мир, довольство, благость и согласие поселились в доме. Теперь в нем то и дело раздавался смех, голоса хозяев сделались звонки и веселы, часто приходили гости, тоже весело и громко шумели, навещали меня, — я их перевидел за самое короткое время столько, сколько не видел за всю предыдущую пору, что появился на свет.

Случалось, что некоторые приходили ко мне опорожниться совсем не из положенного места, а изо рта, стравливая в меня совсем уж непереваренные куски пищи и наполняя мое нутро литрами переработанного алкоголя. Меня мутило от этого, спазм сжимал горло, хотелось вытолкнуть из себя все обратно,

но я не позволял себе ничего такого. Воспоминания о прошлых тяжелых днях удерживали меня от проявления своих чувств. Пицца, которую теперь ели в доме, была самой великолепной, какую только продавали в магазинах, и когда мною пользовались нормальным образом, я всякий раз мог удостовериться в ее высоком качестве. Шлаки были превосходны, настоящее наслаждение. И я работал отлично, не допуская никаких засоров, и однажды, как бы мне это ни было трудно, сумел протолкнуть через себя даже кучу арбузных корок, которую в меня запихнули. Ох, мне пришлось потрудиться! Но я очень хотел сделать это.

Хотя, надо сказать, и позлился изрядно. Арбузные корки — в меня! Как можно было додуматься? Все же человек для моего сознания в некотором роде загадка. Странное существо!

(Кстати, касательно выражения “настоящее наслаждение”, употребленного выше. Это однажды дверь в мое помещение оставили открытой, и я услышал рекламу какого-то продукта по телевизору. Там говорили: “Райское наслаждение!” Но насчет рая, я знаю, у людей имеются разные мнения, некоторые считают, что его не существует, а другие — что только для избранных, и я предпочитаю не использовать этого определения. Лучше даже вообще без определения, чем с таким, существование которого под большим вопросом.)

Именно в эту пору я влюбился. Возможно, тому способствовала общая атмосфера счастья, разлитая в доме. Моей избранницей стала ванна с четвертого этажа из небольшой однокомнатной квартиры. Хотя сам я стоял в трехкомнатной квартире, да еще пятью этажами выше, так что она была мне совершенно не ровней, я втрескался в нее буквально по уши.

Хозяин той однокомнатной квартиры, как и Николай, тоже занялся кооператорством, у него тоже завелись деньги. Он сделал в ванной комнате ремонт, выложил ее всю, сверху донизу, розовым кафелем, заменил прежнюю, крашенную серой масляной краской трубу полотенцесушителя, новой, зеркально сверкающей никелем, поставил вместо старого, унылого, проржавелого смесителя для воды замечательный, тоже весь сверкающий никелем агрегат с шаровыми кранами, с изящной головкой душа на внушительном кронштейне, — и моя старая знакомая раскрылась с совершенно необыкновенной стороны. Она оказалась просто красавицей! На ее сердце претендовали еще трое: надменный польский душ из роскошной квартиры в соседнем подъезде, сирийский сливной бачок с верхнего этажа дома и стальная вечная раковина из кухонного румынского гарнитура, стоявшая в соседней со мной квартире, — красавица с четвертого этажа ответила взаимностью мне.

Днем, случалось, у нас не было достаточно времени, чтобы насладиться друг другом, — то занята она, то я. Но уж ночью мы принадлежали друг другу всецело. У людей для ласк всего

две руки и губы с языком, наши возможности куда значительнее. Трубы холодной воды, трубы горячей, канализационные трубы соединяют наши тела до последнего атома, мы ласкаем друг друга каждой мельчайшей структурой веществ, из которых сделаны. Трубы схватывают самые тончайшие вибрации твоего организма, несут их по себе и передают адресату; в ночной тишине, когда все спят, все краны выключены, молчат сливные бачки, возможно такое слияние — перестаешь понимать, где ты, где она, вы что-то новое, единосущное, без границ, без тел... непередаваемое состояние! У меня, правда, нет труб горячей воды — в этом отношении я, наверное, похож на человека без ноги или без руки, — но их отсутствие никогда не мешало мне чувствовать себя абсолютно полноценным и ничуть не помешало возникнуть нашим отношениям. Все равно, несмотря на их иностранное происхождение, я был круче и душа из соседнего подъезда, и сливной бачка с верхнего этажа. Не говоря уже об этой лесбиянке кухонной раковине. Как призналась мне однажды моя красавица, она уже давно обратила на меня внимание и, когда обратил на нее внимание я, слила из себя воду, заполнявшую ее до краев, в одно мгновение.

Кроме того, у нас с нею обнаружили общие интересы. Это была жизнь наших хозяев. Моя красавица даже просветила меня кое в каких вещах касательно этой жизни. Оказывается, кооперативная деятельность была вовсе не таким уж простым и счастливым делом, как я о ней думал. Оказывается, там было много сложностей, она требовала много изворотливости и хитроумия, занимаясь ею, приходилось много *вертеться*. Что значит “вертеться”, спросил я. Это значит изменять своей сущности, сказала она. То есть как если б я должен был выполнять роль сливного бачка, а ты — умывальной раковины, так? — уточнил я. Именно, подтвердила она. Ничего себе! — я даже присвистнул от потрясения. Уровень воды во мне понизился до самого дна и, восстанавливаясь, долго еще колебался. Да, ужасно, подтвердила моя возлюбленная. Но они так радовались, сказал я, вспоминая тот день, когда Николай пришел с первыми кооператорскими деньгами. Радость доставляется не деньгами, а чувством полноты жизни, отозвалась она. Просто деньги тогда смогли дать им это чувство. Я согласился с нею. Нам, например, всем вообще не нужны деньги. Обходимся без них, и хоть бы что.

Бывало, мы проводили с моей возлюбленной в разговорах часы и часы. Говорили и не могли наговориться. Мы говорили не только о наших хозяевах. Бог знает, о чем мы говорили. Я был счастлив в ту пору. Замечательная была пора. Непередаваемо счастливая.

— Мне кажется, он сошел с ума! — Голос моей красавицы был не просто исполнен страха, а переполнен им — до самых

краев. — Он каждый день пьян до безобразия, и если со мной обращается еще ничего, то что творится вокруг... Я тебе раньше не рассказывала, стеснялась, но больше не могу. В комнате он оборвал все обои. На кухне весь пол в осколках от битых бутылок. А вчера он принялся за ванную комнату. Расколотил весь кафель, ни одной живой плитки, я в ее крошечке чуть не до верху. Выворотил краны из стены. Сорвал душ с кронштейна и бил им о меня. Мне ничего, я крепкая, даже не особо больно, но на душ теперь просто страшно смотреть, он льет из всех щелей!..

Ее откровение не было для меня такой уж большой новостью. Я уже и так от наших общих друзей в соседних с нею квартирах знал, что в ее доме происходит нечто из ряда вон. Она лишь конкретизировала мое знание. Призналась в том, в чем прежде, когда я, тревожась за нее, пытался ее расспросить, никак не хотела признаваться. Вот, наконец, не выдержала.

— Ты догадываешься, почему он такой? — спросил я.

— Я так понимаю, у него что-то не в порядке с его делами, — ответила мне моя красавица. — К нему приходили какие-то люди, кричали о какой-то крыше, требовали делиться, даже били его. А, вот, — вспомнила она. — Он говорил, что сам крыша, и это с ним делятся, а не он с кем-то, тогда они и стали его бить. И разговаривал потом по телефону — жаловался, что его опускают.

— Ничего, это все чепуха, все нормализуется, — сказал я, успокаивая мою красавицу. — Обычный ход вещей у деловых людей. Это на него наехал рэкет. Так было и с моим Николаем. Тоже ужасно психовал. А потом все отрегулировалось, и сейчас полный порядок!

— Нет, правда, да? — проговорила моя красавица.

Так проговорила — будто оперлась на меня. Безоговорочно доверилась мне — во всем, без остатка.

— Правда, конечно, — подтвердил я.

В действительности я жутко запаниковал. Дело было скверно. Эпоха кооперативной деятельности уже кончилась, люди совершили революцию, которую называли троллейбусной, настало время реформ — еще более счастливого, чем то, когда решили заняться кооператорством, но возникли всякие непредвиденные обстоятельства, которые стали отравлять это счастье. Когда наехали на моего Николая, атмосфера в доме стояла такая, что пора после смерти Валерия Галактионовича вспоминалась мне как идиллическая. Только Николай ничего не громил, наоборот — молчал, не отвечал ни на какие вопросы ни Нади, ни ее матери, не подходил к телефону и просил сообщать, что он в отъезде, но это его молчание было похуже любого крика. В нем была тяжесть могильного камня. Так сказала об этом его молчании Надя. Николай ничего не ответил ей — как бы согласился, а я понял из этих Надиных слов, что могильный камень — это вроде замка на той квартире, куда пере-

езжаешь после смерти, и такой замок, что если повешен, то оттуда уже не выйти. “Убить” — вот слово, которое я узнал тогда из разговоров Нади с ее матерью. “Убьют — и все, им это как водки выпить” — так сказала Надя. “Убить”, понял я, — это значит “заставить умереть”. Причем неожиданно. Твои родные ни о чем не знают, а тебя застрелят в подъезде из пистолета или подорвут взрывчаткой машину, и после этого уже ничего не остается, как переезжать от всех своих родных под могильную плиту.

Правда, у Николая и в самом деле довольно скоро все устроилось. Он пошел под “крышу”. Отчего у него стало порядком меньше денег, но зато жить сразу сделалось спокойнее и безопаснее. Он сам так сказал Наде — когда начал с ней разговаривать. Надя назвала его болваном. “В партию под крышу не пошел, а под крышу к бандитам — так бегом”, — сказала она. Николай ее ударил. В лицо. Дал пощечину. “Ты бы хотела, чтоб меня убили?!” — заорал он. Я никогда прежде не слышал у него столь ужасного голоса. Он был тяжелый, такой тяжелый — так, наверное, тяжелая та самая могильная плита. Он ударил, а просила у него потом прощения Надя. Извини, извини, все время повторяла она. И опять плакала. Он не успокаивал ее, но некоторое время спустя проговорил уже обычным своим голосом: “Под ту крышу никто не звал. Под нее забраться — еще очень постараться следовало”.

Но если все устроилось у Николая, это не значило, что так же будет у хозяина моей красавицы. Мало ли как он себя поведет. Есть ведь такая вещь, как характер. Натура. Николай тоже психовал, я видел: у него даже шлаки, несмотря на великолепную еду, шли отвратительные, то будто камень, то жидкие, вода водой, — но он же ничего не крушил, не пьянствовал. Только молчал, и все.

Нужно было что-то предпринимать. Только что? Впервые в жизни я пожалел, что не подключен к горячей воде. Я бы сговорился со сливным бачком, мы бы разъели прокладку, мы бы дали такой фонтан, проббили такой “SOS”, залив все этажи до подвала, — сбежались бы все жэковские слесари, и без милиции тоже бы не обошлось. Но с холодной водой таких вещей не устроишь. Если только небольшую протечку. Так кто на какую-то протечку обратит внимание?

В конце концов, не придумав ничего другого, я устроил засор.

Я устроил его ночью, дабы последствия засора оказались как можно значительнее. Вернее, оглушительнее — так будет точнее. Сговорился со сливным бачком, чтобы он как следует подтекал водой, меня переполнило, и к утру все помещение, где мы стоим, было в воде до ушей. Она выплеснулась в коридор, протекла на кухню, — мы залили под нами целых пять этажей!

Примчались и слесари, и еще всякие люди из ЖЭКа, и милиция. Собственно, ради милиции я и старался. Наводя порядок, милиционеры должны были пройти по всем квартирам, строго предупредить их владельцев об ответственности за состояние сантехники; так они естественным образом оказались бы и в квартире моей красавицы. А оказавшись там, они бы увидели, что делается в квартире, и, само собой, ее хозяин вынужден был бы объясняться с ними, все им рассказать, — и тогда милиция пришла бы к нему на помощь.

Но милиционеры туда даже не зашли! Они все столпились у нас, в квартире моих хозяев, и заставили объясняться Николая. И не только они столпились. И эти люди из ЖЭКа, и все жильцы из нижних квартир, которые я залил. Какой разнос они устроили Николаю, какие обвинения ему предъявили! Получилось, что своей акцией я не добился ничего, что хотел, ровным счетом, а только поставил Николая в такое положение, что теперь он должен был раскошелиться на ремонт всех залитых квартир. Получилось, обобрал его на громадную сумму, не хуже рэкетиров.

В тот день я был в таком состоянии, что понял хозяина моей красавицы: имел бы руки, тоже пошел крушить все подряд. Не будь я и без того карминным, от ярости, что владела мной, я бы точно налился красным. Ярость красного цвета, это точно. А я был в дикой ярости. Надо мной хохотал весь дом. Особенно усердствовали со своими издевками польский душ, сирийский сливной бачок и стальная кухонная раковина из румынского гарнитура. “Тебе, наверно, нравится, когда тебя тыкают проволокой, — похихикивал душ. — Она такая стальная, такая крепкая и гибкая, ты получаешь необыкновенное удовольствие!” “Да ты гомосексуалист, крутой! — подхватывала раковина. — Эй, которая из однокомнатной! Твой крутой-то двустольный!” “Не, он не двустольный, — отзывался сливной бачок. — Он все одним стволем. Тот у него многоцелевого назначения!”

Но моя красавица проявила необыкновенное благородство. Она не обратила на все подначки ни малейшего внимания. А ведь они были адресованы, как и мне, в равной степени ей. Она оказалась настоящей подругой. Дождалась, когда все натарахтятся до отвала, смолкнут, и я услышал в себе биение ее голоса: “Милый мой, прости меня, не сердись. Это я во всем виновата — растревожила тебя. Между тем, ты был прав, я все проанализировала и пришла к выводу: ничего страшного. Если твой Николай прошел через такое, почему должно миновать моего? И если у твоего теперь полный порядок, почему у моего должно быть иначе?”

Она утешала меня, она хотела облегчить мои муки!

Милая моя, спасибо, как я благодарен судьбе, что она свела нас, только и смог я ответить моей красавице. Мне буквально пережимало горло от любви и нежности к ней.

У людей есть поговорка: "Человек предполагает, а Бог располагает". Я не знаю, кто такой Бог и чем он располагает, но знаю, что люди говорят еще и так: "На Бога надейся, а сам не плошай". Хозяин моей красавицы не сплошал. У него все *утраилось*. Его приняла под свое покровительство самая могучая, новая силовая структура в стране — охрана самого президента, — и вся шваль, которая его осаждала, тут же брызнула в стороны, исчезла с глаз долой, как ее и не было. Конечно, покровительство силовой структуры даром не получишь, он за него вынужден был *отстегивать и отстегивать*, но есть все-таки разница, кому отстегивать: подворотной швали или президентской охране. С таким покровительством сразу станешь крутым.

У нас с моей возлюбленной снова наступили дни полного, безмятежного счастья. Один сменялся другим — мы не чувствовали разницы между ними. Счастливые часов не наблюдают, так говорят люди.

Неприятности пришли оттуда, откуда, казалось, ждть их никак не приходилось. У Николая появилась другая женщина.

Все началось с того, что он каким-то образом сумел проломиться в нефтяной бизнес. Это его слово, он сам так говорил — "проломиться". Попасть в нефтяной бизнес было мечтой каждого делового человека, нефтяной бизнес стал необыкновенно привлекателен, он давал баснословные доходы, но проломиться в него удавалось далеко не каждому. Вернее, мало кому. Единцам. Николай проломился.

Николай проломился в нефтяной бизнес — и безумно разбогател. Так, что деньги начали у него лезть из ушей. Это не мои слова, это сказала о нем Надина мать. И когда он разбогател, он загулял. Дорвался медведь до овсов, сказала Надина мать.

Он стал менять одну за другой машины, покупая все более и более мощную и дорогую, стал пропадать во всяких ночных клубах, которых раньше не было, а теперь развелось необозримо, играть в казино, которых тоже раньше не было, а теперь — на каждом шагу, вокруг него принялись во множестве порхать всякие ночные бабочки, и он окончательно слетел с катушек. Это тоже выражение Надиной матери.

Потом Николай купил себе новую квартиру в самом престижном районе, поселил там одну из этих ночных бабочек, а некоторое время спустя переселился туда и сам.

Все это сделалось известно мне в такой полноте задним числом, когда он оповестил о своем решении Надю и у них состоялось выяснение отношений. Конечно, я и раньше слышал кое-какие их разговоры, некоторые были просто настоящими скандалами, да и обратил внимание, что Николай последнее время слишком редко заглядывает ко мне, но в нашем счастье с моей красавицей я не сумел проанализировать свое знание и соединить воедино все факты. Теперь, когда тайное стало явным, мне

и вспомнились все те слова, которые говорила о Николае Нади-на мать. Вот, оказывается, что они означали, вон какие собы-тия!

— Ты мерзавец, подонок! — кричала Надя. — Мало того, что тратил деньги на шлюх, так еще и квартиру купил — втихую, как тать в ночи! Подстелил соломку, чтобы мягко спикировать!

— Ты не понимаешь, что несешь, — не повышая голоса, от-вечал ей Николай. Он, должен заметить, с тех пор, как проло-мился в нефтяной бизнес, вообще стал удивительно спокоен, вальяжен, нетороплив и движениями, и речью — респекта-бельный, такое есть слово. Не знаю, какие у него костюмы, но нижнее белье, обратил я внимание, когда он приходил ко мне, было самого высшего класса. — Втихую — чтобы избавить тебя от лишней нервотрепки, только и всего. Разве не замечательно, что мы имеем возможность разъехаться, не трепля долго друг другу нервов? Это раньше, когда у нас была тюрьма вместо страны, человек, даже имея деньги, не мог купить себе кварти-ру. Должен был жить с нелюбимым человеком, мучить его, му-читься сам. А теперь свобода, покупай — и разъезжайся к об-щему удовольствию.

— Я нелюбимая? Стала нелюбимой, да?! — Раньше на этих своих словах Надя бы истекла слезами, но теперь в голосе ее была только злость. Обида и злость. — Отдала тебе лучшие го-ды, тащила тебя на себе, чего от тебя только не натерпелась, те-перь стала нелюбимой?

— Не привязывайся к словам. Что за привычка — все толко-вать буквально! Просто настала другая жизнь. Я для такой был создан. Мне элементарно нужна другая женщина, без всяких корней в прошлом. Чтобы соответствовала мне сегодняшнему.

— Скажи честнее: на свежатину потянуло!

— Меня тянет новая жизнь. А ты меня тянешь в старую. Пардон! Обрато я не ходок.

— Дети твои — это тоже старая жизнь? На детей тоже мо-жешь плюнуть?!

— Вот наглядный пример твоей клейменной психологии: шантаж детьми. Не пройдет. Дети будут иметь от меня все, что нужно. Еще чуть подрастут, год — другой — и поедут учиться в Америку. Или в Англию. Можно в Германию. Куда предпочти-тельнее?

Вот это, то, что он сказал о детях, примирило меня с Нико-лаем. Хотя, конечно, не мне быть судьей людям. Жизнь их исполнена непостижимого для нас смысла, — откуда мне знать, что в их поступках верно, что нет? Возможно, то, что мне ка-жется странным, на самом деле для них естественно, верно и необходимо. Это моя функция четка, ясна, определена: при-нимать от них шлаки и бесследно уносить в канализацию. А функция человека не поддается никакому осмыслению. Это, похоже, даже не одна функция, а целый букет. Но вырастить

детей, оставить после себя потомство — это, как я сумел понять за годы своей жизни, очень важная функция человека. Может быть, не столь важная, как моя, но почти такая же.

С этого времени я стал относиться к детям Николая и Нади с особым вниманием и нежностью. Я радовался, когда они приходили ко мне, наслаждался их маленькими нежными попками, млея от счастья, когда они задерживались на мне подольше. Хотя это и означало, что у них нелады с желудочно-кишечным трактом. И вот тем не менее.

Я растворял в этой нежности ту горечь, которой саднило во мне происшедшее между Николаем и Надей. Трудно было привыкнуть к тому, что Николай больше не появляется у меня. Временами я забывался и начинал ждать его, мне чудилось, что шаги за дверью — это он, сейчас повернется ручка, щелкнет замок — и я приму его на себя, увижу его... но ручка поворачивалась, замок щелкал — это была Надина мать или сама Надя, и я вспоминал, что Николай живет теперь в другом месте, с другой женщиной.

Некоторое время в моем помещении не объявлялось вообще ни одного мужчины. А потом как хлынуло. Оказывается, Надя вытребовала у Николая довольно изрядное содержание и была весьма лакомым куском. Так, во всяком случае, услышал я, говорила ее мать. Надины любовники, пахнувшие чужим, не похожим на Николая запахом, сменяя один другого, приходили ко мне, сидели, тужились, кряхтели, некоторые брызгали кровью и тихонько постанывали, — я оставался равнодушен к их трудностям. Они не были моими хозяевами, с какой стати я должен был испытывать к ним какие-то чувства? Можно сказать, хотя среди них и не было двух похожих поп, все они были для меня на одно лицо.

Впрочем, все мы, земные создания, удивительно эгоистические существа. Как бы ни переполняло меня происшедшее между Николаем и Надей горечью, я вместе с тем оставался по-прежнему счастлив. По-прежнему мы с моей красавицей проводили вместе часы и часы, не замечая течения времени, по-прежнему вели долгие, нескончаемые разговоры, говорили и не могли наговориться. Наша близость была наслаждением, дать определение которому я не возьмусь — нет слов.

Под покровительством президентской охраны дела ее хозяйна неудержимо шли в гору. В нем, рассказывала мне моя красавица, появилась та же вальяжность, та же холодная сосредоточенная бесстрастность, что были известны мне по Николаю. Он стал носить дорогое, великолепное нижнее белье, вместо прежнего махрового банного халата у него появилось сразу несколько атласных, а шампуня, которыми теперь мылся, благоухали, как целый цветочный магазин. Он сам с гордостью произнес это в трубку мобильного телефона, погружаясь во вспененную во-

ду, наполнявшую белое тело моей красавицы. На шее у него висела толстая крученая золотая цепь, однажды, моясь, он снял ее, чтоб не мешала, положил на край моей возлюбленной, — там было, с восторгом поведала она мне после, килограмма полтора, не меньше, она сразу почувствовала вес! Имея опыт Николая, я встревожился и посчитал необходимым сообщить моей красавице, что означают те изменения в поведении ее хозяина, которые она наблюдает, чем чреваты и в чем их опасность. “Да, заведет другую женщину и уйдет из дому? — засмеялась моя красавица. — Пожалуйста, пусть заводит. Другую, третью. Их у него и так десяток на дню, новых. И ни одна не жена. От кого ему уходить из дома?” Я ржал вслед ей так, что от сотрясения у бачка надо мной выскочила из отверстия груша и он весь слился в меня. Ну, не прелесть была моя красавица? В самом деле, от кого ему было уходить из дома! И зачем покупать новую квартиру? Ему неплохо было и в этой.

Тут я, правда, ошибся. Хозяину моей красавицы, конечно, совсем неплохо было в своей квартире, но лишь в определенном смысле. А в другом — как раз не очень-то хорошо. Все же квартира была однокомнатной, и она уже никак не соответствовала ему нынешнему. Тому, каким он стал. Ему нужна была большая. По которой можно было бы пройтись. В которой было бы где гульнуть с приятелями и приятельницами. Было бы, в общем, где развернуться.

Он мог, судя по всему, купить себе квартиру в самом престижном районе, там же, скажем, где Николай. Но он предпочел остаться на месте. Никуда не перебираясь. Он купил соседнюю квартиру. Таковую же трехкомнатную, как та, в которой стою я. И соединил со своей старой.

Нашей радости с моей красавицей не было конца. Она могла очутиться у другого хозяина, и что бы еще там оказался за человек? — а осталась с прежним хозяином, с которым свыклась, которого знала, как самое себя, с которым, в общем-то, несмотря ни на что, ей всегда было хорошо и надежно. Да еще из однокомнатной очутилась в квартире из четырех комнат. Она даже немного, в шутку, позадирала передо мной нос: не просто в четырехкомнатной, а с двумя входами, двумя кухнями и еще одной, кстати, ванной!

Ее хозяину, между тем, хотелось жить не просто в просторной квартире, а в квартире, которой можно было бы гордиться, которая бы одним своим видом свидетельствовала, какой человек в ней проживает, ему требовалась роскошная квартира, штучная — *крутая*.

Он начал ремонт. Застучали молотки, заскребли шпатели, зашелестели, распыляя краску, пульверизаторы. Я его понимал. Кому, как не мне, было понять его.

О том, что нашему счастью с моей красавицей уже положен предел, я не мог и предположить.

Было утро, начало дня. Люди поднимались с постелей и первым делом шли к нам, в наши помещения — освобождать организм от ночных шлаков, умыться, принимать душ. Мы расстались с моей красавицей считанные минуты назад, я как раз принял на себя старшего Надиного сына, весь отдался работе, полностью сосредоточась на ней, и вдруг вновь услышал ее голос. То, что она принеслась ко мне в столь неурочное время, означало что-то чрезвычайное. Я сразу весь внутри встал дыбом:

— Что случилось?

— Я не знаю, пока не знаю, только чувствую... — Голос у нее звенел и чуть даже дребезжал; можно было б подумать, что она не из благородного чугуна, а из тривиальной жести. — Они избавились от той, второй ванной. Вынесли ее, дели неизвестно куда... теперь там будет только туалет, комната больше, чем у тебя, и только что, я слышала, привезли другой унитаз, прямо из Германии...

Во всем том, что она говорила, новостью для меня было лишь известие об унитазе. Все остальное я уже давно знал, а в том, что для нового, столь просторного помещения прежний унитаз никак не годится и его будут менять, сомневаться не приходилось. Хотя, надо сказать, то, что в доме появится кто-то круче, чем я, и ему отведут более крутые апартаменты, отнюдь не приводило меня в восторг.

— Подожди, подожди, успокойся, — остановил я свою красавицу. — То, что вторую ванну вынесли из квартиры, говорит о том, что тебе... нам с тобой, — тут же поправился я, — ничего не грозит. Двух ванн в доме, конечно, не нужно, но совсем без ванны тоже не обойдешься. Так что нам с тобой совершенно нечего беспокоиться. И уж чего-то бояться — тем более.

— Нет, я боюсь, боюсь! — воскликнула моя красавица. — Я раньше плохо знала людей, теперь я знаю их лучше. Они сами не знают себя — вот в чем ужас! Они думают о себе, они такие, а оказываются совсем другие. От них можно ждать всего, чего угодно. Любой низости! Я раньше думала, они, как мы, у них есть назначение в жизни, а теперь вижу — ничего такого. Только чтобы все у них лучше, чем у других. Чтобы быть сильнее. Богаче. Круче.

— Перестань, что за обобщение на ровном месте, — сказал я. — Все, чего можно ожидать от твоего хозяина, — так это того, что он расширит твою комнату. Зачем ему два туалета? Снесет перегородку между тобой и твоим соседом, моим коллегой, а его самого уберет. Будешь стоять одна, как в танцевальном зале. Станешь еще заирать нос передо мной, — пошутил я. — Что ты круче меня.

Я не дурил мою красавицу, не вводил в заблуждение, стремясь успокоить, я так и думал, как говорил. Я не мог и подумать по-другому.

Но, оказывается, моя возлюбленная была права в своем беспокойстве. Оказывается, женская интуиция бывает точнее мужского знания. Ее ощущение человеческой природы оказалось вернее, чем мое.

Спустя несколько часов после нашего разговора в комнате моей красавицы появились ремонтные рабочие. Загрохотали отбойные молотки, посыпался мат — и перегородка между нею и моим коллегой исчезла. Когда весь мусор был вытащен, рабочие отсоединили моего коллегу от сливного бачка, сняли толстую резиновую манжету, соединявшую его с фановой трубой, открутили винты крепления и выломали его из пола. Все, как я и предполагал.

Но дальше... дальше они принялись за мою красавицу. "Любимый, прощай..." — крикнула она, а мне не удалось попрощаться с ней. Мой голос был перекрыт скрежетом разводного ключа, сдиравшего с места крепежную гайку, старая фановая труба, не выдержав напряжения, хрустнула и развалилась, и я уже не слышал, так никогда и не узнал, как мою красавицу стаскивали с ее места, как выволакивали наружу, спускали на лифте вниз во двор, чтобы бросить у мусорных баков... Одно утешение: этим рабочим пришлось наломаться с нею, понадрывать пупки — весу в моей красавице было дай Боже, она была не какая-нибудь пластмассовая трескучая штучка, она была истинно в теле — это уж точно.

А через три дня вместо нее в новой, просторной ванной комнате стояла уродливая, бесформенная, похожая на бегемота, поперек себя шире, розовая туша ванной — джакузи. Самодовольная, сытая американская особа, гордая тем, что у нее десять дыр для всяких разнообразных душей и она может запускать в себя воду и сверху, и снизу, и сбоку, бить струей и щекотать слабым дождичком. Чем эта писающая из всех щелей бегемотиха показалась бывшему хозяину моей красавицы лучше? Какими такими особыми качествами привлекла? Мечтал лежать в ней часами и подставляться под ее струи то тем местом, то этим? Полежал два раза — и больше не лежал. Насытился.

Я потерял всякий интерес к жизни. Я механически выполнял свои обязанности, не замечая, кто ко мне приходит — свои, чужие, я даже перестал различать попки детей, только иногда под рычащий звук извергающейся в меня воды спохватывался: ах, это же был старший! это был младший! — но уже все, поздно: хлопала крышка стульчака, я погружался в темноту, и чувство вины, что не осознал присутствия ребенка, вскоре растворялось в моем обычном бесчувствии. Моя жизнь — это теперь были воспоминания о нашей любви с моей красавицей. Ночами, в тишине, я перебирал в памяти наши встречи, как мы ласкали друг друга, как говорили, не могли наговориться — и все по десятому, по сотому, по тысячному разу... Жизнь моя сдела-

лась пуста. Я думал о самоубийстве. В принципе, это было несложно. Следовало лишь почаще устраивать засоры, и тебе или раздерут глотку стальной проволокой грубые слесари, пахнущие водочным перегаром, или, устав от твоих капризов, тебя просто отнимут от фановой трубы, выломают из своего гнезда и выбросят на помойку.

Но я оказался не в силах совершить самоубийство. Я устроил засор раз, еще раз — и больше не выдержал. Как выяснилось, инстинкт жизни — слишком сильная вещь. Я не хотел жить — и хотел. Я был не в силах жить — и был не в силах лишить себя жизни.

В этой снедающей меня тоске я неожиданно для себя близко сошелся со своим сливным бачком. Мы с ним и прежде жили вполне дружно, но все же настоящей дружеской близости между нами не было, а тут он проявил себя как настоящий товарищ. И часами выслушивал меня, когда мне было невозможно держать в себе раздиравшую все нутро боль, и давал толковейшие советы, — он, ко всему тому, оказался весьма не глуп, чего я в своей спеси почему-то никогда раньше не замечал. Мы с ним, как разобрались, были даже кем-то вроде братьев, если не родных, то уж во всяком случае единоутробных или единокровных: и я, и он сделаны из одной глины и в одно время. И он того же ярко-красного, карминного цвета, что и я, только я велик, широк, могуч, а он мал, неказист, всегда на вторых ролях, — вот я его не особо и замечал.

Мы говорили с ним о тысячах вещей, обо всем на свете, но особенно много, конечно, о людях. Мы много узнали о них за эти последние годы — столько, сколько не узнали бы, не произошли у них та троллейбусная революция и не начнись новая свободная жизнь.

Люди, сошлись мы с бачком во мнении, сколько бы мы о них ни узнавали, навсегда останутся для нас непостижимой тайной. Вот наш брат, накрепко связанный с фановой трубой. Мы можем засориться, подтекать водой, грязниться, и тогда нас приходится чинить и чистить, но в основном — в верности своей функции — мы непоколебимы. Умывальная раковина не примет в себя шлаки, точно засорится; сливной бачок не послужит, в свою очередь, умывальной раковиной; а в унитазе никак не вымоешься, как ни старайся.

Человек же все время изменяет себе. Тот, кто вчера кричал “держи вора”, завтра может украсть больше всех. Кто опасался обидеть даже букашку, возникни опасность для его жизни, — станет жесток и немилосерден. Кто обличал других за неправедность, окажется неправеднее их во многожды раз.

Как это так получается? Непостижимо!

А главное, их функция в жизни. Смысл их существования. Не может же быть, что деньги. А ничего другого мы с бачком увидеть не в состоянии.

Минуло года два, примерно так, когда понемногу я начал приходить в себя и возвращаться в мир. Два года — немалый срок. Тут и обнаружилось, что за эти два года вокруг очень многое изменилось.

Не было уже в доме Надиной матери — она умерла, как ее муж, Валерий Галактионович, и переехала к нему под могильную плиту. Видимо, она очень устала от этой жизни здесь, если решила перебраться в тесноту той квартиры, которую занимал Валерий Галактионович. Не удивительно, что устала, — жуткое неблагополучие вновь, оказывается, царило в доме.

Еда, которую они ели, вновь была чудовищно скверной — как в те времена, когда умер Валерий Галактионович. А пожалуй, даже и хуже, чем тогда. Шлаки, которые мне приходилось принимать, свидетельствовали просто о нищете. Я не имел и понятия, что теперь можно так питаться. Я полагал, что все осталось в тех годах, когда не было свободы, на всех людей имелась только одна крыша и они мечтали, чтобы ее не стало.

Николай, как мне удалось выяснить вскоре, и был причиной всех перемен, происшедших в доме.

Его выбросили из нефтяного бизнеса. Он поехал с той своей женщиной кататься на лыжах в швейцарские Альпы, и тех двух недель, что отсутствовал, наслаждаясь жизнью за границей, хватило, чтобы он потерял все свои должности, остался без акций — стал никем. Получилось, в полном смысле слова *ни-кем*, потому что нигде больше он был не нужен. Потому что за эти два года, как я услышал от Нади, люди поделили весь пирог и схряпали без остатка, не осталось ни крошки, а у кого выдрали его кусок изо рта — сам и виноват, не нужно было уезжать в Швейцарию. Это, я понял, все равно, как если б я с кем-то еще претендовали на один выход фановой трубы. К одному двоих не подсоединишь. Кто-то точно окажется невостребованным. И какой от него прок, как он ни будь хорош, если он без трубы?

В результате поездки в Швейцарию Николай потерял также и свою новую квартиру, которую у него забрали за долги, потерял свою новую женщину, которая не пожелала делить с ним тяготы жизни, но главное, перестал выделять вспомоществование Наде. Так и не выполнив обещания послать своих мальчиков в Америку или в Англию.

А потом он появился в доме и собственной персоной. Появился — и снова стал жить в нем. Как я понял, он уже и раньше после происшедшего с ним появлялся тут, может быть, даже приходил ко мне, проводил на мне какое-то время, но я не заметил этого. А возможно, я потому и вышел из своего забвения, что он вновь стал появляться? Только я не отдавал себе в том отчета, не осознавал, а среагировал неким внутренним чувством. Как бы то ни было, я безумно обрадовался его появле-

нию. Оказывается, я был привязан к нему, мне его не хватало все это время. Даже так: ужасно не хватало.

Его обратное переселение под одну крышу с Надей не облегчило ее жизни с мальчиками. Скорее, напротив. В считанные дни атмосфера в доме разогрелась до грозовой.

Надя с Николаем постоянно говорили сейчас о каких-то бумагах в портфеле Николая. Бумаги имели название "компромат". В этих бумагах содержалось разоблачение тех людей, с которыми Николай вел совместные дела и которые выбросили его из бизнеса. Эти бумаги могли помочь ему вернуться в бизнес. Нужно было только умело их использовать. В точно рассчитанное время, в точно рассчитанной ситуации. Надя была против того, чтобы Николай использовал бумагу.

— Все, достаточно, поиграл в крутого — и хватит! — кричала она. — Не лезь туда больше, благодари Бога, что жив остался! Сожги этот свой компромат, в унитаз спусти — что хочешь сделай, только чтоб больше его у тебя не было! Если вернулся, хочешь жить с нами, озаботься, чтоб твои дети сыты-одеты были!

— А я что, не для того, что ли, чтоб они сыты-одеты были?! — тоже криком отвечал ей Николай.

Он утратил свою прежнюю вальяжность, прежнее спокойное бесстрашие и кричал в разговорах с Надей не реже ее.

— Не для того, конечно! Не для них! — парировала его ответ Надя. — Для себя, и только. Чтобы снова в Альпы всякие ездить!

— Да пошла ты с Альпами! — отмахивался Николай.

— А нет, да?! — не отступала Надя. — Если нет, так чего тебе на какую-нибудь простую работу не пойти? Зарплату получить? Пойди на работу, ну?! Детей же кормить как-то нужно. Нужно, я спрашиваю? Твои дети!

— Хрена с два! Хрена с два! — Николаю уже доставало крика, и он, схватив что-нибудь, что попало под руку, швырял на пол. Раз это был утюг, раз стакан, разлетевшийся вдребезги, раз настольная лампа, которую после пришлось выбросить. — Не буду я на карачках ползать, они меня не заставят! Не для того я родился, я им так не спущу! На карачках ползать я и раньше мог! Но я и раньше не ползал, а уж теперь подавно!..

— Да они тебя ползать заставлять не будут! — Надя будто не замечала, что он хватил об пол очередной предмет домашнего обихода. — Ползать — это еще за счастье почтешь!

После таких разговоров с Надей Николай часто приходил ко мне. Опускался на меня, я изготавливался принять его шлаки, настраивался на работу, но, оказывается, он даже не снял штанов! И так он сидел и сидел на мне — столько, сколько никогда прежде, буквально часами. Что-то бормотал, иногда вскрикивал, бил себя кулаком по колену, судорожно вздыхал. Случалось, он так и уходил от меня, даже напоследок не распустив по-

яса брюк. И вся моя работа заключалась лишь в том, чтобы просто держать его. Сначала мне было обидно. Потом я привык.

В принципе, мне было не до обид. Я весь замер внутри, напрягся в ожидании. Я ждал, чем это все закончится. Не могло же так продолжаться долго. По опыту жизни я знал, что так просто такие ситуации не разрешаются. Что-то должно было произойти.

Я его сразу узнал. Бывшего хозяина моей красавицы. Хотя никогда и не видел его. Но она столько описывала мне его, его голос, его манеру говорить, все его любимые словечки и при словья, с такими подробностями и деталями описывала, что он только заговорил — и я понял: он!

Но зачем он пришел сюда, в дом Николая и Нади? Что за странность? Они не были знакомы с Николаем — это мне было точно известно. Они даже не подозревали о существовании друг друга — все это мы с моей красавицей доподлинно в свое время установили. Или с той поры, когда моя красавица еще стояла в его квартире, каким-то образом произошло их знакомство, и теперь они общались? В общем-то, конечно, могли познакомиться, ничего в том удивительного — живя не только в одном доме, но и в одном подъезде.

Однако же разговор, что шел между Николаем и бывшим хозяином моей красавицы, вовсе не свидетельствовал о каких-либо добрососедских отношениях. А уж тем более дружеских. Скорее, это был разговор людей, принадлежавших к двум вражеским станам.

— Лучше тебе отдать эти бумаги, кент, — говорил бывший хозяин моей красавицы. — Тебе же будет лучше, если их у тебя не будет. Сразу станешь спокойней жить. Тебе, кент, что, нужна беспокойная жизнь?

— Кто тебя послал? — спрашивал Николай.

— Тебе, кент, это без разницы, кто меня послал, — отвечал бывший хозяин моей красавицы. — Тебе — отдать мне эти бумаги, и живи спокойно. Тебе что, повторяю, нужна беспокойная жизнь?

— Знаю, кто тебя послал! — восклицал Николай. — Зашевелились, гады! Забеспокоились! То-то! Передай им — они мои условия знают, как будут выполнены — получают и бумаги. Тотчас. В тот же миг!

— Нет, кент, ты меня не понял, — со скользкой, мылкой усмешечкой в голосе продолжал тянуть свое бывший хозяин моей красавицы. — Бумаги нужны сейчас, без всяких твоих условий. Отдаешь бумаги — потом и со своими условиями можешь.

Ну, он был большой стервец, бывший хозяин моей красавицы. Меня всего так и переполнило ненавистью к нему. Сначала он заменил мою красавицу на этого самоуверенного американского бегемота, брызжущего водой из всех дыр, теперь он хотел

зла Николаю. Даже и мне, ничего не понимающему в людских делах, было ясно: отдавши бумаги, о всех своих условиях Николай мог забыть.

— Иди! — сказал ему Николай. — Сосед нашелся! С поручением пришел! “По-соседски”! Иди и скажи: фиг! Фиг они что получают! Три дня им на размышление, не соглашаются на мои условия — весьма пожалеют. Все!

— Ты, кент, не понимаешь, что говоришь. — Усмешки в голосе бывшего хозяина моей красавицы не осталось, он был как бы усталый и сочувственный. — Кто меня послал, шутить не будет. Они сказали “давай”, значит, давай.

— Знаю, кто послал! — выкрикнул Николай. — Передай, я тоже не шучу: три дня! Три дня, и все!

— Смотри, кент, я тебя предупредил. — Голос бывшего хозяина моей красавицы был все так же исполнен тяжелой усталости и сочувствия. — Сам нарываешься, никто не виноват.

Он ушел, щелкнул выключатель за дверью, в моем помещении зажегся свет, и ко мне пришел Николай. Сел на меня, не снимая брюк, и просидел так Бог знает сколько — я потерял счет времени. Его отняла у меня Надя — заколотила в дверь, спросила с возмущением: “Ты там спать собрался?”

Николай вышел от меня, закрыл дверь, погасил свет, а через какие-нибудь десять минут за дверью бушевала очередная гроза:

— Отдай! Я тебе говорю, отдай! — кричала Надя. — Такой страшный тип, да по его морде видно — лучше не связываться!

— Да что он мне, еще мне его бояться! — Николай, отвечая ей, как бы признавал тоном ее правоту, а с самими словами не соглашался. — Он кто? Он не посредник даже, он посыльный, мальчик на побегушках. Он и понятия не имеет, кто его на самом деле послал!

— А те, кто послали? Компаньоны твои бывшие. Они тебе угрожают, не он! Их ты не боишься?

— Боюсь, ну и что?! Не убивать же они меня будут! Они не убийцы. Никуда не денутся, примут мои условия. Что они, идиоты, чтобы тонуть?

— Ну, а не примут, не примут?! — спросила Надя.

— Не будет им никаких бумаг! — Николай, услышал я, хватил об пол что-то похожее на телефон — так хрумкнуло, зазвенело, задрезжало в коридоре. — Фиг! Пусть хотя бы отступного мне заплатят! А так — никаких! Только через мой труп!

Труп Николая нашли через три дня после того, как он исчез. Он висел в глухом углу лесопарка на собственном брючном ремне — словно бы повесился сам, но запястья у него были в густых кровоподтеках от веревок.

Надя похоронила его, не проронив ни слезинки. Во всяком случае, я не слышал, чтоб она плакала. Только несколько раз,

приходя ко мне, сидела так же подолгу, как Николай перед смертью. Оказывается, смерть — это не совсем то, что я полагал раньше. Человек, оказывается, не просто переезжает, но становится другим. Не может больше говорить, двигаться, находиться в вертикальном положении, а может только лежать. Начинает новую жизнь — и уже никогда, ни при каких обстоятельствах не в состоянии вернуться к старой. И эта его новая квартира, где он поселяется, находится не на поверхности земли, а внутри — в самой земле.

— Может быть, смерть у них — это вовсе не другая жизнь, а ее конец? — сказал сливной бачок, когда мы обсуждали с ним происшедшее с Николаем. — Уж очень странной она выглядит, эта новая жизнь. Лежать себе там — и все. Не двигаться, ничего. Все равно как мы у фановой трубы.

— Нет, как это, — не понял я. — Мы не двигаемся, конечно. Но мы живем!

— Мы живем, — согласился бачок. — Но если нас разбить, чтобы мы потеряли форму, мы исчезаем?

— Мы исчезаем, — теперь согласился я.

— А их форма — это движение. Они перестают двигаться — значит, и они исчезают.

Я пришел в восторг. Вот уж не ожидал от моего бачка такого. Он был настоящий философ!

— Но только зачем они двигаются? — спросил я, отдышавшись от своего восторга. — Или это и есть их главная функция — двигаться?

— Я сейчас скажу тебе то, — проговорил бачок, — что мне и самому кажется диким. Но я все чаще думаю так. Их главная функция — умереть. Перестать существовать. Они для того так и двигаются, чтобы побольше устать, — и тогда к ним приходит смерть. Или они кого-нибудь так утомляют своим движением, что их убивают. Вот, как Николая. Хотя сам он еще не устал.

Тут я взорвался. Философ философом, но вешать мне лапшой на уши бред — это уже слишком.

— Да?! Жить для того, чтобы умереть? А умереть — это, значит, перестать существовать? Ты понимаешь, что несешь?!

— Я понимаю, что несу. — Бачок как бы повiniлся голосом. — Но по-другому я не могу объяснить человека. Другого объяснения просто нет. Я не вижу другого!

Этими последними словами он очень облегчил мне ответ ему.

— О! — воскликнул я. — “Не видишь”! Ты не видишь, я не вижу. Этим все и сказано. Не видим! Человек — великая тайна. А мы просто не в состоянии в нее проникнуть. Не в силах постичь. Только и всего.

Бачок, похоже, смутился.

— Да, может быть. Наверное, так, — помолчав, пробормотал он.

Я остался доволен, как завершился наш неожиданный спор. Додумать до такого: будто жизнь человека — полная бессмыслица. Будто человек не знает, для чего он живет. Мы, которых он создал своими руками, знаем, а он нет. Ну не бред?!

С большим черным портфелем, хромова поблескивающим цифровыми замками, Надя появилась у меня на следующий день после похорон. Прощелкала замками и распахнула портфель. Поставила его на бачок, стала вынимать изнутри один за другим какие-то листы бумаги, сминать их в комки и бросать в меня. Когда таких комков набралась целая куча, она извлекла из кармана зажигалку и поднесла вспыхнувшее пламя к скопившейся во мне куче.

Сначала я не ощутил ничего. Только удивление и, пожалуй, восторг от нового ощущения: оказывается, во мне можно еще и разводить костер! Но пламя разгоралось, огонь охватывал новые и новые комки, охватил все, и во мне все возопило. Это было так жарко, так нестерпимо жарко! А Надя подбрасывала и подбрасывала в огонь очередные комки. Доставала листы из портфеля, сминала — и бросала. Сминала — и бросала.

От жара разведенного во мне костра меня буквально раздирало на части. Никогда с момента моего появления на свет не было мне так плохо. Что она делала, Надя, зачем, за что я заслужил такое?

Бумаги в портфеле закончились. Надя захлопнула портфель, бросила в меня последний комок, дождалась, когда он прогорит, превратившись в черный, рассыпающийся прах, и спустила воду из сливного бачка.

Что она сотворила со мной, что сотворила! Я думал, ужаснее огненного жара не может быть ничего, но холод воды, прокатившейся по моему раскаленному телу, оказался тысячекратно ужаснее! Какая-то сила будто скрутила меня, сжала, рванула, я услышал надсадный кракающий звук, и все мое тело рассадило змеящимися трещинами.

— Боже! — вскрикнула в ужасе Надя, отпрянула к двери, уронила в бурлившую во мне воду черный портфель.

За этот вскрик, этот ужас, прозвучавший в нем, я ей простил то, что она сделала со мной. Она не понимала, что делала, — вот что. А поняла, только сделав.

Быстроязыкий вертлявый человек, пришедший к Наде через несколько дней, заглянув ко мне, с выразительным чувством поцокал языком:

— Очень нехорошо, нехорошо! Такие вещи понижают стойкость, вроде чепуха, не слишком значительный недостаток, но в психологическом плане очень отрицательно действует. Может быть, заменим?

— Нет, не будем, — отмахнулась от его предложения Надя. — Мне главное — скорее. Мне не на что детей кормить.

— Но очень действует, очень! — воскликнул быстрозыкий человек. Его имя было Риэлтер.

— Нет, я сказала, — повторила Надя.

Я преисполнился к ней в этот момент такой благодарности — нет слов, чтобы передать ее силу. Я понял, что предлагал Риэлтер: заменить меня. Отнять от фановой трубы и поставить сюда вместо меня какой-нибудь новенький. Да, это я раньше был крутой, а теперь я весь был в трещинах, как в морщинах, — уж, конечно, тот еще видок, не слишком привлекательный. Но Надя не захотела со мной расстаться. Как тут было не почувствовать благодарность!

Того, что речь шла о продаже квартиры, сосредоточенный мыслями на себе, я не схватил. Я осознал это лишь тогда, когда Надя с обоими мальчиками исчезли, никто не приходил ко мне несколько дней, а потом в квартире вдруг объявились чужие незнакомые люди, и по тому, как они себя вели, стало ясно, что это — новые хозяева.

Их было двое, мужчина и женщина. По ухваткам они были похожи на бывшего хозяина моей красавицы. Только вместо “кент” мужчина все время произносил “дрын моржовый”.

— А это, дрын моржовый, что нам подсунули?! — завопил он, открыв дверь ко мне и увидев меня. — Ты куда, дрын моржовый, смотрела, — обернулся он к женщине сзади, — ты не видела, что тебе этот Риэлтер подсунул?

Женщина из-за его плеча глянула на меня и тоже завопила:

— Ну, мы его прижмем! За обман ответит! На цирлах стоять будет!

Мужчина пнул меня:

— Дрын моржовый!

Очень они были похожи на бывшего хозяина моей возлюбленной. Стоять у таких, похожих на него?!

Я устроил засор. Бачок после Надиного костра как следует подтекал водой, я наполнился — и вода хлынула на пол.

Рабочих, пришедших утром заняться ремонтом, встретил потоп. И у дверей, ругаясь, уже стояли хозяева нижних квартир. С новосельем, дрын моржовый! Ты думал, только ты крутой? Ха-ха! Есть крутые и на тебя. Знай, дрын моржовый!..

Все было, как с моим коллегой — соседом моей возлюбленной, стоявшим за перегородкой с ней рядом. Меня, сняв манжету, отняли от фановой трубы, отвинтили винты крепления, выломали из пола. И потащили вон из квартиры. Погрузили в лифт, привезли на первый этаж, выволокли на улицу...

— Во унитаз! Крутой какой, да? — сказал надо мной мальчишеский голос. — Прямо как орел.

— Да какой орел, — сказал другой. — Кончился уже. Гляди, весь в трещинах. Дать по нему хорошенько камнем — и развалится.

Немного спустя я ощутил на себе удары чего-то тяжелого и более крепкого, чем я. Видимо, камня. Ну вот, сказал я себе, наконец. Тогда, после утраты моей красавицы, я хотел покончить самоубийством, но мне не достало воли. Теперь я был готов к уходу из жизни. Сейчас мальчишки расколуют меня, я потеряю форму — и исчезну. Перестану существовать. Хватит, пожил. Пускай с этими дрынами моржовыми и кентами живут другие. Какие будут угодны им. Которые смогут с ними.

Удар следовал за ударом, я ощущал, что трещины во мне становятся все глубже, все шире, чувствовал, как они раздвигают мое тело, рассаживают его... и вот это случилось: я раскололся. Сразу на много кусков, превратившись в бесформенную груду. Прощай мир, успел произнести я, прежде чем угаснуть сознанию.

Яркая молниевая вспышка пронзила меня. Словно бы некий огонь вышел из моего тела. Вот, теперь все, подумал я.

И обнаружил, что продолжаю существовать, — только теперь я был уже не я. Я был теперь самой землей, самой сущностью мира, его основой. И увидел их всех: и Валерия Галактионовича, и его жену, Надину мать, и только что перебравшегося под могильный камень Николая — они лежали во мне, плотно спелёнутые мной, а я проникал в них, разъедал их недвижимые тела, растворял в себе... так что от Валерия Галактионовича уже почти ничего не осталось, один костяк да кожаные штиблеты, в которых он был положен в свою земляную квартиру.

У них здесь не было никакой жизни. Они не существовали, сливной бачок не ошибся. Вся их жизнь была там, на земле.

А моя здесь продолжалась. И это была истинно другая, новая жизнь. Вернее, так: когда-то прежде я уже жил ею. Но мне придали форму — и я утратил ее. А рассыпавшись на куски, вновь ее обрел. Словно съездил в дальнее тяжелое путешествие — и вот вернулся. И моя красавица — она тоже была тут, со мной. Она была мною, я был ею — мы вновь соединились!

Бедные мои, бедные, подумал я о Валерии Галактионовиче, Надиной матери, Николае. Да и о всех тех, кто там остался на земле жить дальше. И о кенте, бывшем хозяине моей красавицы, и о дрыне моржовом с его женой — цирлой. Мне было ужасно жаль их. Они думали, что это я служу им, а это они служили мне: жили, чтоб лечь в меня и чтобы я превратил их в себя. В этом и была вся их функция. Как все просто.

Впрочем, меня уже уводило от мыслей о них — все властнее, все явнее, все дальше. Я так давно был отторгнут от себя самого. Столь долго пробыл в своем путешествии. Мне нужно было насытиться собой. Меня снедало нетерпение погрузиться в себя и исчезнуть в себе — так, чтобы ничего от того, земного.

Прощай, мир, снова сказал я. Сказал с наслаждением, определить которое у меня не хватает слов. ■

Лечебно-оздоровительный центр

Кому не знакома медицинская банка. Древнейший метод лечения с ее использованием до сих пор активно помогает бороться со многими недугами. Но мало кто знает, что древняя медицинская банка дала жизнь новому направлению в современной науке.

Совсем недавно ученые института медико-биологических проблем предложили воздействовать на ткани организма регулируемым импульсным вакуумом. Результаты оказались поразительными!

Создаваемое на определенном участке периодическое отрицательное давление оказывает не только массирующее действие на ткани, но и значительно облегчает продвижение эритроцитов в конечных отделах капилляров. Именно это усиление микроциркуляции существенно улучшает обменные процессы между эритроцитами и клетками тканей. По данным Центра авиакосмической медицины уровень общего обмена веществ в таких тканях повышается в 3-4 раза и, по окончании воздействия, длительное время остается выше исходного. Эти изменения отмечены на глубине до 5 см.

Клетки ткани, на которые воздействовал импульсный вакуум, намного быстрее восстанавливают свою нормальную жизнедеятельность, проявляя большую устойчивость к различным неблагоприятным воздействиям. Этот эффект врачи Центра используют для быстрого восстановления космонавтов после их длительного пребывания на орбитальной станции.

Особенно эффективен метод при лечении болезней суставов. Облегчение наступает буквально после первой же процедуры — уменьшается боль, отек, увеличивается подвижность сустава пациента. При вакуумном воздействии на область нижних долей легких, пораженных застойными явлениями, улучшается дренаж бронхиального дерева (легче и в большем количестве отходит мокрота), облегчается дыхание, увеличивается вдох. Отлично помогает метод, снимая неприятные ощущения при хроническом простатите, когда в результате воспалительных процессов развивается отек предстательной железы и появляются боли. Нейродермитные и псориатические бляшки, характеризующиеся сильным зудом, перестают беспокоить человека уже во время процедуры.

Импульсный вакуум значительно облегчает лечение болезней опорно-двигательного аппарата (артриты, артрозы, состояния после травм, остеохондроз и др.), неврологических заболеваний с выраженным болевым синдромом и нарушениями чувствительности, хронических бронхо-легочных и некоторых кожных болезней, хроническом простатите. Это современный, эффективный и перспективный метод лечения многих болезней.

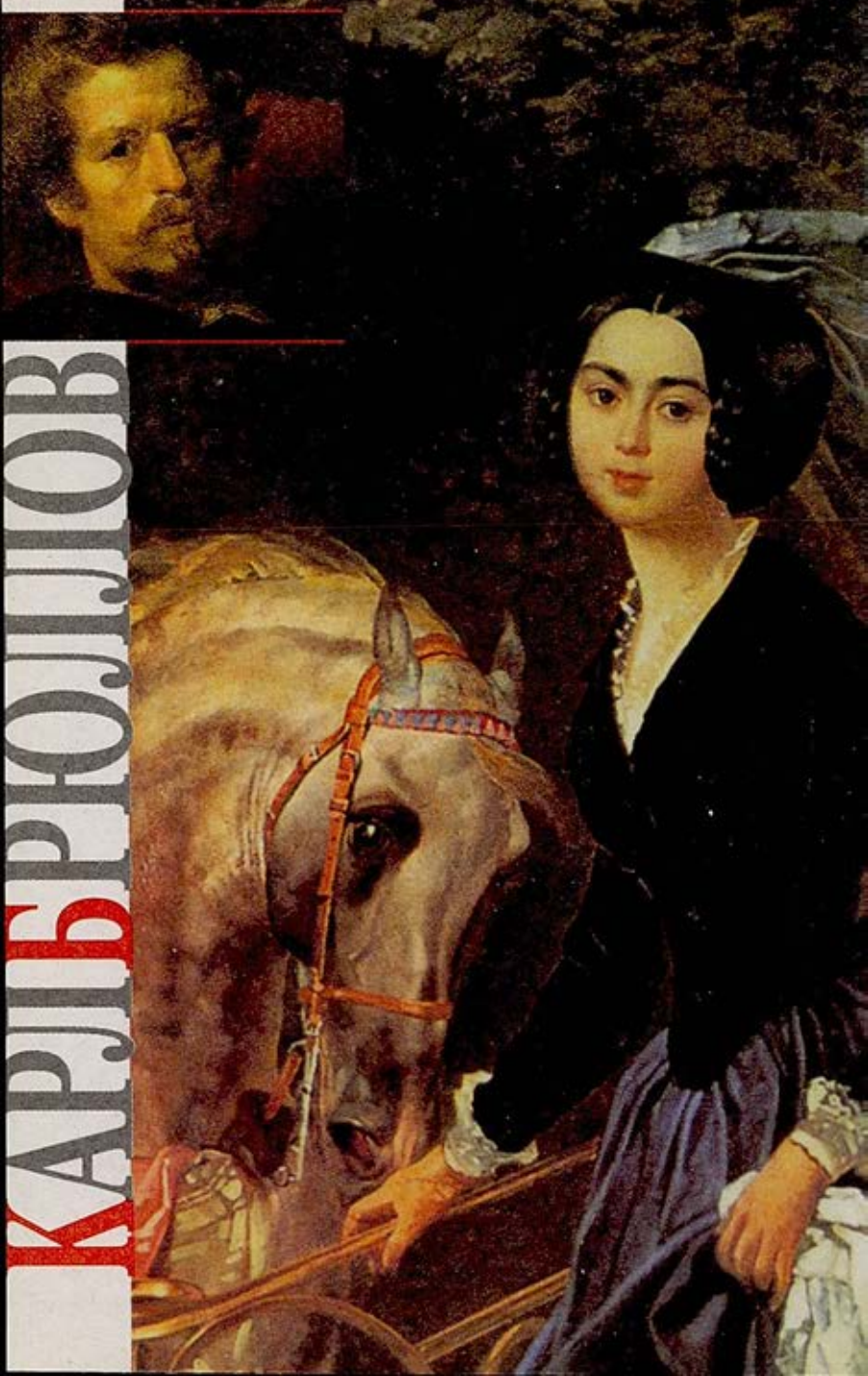
М. Потапов, канд. мед. наук,
директор Центра авиакосмической медицины,

М. Мелехин, директор Лечебно-оздоровительного центра "Вымпел".

ЛОЦ "Вымпел": Москва, Щелковское шоссе, д.3,
тел. (095) 462-35-84.

КАРТИН ПРОФИТОР

Портрет сестер Шишмаревых. 1839.

Лилия БАЙРАМОВА

23 декабря 1799 года в доме резчика по дереву Павла Ивановича Брюлло появился на свет третий по счету сын, названный Карлом. Иностранное звучание имени и фамилии ребенка никого в ту пору не смущало: тысячи семей иностранцев перебирались из Франции, Германии и Англии, оседая в сытной, хлебосольной России, где находили работу и лучшую долю. Предки Павла Ивановича — французские гугеноты — бежали от преследований из Франции, а деда его занесло в Россию, где с 1773 года он числился лепщиком по петербургской фарфоровой мануфактуре.

Маленький Брюллов рос очень слабым и крайне болезненным ребенком. Золотуха до того истощила его силы, что до семи лет он вообще почти не вставал с постели и был "предметом отвращения даже для своих родителей". Северное скудное лето весьма вредно сказывалось на его чахнущем здоровье, и родители по чьему-то совету пробовали сажать его в редкие солнечные дни на горячий песок, возможно, это и помогало. Но, так или иначе, болезнь сделала его тихим и задумчивым ребенком, лишив обычных мальчишеских игр и развлечений, приучив к одиночеству и внутренней сосредоточенной жизни, что для будущего художника оказалось очень важно.

Не менее важными стали и те семейные ценности, которые ему прививали с детства. Отец его отличался крайней аккуратностью, строгостью и педантизмом: с утра до вечера трудился он над своими произведениями, а если и освобождался, то только для того, чтобы копаться в саду и колдовать над любимыми деревьями и растениями. Маленький Карл тоже никогда не сидел без дела: даже больного и прикованного к постели, его все равно нагружали работой. Отец приказывал кормить сына завтраком только после выполненного им урока: с самого утра маленький Карл должен был нарисовать энное количество лошадок, человечков и сделать копию с оставленной отцом гравюры.

Ослушаться главу семейства было невозможно. В гневе аккуратный и педантичный Павел Иванович становился страшен и неуправляем. Однажды за какую-то смешную провинность он влепил Карлу такую оглушительную пощечину, после которой тот до конца жизни ничего не слышал левым ухом. Эта порывистая гневливость и несдержанность передалась по наследству и Карлу: став взрослым и уже прославленным художником, он тоже позволял себе отвратительные выходки: кричал на учеников, бросался сапогом в свои картины и был крайне нетерпимым к чужому мнению.

Помимо Карла в семье росло еще несколько детей: старшие Федор и Александр, младшие, рано умершие, Павел и Иван, и дочери Мария и Ульяна. Все дети оказались художественно одарены и так или иначе связаны с искусством: мальчишки тра-

Портрет
В. А. Норнилова
на борту брига
"Фемистонл".
1835.

диционно поступали в Академию, девочки тоже рисовали, но исключительно в домашних пределах. Главное, дети дружили и помогали друг другу, и их связывало общее дело.

Когда пришел черед Карла, его, как уже стало традицией в семье, отдали учиться в Академию художеств, где ему предстояло пробыть долгих 12 лет — шесть в Воспитательном училище и еще шесть в самой Академии. Как сына академика, его приняли без баллотировки и на казенный счет. Уже в Воспитательном училище Карл резко выделялся своими способностями и одаренностью: что бы ни делал и за что бы ни брался, у него все получалось легче, быстрее, а главное — лучше, чем у сверстников.

Успехи и популярность у товарищей меняют характер Карла в лучшую сторону. Из тихого, робкого и, может быть, несколько забитого ученика он превращается в живого, бойкого и уверенного в себе парнишку, который позволяет разные проказы и шалости. То он не слушается учителей, а то и вовсе пропускает занятия якобы из-за усилившейся болезни. Однако теперь, как и каждому гению и вундеркинду, ему прощается все. Как самому лучшему и одаренному, Карлу подчас доверяли серьезные и ответственные работы: расписывание распятия, украшавшего аналой в академической церкви, или же по его рисункам для воспитанников Академии шились новые мундиры, а однажды и вовсе поручили крайне важное государственное дело. Как-то в Академию пришло письмо от самого генерал-губернатора Петербурга Милорадовича. Милорадович просил Академию выделить самого способного и усердного ученика, чтобы тот написал картину на сюжет, имевший место в действительности: император, путешествуя по России, вылезает из дрожжек, чтобы помочь усталому и ослабленному крестьянину. Выделили Брюллова, и тот, по-видимому, очень успешно справился с заданием: по крайней мере, в прессе его хвалили.

Закончил Академию Брюллов, как всеми и предполагалось, отлично: из двух первых золотых медалей, полагавшихся на выпуск 1821 года, одна досталась Карлу. Кроме того, ему и еще двум ученикам предложили остаться в Академии пенсионерами — им предлагалась комната при Академии и питание наравне со всеми. Однако уже избалованный успехом Брюллов потребовал, чтобы ему заменили наставника. Получив отказ, он закатил прощальную пирушку друзьям, предал анафеме президента Академии Оленина и перешел жить на вольные хлеба.

Вместе с братом Александром, которого архитектор Монферран пригласил к себе в помощники, Карл поселился во временной деревянной мастерской при строящемся Исаакиевском соборе. Жили братья тихо, скромно и скудно. Александр целый день пропадал на стройке, Карл же пробует свои силы в портретах, пишет их не на заказ, а просто так, для себя — близких друзей и знакомых. Однако года через два их тихая и малозаметная жизнь круто меняется: образованное в 1821 году Общество поощрения художников, в члены которого входили люди, хорошо знакомые Карлу, решает в качестве поощрения послать

Всадница. Парный портрет Д. и А. Паччини. 1832.

его за границу. Это было счастье! Но Карл, крепко сдружившийся за два года с братом, просит, чтобы и того послали вместе с ним. Великодушное Общество соглашается, благо Карл уверяет, что “из меня, быть может, ничего не выйдет, а из брата Александра непременно выйдет человек”, и братья, счастливые, 16 августа 1822 года отправляются на дилижансе в Ригу.

Островские крыши Риги, уютные городки Пруссии, наконец море — “Вид великолепный! прелестный! величественный!” — брызжут восторгами письма домашним, а дальше — Берлин, библиотека Фридриха, комната Вольтера, Дрезденская галерея — таковы их первые впечатления.

Сойдя в Мюнхене, братья так очаровались городом, что решили задержаться здесь подольше. И задержались, благополучно прожив до самой весны. Знакомство с богатыми и влиятельными горожанами, близкими к королю, обеспечило Карлу несколько выгодных заказов. Обрадованный успехом, Карл пишет домой: “Королевская фамилия была очень довольна, и если бы не отъезд короля и всей фамилии в Дрезден, то, может быть, мне пришлось бы писать их всех”.

А весной братья снова отправились в путешествие, и снова перед их глазами поплыли сначала немецкие, австрийские, а затем и итальянские города. В Венеции они открывают для себя Тинторетто, Веронезе, а больше всего Тициана, катаются на гондоле и любят отражением собора св. Марка в водах лагуны. А следующая остановка — в древней Флоренции с ее прекрасными и старыми музеями, переполненными произведениями Леонардо, Рафаэля и Микеланджело.

Впереди братьев ждал Рим, куда 2 мая 1823 года, через девять месяцев после начала путешествия, они и прибыли. Поселились на холме Квиринале в угловом доме, откуда из четырех окон открывались чудесные виды — древний Колизей, Альбанские горы, и далеко за крышами домов виднелся великолепный купол собора св. Петра. Первое время они только и делали, что бродили по каменным улицам древнего города и любовались, любовались им без конца. Сказочная, солнечная, приветливая Италия очаровывает их навсегда. Сама мысль о том, что им когда-нибудь придется отсюда уезжать, приводит в ужас и кажется невозможной.

Разумеется, как и все вновь приезжающие в Рим художники, первые годы братья только и делают, что “пережевывают 400 лет успехов живописи”. Да и как иначе: жить в двух шагах от шедевров Рафаэля, Тициана, Веласкеса и не изучать их, не копировать, не любоваться ими — просто невозможно. И каждый день Карл, как на работу, отправляется в Ватикан, чтобы штудировать антики. После Ватикана он бродит по многочисленным частным галереям. Это многодневное хождение по музейным залам, обильные художественные впечатления делают то, что не смогло сделать и десятилетие, проведенное в Акаде-

мии, — у него оттачивается вкус, расширяются границы представлений об искусстве и его возможностях. Он учится любить и понимать не только образцовую античность, но и Рубенса, Рембрандта, а его любимцами становятся Веласкес и Тициан.

Чтобы лучше понять секреты мастерства старых художников, Карл в течение четырех лет усердно копирует знаменитую фреску Рафаэля “Афинская школа”. Эта копия поразила тогда всех римских художников. Сам “живой классик” итальянского искусства Каммучини похвалил Брюллова, сказав, что Рафаэль еще не имел таких повторений. Даже Стендаль восторженно упомянул о полотне в своих “Прогулках по Риму”. Русское правительство заплатило за нее Брюллову 10 000 рублей.

Но, естественно, не только копированием и изучением классики занимался первые годы Брюллов. Ему хотелось попробовать себя также в создании композиции на мифологические и библейские сюжеты. По заказам Общества поощрения и просто для себя лично он пишет несколько картин подобного рода, но доводит до конца лишь одну — “Дафнис и Хлоя”. Как ни странно, именно Италия — родина классики — и живые впечатления от нее мешают Брюллову без остатка погрузиться в эти мертвые и ставшие схоластическими сюжеты. Он пытается найти новые, увлечь себя ими, погрузиться в чужую ему атмосферу, но какая-то сила словно останавливает художника. Этой силой была его собственная молодость и впечатлительность да понятное желание скорей излить свои впечатления на холсте.

Может быть, именно под влиянием этих ощущений он пишет первую законченную картину в Италии — “Итальянское утро”. К сожалению, находжение подлинника ее неизвестно, сохранились лишь многочисленные копии. Сюжет картины предельно прост — молодая девушка смотрит в окно на восходящее солнце. Однако, несмотря на простоту сюжета, небольшая картина понравилась без исключения всем: от итальянцев и русской общины в Риме до царя и простой публики, которая увидела ее впервые на выставке 1825 года. “Прелестное произведение сие... пленило равно всех, — писало Карлу Общество поощрения художников. — Живопись требует вкуса чистого, выполнения тщательного. В вашей картине видны и то, и другое”.

Действительно, успех картины был предопределен, как предопределен и успех почти всех его последующих работ. Проведя несколько лет в Италии, насмотревшись на бесчисленные произведения классики и ознакомившись с образцами современной итальянской академической живописи, Брюллов выработал наконец свой рецепт или “манер”, как тогда говорили, по изготовлению картин, которые бы безусловно нравились широкой публике. Манера заключалась, собственно, в создании иллюзии правды, подслащенной действительности, то есть такой действительности, которая, вызывая у неискнутого зрителя

иллюзию правды или реальности, тем не менее нигде бы не корябала глаз, не задевала и не огорчала, а вызывала исключительно приятные эмоции.

Всю свою последующую жизнь Брюллов так и не смог избавиться от желания непременно нравиться всем и иметь успех у самой широкой публики. Можно сказать, что именно он стал

Последний день Помпеи. 1830 — 1833. (Деталь).

родоначальником салонной, коммерческой живописи в России. Именно с него началось стремление не углубляться и не погружаться в жизнь, не искать правды, как было всегда свойственно русским писателям и художникам, а создавать благополучные, внешне красивые произведения. Первым из такого рода творений и было как раз "Итальянское утро", где под ви-

дом жанровой сценки из жизни итальянского семейства предлагался искусственно слепленный и нарочито красивый образ “итальянского рая”.

Однако Общество поощрения пришло в восторг от этой незамысловатой работы и преподнесло ее в подарок жене Николая I, императрице Александре Федоровне. Да и самому царю полотно так приглянулось, что он попросил сделать в пару к ней что-нибудь еще в том же роде. Поначалу Брюллов хотел написать “Вечер”, где молодая девушка подходит с зажженной лампой к окну, но потом, не справившись со сложным освещением, отказался от этой затеи и написал одну из самых популярных своих хрестоматийных работ — “Итальянский полдень”.

Пышнотелая, сочная и перезрелая итальянка позировала художнику в его же саду, изображая сбор винограда. Брюллов представил весь набор необходимых красот: полуобнаженное женское тело, дышащее сладострастием, смазливенькое, сильно идеализированное личико, глупую улыбку, играющую на пухлых губах. Общество поощрения едва ли не обиделось на него за эту картину, главным образом, из-за вульгарности выбранной модели: “Целью художества должна быть избранная натура в изящнейшем виде, а изящные соразмерности не суть удел людей известного класса”. Брюллов пытался оправдываться...

А тут еще пришло письмо от брата Федора из Петербурга, в котором подробнейшим образом описывалось довольно горячее обсуждение братьев Брюлловых на заседании Общества. Оказывается, члены Общества были не довольны тем, как Брюлловы отрабатывают посылаемый им за границу пенсион. Подсчитали даже, что в общей сложности Общество затратило на них 4 тысячи, а в ответ получало от Карла одни только “игрушки”. Разумеется, эти слухи были оскорбительны для уже привыкшего жить на свободе художника. Отношения между ним и Обществом становятся натянутыми. В 1828 году пенсион ему вообще не прислали, и ставший на ноги художник расстался с порядком надоевшими опекунами.

Круг друзей Брюллова в Риме был необычайно широк: общительный, говорливый, приветливый и дружелюбный, он быстро сходил с людьми и не терпел одиночества. Все лучшие — именитые, сановные и влиятельные русские, жившие в Риме, — стали его близкими друзьями или знакомыми. Русский посланник при Тосканском дворе, князь Гагарин, братья Тургеневы, княгиня Зинаида Волконская, Петр Чаадаев, замечательные русские и итальянские художники — со всеми ними так или иначе был знаком Брюллов.

Вероятно, в одном из этих домов — не то в гостях у Волконской, не то у Тургенева — Брюллов встретил свою первую настоящую любовь. Графиня Юлия Павловна Самойлова представляла из себя тот тип женщины, который нравился ему больше

всего. В ту пору ей исполнилось только 25 лет; обворожительная крупная женщина в полном расцвете своих женских чар с блестящими черными волосами и глазами. Брюллову она понравилась сразу, и они быстро сошлись. В ту пору она пребывала в одиночестве: ее развод с легкомысленным графом Самойловым был уже делом решенным, несмотря на то, что их брак когда-то благословил сам царь Александр I. Красавица графиня отличалась независимостью нрава и поведения, за что ее очень недолюбливал Николай I, попрекавший даму тем, что в ее имении собирается едва ли не вся питерская интеллигенция.

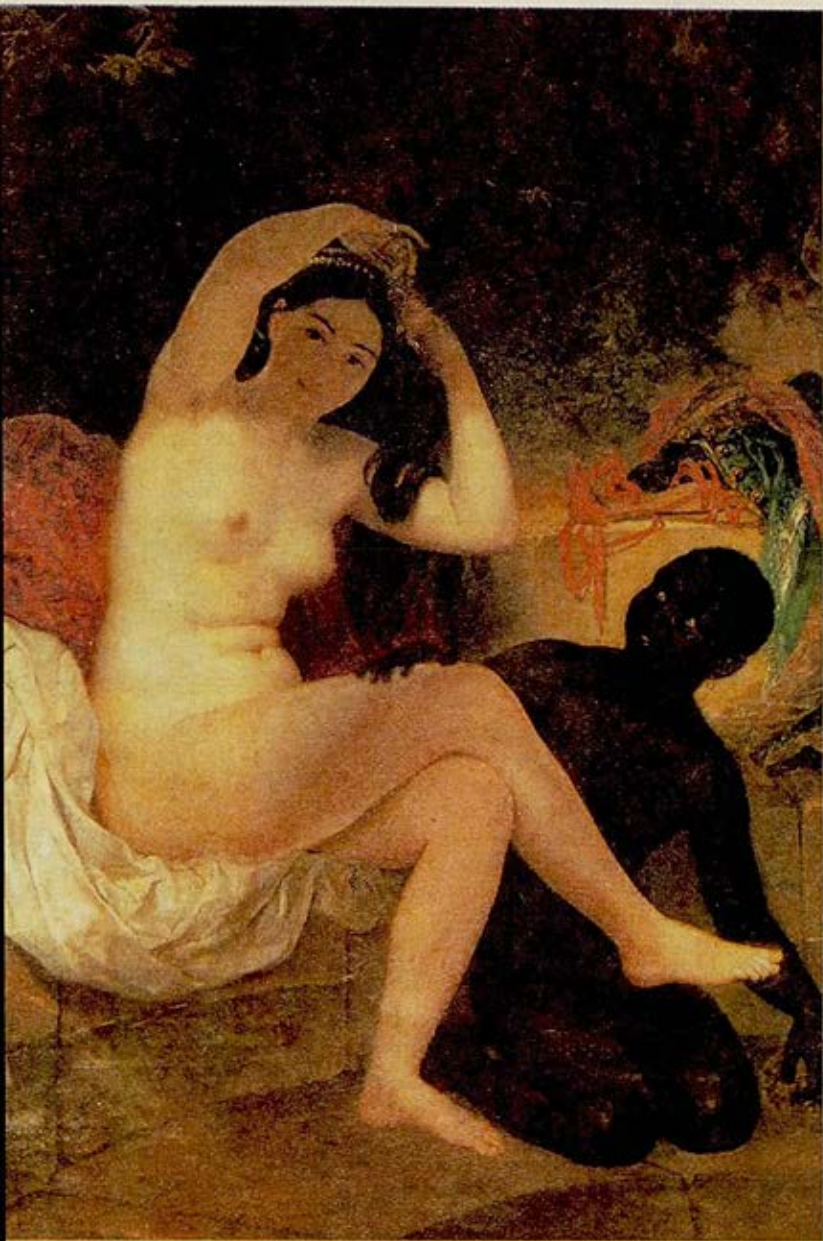
И то правда, в Италии, так же, как и в холодном Петербурге, графиню любили и охотно посещали. Где бы она ни жила — будь то в Риме, на загородной вилле в Комо или в миланском дворце, — двери ее дома были всегда открыты. Кроме всего прочего, эта красивая и очень богатая дама оказалась на редкость доброжелательна и щедра. Не скупясь, она поддерживала бедных художников, а слуги называли ее просто графинюшка.

Казалось, Самойлова и Брюллов самой судьбой посланы друг другу: оба молоды, красивы, темпераментны, оба независимы, горды и обожают искусство. На какое-то время они даже стали неразлучны: графиня следует повсюду за Брюлловым, Брюллов подолгу задерживается на ее вилле в Корсо в Ломбардии. Милая графиня забрасывает его нежными и теплыми письмами: “Мой дружок Бришка... — пишет она, — люблю тебя более, чем изъяснить умею, обнимаю и до гроба буду душевно тебе привержена”.

Брюллов в ответ пишет многочисленные ее портреты, всегда яркие, внешне красивые и бьющие на эффект. Первый из них находится сейчас в частном собрании в Филадельфии. На нем еще молодая и стройная графиня изображена в каком-то стремительном движении, вероятно, очень свойственном ей и выражающем внутреннюю подвижность. Как всегда, она в роскошном и блистающем шелками платье, а вместе с ней ее юная воспитанница Джованни Пачини и молодой арапчонок. Этот портрет произвел настоящий фурор в Италии, некоторые критики сравнивали его даже с произведениями Ван Дейка, Рубенса и самого Рембрандта.

Однако гораздо более известен в России другой портрет графини, где она удаляется с бала вместе со своей воспитанницей Пачини. Этот портрет сейчас в Русском музее. Здесь графиня уже значительно располнела и погрузнела, но все еще поражает и грандиозной роскошью туалета, и блеском зрелой красоты.

Увы, графине и Брюллову так и не суждено было соединить свои жизни, хотя оба, кажется, стремились к этому. У Брюллова Юлия Павловна оказалась едва ли не единственной его настоящей любовью, да и графиня в своих письмах признавалась, что всегда хотела быть рядом с художником. Что помешало им осуществить задуманное, навсегда осталось тайной, но они про-

Вирсавия. 1832.

Портрет А. Н. Львова. 1824.

должали дружить почти до самой смерти Карла, которого графиня пережила на целых двадцать лет.

Но в те далекие времена, когда Брюллов еще только познакомился с молодой и сияющей красотой графиней, они отправились в путешествие в Неаполь. И не догадывались, какое значение будет иметь эта поездка для Карла — они хотели только развлечься, побыть вместе, а заодно и удовлетворить свое любопытство, побродив среди развалин Помпеи и Геркуланума. Однако то, что увидел там Брюллов, превзошло его самые смелые ожидания. Никакие иллюстрации, литературные описания или рассказы специалистов не могли выразить масштабов увиденного. Четыре дня он бродил по развалинам мертвого города, запоминая каждую любопытную деталь. Вот надпись на двери: “Берегись собаки”, а вот следы на столах от кружек с вином. Когда-то здесь жили люди, которые тоже любили, страдали, ходили к колодезю за водой и стирали белье, а теперь здесь мертвая тишина, немые и скорбные камни. Воображение рисовало дикие и страшные картины, и ему захотелось изобразить на огромном холсте весь масштаб этой колоссальной древней трагедии.

Загоревшись замыслом “Последнего дня Помпеи”, Брюллов с жаром принимается за его исполнение. Как всякий художник, берущийся писать на историческую тему, он начинает с того, что самым тщательным образом изучает все доступные исторические источники. Читает письма Плиния Младшего к римскому историку Тациту, изучает материалы археологических раскопок, делает этюды на улице Гробниц в самой Помпее — на той самой улице, на которой и будет разворачиваться действие в картине. И только изучив все подготовительные материалы, переделав не один раз эскиз, он в 1830 году принимается за само полотно, но зато уж делает с таким жаром да так быстро, что от усталости и изнеможения у него нет сил самому выйти из мастерской, и его выносят на руках.

Но вот к середине 1833 года картина готова. Она выходит к зрителю и производит ошеломляющее, грандиозное впечатление. Князь Гагарин писал: “Успех картины “Последний день Помпеи” был, можно сказать, единственный, какой когда-либо встречается в жизни художников. Это великое произведение вызвало в Италии безграничный энтузиазм...” И действительно, казалось, не осталось ни одного итальянца, который не видел бы или не стремился увидеть это ставшее моментально популярным полотном, а критики наперебой расхваливали Брюллова и, не стесняясь, сравнивали его с Рафаэлем, Микеланджело и Тицианом.

Сейчас этот успех картины, в которой видно много театрального и надуманного, кажется странным и малопонятным, но тогда недостатки не замечались. Картина воспринималась как откровение, как достоверный и яркий рассказ не только о дне

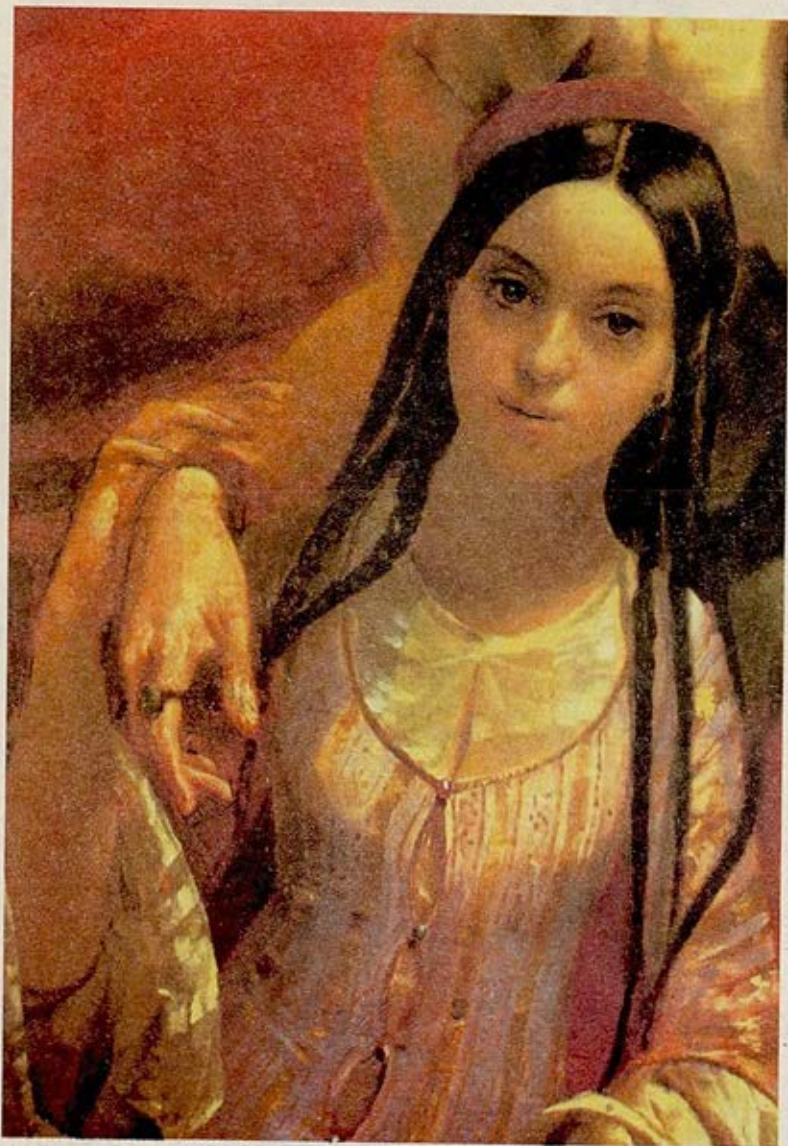
минувшем, но и нынешнем, как едва ли не самая последняя правда о человеке.

Лишь во Франции, в Париже, сытом искусством по горло, картину приняли холодно и с насмешкой. И в самом деле, разве можно чем-нибудь удивить парижский Салон, где рядом с Брюлловской "Помпеей" висели действительно новаторские "Алжирские женщины" Делакруа и холодно отточенный энгровский "Св. Симфонион"?

Зато на родине шедевр Брюллова ждали с нетерпением. Демидов, заплативший за него 40 000 франков Брюллову, преподнес его в дар царю, и полотно выставили на всеобщее обозрение в Академии, куда стекались нескончаемые потоки народа. Однако сам Брюллов на родину возвращаться не торопился: его страшилась возможная русская несвобода, зависимость от чиновников и от царя, и только в 1835 году (после тринадцатилетнего отсутствия и по настоянию царя, который предписывал ему срочно возвратиться в Россию для занятия должности профессора в Академии), глубокой осенью, на корабле, он прибывает в Одессу.

Прогостив всю зиму и весну в Москве и власть наговорившись с москвичами, познакомившись с Пушкиным и Тропининым, Брюллов в конце мая отъезжает в Петербург. Академия устраивает художнику торжественный, пышный прием, на котором от лица всей России его приветствуют, как ее славного и великого сына. Царь приглашает Брюллова к себе и прямо с порога заказывает картину. "Напиши мне, — говорит он Брюллову, — Иоанна Грозного с женой в русской избе на коленях перед образом, а в окне покажи взятие Казани". Брюллов медлит с ответом, ему неловко объяснять, что сюжет этот для живописи непригоден. Наконец, вместо согласия, спрашивает у царя разрешения написать вместо Грозного "Осаду Пскова". Царь разрешает.

С тех пор начинается своеобразное противостояние Брюллова и Николая. Николай, первый человек в государстве, естественно ждал от художника каких-либо проявлений искательства или, по крайней мере, желания написать его портрет. Ни того, ни другого Брюллов не выказывал. Привыкнув к вольной и нестесненной жизни в Италии, он вел себя крайне и, казалось, демонстративно независимо, что было несколько непривычно для России. Он не только не заискивал перед царем, не искал его дружбы и покровительства, а, казалось, делал все возможное, чтобы вызвать монаршее недовольство. Первый портретист России, он так и не написал ни портретов царя, ни членов его семьи, хотя царь сам изъявил желание позировать художнику. Как-то встретив Брюллова в Петергофском парке, он сказал: "Карл, пиши мой портрет". Но Карл ловко увильнул от работы. Через пару дней к нему явился гонец с известием, что царь придет позировать завтра. И что же? Брюллов сбежал с сеанса, сославшись на то, что царь опоздал на 20 минут.

Портрет графини Ю. П. Самойловой с приемной дочерью Амацилией Паччини. 1842. (Деталь).

Портрет Е. Мюссара и Э. Мюссар (Всадники). 1849.

Похожие истории случались у него и с царицей, и с великими княжнами. Он отлынивал от писания их портретов, как только умел. Нарядное платье императрицы долго пылилось у него в мастерской, надетое на манекен, пока царь, выведенный из себя, не приказал отвезти его обратно во дворец. В другой раз принял было писать конный портрет императрицы, но дело опять-та-

Нарцисс. 1819.

ки не заладилось... Он вел себя, как избалованный мальчишка, которому до смерти надоела его подружка: как только к нему присылали сказать, что царица готова позировать, как он тут же находил любой повод, чтобы только не работать.

Независимый с царем, он вел себя так же гордо и свободно и в Академии, позволяя себе смело вступаться за обиженного товарища, тогда как другие лишь робко молчали. Например, он заступился за заслуженного профессора живописи Егорова, которого по требованию царя несправедливо увольняли со службы и отправляли на пенсию. Среди подавленно и боязливо молчавше-

го Совета, решавшего судьбу Егорова, Брюллов оказался единственным, кто честно и прямо высказался в его пользу. Эта история наделала тогда много шума и вышла за пределы Академии. В другой раз он вместе с Венециановым хлопотал за талантливо-го украинского хлопца Шевченко, которого капризный хозяин не отпускал на волю. Брюллов написал тогда безвозмездно портрет Жуковского, который разыграли в лотерею и на вырученные деньги выкупили будущего великого поэта Украины.

Он много работал в Академии и много писал портретов, среди которых самые удачные и известные — портреты его близких друзей: поэта-переводчика А.Н. Струговщикова и литератора Нестора Кукольника.

В 1839 году, накануне своего сорокалетия, он надумал наконец жениться. Его избранницей стала хорошенькая и молоденькая девушка Эмилия Тимм. Она приехала из Риги навестить своего брата в Академию, и Брюллов встретил ее в гостях у профессора Заурвейда. Девушка очень понравилась Брюллову, поразив его своей юной чистотой и музыкальностью: Эмилия была талантливой пианисткой и позже продолжила свое музыкальное образование в Париже под руководством Шопена. Брюллов даже начал писать ее портрет, сравнив ее хрупкую фигуру с хрустальной вазой. Но жизнь обманула его ожидания: только накануне свадьбы он узнал от Эмилии страшную правду — оказалось, его чистая и непорочная Эмилия была жертвой противоестественной страсти своего же отца. Брюллов все-таки женился на ней, но очень скоро их совместная жизнь становится невозможной: он с ужасом узнает, что отец, выдавая дочь замуж, вовсе и не собирался прекращать с ней прежние отношения. Оставалось единственное средство — развод. Пересиливая собственную гордость, Брюллов составляет официальное прошение на имя Бенкендорфа и министра двора Волконского. "Убитый горем, — пишет он, — обманутый, обесчещенный, оклеветанный, я осмеливаюсь обратиться к Вашей Светлости, как главному моему начальнику, и надеяться на Великодушное покровительство Ваше..."

Через два месяца после свадьбы их развели.

Но не только несчастья в личной жизни огорчали, еще больше мучила его неудача с огромной работой "Осада Пскова". Взявшись за ее исполнение едва ли не сразу по приезде в Петербург, он целых восемь лет безнадежно корпел над ней, пытаясь вытянуть и довести до совершенства. И все же картина не давалась. Никогда не живя в российской глубинке и не зная толком русского народа — ни его характера, ни повадок, ни обычаев, он взялся, тем не менее, за тему, которую выражать сам дух русского человека, и подошел к ней с теми же устаревшими академическими мерками, с которыми подходил и к "Гибели Помпеи". Разумеется, затея была заведомо обречена и оказалась самой большой неудачей в его жизни.

В какой-то степени закончилось неудачей и участие в росписи Исаакиевского собора в Петербурге. Вместе с другими лучшими российскими художниками: Ф. Бруни, П. Басиным, А. Марковым, В. Шебуевым и Т. Неффом — Брюллов получил заказ на роспись Исаакиевского собора, причем ему достались самые ответственные участки работы — купол, фигуры четырех евангелистов в парусах и двенадцать апостолов в барабане. Брюллов с воодушевлением принялся за эту сложную и не знакомую ему прежде работу, но из-за вмешательства чиновников она доставляла мало радости: слишком часто приходилось поправлять уже начатое, иногда он переделывал одно и то же по 40 раз.

Работа же над непосредственными росписями уже на стенах собора и вовсе закончилась для него плачевно: в соборе царили сырость и холод, к тому же, в нижней части собора обтесывали мрамор и гранит, а воздух был пропитан тончайшей пылью. Брюллов тяжело заболел и слег. Через семь месяцев, едва оправившись от болезни, он подает прошение об отставке в Комиссию по построению Исаакиевского собора.

Завершение работы поручили художнику Басину, а Брюллову врачи настоятельно рекомендовали уехать за границу лечиться. 27 апреля 1848 года он покинул Петербург, как оказалось, навсегда.

Три последних года его жизни за границей прошли тихо и незаметно. Около года Брюллов прожил на прекрасном солнечном острове Мадейра близ Лиссабона, снимая дом в цветущем саду с длинной аллеей чудесных и нежных роз. При нем были двое его учеников, которых Академия отпустила вместе с ним. Затем он путешествует по Испании и наконец возвращается в свою излюбленную Италию. Первое письмо из Италии он так и начинает: "Ромы и я дома". Его второе пребывание в Италии оказалось не таким уж беспечным и радостным: он тоскует по России и, не найдя в Италии многих прежних друзей, пытается разыскать бывшую подругу Юлию Самойлову. Однако поиски ни к чему не привели. Кто-то рассказал ему, что Юлия влюбилась в итальянского тенора, вышла за него замуж, потеряв свой графский титул и российское подданство, а дальше ее следы терялись во мраке.

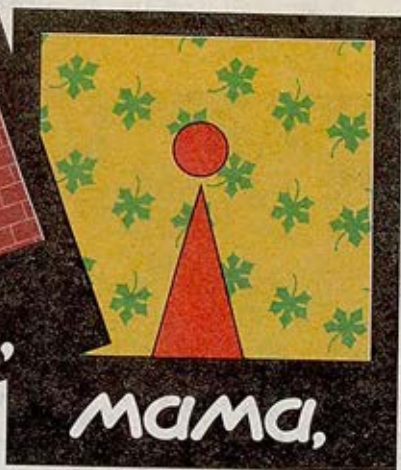
Правда, вскоре Брюллов подружился с одним прекрасным человеком — Анджело Титтони, официально торговцем сельской продукции, а на деле активным участником освободительного движения в Италии. Титтони, его семья и родные становятся самыми дорогими и близкими людьми Брюллового уже до конца его жизни. Он поселяется в римском доме друга на улице Корсо, а летом выезжает вместе со всей семьей на загородную виллу в местечко Манциано. Именно здесь, 23 июня 1852 года, когда Брюллов спокойно курил сигару и слушал чтение одного из близких приятелей, его охватил приступ мучительного каш-

ля. Кашель был таким сильным, что у художника пошла горлом кровь, и через несколько минут его не стало.

Хоронили Брюллова в Риме, причем сохранились свидетельства, что многие почитатели художника встретили гроб за городом и несли его до кладбища на руках. ■

Итальянский полдень. 1827.

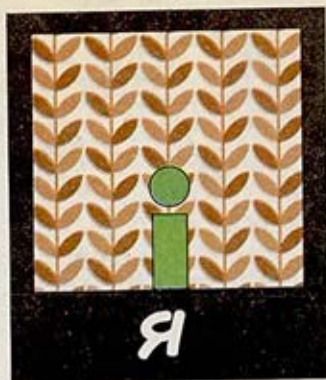

В прошлом году в седьмом номере "Смены" была опубликована статья психолога Марины Полевой "Мы долгое эхо друг друга" — о взаимоотношениях мужчины и женщины. Статья вызвала большой интерес читателей, которые, поддержав в основном автора, предложили продолжить тему: порассуждать об отношениях родителей и детей в наше, прямо скажем, непростое время. Что ж, нам кажется это предложение конструктивным — читайте, думайте, полемизируйте, пишите нам.

Говорят: "Яблочко от яблони недалеко падает". Народные пословицы всегда удивительно точны и выразительны, но бывает ведь и так, что некое яблочко закатывается далеко-далеко под дуб, а то и под какой-нибудь экзотический ананас. Тогда мы разводим руками и изречаем очередную житейскую мудрость: "В семье — не без урода".

Так ведь это — смотря какая семья. Особенно если вспомнить прошлые времена. В крестьянских, мещанских и даже купеческих семьях дети обязаны были идти по стопам родителей и во всем подчиняться их воле, иначе в два счета становились париями и изгоями. Уродами, проще говоря, без которых и семья — не семья. Дворянство, особенно богатое, могло позволить себе некоторые вольности: вспомним, на-

Марина **ПОЛЕВАЯ**,
психолог

— а где же
семья

пример, знаменитый раскол в семьях декабристов, когда один брат мог стоять на Сенатской площади в рядах мятежников, а другой — в качестве стража существующего порядка. И ничего, нормально. А попробовал бы кто выкинуть подобный номер во времена культа личности, когда не только сын — все семейство отвечало за действия отца. Мало бы уж точно не показалось. Очевидцы помнят.

Впрочем, наш исторический экскурс затянулся. В наше время влияние на подрастающего человека оказывает не только и не столько семья, сколько наиболее авторитетные члены этой семьи. Плюс — средства массовой информации. Плюс — окружающая среда, отличающаяся от той, до-революционной, как открытый космос от жизни на Земле. И что же

происходит на самом деле? А то, что если раньше как бы не было семьи без урота, то сейчас все уроды, в основном, без семьи. Опять же, правда, что считать этим самым уродством.

Дочки-матери и дочки-отцы

Треугольники, как выяснилось, существуют не только любовные. Семья, состоящая из родителей и одного ребенка, — тоже по определению треугольник. Со своими страстями, ревнивым отношением друг к другу и прочими "радостями", сомнительными и не очень. И все-таки чаще всего девочки находятся под влиянием матери, хотя бы потому, что большинство отцов изначально предпочитают иметь сына и уделяют дочерям внимание постольку-по-

скольку. Даже, бывает, меньше, чем родной жене.

Сразу оговорюсь: речь идет о так называемых "благополучных семьях", где родители (хотя бы один) не пьют. Впрочем, таких семей становится все меньше, но это уже тема для отдельного рассуждения. В нормальной же, благополучной семье дочь, как правило, слепо копирует отношение матери к мужу, отцу или отчиму, и девять десятых из них впоследствии будут строить свои семьи именно так, как привыкли видеть в родительских домах. Это — норма. Правда, при нашем диком равноправии, а на самом деле странном, мягко говоря, положении женщины в обществе, эта норма скорее становится идеалом. Потому что государству откровенно наплевать как на семью в целом, так и на женщин и детей в частности, и благоразумные девушки теперь предпочитают строить не семьи, а карьеры.

Но встречается одна из десяти или из ста (точные данные статистике не известны, о таких вещах как-то не принято распространяться вслух) так называемая "папина дочка", которой мало внимания, уделяемого ей отцом. Потому что, так уж сложилось, отца она любит больше матери и отчаянно, хотя и молча, старается доказать ему, что она, девочка, ничем не хуже вождя сына. Такие девочки, взрослея, тяготеют к мужчинам старше их по возрасту, им скучно со сверстниками, у них непросто складываются отношения с подругами. Девочки, обделенные материнской любовью, как правило, плохие матери, они пытаются искусственно задержаться в собственном детст-

ве, чтобы их кто-то опекал, заболел о них. Или бросаются в другую крайность и избирают сугубо мужскую профессию, например, военного. С точки зрения окружающих — слегка чоннутые, "белые вороны". С точки зрения психиатров — глубоко несчастные люди, зачастую сами не понимающие причин своих личных неудач.

Хуже всего то, что у "папиных дочек" очень непросто складываются отношения и с собственными матерями, другими словами, складываются скорее на антагонизме, чем на притяжении. Мама пытается научить дочку вкусно готовить: "Пригодится для будущей семейной жизни" — дочка же прекрасно видит, что ее отец совершенно не ценит изысканную готовку, предпочитая ей интеллектуальную беседу или просмотр по телевизору футбольного матча. То же самое с порядком в доме и собственным внешним видом. Если такой "папиной дочке" на жизненном пути не встретится умный, добрый, любящий мужчину, который окружит ее отеческой опекой, такую девочку можно только пожалеть: роль "синего чулка" и "холостяка в юбке" ей гарантирована. А также сугубо несчастная личная жизнь, какую бы головокружительную карьеру она ни сделала, и целая куча практически неразрешимых комплексов неполноценности при видимой абсолютной полноценности.

У "маминых" же дочек жизнь, наоборот, складывается более или менее нормально, то есть по привычному женскому стереотипу. Хотя, если девочку воспитывает мать-одиночка (что, к сожалению, случается достаточно часто), возможны любые варианты: от

чрезмерной любвеобильности к противоположному полу до откровенного мужененавистничества. Хотя и то, и другое — скорее исключения, подтверждающие общие правила. Обычно дочери матерей-одиночек почему-то тоже в конечном счете становятся матерями-одиночками — и так несколько поколений подряд, причем причины этого могут быть совершенно разными.

В идеале, конечно, и отец, и мать должны одинаково любовно относиться к дочери, даже если всеми помыслами были устремлены на рождение сына. Тогда все складывается нормально. Но если родители — причем оба! — во что бы то ни стало хотят видеть в своей дочери сына, то последствия могут быть самыми непредсказуемыми для несчастного ребенка вплоть до операции по изменению пола. Об этом, право, стоит задуматься всем родителям, причем и тем, которые вместо вождельной дочери получили сына.

Такие разные сыновья

Почему в прежние времена предпочтение отдавалось сыновьям — наверняка всем понятно: патриархат, порядок наследования, продолжение рода и так далее и тому подобное. Но почему это же предпочтение сохраняется по сей день — загадка. Хотя можно попробовать разгадать и ее: сознание людей меняется медленнее, чем их бытие. В результате мы имеем то, что имеем.

Но вот наконец долгожданное событие произошло: в семье родился мальчик. Умные родители, особенно если в семье мир и лад, обязательно приучат его к мысли

о том, что женщина — это не "существо второго сорта", а просто физически более слабое существо. Что маму, сестру, бабушку нужно ограждать от тяжелых нагрузок, а не нагружать, как ломовую лошадь. Что женщину нужно защищать, а не разговаривать с ней методом "кулака и рыла". Увы — таких семей ничтожно мало. В большинстве же нормальных семей мальчик изо дня в день наблюдает, как мать надрыгается на работе, а потом еще и на кухне, а отец, возвращаясь домой, палец о палец не ударяет. Согласитесь, такая картина не может не понравиться. И тут возникает самый, пожалуй, распространенный тип сына — патриархальный. В идеале — непьющий и небоьющий. А в реальной жизни — как получится, причем обычно получается не как лучше, а как всегда.

Если же отец безумно любит единственного сына и уделяет ему все свое время и внимание, да и мать тоже в сыночке души не чает, то возникает явление под названием "маменькин сынок", который ничего и ни у кого не может вызвать, кроме откровенной насмешки и презрения. Неумеха, неряха, совершенно беззащитный перед капризами природы и жестокими шалостями сверстников, да еще и, как правило, подкаблучник. Потому что его будущей супруге не составит труда взять на себя еще и функции любящей мамочки и опенать супруга-ребенка до скончания вена. Его или своего собственного. Но и это еще не самое интересное явление в мире сыновей.

Все чаще и чаще появляются мужчины, которым уже перевалило за сорок (назовем их условно

"масики"), но которые так и не собрались создать свой собственный семейный очаг. Только не надо путать со старым холостяком — там вопрос "жениться или не жениться?" стоит исключительно принципиально. А вот у "масиков" особого отвращения к брачной жизни нет и они подчас даже с удовольствием на эту тему рассуждают с друзьями или очередной избранницей (да, да, и избранницы у них существуют), но до законного оформления отношений дело так и не доходит. Обычно такие мальчики воспитываются в неполных семьях без отца, а если вдруг — крайне редко — появляется отчим, то "поле боя" обычно остается все-таки за "масиком".

Ну хорошо, а нормальные-то сыновья бывают? — спросите вы. А это опять же что считать нормой. Норма здесь — это то, о чем мы все мечтаем и грезим, но крайне редко встречаем в реальной жизни. Помните, есть такая песенка: "Чтоб не пил, не курил и цветы всегда дарил, в дом зарплату отдавал, тещу мамой называл, был к футболу равнодушен и к тому же, чтобы он и красив был, и умен..." Замените слово "теща" на слово "мама" — получите "нормального", читай, "идеального" сына. Много вы таких в жизни видели?

Яблоком по яблоне

Сколько раз приходилось слышать причитания из уст вполне интеллигентных родителей: "И в ного он (она) у нас такой вырос? Ни в чем отказу не знал, жил как у Христа за пазухой, а пришла старость — сынок (дочка) хорошо, если раз в год появится. Деньжонек призанять".

Тут можно сказать только одно: что удобряли, то и выросло. Если чадо привыкло относиться к родителям чисто потребительски, как к неиссякаемому источнику материальных и физических благ, то, коль скоро закончились блага, закончились и отношения. Особенно, если нет необходимости нянчить внуков.

Но у этой медали есть и обратная сторона. В нашей стране принято пестовать детей и помогать им чуть ли не до пенсии (их собственной, разумеется). На Западе несколько другая модель поведения: там, как правило, доводят чадо до совершеннолетия и получения какой-то профессии или образования, а потом отправляют на все четыре стороны и ничуть не волнуются об их дальнейшей судьбе. Правда, при таком раскладе старость тоже проводят в одиночестве, но зато — никаких взаимных претензий. И внуков старики видят по большим праздникам, не считая такие редкие посещения трагедией. Как говорится, в каждой избушке свои игрушки.

Нам эта модель, естественно, не указ хотя бы из-за пресловутого "квартирного вопроса". Но не уназ нам и сугубо восточная, наша же, кстати, бывшая крестьянская модель, когда несколько поколений живут в одной квартире (фанзе, хате, избе, сакле) и "межуставные отношения" между ними четко распределены вековыми традициями. Мы, как это у нас водится, и здесь идем своим путем, причем норювим набить себе на нем как можно больше шишек.

И продолжающееся увеличение разводов — тоже любовное дело наших собственных рук. Хотя и говорится, что супруги расходят-

ся из-за "несходства характеров", на самом деле они расходятся именно из-за их **сходства**. Брани, за редчайшими исключениями, в России сейчас заключаются между детьми рождения 60-70-х годов, когда супруги были в основном однодетными. Вот и встретились два таких сокровища, каждый из которых считает себя Бетховеном и пупом земли одновременно, причем ни одно не желает пойти на мало-мальски разумный компромисс. В итоге — развод со всеми вытекающими из этого печальными последствиями.

Кукушата

А вот эти дети — действительно больной для современной России вопрос. Испокон веков по разным причинам дети — увы — оставались круглыми сиротами и общество о них худо-бедно радело. Были случаи, когда нищие, одинокие матери подкидывали грудных младенцев в соответствующие воспитательные заведения или, там, где такого заведения не было, оставляли на порогах жилищных домов. Считалось, что подкидыши приносили счастье. Но убивать новорожденных! Это не то что в человеческом — в зверином-то сознании плохо укладывается, если тановое сознание у них, зверей, имеется.

Некоторые "везет": они выживают. Таких везут в Дом малютки и дальнейшей судьбе их позавидовать крайне трудно, если вообще стоит завидовать. Еще меньше везет тем детям, которые рождаются

ся умственно отсталыми или с какими-то физическими пороками. Таких родители сплошь и рядом бросают в роддоме, не заботясь о том, что случится дальше с их чадами. А ничего особенного: спец-интернат. Из которого еще ни разу не вышло ни одного полноценного существа. Не приспособлены эти заведения для воспитания таких существ, потому что это некий гибрид яслей и зоопарка. В результате — несколько десятков тысяч неполноценных существ ежегодно! Ежедневно — один грудной младенец, убитый собственной матерью! (Пишу эти строчки, а у самой сердце обливается слезами.)

Усыновить же неполноценного ребенка по нашим новым "гуманным" законам иностранцы могут только в том случае, если от него отказались все потенциальные отечественные усыновители. Кто будет собирать нучу бумаг, кто будет искать потенциальных усыновителей — неведомо. Зато есть закон, согласно которому детей лучше сгноить на их исторической родине, чем отдать в лапы "проклятым буржуинам".

И последнее. Когда в Испании вспыхнула гражданская война, детей оттуда вывозили пароходами — нужно было спасти новое поколение. И никто не вопил о разбазаривании генофонда, вымирании нации и прочих пафосных вещах.

Но, похоже, над всей Россией — безоблачное небо? Неужели и в семейных отношениях наконец-то тоже? ■

**Алексей
ЗУЕВ:**

**“Театр —
зона
повы-
шенной
тем-
пе-
ратуры”**

За главную роль в фильме “Царевич Алексей” Алексей Зуев получил в прошлом году премию деловых кругов “Нумир”. Это первая его большая работа в кино. Но театральной публике он уже давно известен своими ролями в “Табакерке”, МХАТе имени Чехова, различных антрепризах.

После армии Алексей поступил сразу в три театральных вуза, выбрав из них Школу-студию МХАТ. Его отец — слесарь на заводе, мама — специалист в области женской моды. Вырос в Питере, среди “утюгов, ниток и тканей”. Отсюда врожденная стильность, классический вкус в одежде. И не только. Музыку он тоже любит классическую (“настраивает на правильное душевное самочувствие”). Пишет умные и смешные стихи, но читает их только друзьям.

фото Алексея Седова

— Успех фильма "Царевич Алексей" обусловлен, как мне кажется, не только необычностью героя, но и твоим с ним совпадением по каким-то внутренним чертам. Как вы нашли друг друга?

— Почти случайно. Ассистент режиссера Татьяна Бузян увидела меня в заглавной роли в дипломном спектакле "Иванов" и пригласила на пробы. Из-за финансовых неурядиц фильм снимали четыре года: три дня съемок, три месяца ожидания, что, конечно же, сказалось на ритме, на монтаже... А могли бы снять за полгода, потому что вся группа с самого начала знала, чего хочет, и отличалась удивительной слаженностью. Мне мой герой, вернее, наша версия этого образа — человек, отказавшийся

от власти, чтобы сохранить верность себе — очень близна и интересна.

— Ты весьма убедителен в роли жертвы, обреченной на искупление общей вины. А мог бы сыграть нечто противоположное — мучителя, например?

— Уже играю. Молодой режиссер Ольга Субботина недавно поставила скандально известный хит английского драматурга Марка Равенхилла "Шоппинг 2 Fucking", который идет на сценах многих стран от Норвегии до Австралии. Я играю Марна — alter ego тридцатилетнего автора. Тут уж герой — и жертва, и мучитель в одном лице: активно терзает и себя, и окружающих. Это пьеса об отчаянии возможности освобождения. Отчаяние мне вообще-то

не свойственно, и при первом знакомстве с материалом возникла резкая неприязнь: чернуха, мрачно. Но постепенно увлекся и увидел, что здесь есть глубина, которой я не понимал. Равенхилл — хороший диагност современной жизни.

— А актер — всегда немного шпион? Подсматривает жесты, подслушивает интонации...

— Я не наблюдательный актер, к сожалению. Может быть, это недостаток. Конечно, что-то копирую. Вообще творчество — процесс неуловимый. И самое интересное рождается вдруг. Интуитивно. Хотя от головы идет очень много — разбор деталей, обстоятельств. И тогда в освобождении от вязких интеллектуальных мучений рождается точное ощущение образа. Другое дело, что зацепить его иногда можно от интонации,

иногда от "глаза". Но все равно подсмотрено из жизни. Мы же играем людей.

— Но ведь в пределах любой драматургии нужна и твоя собственная "арматура", что ли? А придуманные авторами страсти — не отравляют?

— Конечно, когда играю, — это "мое" плюс еще что-то, кто-то. Впрочем, "я" меня интересует мало. Потому как считаю себя довольно скучным. Но если серьезно входить в профессию, то меняется внутренняя природа, форма души, а может, даже не меняется, а выходит наружу то, что спрятано глубоко внутри. В каждой душе есть выход, так сказать, на общечеловеческую душу. Весь Восток на этом построен. Александр Мень называл такое единение "Адамом". То есть Адам — все человечество. На таком уровне соз-

хания мы все соединены и можем чувствовать другого, как самого себя, оставаясь личностью. Так вот, иногда во время игры, входя в образ героя, я вдруг ощущаю вещи, мне не свойственные. Как полноту счастья, так и грехи и пороки.

— Для зрителя актер — донор?

— В какой-то степени. Вот только отдавать свою кровь — не напасешься. Это нехорошо для актера. Насколько я наблюдаю хороших актеров, как бы ни играли, в каких бы ни были страстях, они всегда держат себя в руках, словно переживают все со стороны.

— Поговорим о простых человеческих чувствах. О зависти, например.

— Не завистлив, потому что верю: счастье каждого человека в том, чтобы быть на своем месте. А зависть — желание занять чужое и забрать себе что-то, что тебе не принадлежит. Завидовать — значит зависеть. Но учиться стараюсь у всех. Профессия вынуждает все время искать. Наверно, самого себя. И гармонию с окружающим миром.

— Взяв тебя на роль Горацио в "Гамлете", Петер Штайн, я слышала, попал в десятку, или, как говорят в театре, "в листа". Горацио надежен, терпелив... А Гамлета хочется сыграть? Ведь это, кажется, мечта каждого актера...

— Гамлета я в принципе прожил через Горацио. Горацио — тень Гамлета, стоит за его спиной и переживает вместе с ним. Не могу сказать, что сыграть Гамлета — моя мечта. Но если бы довелось, думаю, он был бы у меня не-

умным подростком. Нервным, дерганным, растерявшимся. Его выкинули из привычной жизни, и он должен сделать выбор. Но так и не делает. И все его убийства — от того, что он не может сделать выбор.

— Не боишься, что не сможешь реализоваться полностью?

— Нет. Потому что не лентяй, постоянно работаю, постоянно ищущу. А кто ищет, тот найдет. Может быть, не сложится что-то такое, но — по объективным причинам, и это не будет мне в осуждение. Моя профессия хорошо отучает от душевной лени. Вот, к примеру, очень хочу сыграть роль, мне нравится пьеса, режиссер, все замечательно, а у меня не получается. Вроде бы текст говорю, мысли те же самые. А со стороны говорят: ты не действуешь. Ты не действуюешь. Как же не действую, я же кричу, ору, топаю ногами, произношу текст, я весь мокрый, в поту и не понимаю, почему... Театр — это зона повышенной температуры, сконцентрированного пространства и времени, и это "недействование" очень заметно. А в жизни мы часто можем жить годами, не действуя, и ничего...

Как говорил Иосиф Бродский, индивидуум должен исходить из более или менее вневременных категорий. Для меня пример служения делу — замечательные актеры, которые меня учили, кинорежиссер Виталий Мельников, не теряющий духа работника ни при каких обстоятельствах.

— Ты оптимист. "Одет и сыт одним веселым нравом. Таким не льстят". Чипсы или мыло рекламировать не станешь?

— Я лучше буду окна мыть.

— А в быту ты — "лошадь, зашедшая в дом поужинать после сначек"? Знаешь, такая большая, неудобная, заняла все пространство?

— Ну, лошадью я себя особенно не чувствую, потому что стараюсь не сканать, где не надо. И не наваливать на свою тележку слишком, это во-первых, а во-вторых, не сканать за очередным призом. Нет, я удобен в быту. Готовлю, стираю, убираю квартиру... Обожаю выбрасывать старое, ненужное. Иногда выброшу и думаю: что ж я сделал, нового-то еще не купил, как же теперь буду. И люблю во всем порядок. В делах, в семейной жизни, в быту. Во всем.

— Но ведь твоя профессия — такая неупорядоченная. Как в тебе это сочетается?

— Думаю, здесь нет противоречия. Моя профессия — поиск гармонии. Художник Дмитрий Краснопевцев, друг Рихтера, в своих дневниках как-то заметил, что прекрасное, гармония, красота — это порядок. Мне кажется, порядок — когда на месте. В спектакле Гарольда Стрелкова "Жанна д'Арк при дворе и на войне" я играю Жюль де Рэ, алхимика и мистина, аристократа, имевшего нучу любовниц и любовников. Этот порочный молодой человек совершенно помешался на Жанне, обладавшей даром творить чудеса. Им владело наваждение познать божественную тайну, понять, как она это делает. А она сама не знала, как. И не ведомый Жюлю порядок свел его с ума... Уф, тяжело говорить, легче сыграть. Вот поэтому мы и играем.

— Осознаешь, что ты потенциально культовый актер? Уже и "Нумира" получил.

— "Нумира" получил, но нумиром вряд ли стану. Не хочу я быть звездой. У меня нет такой цели. Твои коллеги любят проводить параллели: Алеша Карамазов — царевич Алексей — Алексей Зуев... Но я не смешиваю популярность моих героев и мою собственную. Если мне интересен актер — то на сцене. Если мне интересен художник, я пойду посмотреть его картины. Если интересен писатель, буду читать его романы. По плодам и узнаю его — старая добрая мысль. И мне нравится, что меня не узнают на улице. Значит, действительно неплохо сыграл. ■

Беседовала

Маргарита БЕЛАЯ.

Строки века

Тему нового творческого конкурса подсказали нам читательские письма. Идя навстречу вашим пожеланиям, мы посвящаем его, как и в ушедшем пушкинском году, поэзии. Но на этот раз — **русской музе XX века.**

Конкурс пройдет в три тура. В каждом из них вам предстоит по стихотворным отрывкам дать наибольшее число правильных ответов, каждый из которых должен включать в себя имя, фамилию автора и точное название поэтического произведения. **За каждый правильный ответ начисляется одно очко.** Жюри определит победителей по наибольшей сумме набранных в трех турах очков, и, разумеется, их ждут призы — подарочные издания поэзии, прозы и подписка на журнал «Смена» на 2001 год.

Ответы на вопросы январского тура с пометкой «Строки века» 1-й тур» следует отправлять в редакцию **до 1 марта** (срок отправки — по почтовому штемпелю).

С итогами конкурса мы познакомим в сентябрьском номере журнала.

Желаем успехов!

первый тур

1

...В апофеозе поколения,
Не воскресающего вновь,
такие скрыты вдохновенья,
Такая страшная любовь,

Что все поэты в черных шляпах
Не смогут в ямбах передать
Ее земной и грешный запах
И неземную благодать!

2

...Много добрых людей на Руси.
Только с лестницы бойкого дня
крик отца возвращает меня:
— Никуда не ходи! Ничего не проси!

3

...Хоть он теперь не богомолен,
Наш заблудившийся народ,
И звон умолкших колоколен
Его к молитве не зовет,

Но голос сердца изначальный
В его душе еще звучит,
И в светлый день первопасхальный
“Христос Воскресе” говорит.

4

...На черное глядя стекло,
Один, за свечою угрюмой,
Не думай о том, что прошло;
Совсем, если можешь, не думай!..

Зима ведь не сдастся: тверда!
Смириться бы, что ли... Пора же!
Иль лира часов и тогда
Над нами качалась не та же?..

5

...Господи, и, умирая,
Через полвека едва ль
Этого мертвого края,
Этого мерзлого рая
Я позабуду печаль.

6

...А на улице вьюга
Все смешала в одно,
И пробиться друг к другу
Никому не дано...

7

Но была ли на самом деле
Эта встреча в Летнем Саду
В понедельник, на Вербной Неделе
В девятьсот двадцать первом году?

Я пришла не в четверть второго,
Как условлено было, а в пять.
Он с улыбкой сказал: — Гумилева
Вы бы вряд ли заставили ждать.

Я смутилась. Он поднял высоко,
Чуть прищурившись, левую бровь.
И ни жалобы, ни упрёка.
Я подумала: это любовь!..

8

Вот и снова понедельник.
Я проснулась. Я жива.
На посту безумный мельник, —
мелют время жернова.

И почти что четверть века, —
Боже, как летят года! —
нет на свете человека,
памятного навсегда.

Где огонь его пыланий?
Все остыло, утряслось.
Тем дороже и желанней
легкий хмель воспоминаний...

9

Как эта стужа меня измаяла,
Этот сердечный мороз.
Мне бы заплакать, чтоб сердце оттаяло,
Да нет слез...

10

...У заборов девочки-подружки
Ожидают, выстроившись в ряд,
Или смотрят, позабыв игрушки,
На чужой и недоступный сад.

Там играют в сумерках Шопена.
Тот, кого зовут еще в мечтах,
Но соперничество и измена
Уж видны в приподнятых глазах...

11

...Шумные дети учатся в школах.
Завтра — не будет этих детей.
Завтра — дожди на равнинах голых,
Месиво из чугуна и костей...

Скрытое вывернется наружу.
После замолкнет и дробь свинца.
И тихое зеркало в красных лужах
Не отразит ничьего лица.

12

...И когда зарастут дорожки,
где ходили с вами вдвоем,
я-то вспомню вас на хорошем,
на певучем слове своем...

Я-то знаю, кто вы такие, —
бережете сердца свои...
Дорогие мои, дорогие,
ненадежные вы мои...

13

...Вперед, вперед! Дышите глубже! Бодро!
Сквозь пыль, и пот, и плещущие бедра,
Покуда не отказывает горло
Питать животрепещущую плоть...

Пока мы живы — это верный признак,
Что наша воля — сила, а не призрак.
Господь предпочитает самых быстрых,
И самым страстным воздает Господь...

14

Танцует тот, кто не танцует,
Ножом по рюмочке стучит,
Гарцует тот, кто не гарцует, —
С трибуны машет и кричит...

А кто танцует в самом деле,
И кто гарцует на коне,
Тем эти пляски надоели,
А эти лошади — вдвойне!

15

Своеначальный, жадный ум, —
Как пламень, русский ум опасен:
Так он неустойчив, так ясен,
Так весел он — и так угрюм...

Подобный стрелке неуклонной,
Он видит полюс в зыбь и муть;
Он в жизнь от грезы отвлеченной
Пугливой воле кажет путь.

Как чрез туманы взор орлиный
Обслеживает прах долины,
Он здраво мыслит о земле,
В мистической купаясь мгле.

16

Короли, как бабочки, вымирали,
сменялись министры их не у дел,
цыганки о расставаниях ввали,
а шар земной летел и гудел.

На нем города динамитом сносили.
Сходились —

удар в удар —

под огнем.

Россия ценой великих усилий
терпела, любила, сражалась на нем.

От рева пушек тряслась планета,
в долинах боя — трава в крови...
Окопы от Дона к Дунаю — это
координаты моей любви...

17

В смертном ознобе под ветром трепещет осина.
Окна распахнуты настежь. Темная хата пуста.
Мать причитает над трупом убитого сына.
Вдаль, без пути, без дороги тихо бредет сирота.

Ворон-могильщик, от пепла горячего серый,
Падает в черную ночь с обгорелых ворот...
Пламенем, сталью, мстью, не знающей меры,
Будет платить по кровавому счету народ...

18

...А други смотрят просто,
Какое дело им,
Крещусь я троеперстно
Или крестом иным.

Как рыцарь старомодный,
Я в их глазах смешон.
Да нужен ли мой подвиг?
Ко времени ли он?..

Земли не чую сдуру,
Восторженно визжа,
Ползу на амбразуру,
Клинок в зубах держа.

19

Давайте после драки
Помашем кулаками:
Не только пиво-раки
Мы ели и лакали,

Нет, назначались сроки,
Готовились бои,
Готовились в пророки
Товарищи мои...

20

...Я знаю: я нужен степи до зарезу,
Здесь идут пятилетки года.
И если в поезд сейчас я залезу,
Что же со степью будет тогда?

Но нет, пожалуй, это неверно,
Я, пожалуй, немного лгу.
Она без меня проживет, наверно, —
Это я без нее не могу...

21

За окошком в белом поле —
Сумрак, ветер, снеговой...
Ты сидишь, наверно, в школе,
В светлой комнатке своей.

Зимний вечер коротая,
Наклонилась над столом:
То ли пишешь, то ль читаешь,
То ли думаешь о чем.

Кончен день — и в классах пусто,
В старом доме тишина,
И тебе немножко грустно,
Что сегодня ты одна...

22

...Бред, говоришь... Но — судить потерпи, —
Не обойдешься без бредней.
Что говорить — на надежной цепи
Пес несравненно безбредней.

Право, с ума походили не все —
Это не бредни, не басни:
Если хороший ошейник на псе —
Это и псу безопасней...

23

...Над холопами, над министрами
Вьется вьюга белыми искрами.
Под землей, снежком запыленной,
Спят плохие и спят хорошие.

Спят, до старости жизнь любившие,
Спят и сами себя убившие,
Спят последний армяк пропившие,

Спят хоромы себе нажившие,
Спят на баржи дрова грузившие,
Спят стихи о себе сложившие...

24

В глухом безвремье печали
И в одиночестве немом
Не мы одни свой век кончали
Объяты странным полусном.

На сердце — желчь, в уме — забота,
Почти во всем вразумлены;
Холодной осени дремота
Сменила вянья весны.

*Кто нас любил — ушли в забвенье,
А люди чуждые растут,
И два соседних поколенья
Одно другого не поймут...*

25

*Вот голый куст, а вот голодный зверь,
Вот облако, вот человек бездомный,
Они стучатся. Ты открой теперь,
Открой им дверь в Твой Дом, как мир огромный.
О Господи, я не отдам врагу
Не только человека, даже камня,
О имени Твоем я все могу,
О имени Твоем и смерть легка мне.*

конкурс

СМЕРТЬ В СВОЕЙ ПОСТЕЛИ

Виктор ПРОНИН

РИСУНОК **Виталия Федорова**

Пафнутьев и Халандовский сидели в полутемной комнате на низком диванчике, перед ними стоял журнальный столик, а напротив, в нескольких метрах, светился большой экран японского телевизора. Освещенные разноцветными, мелькающими бликами лица друзей становились то ядовито-зелеными, то неприлично-красными, то мертвенно-синими. Выражение у обоих было одинаковое — оцепенелое.

На экране мелькали кадры фильма — роскошные, высокохудожественные взрывы с огнем, клубами дыма, взлетающими в воздух машинами, людьми и даже домами. А герой, явно равнодушный к одной из обреченных красавиц, неотступно шел за маньяком, пренебрегая здравым смыслом, собственной жизнью и законами жанра.

— Знаешь, чем кончится? — спросил Халандовский.

— Ну?

— Они сольются в экстазе.

— Кто? — уточнил Пафнутьев.

— Полуобгорелый полицейский и недорезанная красотка.

Они просто созданы для поцелуя под занавес.

— Но перед тем, как слиться, хотя бы примут душ?

— Ни фига. — Халандовский покачал в полумраке большой кудлатой головой. — В том-то, Паша, и весь смысл. Они сольются в экстазе именно в таком виде — он дымится, в отдельных местах еще и догорает, а она вся в кровище маньяка, которого полицейский зарезал минуту назад его же преступным ножом. Это означает, что настоящая любовь преодолевает все на свете. Миллионы прекрасодушных зрителей по обе стороны Атлантического океана невольно смахнут растроганную слезу и проникнутся высокими, чистыми чувствами. Подобные фильмы — самое яркое, волнующее, незабываемое, что происходит в их сытой, сонной жизни.

Все получилось точно так, как предсказывал многомудрый Халандовский, — полицейский зарезал маньяка, кровь хлынула на полуживую красавицу, избавитель освободил ее от пут и тут же приник к ней страстно и самозабвенно. А красавица, ощутив прилив животворных сил, естественно, прильнула к нему, не забыв оголить самые соблазнительные места. Из их измученных глаз катились слезы счастья и любви.

— Переключи программу, — сказал Пафнутьев.

Но избавления от страшных картин друзья не получили — передавали военные сводки из Югославии: американцы, немцы, англичане дружно и весело разбомбили пассажирский поезд вместе с мостом, по которому он шел. Потом показали высокоточное попадание томагавка в рейсовый автобус, потом пошли потрясающе красивые кадры — доблестные американские летчики трижды заходили на колонну беженцев. Дорога, усеянная сочащимися кровью кусками человеческих тел, казалась, вела в предыдущий фильм.

— А что им, собственно, надо от этих сербов?

— Затронуты национальные интересы Соединенных Штатов! — веско ответил Халандовский и опять переключил программу — шла передача о выдающемся певце столетия Фрэнке Синатре. Показали младенческие его годы, триумфальную жизнь, смерть, от которой содрогнулось все прогрессивное человечество. — Я переключу?

— Конечно.

На этот раз на экране возникла толстая, изуродованная жизнью тетка с накрашенным ртом, которая на ломаном сербском языке убеждала югославов в том, что бомбежки производятся для их же блага, что та свобода, которой они были лишены до сих пор, теперь воссияет над их мертвыми головами во всем своем слепящем великолепии.

— Так, — проговорил Пафнутьев чуть слышно. — Дальше.

Дергающаяся певичка показывала всем желающим части своего тела, наиболее, по ее мнению, удавшиеся природе.

— А знаешь, эта Мадонна менее бесстыдна, нежели та баба, которая была до нее, — задумчиво проговорил Халандовский, снова переключая программу. Экран заполнили потные тела, оружие, искаженные оптикой рожи, скрежет мощных звуковых установок, блики лазерных лучей.

— Что с ними? — спросил Пафнутьев невинным, совершенно дурацким тоном.

— Музыкальные ансамбли. Победители национальных конкурсов. Пятая программа. Так называемая, культурная.

— Крути дальше.

— Филадельфия опять проигрывает! — заорал не своим голосом спортивный комментатор. — Бостон на подъеме! Бостон впереди! Бостон неуправляем в этой атаке! Это победа! Идут последние секунды матча! Какая победа!

— Аркаша, это действительно победа?

— Это оккупация, — невозмутимо ответил Халандовский, выключая телевизор. — Недавно, Паша, мне довелось видеть подшивку газет, которые выпускали немцы во время войны на занятых наших территориях.

— И что?

— То же самое, что ты сейчас видел. Правда, те газеты были пожелтевшими, выгоревшими от времени, а здесь краски вон какие яркие да сочные... Но суть та же. Должен, однако, сказать. — Халандовский поднялся, включил свет в комнате, положил на телевизор пульт. — Должен сказать, Паша, что те фашистские газеты были порядочнее, честнее. Да, они были оккупационными, но этого и не скрывали. А эти... — Халандовский склонил голову набок, как делал это в минуты глубокой задумчивости.

— Как жить, Аркаша?

— Делай свое дело. Не торопясь, каждый день, без стремления немедленно все исполнить и тем самым оказать уважение

государственному департаменту, международному банку, очередному проходе, который указывает тебе с экрана, где лучше жить... Мы-то с тобой это прекрасно знаем.

— Да? — удивился Пафнутьев. — Где же?

— Вот здесь. — И Халандовский ткнул толстым, мохнатым указательным пальцем в пол. — Здесь! — повторил он. — С кем лучше общаться? Со мной — директором лучшего в городе гастронома. — И его указательный палец с той же непоколебимой уверенностью ткнулся в грудь, куда более мохнатую, нежели палец.

— С чего начинать, Аркаша?

— Начало уже было. И середина позади. С ярмарки едем. А с ярмарки люди едут куда веселее — товар продан, денег полная сума, лошади бегут налегке, впереди родные избы! Так не открыть ли нам, мужики, припасенную бутылочку? Не выпить ли за удачную торговлю?

— Это вопрос или предложение? — спросил Пафнутьев, все еще подавленный увиденным на экране.

— Ха! — воскликнул Халандовский и громко хлопнул в ладоши. Хлопок получился неожиданно громким и вызывающим. Он сразу как бы подавил все поганые звуки, которые только что исторгали высококачественные японские динамики. Те звуки не просто замолкли, они исчезли, их вымело, как какие-то зловонные испарения, и комната сразу наполнилась чем-то радостным, безудержным, требующим немедленного воплощения. — Ха! — снова хлопнул Халандовский в ладоши, и его победа над силами зла стала окончательной.

Громадный, в мохнатом красном халате, он пронесся через комнату легко и невесомо, как победное знамя, а когда снова возник перед Пафнутьевым, в руках его была белая льняная скатерть. Взмахнув ею над головой, всколыхнув воздух до самых дальних и темных углов, он, как фокусник, как маг и чародей, четко и безупречно опустил скатерть на журнальный столик, сразу сделав его праздничным и нарядным.

— Как это понимать, Аркаша? — спросил Пафнутьев и почувствовал, как в душе его что-то сладостно заныло, напряглось ожиданием, боязнь разочароваться в происходящем.

— Как понимать? Жизнь продолжается!

— Господи, неужели это возможно, — проговорил Пафнутьев слабым голосом. Легкое, невнятное предчувствие праздника превратилось в твердую уверенность. Эти слова свои он проговорил без вопроса, он вымолвил их, уже как бы смиряясь с неизбежным.

— Втяни воздух! — продолжал орать Халандовский. — Втяни ноздрями воздух! Неужели ты можешь ощущать только запах хлорки из своих тюремных коридоров? Запах переполненных камер и следственных изоляторов? Паша! Нюхай воздух! Ноздрями нюхай!

Пафнутьев послушно прикрыл глаза, вдохнул воздух и явственно, осязаемо ощутил запах печеного мяса. Он узнал бы этот запах из тысяч других — это был запах жизни.

Когда он открыл глаза, то увидел на белой скатерти две хрустальные бочкообразные рюмки, тарелку, разрисованную красными, обжигающими взгляд петухами. По другую сторону стола стояла такая же тарелка, а по обе стороны от них лежали ножи и вилки с тяжелыми металлическими ручками.

— О, Боже! — простонал Пафнутьев. — Неужели это возможно?

Халандовский не ответил.

Все тем же развевающимся победным стягом он рванулся на кухню и через несколько секунд, как показалось потрясенному сознанию Пафнутьева, через две-три секунды, поставил на стол бутылку смирновской водки. Но о том, какая это водка, Пафнутьев наметанным взглядом узнал только по форме бутылки, а сама бутылка, этикетка и нашлапка на задней ее части — все было покрыто мохнатым инеем. Убедившись, что гость все увидел, все оценил и осознал, Халандовский бесстрашно обхватил бутылку ладонью, одним движением руки с хрустом свинтил пробку и наполнил обе рюмки тяжелой, прозрачной жидкостью, от которой хрусталь тут же покрылся тонким, уже не мохнатым, нет, изысканно матовым инеем.

— Будем живы! — воскликнул Халандовский, поднимая свою рюмку.

— А это... Закусить бы!

— Всему свое время, Паша! Вперед!

И столько было в халандовском голосе твердости, уверенности в правильности каждого своего слова, шага, жеста, что Пафнутьев беспрекословно подчинился и выпил обжигающе холодный напиток. И понял — закусывать такую водку — грех и кощунство.

— А теперь, скажи мне, Паша... Они нас победят? — Халандовский ткнул пальцем в сторону серого экрана телевизора.

— Никогда!

— С высоты двадцати километров бросать бомбы на головы беззащитных людей... Это они могут. Немцы тоже кое-что могли. Даже газеты выпускали. И что? Недолго музыка играла, недолго фраер танцевал!

Халандовский снова унесся на кухню и опять, как показалось Пафнутьеву, вернулся через несколько секунд. В руках он держал плоское керамическое блюдо с громадным куском мяса, от которого исходил такой дух, такой сумасшедший запах, что вдохнув его, оставалось только откинуться на спинку дивана и в изнеможении закрыть глаза.

Что Пафнутьев и сделал. Причем совершенно искренне, даже сам того не заметив.

— Да, Паша, да! — воскликнул Халандовский, водружая блюдо посредине стола и присаживаясь на диванчик. В одной руке его как бы сам по себе оказался длинный острый нож, а во второй — вилка с двумя чуть изогнутыми зубьями. Когда Халандовский с необыкновенно воодушевленным выражением лица воткнул вилку в мясо, когда он погрузил в него нож, до Пафнутьева наконец дошло, что от блюда исходит не только запах, переворачивающий все его представления о жизни, но и жар, и жар! Да, мясо было вынуто из духовки только что, действительно несколько секунд назад.

— Неужели это возможно? — проговорил Пафнутьев слабым голосом. — Неужели так бывает в жизни?..

— А теперь скажи, Паша... Нас победят?

— Нас?! — возмутился Пафнутьев. — Да никогда! Никто! Ни за что! Никакими атомными, водородными, вакуумными, графитовыми и прочими бомбами, хотя они наверняка уже на нас наведены... Никогда.

— Полностью с тобой согласен. — Халандовский бестрепетной рукой снова наполнил рюмки лучшей в мире черноголовской водкой и отрезал от куска два щедрых ломтя — сочных, горячих, издающих запах всех трав, всех корней мира.

— А мясо, между прочим, у тебя негуманное, — сказал Пафнутьев, опрокинув в себя рюмку и съев в мановение ока свою долю.

— Это почему же? — Халандовский даже не обиделся, он лишь изумился такому неожиданному наглому заявлению.

— Пьешь, не пьешь — один результат.

— Это да! — охотно согласился Халандовский и опять взял за нож и двузубую вилку. — Ты правильно заметил. — Он отрезал два куска мяса, каждый размером со свою ладонь, безразмерную, между прочим, ладонь. — Могу поделиться кулинарными тайнами.

— Делись.

— Мясо нужно брать на базаре. Не скупаясь. Оно должно быть парное и весом не менее трех килограммов.

— Отпадает, — сказал Пафнутьев, по-звериному урча над тарелкой. — Три килограмма на базаре — это моя, начальника следственного управления горпрокуратуры, недельная зарплата.

— Ну и что? — удивился Халандовский. — Тебе не надо каждый день бегать на базар. Достаточно, если пригласишь меня раз в три месяца.

— Это можно.

— Продолжаю... Ты берешь мясо, натираешь его всеми приправами, какие только есть в доме. Потом посыпашь его всем, что подвернется под руку. Берешь тонкий, длинный острый нож. Этим ножом, тонким и длинным, пронзаешь мясо в разных направлениях до середины куска и запикиваешь в надрезы сушеный кориандр, мускатный орех, черный перец.

— Остановись. — Пафнутьев обессиленно откинулся на диванчик. — У меня началось повышенное, неуправляемое слюноотделение. Есть опасность захлебнуться.

— Намек понял. — Халандовский наполнил рюмки. — Но главная тайна, Паша, тебе еще не ведома. Она заключается в том, чтобы определить момент, когда необходимо вынуть мясо из духовки. Ни минутой раньше, ни минутой позже. Вынешь раньше — оно, простите, сыроватое. Вынешь позже — сухое. Это мясо ты можешь назвать сухим?

— Ты вынул его вовремя, Аркаша. Но как узнать, что заветная минута наступила?

— Только опыт, Паша, только опыт. Годы неустанных усилий, и ты сможешь определять этот краткий миг по форме облака за окном, по лаю соседской собаки, по тому неистовству, которое охватывает твоего кота, ошалевшего от колдовских испарений. Ну и, конечно, угадать эту, как ты говоришь, заветную минуту можно по запаху, цвету, вкусу того мяса, которое томится у тебя в духовке! По трепету собственных ноздрей!

Халандовский чокнулся с Пафнутьевым и, не произнеся ни единого слова, выпил. Да так и остался сидеть на диване, даже забыв поставить стопку на стол.

— Мысли посетили? — поинтересовался Пафнутьев.

— Может быть, может быть. — Несмотря на совершенно потрясающую водку, невообразимо прекрасную закуску, Халандовский оставался печальным и отрешенным. Скорее из вежливости, нежели от радости, он вскрикивал время от времени, произносил нечто поддразнивающее, но от Пафнутьева не укрылось истинное его настроение.

— Слушаю тебя, Аркаша, — сказал он.

— Слушаешь? — Халандовский был не в силах сразу покинуть те мысленные пещеры, провалы, чащобы, в которых только что блуждал. — Помнишь, Паша, совсем недавние времена, когда лучшие люди страны, к которым я отношу и нас с тобой, собирались вечерами на пятиметровых кухнях и за паршивой водкой без устали трепались, искали какую-то там истину, возмущались и клеймили, воздевали, как красиво воздевали руки к небу!

— Помню, — обронил Пафнутьев.

— А сейчас мы сидим в большой комнате, пьем неплохую водку, закусываем не самым худшим образом... А говорить не о чем. Не о чем, Паша, говорить.

— Ну, почему же, — попробовал возразить Пафнутьев, но Халандовский широким и гневным взмахом красного махрового рукава халата заставил его замолчать.

— Нам все ясно, Паша. Страшно, когда все ясно и говорить не о чем. Эти хмыри, — он кивнул в сторону серого экрана телевизора, — нас убеждают, что мы жили плохо, унижительно, за нами следили, подслушивали, затыкали рты, таскали по раз-

ным подлым конторам, вынуждали молчать и врать... Это было?

— Не было.

— Всю жизнь я говорил то, что думал, поступал как хотел, общался с теми людьми, которые мне нравились, пил с теми, которых любил. Надеюсь, ты вел себя так же?

— Конечно.

— Я был не слишком угодливым, был чреватым и достаточно неожиданным гражданином, но никто никогда не бросил мне ни слова упрека. Не говоря уже о более серьезном осуждении. Разве что женщины. — Халандовский неопределенно повертел в воздухе растопыренной ладонью. — Но и с ними я всегда находил общий язык, и за моей спиной не осталось ни одной зареванной, несчастной, озлобленной, голодной женщины. Ни одной. С любой из них я могу встретиться хоть сегодня, и у нас будет не самый плохой вечерок.

— Может быть, так и поступить? — неловко пошутил Пафнутьев.

— Помолчи, Паша. Весь ужас сегодняшнего дня в том, что нам все ясно. Мы проданы, ограблены и изнасилованы в самой извращенной форме, как ты пишешь в своих протоколах. Этот спившийся придурок приватизировал страну и ведет себя куда беспардоннее, чем я в подсобке своего гастронома. Паша, может быть, ты мне не поверишь, но признаюсь — у меня на уме не только деньги, водка и бабы. У меня на уме еще кое-что. — Халандовский протянул руку к почти опустевшей бутылке, разлил водку в рюмки, которые, тем не менее, неожиданно оказались почти полными. — За победу! Пусть в душе живет чувство победы.

— А его нет?

— Давно уже.

— И никаких просветов?

— Никаких, Паша. По всем программам, — Халандовский печально махнул рукой в сторону телевизора, — меня убеждают, что все пропало, надеяться не на что, что каждый день по всей стране гремят взрывы, рушатся мосты, падают самолеты, не платят зарплату, люди толпами уезжают в какие-то счастливые страны... Представляешь, у бабки в деревне газовый баллон взорвался — целый день по шести программ сообщали мне об этом кошмарном случае, не было в этот день других катастроф. Целый день по всем программам! Жертв нет, пожар не возник, никто не пострадал, куры остались целы, козел даже не обгорел... Но баллон взорвался! Они делают все, чтобы мне не было жалко свою страну, когда ее окончательно завоюют.

— А ты?

— Готов взять в руки автомат.

— И куда с ним?

— Знаешь, Паша, не тебе говорить... Пули обладают странной способностью находить нужного человека. Я могу пить вод-

ку, жарить мясо, кричать громким голосом, созывать гостей к столу... Могу. Но... когда в тылу все в порядке. А сейчас у меня нет тыла. Пустота. Опасная такая, холодящая пустота, наполненная воплями из этого вот ящика. — Халандовский, не глядя, ткнул большим пальцем за спину.

— Ты, наверное, красно-коричневый? — спросил Пафнутьев.

— Шутишь, да, Паша?

— Если тема не допускает шуток, значит, это несерьезная тема.

— Да-а-а? — уважительно протянул Халандовский и склонил голову набок, пытаясь понять услышанное. — Ты, наверное, выпить хочешь? Я правильно тебя понял? — В голосе его появилась надежда.

— И это тоже. Подожди! — Пафнутьев остановил метнувшегося к холодильнику Халандовского. — Я все-таки отвечу... Знаешь, пустота за спиной... Она еще наполнится людьми, светом, голосами, музыкой... Наполнится. А я... я буду делать свое дело. И ничто меня не остановит.

— И никто не купит?

— Пусть только попробуют! — с дурашливой угрозой проговорил Пафнутьев.

— И никто не купит? — с тем же выражением, но тише, повторил Халандовский. — Ни за какие деньги?

Пафнутьев пошарил взглядом по столу, убедился, что бутылка пуста, его рюмка тоже пуста, и лишь после этого посмотрел в глаза Халандовскому.

— Не знаю, Аркаша, не знаю. Нетрудно ответить, что да, дескать, никогда, никто, ни за какие деньги! Но я знаю, что такие слова... никогда, навсегда, по гроб жизни... немного стоят. Серьезные люди их не произносят. Девочка и мальчик могут клясться друг другу в сиреневых кустах... Но мы-то с тобой знаем, чем кончаются такие клятвы.

— Чем, Паша?

— Младенцами в мусорных ящиках. Каждый день в мусорных ящиках находят живых, полуживых, задушенных, забитых младенцев.

— И больше ни к чему юношеские клятвы не приводят? — изумленно спросил Халандовский.

— Может быть, случается что-то и менее печальное, но это уже не по моей части. Это по другому ведомству.

— Паша, у тебя в жизни два выхода.

— Ну?

— Или напиться, или поменять работу.

— Я выбираю первое.

— Понял. — Халандовский опять рванулся было к холодильнику, но на этот раз его остановил телефонный звонок. — Да! — раздраженно закричал он в трубку. — Вас слушают! О! — воскликнул через секунду голосом, полным раскаяния. — Ви-

новат! Нет мне прощения. Исправляюсь немедленно! Вика! — Халандовский протянул трубку Пафнутьеву.

— Надо же, — удивился тот и еще некоторое время медлил, пытаясь понять, что заставило жену звонить в столь неурочный час. — Пафнутьев на проводе, — наконец сказал он, сразу осев, ссутулившись и как бы смирившись с неизбежным.

— Паша, ты как? В порядке?

— Как всегда!

— Понятно, — сказала Вика, но как-то не так сказала, не тем тоном, который Пафнутьев мог принять спокойно и равнодушно. Прозвучала в голосе Вики нотка безутешности и горького, смиренного понимания.

— Что тебе понятно, дорогая?

— Звонил Шаланда.

— И что?

— Тебя ищет.

— Зачем?

— Он будет у себя еще минут пятнадцать. И просил... Если сможешь, позвони ему. — И опять в слове "сможешь" прозвучала та самая нотка безутешности.

— Смогу.

— Он звонит уже не первый раз... Я скажу, чтобы ждал твоего звонка, да?

— Он у меня дождется! — дурашливо прошипел в трубку Пафнутьев.

— Паша... Ты не слишком задержишься?

— Теперь-то уже наверняка слишком. Шаланда зря звонить не станет...

— Мой ужин, конечно, не сравним с халандовским, но и он тебя ждет.

— Дождется, — повторил Пафнутьев.

— Спокойной ночи, Паша.

— Вот за это спасибо. — Пафнутьев с силой потер лицо ладонями, беспомощно посмотрел на Халандовского.

— Еще рюмку? — спросил тот.

— Я, конечно, дико извиняюсь...

— Понял. Тебе нужен кусок мяса в дорогу.

— Зачем?

— Кто знает, когда ты в своей жизни, полной риска и смертельной опасности, снова соберешься перекусить. — Халандовский, подхватив на кошмарную свою вилку оставшееся мясо, понес его на кухню.

А Пафнутьев тем временем набрал номер милицейского начальника города полковника Шаланды.

— Куда ехать? — спросил Пафнутьев вместо приветствия, едва Шаланда успел поднять трубку, едва успел произнести свое сипловатое "Слушаю!".

Шаланда помолчал некоторое время. Он узнал голос Пафнутьева, тем более, что ждал его звонка, но вот так сразу ответить на вопрос... А нет ли в нем скрытой насмешки, не таится ли здесь злая шутка или желание обидеть его, поставить на место? Своим вопросом Пафнутьев лишил Шаланду возможности сделать замечание, поворчать — после вопроса Пафнутьева все его назидательные слова теряли смысл.

— За город.

— Убили?

— Убили, — помолчав, ответил Шаланда, решив, видимо, что подробно говорить о таких вещах по телефону не следует.

— Большой человек?

— Да.

— Совсем-совсем большой?

— Паша... — Шаланда был задет легкомысленным тоном Пафнутьева. — Скажи мне, пожалуйста... Не скрывая, не тая... Куда за тобой заехать?

— Другими словами, человек настолько большой, что даже я там понадобился?

— Да.

— И даже ты? — продолжал удивляться Пафнутьев.

— Да. — На этот раз Шаланда все-таки уловил насмешку и обиделся.

— Знаешь, где живет мой лучший друг и твой восторженный поклонник Аркаша Халандовский?

Не отвечая, Шаланда положил трубку.

— Чей я восторженный поклонник? — спросил Халандовский, появляясь в дверях с объемистым свертком, обернутым промасленной бумагой.

— Шаландовский, — рассмеялся, наконец, Пафнутьев.

— А, да... Это за мной водится. Заглянул бы когда-нибудь со своим Шаландой, а? Говорят, забавный такой человек... Заглянешь?

— С одним условием.

— Ну?

— Сможешь повторить такое же мясо?

— Я сделаю его лучше, Паша! — вскричал Халандовский в полном восторге от предстоящей встречи.

— Лучше не бывает. — Пафнутьев встал и направился в прихожую.

— Паша! — На глаза Халандовского, кажется, навернулись слезы благодарности. — Неужели не шутишь?

— Есть вещи, которыми не шутят, — сурово ответил Пафнутьев.

Был поздний вечер, почти ночь, дорога оказалась свободна, весенний воздух хорошо охлаждал мотор, и машина мчалась на предельной скорости. Микроавтобус был заполнен полностью.

Впереди, рядом с водителем, мясисто и непоколебимо, с чувством правоты во всем, что его касалось хоть в малой степени, сидел Шаланда. Разговаривал, не оборачиваясь, и была в его спине, в загривке, в развороте плеч какая-то скрытая обида, будто все остальные вынуждали его поступить хуже, чем он хотел, заставляли в чем-то отступить от самого себя.

А дальше, за шаландовской спиной, расположились остальные. Нервно вздрагивая во сне, Худолей спал, прислонившись головой к холодному стеклу. На коленях у него стояла сумка со всем имуществом, которое положено иметь эксперту при выезде на место происшествия. Пафнутьев молча смотрел на ночную дорогу, на огни встречных машин, и до сих пор стоял у него перед глазами накрытый стол Халандовского, который пришлось оставить так спешно и некстати. Молча и даже как бы невидимо сидел Андрей, а за ним два оперативника.

— Шаланда! — неожиданно громко произнес Пафнутьев, когда город остался позади, и в свете фар замелькали низкие домики с темными, еще не ожившими садами.

Шаланда вздрогнул от неожиданности, недовольно подвигал плечами, но не откликнулся.

— Куда едем? — продолжал Пафнутьев. — Пожар? Наводнение? Землетрясение?

— Убийство.

— Да-а-а? — по-дурацки удивился Пафнутьев. — Кого же на этот раз?

— Объячев. Константин Александрович Объячев.

— Тот крутой, что ли?

— Он самый.

— Не может быть, — разочарованно произнес Пафнутьев, глядя в окно.

— Чего не может быть? — развернулся Шаланда, чтобы пронзить Пафнутьева гневным взглядом, но, не увидев ничего в темноте, снова обернулся к лобовому стеклу. — Чего не может? — повторил он уже спокойнее.

— Такого человека убить нельзя.

— Почему?

— Потому что он сам убьет кого угодно.

— И на старуху бывает проруха.

— На старуху — бывает, — рассудительно проговорил Пафнутьев. — Со старухами вообще случается черт знает что. Недавно на кладбище одну изнасиловали. Восемьдесят шесть лет. Такая вот проруха... Ум меркнет.

— Я знаю, отчего меркнет твой ум, Паша, — сказал Шаланда со скрытой усмешечкой, с той самой усмешечкой, которую Пафнутьев больше всего ненавидел в жизни, которая вводила его в бешенство за доли секунды.

— Отчего же он меркнет?

— Ладно-ладно, — миролюбиво проговорил Шаланда, мгновенно почувствовав по пафнутьевскому голосу, что над его головой начали сгущаться тучи.

— Смотри... А то я готов поговорить и на эту тему.

— Замнем, Паша. Виноват. Прости великодушно.

— Так что с Объячевым? — сжалился Пафнутьев.

— Дыра в голове.

— Большая?

— Смотри с какой стороны. Входное отверстие поменьше, выходное — побольше. Как обычно и бывает в таких случаях. Но самое интересное — в своей кровати помер мужик.

— Это как? — не понял Пафнутьев.

— Заснул и не проснулся.

— Почему?

— Во время сна в голове дыра образовалась, — усмехнулся Шаланда. — Так бывает.

— Сонного, что ли, застрелили?

— Вот и до тебя, Паша, дошло.

Пафнутьев не ответил. Подобные выпады его не задевали. Он обижался, когда намекали на то, что не совсем трезв, что многовато выпил, хотя и меньше, чем вчера. Задевало, когда знал — удар точный, сознательный и обдуманый. Злой удар. Болезненный. Собственно, даже не так — его бесило не само оскорбление, а желание оскорбить. Слова, какими бы едкими они ни были, его не трогали.

— Объячеву ясновидящая нагадала недавно, — проговорил Андрей. — Он иногда к ясновидящей наведывался.

— И что? — заинтересовался Пафнутьев.

— Вот она и успокоила Объячева... Дескать, нечего тебе, любезный, волноваться, переживать и чего-то там опасаться. В своей кровати помрешь. Он понял это так, что суждено ему дожить до глубокой старости.

— Откуда тебе все это известно?

— Весь город знает. Объячев сам по телевизору рассказал. Этак, посмеиваясь. Дескать, теперь ему бояться нечего, теперь он, вроде бы, заговоренный.

— Значит, не все сказала ясновидящая.

— Или ее не так поняли, — добавил Шаланда.

— Найти бы ее, — предположил Андрей.

— Найдем. — Пафнутьев некоторое время молча смотрел в черное лобовое стекло. — Узнаем, на кого работает.

— Ты думаешь, что она... — не решившись продолжать дальше, Шаланда снова развернулся к Пафнутьеву.

— Без сомнения, — уверенно проговорил тот. — Наверняка.

— Смотри, как все у них схвачено! — ужаснулся Шаланда, и только дружный смех за спиной заставил его спохватиться. — Если предсказание действительно было, это бабу надо найти, слышишь, Олег!

— Слышу, — отозвался оперативник.

— Завтра.

— Не сегодня же. — В этих словах явно прозвучала дерзость, и Шаланда, снова развернувшись, некоторое время невидяще смотрел в темноту. — “Можно и сегодня”, — пробормотал он уже про себя.

— Готов, — продолжал куражиться оперативник, видимо, недавно работавший с Шаландой и плохо еще знающий своего начальника.

— Да? — легко отозвался Шаланда, не оборачиваясь. — Принимается. Володя, останови машину. — Он положил руку на колено водителю.

Автобус вильнул к обочине.

— Вылезай, — сказал Шаланда, не оборачиваясь.

— Я, что ли? — осевшим голосом спросил Олег.

— Ну, не я же!

— И куда?

— Завтра к девяти, к началу рабочего дня, эта предсказательница, гадалка, колдунья, сообщница убийц... Называй ее, как хочешь, но она должна быть возле моего кабинета. И ты вместе с ней.

— Так ведь это... Вроде того что...

— Вылезай.

— С чего начинать-то?

— С телестудии, — подсказал Пафнутьев.

Парень неловко протиснулся к проходу, нарочито замедленно, спотыкаясь и цепляясь за ручки, все еще не веря, что безобидный перебрех с начальством может кончиться так необратимо. Уже спрыгнув на обочину, он все еще не закрывал за собой дверь, ожидая предложения вернуться.

— Поехали, — решительно сказал Шаланда, и машина рванула с места. Дверцу кто-то изловчился захлопнуть уже на ходу. — Ну что, — обернулся он к Пафнутьеву. — Осуждаешь?

— Нисколько.

— Он ведь переступил черту? — Шаланда, видимо, и сам не ожидал от себя столь решительных действий.

— Два раза.

— Ты бы его высадил?

— Нет. Я бы напомнил ему об этом попозже.

— Это потому, Паша, что ты очень злопамятный, — сделал неожиданный вывод Шаланда и надолго замолчал.

Где-то после двадцатого километра плотная стена соснового леса, подступавшая к самой обочине, неожиданно раздвинулась, образовав большую, просторную поляну, уставленную причудливыми коттеджами. Одни уже светились многочисленными окнами, другие были недостроены, стены третьих едва поднимались над фундаментами. Кучи глины, траншеи, груды бетонных блоков, замершие на ночь краны, бульдозеры, само-

свалы — все это, освещенное луной, редкими лампочками, строительными прожекторами, представляло собой картину почти фантастическую.

Подмерзшая к ночи дорога позволяла без помех добраться до самой середины поселка новых русских, которые так спешили, так торопились вложить рискованные свои деньги в нечто надежное и необратимое — в жилье. Двухэтажные особняки попадались редко, в основном, возводили трех, четырехэтажные, да еще с подвалами, подвалы тоже делали на двух уровнях, словно готовились к неизбежной атомной бомбардировке. А там кто знает, может быть, не так уж они были далеки от истины. Атомной — ладно, но обычных бомбардировок последнее время все мы можем ждать со дня на день, со дня на день, ребята.

Когда машина приблизилась к центру поселка, от забора отделилась темная фигура и остановилась посередине дороги. Лужи успели подмерзнуть, и сутуловатая мужская фигура во весь рост отражалась в темном льду.

— Похоже, нас встречают? — проговорил Пафнутьев.

— Попробовали бы не встретить, — откликнулся Шаланда.

Водитель включил дальний свет, и сразу стало видно, что на дороге стоит плотный мужик, сунув руки в карманы куртки и склонив голову вперед, будто собирался бодаться с микроавтобусом. Уходить в сторону он, видимо, не собирался, может быть, просто потому что некуда было сойти — под тонким льдом таилась густая глиняная жижа разъезженной грузовиками дороги.

Почти упершийся бампером в живот мужика, автобус остановился. Водитель опустил стекло, высунулся наружу.

— Ты звонил?

— Милиция? — не отвечая, спросил мужик.

— Ну! Милиция!

— Давайте направо. — Мужик показал поворот дороги прямо перед собой.

— Проедем?

— Если с разгона... Получится. Вон к тому дому. Там ворота распахнуты. Сразу и въезжайте.

Водитель поворчал немного, подергал рычаги, оглянулся, желая убедиться, что пассажиры осознали, в каких условиях ему приходится работать, и начал сворачивать вправо, одновременно нажимая на газ, пытаясь придать машине хоть какое-то ускорение. И действительно, чиркнув глушителем по смерзшимся комкам глины, автобус выехал на твердую поверхность и, проскочив метров тридцать, оказался у ворот.

— Кажется, пронесло, — пробормотал водитель, въезжая во двор.

Площадка перед гаражом была забетонирована, более того, даже, кажется, вымыта. И тут же в воротах показался мужик, которого они оставили на повороте.

Пафнутьев выпрыгнул из машины на бетон, прошел вдоль гаража, присел несколько раз, разминая затекшие ноги, осмотрел дом. Сооружение оказалось достаточно внушительным — метров двадцать на двадцать.

— Ни фиги себе! — пробормотал Пафнутьев озадаченно. — Почти четыреста метров площадь одного этажа. А их здесь... — он задрал голову вверх, — их здесь три, да плюс подвал, да еще, кажется, вверху мансардный этаж... Это сколько же получается... Две тысячи метров полезной площади... Да пристроенная башня... Две тысячи! — громко повторил он, приблизившись сзади к Шаланде.

— Что? — тот вздрогнул от неожиданности.

— Говорю, в домишке этом две тысячи квадратных метров полезной площади.

— Так не бывает.

— Четыре этажа, включая мансардный. Множь, Шаланда, множь. Размер дома у основания примерно двадцать на двадцать. Вот и получается две тысячи квадратных метров. А у тебя в квартире сколько?

— Шестьдесят, — проворчал Шаланда, словно уличенный в чем-то недостойном.

— У меня тоже шестьдесят, — сказал Пафнутьев. — Заметь, не жилая, а общая.

— Перебьешься. — Шаланда не сумел скрыть своего удовлетворения — у него квартира, оказывается, ничуть не меньше.

— Перебиваюсь, — развел руками Пафнутьев и, ухватив за рукав мужика, который в очередной раз суетливо пронесился мимо, подтащил к себе. — Скажи, старик, кто ты есть?

— Не понял? — обернулся тот, безуспешно пытаясь высвободить рукав.

— Повторяю — кто ты есть? Почему носишься по двору? Кто тебе поручил встречать нас? Как вообще понимать твое здесь пребывание? Я внятно выражаюсь?

— Докладываю... Вохмянин моя фамилия. Охранник.

— Или телохранитель?

— Можно и так сказать.

— Значит, не уберег ты тело своего хозяина?

— Тело на месте.

— Это где же? — Шаланда тоже решил принять участие в разговоре.

— В кровати.

— Тело мертвое?

— Вполне.

— Что случилось?

— Выстрел в голову.

— Куда именно? — уточнил подкравшийся сзади Худолей.

— Пуля вошла между ухом и виском. Это важно?

— Очень, — кивнул Худолей.

— Наверное, это о многом говорит? — Вохмянин явно нарывался на крутой разговор.

— Да, — кивнул Худолей. — О многом. Для убийства надежнее точки нет.

— Между ухом и виском? — простодушно удивился Вохмянин. — А мне всегда казалось, что лучше всего стрелять в затылок.

— Затылок — тоже ничего, — согласился Худолей и отошел, чувствуя, что перебил начальственный разговор.

— Может быть, войдем в дом? — предложил Вохмянин.

— Обязательно. — И Шаланда первым направился к причудливому арочному сооружению со ступеньками — там, по его представлению, должны были находиться двери.

Из какой-то ниши раздался рык громадной собаки, но в темноте ее не было видно, а судя по тому, что Вохмянин не обратил на рык никакого внимания, собака была надежно привязана.

Сразу за дверью оказался просторный вестибюль с вешалкой, зеркалом и небольшим диванчиком.

— Неплохо, — сказал Пафнутьев. — Я бы не отказался.

— Что-то ты, Паша, последнее время все увиденное примериваешь на себя, — проворчал Шаланда, стаскивая тесноватый плащ.

— Конечно, на себя, — не задумываясь, ответил Пафнутьев. — На тебя ведь все мало. И этот дом на тебя мал, как я вижу.

— Какую я недавно женщину примерил, — негромко пробормотал Худолей, но Пафнутьев его услышал.

— И что? — спросил он.

— Велика оказалась. По запросам.

— Сюда. — Вохмянин распахнул двустворчатую дверь. За ней Пафнутьев увидел большой зал с тремя окнами и камином. Посредине стоял стол овальной формы, а вокруг него около десятка стульев. — Присядем? — предложил Вохмянин. — Я доложу обстановку, а потом уж вы приступайте.

— Пусть так, — солидно кивнул Шаланда. — Только без ненужных подробностей.

— А мне, пожалуйста, с подробностями, — заметил Пафнутьев. — Причем, мне больше всего нравятся ненужные подробности.

Вохмянин посмотрел на одного, на другого, пытаясь понять столь противоречивые указания, и лишь после того, как Пафнутьев подмигнул ему, кажется, понял — начальство шутит.

— Значит, так. — Вохмянин скромно присел к столу между Худолеем и оперативником. — Был ужин... Часа три-четыре назад. Можно уточнить. Присутствовал сам Константин Александрович...

— Это кто? — спросил Шаланда.

— Объясч.

— Ах, да! Продолжай.

- Жена... Маргарита.
— Кстати, где она?
— Наверху. У себя. Пьяная.
— Напилась за ужином или после?
— После. За ужином трудно было напиться... Сухие красные вина, виски, мясо, овощи... Хозяин пил водку.
— Много? — успел вставить Пафнутьев.
— Не знаю, как кому... Бутылку выпил.
— Пол-литровую?
— Да. Пол-литра.
— Кто еще был?
— Секретарша.
— Она здесь?
— Все здесь. Никто не ушел. Я не позволил.
— Молодец! — похвалил Шаланда. — Ужинаешь вместе со всеми?
— Когда как.
— А сегодня?
— Сегодня со всеми.
— Кто еще?
— Этот... Как его. — Неулыбчивое лицо Вохмянина напряглось в задумчивости. — Вьюев. Олег Игоревич.
— Кто такой? — спросил Шаланда, не желая выпускать из рук нить разговора.
— Ну... Назовите его деловым партнером. Он уже несколько дней здесь околачивается. Гостит. И вот дождался. Теперь, как я понимаю, не скоро уедет к себе на Украину.
— Дети? — спросил Пафнутьев.
— Сын. Сергей.
— Хороший сын?
— Чего ж ему быть нехорошим... Но, опять же, не без некоторых недостатков.
— Ну? — требовательно произнес Шаланда.
— Немножко наркоман.
— Со стажем? — уточнил Пафнутьев.
— Да. Лечился.
— Безуспешно?
— А в этом деле, как я понимаю, не бывает больших успехов. — Вохмянин пожал тяжелыми литыми плечами. — Разве что в одиночку запереть, лет так на десять.
- Разговор продолжался, и Пафнутьев, прислушиваясь к звукам за пределами каминного зала, все-таки улавливал, улавливал некоторые признаки жизни. Что-то упало наверху, хлопнула дверь, по трубе, замурованной в стене, глухо прошумела вода, кто-то прошел за дверью, он услышал осторожные шаги и всхлипы. Басовито и беззлобно пролаяла собака на крыльце, включившись в поселковый собачий перебран. Дом был явно пустоват, людей здесь было гораздо мень-

ше, чем требовалось для нормальной жизни на таких площадях.

Пафнутьев встал, прошелся по комнате, заглянул в камин, но кроме мятых бумаг, упаковок ничего не увидел, видимо, его использовали именно для этих целей — сжигали мусор. Дом продолжал строиться, и везде были видны цементная пыль, опилки, стружки, в углу стояли еще не приколоченные плитуса, дорогие плитуса, дубовые, хорошей гладкой выделки.

— Выстрел слышали? — неожиданно спросил Пафнутьев у Вохмянина.

— Нет, никто не слышал.

— Вы заходили к Объячеву, когда он уже был убит?

— Я зашел, чтобы спросить...

— Оружие видели?

— Не было никакого оружия.

— Пулю подобрали?

— Не было пули.

— Но рана сквозная?

— Да.

— А пули нет?

— А пули нет, — послушно повторил охранник.

— Вы ее не нашли или не искали?

— Искал, но не нашел.

— Значит, убийца не торопился? У него было много времени?

— Почему вы так решили?

— Ну, как же... Он прицелился, увидел, нацупал и выстрелил в очень продуманную точку — между ухом и виском, так? А потом, не обращая внимания на колотящееся в судорогах тело, принялся искать пулю и ушел вместе с ней. И с оружием. Я правильно понимаю происшедшее?

— Ничего не могу возразить. — Вохмянин беспомощно развел руки в стороны.

— Ведите нас к хозяину.

— Какому... хозяину?

— Мертвому! — с вызовом произнес Пафнутьев, чем окончательно сбил с толку охранника. — Коли не уберегли живого, ведите к мертвому.

— Как-то вы выражаетесь...

— Как?

— Я бы сказал — недостаточно почтительно.

— А вы? Вы — телохранитель, вы почтительно выражаетесь о своем хозяине?

— Так ли уж важно, как я выражаюсь, — пробормотал Вохмянин.

— Вот и я о том же, — с легким раздражением подхватил Пафнутьев. — Так ли уж важно, как я выражаюсь. Убийца в доме, я правильно понимаю?

Вохмянин остановился, постоял, опустив голову, словно увидел на полу что-то важное, потер кончиками пальцев складки лба, поднял глаза на Пафнутьева.

— Вы видели собаку у входа? Среднеазиатская овчарка. Ростом с теленка. Она никого не впустит.

— И не выпустит?

— Своих, конечно, выпустит, но чужих... Нет.

И Вохмянин направился к круглой башне, в которой была смонтирована винтовая лестница. Видимо, вначале ее сварили из металлических уголков, а уже потом на них закрепили дубовые ступени. Лестница была еще не закончена, предполагалось, что металл будет обшит дубом, и тогда башня приобретет обжитой вид. Лестница освещалась тусклым светом, идущим откуда-то сверху, дубовые ступени, привинченные к уголкам стальными болтами, даже не поскрипывали под ногами полулюдины гостей.

Вохмянин остановился на третьем этаже, подождал, пока все поднимутся в небольшой холл, отделанный вагонкой.

— Здесь, — сказал он, показывая на дверь. — Спальня.

Шаланда решительно шагнул вперед и первым вошел в комнату. Но там оказалось совершенно темно, и он беспомощно оглянулся. Вохмянин протиснулся между дверным косяком и застрявшим в дверях Шаландой, нащупал выключатель, нажал кнопку.

Свет оказался мягким, сумрачным.

Но главное, что было в этой комнате, все увидели сразу.

На широкой двуспальной кровати, отделанной дубовой резьбой, разбросав руки в стороны, лежал громадный детина с залитой кровью головой.

— Я не стал поправлять тело, — пояснил Вохмянин, — вдруг, думаю, вам это не понравится.

Объячев был в белом махровом халате с подкатанными рукавами, обнажавшими сильные, крупные руки. На запястье, у основания большого пальца, синели наколки, но разобраться сейчас в их содержании было невозможно.

— Обитатели дома, — громко спросил Пафнутьев, привлекая внимание Вохмянина, — видели Объячева в таком вот виде?

— Да.

— Все видели?

— Все.

— Никто не упал в обморок?

— Должен сказать, — Вохмянин опять потер кончиками пальцев молодые морщины на лбу, — здесь публика собралась... неслабая. С хорошими нервами. Поэтому, если вы думаете, что кто-то дрогнет...

— Хотите, признаюсь? — улыбнулся Пафнутьев. — Я никогда ни о чем не думаю. Нет надобности. Все уже передумал.

Представляете, как здорово? И теперь живу, слова всякие прозношу. А думать... Упаси Боже.

— Может, это и правильно. — Вохмянин уже привык к тому, что с начальством спорить не следует. Впрочем, по его искреннему взгляду можно было догадаться, что он и в самом деле согласился с Пафнутьевым.

Худолей протиснулся вперед — пробил его час. Молча, но твердо он отодвинул в сторону Шаланду, его оперативника, Пафнутьев сам догадался отойти к стене. Сфотографировать Объячева можно было только со вспышкой, слабый свет спальни не позволял делать снимки без дополнительного освещения. Худолей заходил с разных сторон, приседал, даже умудрился снять Объячева, взобравшись на подоконник.

Оперативник, оставшийся в одиночестве после того, как его напарника Шаланда высадил на дороге, молча и сосредоточенно, стараясь не мешать Худолею, принялся осматривать вещи, маленькие дубовые тумбочки по обе стороны кровати, стоящий в углу шкаф. Спальня было достаточно большой, метров двадцать пять. Лиловый мохнатый палас покрывал весь пол, до самых стен, как выражаются строители, "под плитус". На одной из тумбочек стояла початая бутылка виски и хрустальный ребристый стакан, тоже с виски на дне, из чего можно было заключить, что хозяин перед смертью пригубил этого золотистого напитка.

Оперативник хотел было осмотреть бутылку повнимательнее и уже потянулся к ней, но Худолей успел ударить его по руке.

— Не прикасаться ни к чему!

— Вряд ли отпечатки что-нибудь скажут вам, — проговорил Вохмянин. — Всем было позволено ходить по комнатам. Даже строителям.

— Каким строителям? — быстро повернулся к нему Пафнутьев.

— Я, наверное, не сказал — в доме живут двое шабашников с Украины.

— Что они здесь делают?

— Отделочные работы. Вагонка, уголки, плитуса, облицовка, лестница... Это все на них.

— Где они обитают?

— В подвале. Там тепло, сухо, тихо.

— Они и сейчас там?

— Конечно, где же им быть. Днем по всему дому шастают, а на ночь — к себе, в подвал.

Пафнутьев подошел к окну, осмотрел шпингалеты, запоры, петли. Поколебавшись, отдернул штору, долго всматривался в ночную темноту. Шаланда тоже подошел к окну, склонился к самому стеклу и, прижав ладони к глазам, долго смотрел в ночь, будто хотел увидеть что-то важное, такое, что никому никогда не увидеть.

— Пуля прошла навывлет и ударилась вот сюда. — Худолей показал на стене выбоину.

— И что же из этого следует? — недовольно проворчал Шаланда, задетый тем, что не его подчиненный увидел след.

— Из этого следует. — Худолей повернулся к Пафнутьеву, давая понять, что отвечает своему начальству, а не каким-то там посторонним. — Из этого следует, Павел Николаевич, что убийца стрелял не от двери, не от окна, не от той или этой стены. Убийца спокойно приблизился к своей жертве и с близкого расстояния, присев и выбрав точку, спустил курок.

— Выходит, что... — начал было Пафнутьев, но Худолей его перебил.

— Маленькая подробность, Павел Николаевич... Пуля прошла сквозь голову и над полом горизонтально. Убийца действительно в момент выстрела присел. Ему, видимо, не хотелось стрелять в лицо...

— Это говорит о многом, — заметил Пафнутьев.

— Очень о многом. — Худолей, не выдержав, подмигнул красноватым своим глазом, давая понять, что уж мы-то с вами, Павел Николаевич, прекрасно знаем, что здесь произошло и как все надо понимать.

— О чем же это говорит? — спросил Шаланда, пересилив обиду.

— Это говорит о характере убийцы, о его отношениях с жертвой, может быть, даже и о половой принадлежности.

— Что значит половая принадлежность? Гомик он, что ли? — Шаланда все больше раздражался, чувствуя, что понимает не все намеки Худолея. — Педик? Сексуал какой-то вонючий?

— У гомика вообще половая принадлежность как бы смазана. Я говорю о другом — мужчина это или женщина.

— И кто же это?

— Будем работать. — Худолей развел ладошки в стороны, прося не торопить его, дать возможность сделать выводы правильные, грамотные, должным образом поданные.

— Что-то ты темнишь, я смотрю.

— Пуля ударилась вот здесь и упала вот сюда, — показал Худолей на маленькое известковое пятнышко в ворсе ковра. — Злоумышленник явно не торопился — он увидел пулю на полу и, несмотря на то, что за его спиной колотилась в агонии эта громадная особь, подошел, наклонился, взял ее и унес с собой. Как и оружие преступления.

— Боже, сколько слов! — простонал Шаланда.

— Зато по делу, — проворчал чуть слышно Худолей, кротко взглянув на Пафнутьева — дескать, мог бы и заступиться.

— У тебя есть еще мысли? — спросил Пафнутьев, откликаясь на жалобный худолеевский взгляд.

— И немало, — горделиво ответил тот.

— Слушаем тебя внимательно.

— Убийца чувствовал себя в этой комнате совершенно спокойно.

— Из чего это следует? — раздраженно спросил Шаланда, видя, что и он, и его опер не участвуют в разговоре, оказавшись как бы отодвинутыми в сторону.

— С вашего позволения, я вернусь к своей незаконченной мысли, — церемонно проговорил Худoley, давая понять, что Шаланда ведет себя не лучшим образом. — Так вот, убийца вел себя не просто спокойно, но еще и свободно. Причин может быть несколько. Возможно, он часто бывал в этой комнате, и она для него была почти родной. И, войдя сюда, он просто пришел к себе. Он мог даже закрыть за собой дверь на ключ.

— Она что, закрывается? — спросил Шаланда.

— Да, — ответил Худoley, не оборачиваясь — он осмотрел дверь раньше, едва только вошел. — А сделав свое черное дело, отпер дверь и вышел. Возможно иное объяснение его спокойствия и неторопливости при совершении столь жестокого преступления.

— О, Боже, — чуть слышно простонал Шаланда.

— Да, с вашего позволения, я бы назвал это преступление действительно жестоким. — Когда Худoley видел, что его слушают, когда ему и в самом деле было что сказать, он становился необыкновенно многословным и выпендрившимся. Эта его значительность при невзрачной наружности многих или раздражала, или попросту смешила. И только Пафнутьев, зная о сверхчеловеческой чувствительности Худoley, обостренной многолетним и безудержным употреблением всяких напитков, только Пафнутьев всегда слушал его терпеливо, понимая, что тот частенько говорит больше, чем сам понимает. — Так вот... Вторая причина, по которой преступник чувствовал себя здесь безопасно и безнаказанно, — состояние, в котором находился этот несчастный человек... — Худoley кивнул на громадное тело Обьячева.

— И в каком состоянии он находился? — спросил Пафнутьев.

— В совершенно беспомощном, — ответил Худoley и горделиво вскинул подбородок с уже выступившей седоватой щетиной — его тоже подняли с постели, и он не успел даже привести себя в порядок.

— А это из чего следует? — маясь от нетерпения, спросил Шаланда.

— Скорее всего, он был смертельно пьян. Потому что если бы он просто спал, преступник не мог бы вести себя столь дерзко.

— В чем же выразилась дерзость?

— Дерзость выразилась в том, что он подошел со своим оружием преступления к жертве вплотную, поднес пистолет к голове, расчетливо выбрав самую уязвимую точку, и спустил ку-

рок. Обратите внимание, у него возле уха обожжены волосы. Значит, стрелял злодей с расстояния в двадцать-тридцать сантиметров. Как вы понимаете, — Худoley всех обвел пристальным взглядом, — с такого расстояния промахнуться трудно. — Он уронил голову на грудь, как это делают знаменитые скрипачи, исполнив нечто умопомрачительное. — Кстати, след пули в стене позволяет достаточно точно представить, в каком положении находился гражданин Объячев в момент убийства.

— В каком же положении он находился?

— Лежал вдоль кровати, лицом кверху, головой на подушке, ногами к двери.

— Надо же, — пробормотал Пафнутьев, — он, оказывается, заранее лег ногами к выходу.

— Да нет! Просто на этой кровати невозможно лечь иначе. — Худoley подошел к Пафнутьеву, присевшему на стул у окна, сел рядом. — Могу поделиться еще одним соображением, — негромко сказал он.

— Ну?

— Объячев на этой кровати спал один.

— В каком смысле?

— Без бабы. Не спала здесь с ним ни жена, ни любовница. Он всегда здесь был один.

— Из чего ты заключил?

— Кровать большая, просторная, двуспальная. Две подушки, два одеяла. Обрати, Паша, внимание — одна подушка измятая, замусоленная, несвежая, в общем-то, подушка. А вторая чистенькая, взбитая, и рисунок на ней другой. Так бывает, когда мужик долго спит один, на своей стороне кровати, и ему время от времени меняют наволочки, простыню, пододеяльник. Вначале кровать была застелена одним комплектом белья, а когда его наволочка замусолилась, ее заменили. Менять и вторую не было смысла, она оставалась чистой. Все эти постельные подробности тебе, Паша, вряд ли, пригодятся, но знать их, может быть, и нелишне. Авось, где-то что-то всплывет.

— Нет, почему же, — поднявшись, Пафнутьев подошел к кровати — все оказалось так, как рассказал Худoley. — Это может оказаться забавным.

— Да?! — восхитился Худoley собственной проникательностью.

— Паша! Я правильно тебя понял? Ты хочешь сказать, что время я здесь провел не зря?

— С пользой провел.

— И мне воздастся?

— А разве бывали в нашей с тобой жизни случаи, когда...

— Паша! Да я сейчас такое здесь увижу! — Худoley вскочил и начал судорожно осматриваться по сторонам в поисках потрясающего следа, доказательства, улики. — Ты просто за го-

лову схватишься и тут же скажешь Шаланде, которого я очень уважаю, тут же скажешь ему, кого надо задержать!

— А вот этого уже не надо, — усмехнулся Пафнутьев и только сейчас, повернувшись к двери, увидел, что все это время, прислонившись к косяку, молча, насупленно глядя на происходящее, стоял телохранитель Объячева. Естественно, он все слышал, естественно, делал какие-то свои телохранительские выводы. — Вы еще здесь? — растерянно спросил Пафнутьев.

— А где же мне быть? Я при вас. Вдруг возникнет какое поручение, просьба. — Вохмянин усмехнулся, осознав промашку следователя, — не должен он был все слышать, видеть, не должен.

— Хорошо... — Пафнутьев помолчал. — Так сколько, вы говорите, человек живет в доме?

— Не считал, но можно прикинуть... — Вохмянин приготовился загибать пальцы, начиная с мизинца. — Сам хозяин... Его считать?

— Уже не надо.

— Начнем с меня... Я, секретарша, два строителя, подзадержавшийся гость, этот, как его... Вьюев. Уже пятеро, да?

— Пятеро, — кивнул Пафнутьев. — Кто еще?

— Домработница... Она, правда, бывает не всегда.

— Но вчера была?

— Кажется, была.

— И в момент смерти тоже оставалась дома?

— Вполне возможно, надо уточнить.

— В таком случае вопрос — что это за домработница, которая остается на ночь?

— Она остается не только на ночь. Она остается дней на пять, только на выходные уезжает, и то не всегда, — усмехнулся Вохмянин. — Утром завтрак приготовит, вечером ужин, посуду уберет, постель застелит...

— И в постели может задержаться?

Вохмянин устался себе под ноги и погрузился в долгое глубокое размышление. Казалось, такая мысль ему раньше в голову не приходила, и только услышав вопрос, он задумался — а в самом деле, может быть, она того, действительно озорничает по ночам?

— Так как же с постелью-то? — напомнил Пафнутьев. — Физические данные позволяют?

— Физические данные ей много чего позволяют.

— Значит, не исключаете?

Вохмянин поднял голову и, кажется, впервые за весь вечер посмотрел Пафнутьеву в глаза. И тот поразился, насколько может измениться человек за несколько секунд. Теперь на него смотрел твердый, жесткий человек, который ни перед кем не спасует, ни перед кем не дрогнет. Холодные глаза, плотно сжа-

тые маленькие губы, низкий тяжелый лоб с глубокими морщинами.

— Не исключаю, — почти неслышно проговорил Вохмянин. — Хотя эта домработница... В некоторой степени... Моя жена.

— В какой степени? — спросил Пафнутьев.

— По документам, по жизни, по детям.

— Как я понимаю, вы сами и привели ее сюда?

— Привел.

— А уводить не хочется?

— Пробовал.

— Даже так... — Пафнутьев растерялся от неожиданного признания телохранителя. — Но теперь-то все наладится?

— Трудно сказать. — Вохмянин смотрел все с той же твердостью, даже требовательностью, будто от него, от Пафнутьева, зависело, как дальше сложится семейная жизнь Вохмяниных, и ему предстояло прямо сейчас, немедленно, предпринять что-то существенное.

— Бог даст, — ответил Пафнутьев несколько бестолково, но, похоже, Вохмянин именно этих слов и ждал — он перевел дыхание, весь как-то сник и вышел в коридор, давая понять, что секреты следствия его нисколько не интересуют. — Гражданин Худолей, — окликнул эксперта Пафнутьев, заметив, что тот выглядит более озадаченным, чем обычно. — Что-то тревожит? Мысли? Сомнения? Догадки?

— Если бы, Паша, я поделился сейчас своими мыслями и догадками, вы все тут закричали бы от ужаса.

— Все-таки, я вижу, ты чем-то недоволен, а?

— Крови мало.

— Не понял?

— Открытым текстом говорю — мало крови.

— Сколько же тебе ее нужно?

— Обычно бывает больше.

— Ну, знаешь... По-моему, тут и так все в кровище.

— И все-таки маловато.

— Кому тут крови мало? — гневно вмешался Шаланда. — Тебе?! — Он ткнул толстым пальцем в тощеватую грудь Худолея.

— Как скажете, гражданин начальник, — смиренно ответил эксперт, но была, была в его словах дерзость, и Шаланда прекрасно это почувствовал.

— Паша! — обернулся он к Пафнутьеву. — Как ты его терпишь? Откуда берешь столько сил, чтобы переносить этого отвратительного типа?

— Сам удивляюсь. — Пафнутьев беспомощно развел руки. — Все собираюсь выгнать, но он не соглашается.

— Отдай его мне! Я с ним разберусь!

— Чуть попозже, Шаланда, чуть попозже.

— Смотри, а то передумаю!

— У меня такое ощущение, — задумчиво проговорил Пафнутьев, — что кровь еще будет. Слышишь? — повернулся он к Худолею.

— Да, Паша, я все слышу. Спасибо. Ты меня успокоил. Только не отдавай Шаланде. Я подозреваю, что он хочет сделать со мной что-то нехорошее. Может быть, даже непристойное.

Шаланда рванулся было к Худолею, но в дверях появился Андрей, и все невольно повернулись к нему. Только сейчас Пафнутьев обратил внимание, что все это время Андрея не было в комнате.

— Я, Павел Николаевич, осмотрел дом.

— И что?

— Знаете, ощущение какой-то бесконечности. Здесь надо прожить не меньше месяца, чтобы не опасаться заблудиться.

— Люди-то есть в доме?

— Изредка попадают. Публика сложная.

— В каком смысле?

— Нервные, самолюбивые, с ярко выраженным чувством собственного достоинства. Но, мне кажется, в таком доме другим быть и не может.

— Разберемся, — сказал Пафнутьев. — Может быть, нам так поступить, Андрей... Занимай позицию внизу и никого не выпускай.

— Мудрость руководителя в том, чтобы не давать невыполнимых заданий, — усмехнулся Андрей.

— Я дал именно такое задание?

— Да, Павел Николаевич. Помимо главного выхода, есть еще один — через застекленный зимний сад.

— Тут есть зимний сад?

— А из сауны дверь ведет на обзорную площадку, а с нее гранитные ступени спускаются к бассейну. Не говоря уже о том, что с крыши по вертикальной лестнице можно напрямую спуститься во двор.

— Какой кошмар! — ужаснулся Пафнутьев.

— Я еще не сказал об отдельном выходе из подвала. Кроме того, из дома легко выбраться и через гараж.

— Это как? — не понял Шаланда.

— В гараж можно пройти из прихожей. Три-четыре ступеньки вниз и узкая дверь. На воротах нет никакого замка, они запираются изнутри. Хорошими такими коваными штырями.

Пафнутьев постоял молча, обвел всех взглядом, словно предлагая подивиться необычности дома, в котором они оказались, повернулся к Андрею.

— Надо, чтобы хозяйка провела нас по дому.

— Это невозможно, — сказал Андрей.

— Почему?

— Пьяная. Вдребезги. Бросается предметами первой необходимости.

— Тапочками?

— В основном, стеклянными предметами, Павел Николаевич.

— Какой кошмар, — повторил Пафнутьев.

— Бутылки, стаканы, рюмки...

— Какой кошмар!

Чем дольше ходил Пафнутьев по объячевскому дому в сопровождении Вохмянина, тем больше охватывало его какое-то странное состояние, в котором он и сам не мог разобраться.

Изумление, озадаченность? Было, но не они, не эти чувства определяли его впечатление. Скорее, подавленность, угнетенность. Да, дом давил, и не только тем, что в одной из его многочисленных комнат лежал труп хозяина с продырявленной головой, нет. И не своей недостроенностью — в углах стояли свернутые ковры, по дому были разбросаны обрезки плитусов, вагонки, древесная пыль лежала на подоконниках, к ногам липли опилки и стружки, кое-где в углах можно было увидеть стопки кирпичей, мешки с цементом, но и этого всего Пафнутьев почти не видел.

Подавляли размеры.

Было совершенно ясно, что никогда этому дому не быть наполненным голосами, людьми, музыкой и светом, невозможно было представить семью, которая жила бы здесь в мире и согласии. Неожиданно появились большие деньги, им нужно было найти применение, и Объячев вложил их в дом, приобретая участок в самом заветном, самом дорогом месте пригорода. Деньги он вкладывал, похоже, по принципу — чем больше, тем лучше. Дубовые ступени, мраморный камин, гранитные подоконники, гараж, выложенный итальянской плиткой, которая спокойно могла принять на себя гусеницы мощного танка, сауна и бассейн, уже выложенный испанской голубоватой плиткой с переливами, круглая башня с винтовой лестницей, комнаты, расположенные не только на этажах, но и, по странному капризу архитектора, как бы в междуэтажных пространствах...

— Крутовато, — бормотал время от времени Пафнутьев. — Крутовато, — повторял он, столкнувшись еще с какой-либо особенностью этого громадного, но достаточно бестолкового сооружения. — И сколько же земли при этом домике?

— Сорок соток, — ответил Вохмянин.

— Ничего. Терпеть можно. А это... Люди?

— Что люди? — не понял телохранитель.

— Сколько людей предполагалось сюда поместить?

— Костя не любил об этом говорить.

— Костя — это кто?

- Объячев.
- Он был для вас просто Костя?
- Да, — помолчав, ответил Вохмянин. — Чаще всего именно так — Костя. При чужих людях я его называл по имени-отчеству, а чаще вообще никак не называл, мне не положено было возникать при посторонних, меня как бы и не было.
- Так сколько людей собирается жить в этих хоробах?
- Точно сказать не могу, но все шло к тому, что человек пять, может быть, семь.
- Нормально, — кивнул Пафнутьев, но Вохмянин уловил насмешку в его голосе.
- Знаете, поначалу меня это тоже сбивало с толку, я имею в виду размер дома. Но потом привык и согласился с Объячевым. Он человек большой, ему нужен кабинет, нужна спальня. Жене тоже нужна спальня. Он может задержаться в городе, в своем кабинете засидеться с друзьями... Жена должна иметь возможность от всего этого отдохнуть.
- Разумно, — кивнул Пафнутьев.
- Каминный зал — место общего сбора, столовая — сами понимаете. Две-три комнаты нужно всегда иметь для гостей. Согласны?
- Вполне.
- Дальше... Домработница, секретарша, телохранитель... Все должны иметь свой угол.
- Я смотрю, тесновато вам здесь было?
- Случалось, — усмехнулся Вохмянин, скривив маленькие свои губки. — С кого начнем?
- С жены, мне кажется, будет уместнее.
- С чьей жены?
- Объячевской. К вашей заглянем попозже. Не возражаете?
- Послушайте, Павел Николаевич... Я правильно назвал ваше имя? Так вот, этот вопрос вы мне не задавайте. Никогда. Потому что я никогда не возражаю. Такая у меня здесь была роль. И я ее хорошо усвоил.
- Вы же сами говорите, что эта роль у вас была... Ее больше нет. Нравится это вам или не нравится.
- Понял, — кивнул Вохмянин. — Вот ее комната.
- Пафнутьев подошел к двери, прислушался. Из комнаты доносились стоны, вскрики, хрипы, какие-то причитания. Он недоуменно посмотрел на Вохмянина.
- Кажется, там идет бурная жизнь?
- Порнуху крутит. Она как поддаст, всегда порнуху включает.
- Через два часа после убийства мужа?
- Она смотрела порнуху уже через полчаса после убийства.
- Вам точно известно, когда произошло убийство? — Пафнутьев удивленно посмотрел на своего сопровождающего.

— Ему стало плохо за столом. Он поднялся и сказал, что хочет прилечь. Через час я к нему заглянул. Он был уже мертв.

— Когда Объячев поднялся, все остались за столом?

— Да.

— Кто-нибудь отлучался?

— За этот час отлучались все. Кто-то пошел в туалет, кому-то вдруг приспичило позвонить, кто-то в подвал за бутылкой смотался... И так далее. Ваша задача усложняется, да?

— На то они и задачи, чтобы усложняться. — Пафнутьев снова прислушался, замерев у двери, — стоны, хрипы и бессвязные причитания продолжались. — Как быть? Вдруг нестати окажемся, вдруг она принимает непосредственное участие в этих экранных игрищах? Так тоже бывает...

Вохмянин отодвинул Пафнутьева в сторону и несколько раз громко, вызывающе громко, постучал. Не ожидая ответа, приоткрыв дверь, просунул голову в комнату.

— Разрешите?

— Входи, Вася, — услышал Пафнутьев сипловатый голос и вошел в комнату вслед за Вохмяниным.

Комната была освещена слабо, только маленькое бра было включено — как раз над небольшим диванчиком, на котором сидела тощеватая женщина в халате. Основной свет шел от большого полыхающего экрана телевизора. Происходящие там события оказались куда круче, чем мог вообразить себе Пафнутьев по тем стонам и хрипам, которые доносились из-за двери. Он поспешно отвернулся от экрана, и женщина заметила его движение. Не торопясь, она взяла пульт управления и, протянув руку в направлении экрана, выключила телевизор.

— Я вижу, вас несколько смущают эти забавные картинки, — сказала она с хмельной улыбкой.

— Ничуть! — весело ответил Пафнутьев. Его вдруг охватила легкость, он понял эту женщину, понял ее состояние, ее истеричный вызов.

— Снова включить? — спросила она, протянув руку к пульту.

— Чуть попозже, — сказал Пафнутьев. — Все-таки мы с Васей живые люди, да, Вася? — обратился он в Вохмянину, который чувствовал себя куда растерянее, нежели Пафнутьев. — Возьмем, да и потеряем самообладание, да? Нам это запросто — впасть в неистовство, да, Вася?

— Этот товарищ — из милиции, — ответил Вохмянин на немой вопрос Объячевой.

— Из прокуратуры, — поправил Пафнутьев.

— Что же вас всех так взволновало, что вас растревожило? — спросила женщина.

— Ваш муж был заметной фигурой в городе. Мне кажется, это не простое преступление.

— Да? — удивилась женщина. — Надо же... Простите, как вас зовут?

— Павел Николаевич, с вашего позволения, Пафнутьев.

— Пафнутьев? Не слышала.

— А вас, простите?

— Зовите Маргаритой. Хотя по отчеству Анатольевна, но я не люблю свое отчество. Вы в самом деле не хотите, чтобы я включила телевизор? Это "Красная шапочка". Очень милый фильм, наивный такой, даже невинный... Выпить хотите? — Она взяла со столика бутылку виски.

— С удовольствием! — неожиданно для себя сказал Пафнутьев, но, когда спохватился, было уже поздно — Маргарита протягивала ему стакан из толстого граненого стекла, на треть наполненный золотистым виски.

— А ты, Вася? — спросил она у Вохмянина.

— Придется, наверно.

— Конечно, придется. — Женщина оживилась — проводить эту ночь в полном одиночестве с бутылкой виски под стоны похотливых жеребиц и жеребцов было достаточно тягостно. — За упокой! — почти весело сказала она. — Царство небесное, мир праху, земля пухом... Ну и все, что полагается в таких случаях.

Пафнутьев выпил виски до дна, чем опять приятно удивил Маргариту, вернул стакан на столик, оглянувшись, куда бы пристать.

— Садитесь. — Женщина похлопала узкой ладошкой по диванчику рядом с собой.

— Не помешаю? — уточнил Пафнутьев. — Видите ли. — Он решил, что вежливое вступление пора заканчивать и надо переходить к делу. — Я сегодня у вас по довольно печальному поводу... Ваш муж, Объячев Константин Александрович, некоторое время назад... убит.

— Может, не будем сегодня о нем? — капризно спросила Маргарита. — Нельзя же постоянно думать, говорить об одном человеке!

— Но человека-то нет! — ошарашенно произнес Пафнутьев. — Убили бедолагу.

— Убить-то убили, — протянула Маргарита, опять наполняя свой стакан. — Да вот человека ли... А? Вам добавить?

— Чуть попозже, — привычно ответил Пафнутьев, чтобы не огорчать женщину резким отказом. Вроде, и согласился, а вроде, и отверг столь лестное в других обстоятельствах предложение.

— Как хотите. — И Маргарита одним глотком опорожнила четверть стакана.

— Видите ли, Маргарита. — Пафнутьев опять начал осторожно подбираться к причине своего появления в доме. — Убит человек, ваш муж. Моя задача найти убийцу.

— Найти убийцу? — удивилась Маргарита. — И все?! И в этом вся ваша проблема? Вася! — обернулась она к Вохмянину. — Поможем человеку, найдем ему убийцу, а?

- Отчего же, можно.
- Я гожусь? — спросила Маргарита, чем повергла Пафнутьева в полное оцепенение.
- Вы хотите сказать, что сами убили своего мужа?
- Упаси Боже! Как вы могли подумать такое! Я просто предложила себя на роль убийцы. Чтобы в эту ночь мы все чувствовали себя свободными, раскрепощенными...
- Но вы его не убивали?
- Костю? Нет. Сегодня я его не убивала.
- А раньше?
- Раньше убивала. Каждый день с утра до вечера. А он убивал меня. Мне кажется, только этим мы и занимались в жизни.
- А, Вася?
- Вполне возможно. — Вохмянин неизменно вел свою линию — со всем соглашался, ничего не отрицал, но и ничего не подтверждал. Видимо, Маргарита иного от него не ожидала, поскольку ни разу не переспросила, не потребовала более ясно го отношения к своим словам.
- Маргарита. — Пафнутьев снова попытался вернуть разговор на нужное направление. Он уже почти не надеялся на успех и потому спросил напрямую: — Как вы думаете, кто мог убить вашего мужа?
- Костю? Да кто угодно. Вася, ты бы мог убить Костю?
- Отчего же... Если бы стояла такая задача...
- И знал бы за что, да? — Маргарита проявила вдруг неожиданную цепкость мысли.
- Нашел бы, — усмехнулся Вохмянин маленьким своим, почти женским ртом.
- А что, долго пришлось бы искать?
- Да нет...
- Но это не ты его убил? — продолжала терзать телохранителя Маргарита.
- Нет, не я.
- И жалеешь об этом?
- Не то чтобы жалею, — опять начал юлить Вохмянин, но Маргарита выручила его, перебила жестко и резко.
- А я жалею.
- О чем? — У Пафнутьева, кажется, голова пошла кругом.
- Что не я убила его на этот раз.
- Объячева и раньше убивали?
- Вася, сколько на него было покушений?
- Не то три, не то четыре... Я участвовал в двух.
- В покушениях? — В голосе Пафнутьева явно прозвучала беспомощность.
- Нет, в предотвращении покушений. Я же телохранитель, а не киллер.
- И за что вам хотелось убить Объячева? — спросил Пафнутьев у Вохмянина.

— Разве я в этом уже признался? — Он широко открыл маленькие свои глазки и посмотрел на Пафнутьева с явным торжеством. — Нет. Я просто беседую с женщиной, которая потрясена смертью любимого мужа, держится из последних сил и старается хоть как-то ответить на ваши вопросы. Да, чтобы выжить в эту страшную ночь, она выпила виски, может быть, сделала лишний глоток или два... И когда завтра вы скажете ей о ее же словах, она их не вспомнит.

— Наверняка не вспомню. — Маргарита смотрела на Пафнутьева насмешливо и совершенно трезво.

— Ну, вы даете, ребята! — растерялся Пафнутьев. — Так много знать о жизни в этом доме, так легко и свободно говорить обо всем... Может быть, вы просто назовете имя убийцы?

— Ищущий да обрящет, — нараспев протянула Маргарита и потянулась к бутылке. Почти не глядя, она плеснула виски во все три стакана и, оставив бутылку, повернулась к Пафнутьеву с широкой радушной улыбкой. Зубы у нее были свои, хорошие зубы, правильной формы, но великоватые. Какая-то легкая, едва уловимая хищноватость проглядывала в маргаритиной улыбке.

— Выпьем? — спросила она. — За ваш успех! Или слабо?

— Нет, не слабо, — сказал Пафнутьев. — Простите, в доме труп... Чокаться, вроде, неловко.

— Не будем! — азартно произнесла женщина и опять одним большим глотком опрокинула виски в себя.

Вохмянин выпил медленно, как бы отцеживая зубами посторонние примеси. А встретившись взглядом с Пафнутьевым, моргнул в сторону двери, дескать, уходим, больше мы здесь ничего не добьемся — баба пьяная и вот-вот отключится.

— Спасибо за угощение, — церемонно произнес Пафнутьев, поднимаясь с диванчика. — Было очень приятно познакомиться с вами. Надеюсь, мы еще встретимся, причем, в самое ближайшее время.

— Не возражаю, — сказала Маргарита, протягивая руку к пульта управления.

— До скорой встречи! — Не успев дойти до двери, Пафнутьев снова услышал стенания, стоны и вскрики — Маргарита вернулась к "Красной шапочке".

Оглянувшись, он в последний момент, перед тем как закрыть дверь, увидел, как по лицу Маргариты проносятся красноватые сполохи соблазнительно-запретных картин. Глаза женщины горели, рот был полуоткрыт, а рука снова тянулась к прекрасному виски, вкус которого Пафнутьев до сих пор чувствовал на губах.

— Вопросы есть? — спросил Вохмянин, когда они остались вдвоем.

— Одни ответы!

— Тогда идем к секретарше. Света ее зовут, Светлана Юшкова.

— Что пьет Светлана Юшкова?
— Красное сухое. Предпочитает грузинское.
— Она мне начинает нравиться, — заметил Пафнутьев.
— Она всем нравится. И вы, Павел Николаевич, тоже ей нравитесь.

— Вы в этом уверены?
— Не сомневайтесь.
— Чем же я ей понравлюсь?
— Самим фактом своего существования.
— Неужели бывают такие люди?
— Не знаю, как в других местах, но в этом доме такое существо завелось. И до сих пор прекрасно себя чувствовало.

— Смерть Объячева потрясла хотя бы ее?
— Потрясение настигло ее несколько раньше, еще при жизни хозяина.

— Почему?
— Костя сказал ей открытым текстом, что мир и согласие в доме для него важнее, нежели любовь красотки, какой бы обалденной она не была. Светка должна была уйти отсюда, вопрос одной или двух недель.

— Вы сказали, что она нравится всем... Маргарите в том числе?

— Нет. Маргарите она не нравится. Маргарите нравлюсь я.
— Чем?
— У вас же полная голова ответов! — рассмеялся Вохмянин.
— Виноват. — Пафнутьев прижал руку к груди. — Скажите, Вася... А какой ваш любимый напиток?

— Водка. Но хорошая.
Пафнутьев с чувством пожал руку Вохмянину, и тот прекрасно его понял — хоть одна родная душа нашлась на весь дом.

— И еще, Вася... Вы кого-нибудь подозреваете?
— Всех.
— Никого не исключая?
— Ни единого. Не знаю, насколько это убедительно, но... Я был нанят телохранителем. И со своей задачей не справился. Мой хозяин убит. Это плевок мне в лицо. Я должен найти убийцу. И я его найду. Вместе с вами или без вас.

Пафнутьев всмотрелся в крупное лицо Вохмянина, на котором почти игрушечными казались маленькие сочные губки, всмотрелся в утонувшие под тяжелым лбом тоже небольшие глазки, редкие светлые бровки. Пафнутьев хотел бы верить Вохмянину, тот нашел слова и произнес их хорошо, сильно произнес...

Но Пафнутьев тоже никого не исключал, тоже подозревал всех, вести себя иначе он просто не имел права. А что касается самого телохранителя, то у него была очень веская причина не любить своего хозяина, у него были основания даже для нена-

висти. Те немногие полупрозрачные намеки, которыми поделился Вохмянин об отношениях его жены с Объячевым, убеждали — сбрасывать его со счетов, освобождать от подозрений нельзя.

И еще...

Слушая Вохмянина, Пафнутьев все тверже убеждался, что перед ним человек сильный, страстный, человек не прощающий обид и не желающий ни от кого прощений. Он поступит так, как считает нужным, и ничто его не остановит — ни страх наказания, ни чье-либо мнение, ни риск быть разоблаченным. Вохмянин через многое прошел и, похоже, через многое готов пройти. У него есть своя система ценностей, она наверняка не во всем совпадает с правовой, но он от нее не отступит.

— Вы единственный телохранитель у Объячева?

— Нет. Нас пятеро. Но в этом доме я один. Другие — для конторы, для машины, для встреч и поездок... Конечно, я чувствовал напряг в доме, напряг был постоянно. Иногда он ослабевал, иногда сгущался так, что все часами сидели, запершись по своим комнатам. Но чтобы до такой степени... Этого я не предполагал. Или возникли какие-то обстоятельства, мне не известные, или у кого-то кончились силы.

— Или нашлись силы?

— Это одно и то же. — Вохмянин махнул тяжелой красноватой ладонью. — Когда кончаются силы, вести себя подобающим образом... Человек становится способным на многое. На убийство, в том числе.

Ни фига себе, изумленно подумал Пафнутьев. Этот человек далеко не дурак, похоже, он всех обитателей дома видит насквозь. Если конечно, сейчас говорил не о самом себе. Уж больно тонкие выводы делал о человеческой натуре, для телохранителя слишком уж тонкие. О себе, ох, о себе говорил Вохмянин столь прочувствованные слова.

Войти к Юшковой Пафнутьев не успел — едва Вохмянин подвел его к двери, едва вознамерился постучать, Пафнутьева окликнул Андрей.

— Павел Николаевич! Есть разговор.

Пафнутьев оглянулся на Андрея, торопливо поднимающегося по винтовой лестнице.

— Я позже сам зайду к ней, — сказал он Вохмянину. — Где я вас найду?

— Внизу. В каминном зале.

— Договорились. — И Пафнутьев пошел навстречу Андрею. — Есть что-то новенькое?

— Докладываю обстановку... Шаланда уехал. Опера своего оставил, а сам слинял. Обещал прислать команду — вдвоем обыскать этот дом невозможно.

- Похоже на то.
- Еще пришлет машину за трупом.
- Тоже разумно.
- Внизу, в подвале, вас дожидаются двое строителей. С Украины ребята. Отделочники. Перепуганные и несчастные.
- Так любили Объячева?
- Он, оказывается, не платил им уже год. Договорились, что рассчитается, когда полностью сделают свою работу. Через месяц собирались закончить. А он возьми да и помри. Они просто в ужасе, Павел Николаевич.
- Я тоже, — сказал Пафнутьев.
- С женой говорили?
- Да. Порнуху смотрит. “Красная шапочка” называется.
- Вместе смотрели?
- Недолго. Я потерял самообладание и позорно бежал.
- Тут у Объячева, оказывается, гость, партнер по бизнесу. Вьюев. Попытался бежать.
- Удачно?
- Я настиг его уже за воротами. Пер мужик по колено в грязи, будто за ним дикие звери гнались.
- Это были не дикие звери, это был ты, Андрюша? — улыбнулся Пафнутьев.
- Совершенно верно. У третьего дома настиг. Он так несся, будто жизнь спасал. При нем был чемоданчик с документами. Отдавать не хотел ни в какую. Но я, с вашего позволения, этот чемоданчик все-таки изъял. Он заперт, но, при надобности, мы его вскрыем, все эти цифровые замочки...
- Правильно, Андрей. Всех впускать, никого не выпускать.
- Тут есть у них молодуха, кстати, жена телохранителя. Так вот, с ее помощью я запер все двери, какие только нашел. Она у них не то домработница, не то домоправительница... Крутая тетенька. Надо бы вам с ней потолковать.
- Дойдет очередь. Меня тут уже дожидается одна... Говорят, невероятной красоты женщина.
- Слышал. Будьте осторожны. Девушка не всегда отвечает за себя.
- Настолько опасная?
- Любвеобильная.
- Разберемся... А вот и Худoley! — По лестнице осторожно, словно боясь вспугнуть кого-то, пробирался эксперт. Увидев Пафнутьева, он бросился к нему с такой радостью, будто уже и не надеялся увидеть живым.
- Паша! — вскрикнул Худoley. — Паша... — но, увидев Андрея, посерьезнел и, взяв Пафнутьева под руку, повел в сторону.
- Увидимся в каминном зале! — успел крикнуть Пафнутьев Андрею. Тот кивнул и направился к винтовой лестнице. — Слушаю тебя, Худoley.

— Паша... Я сейчас тебе такое скажу, такое скажу, что ты прямо вот здесь упадешь и не встанешь.

— Тогда не надо.

— Нет, я все-таки скажу, может быть, ты выдержишь, может быть, встанешь после того, как упадешь. Я только что был в подвале.

— Андрей тоже был в подвале. Вы там не встретились?

— А! — Худолей досадливо махнул полупрозрачной своей ладошкой. — Он с хохлами трепался, а я делом занимался. Я там такое увидел, Паша! — Худолей прижал к груди обе ладошки и прикрыл глаза. — Скажу откровенно... Все мои представления о жизни, о людях, все мои представления о самом себе... Рухнули. Только сейчас я понял, как убого, беспросветно мое существование, какими недостойными путями я шел по жизни...

— И что же ты такое увидел? — сочувственно спросил Пафнутьев.

— Я содрогнулся, Паша. Я в шоке. Я не отвечаю ни за свои слова, ни за свои поступки.

— Может быть, нам вместе спуститься в подвал? — предложил Пафнутьев.

— Подвергнуть тебя такому испытанию... Только, Паша, если ты сам этого хочешь. Только если ты сам принимаешь такое решение. Ну как, готов?

— Пошли, — сказал Пафнутьев и направился к винтовой лестнице, втиснутой в круглую кирпичную башню.

— Нет, Паша, нет! — ухватил Пафнутьева за рукав Худолей, потащил его в противоположную сторону, по темному длинному коридору, в глубине которого тускло светила маленькая лампочка. — Осторожно, здесь ведра, швабры...

Коридор заканчивался узкой дверью. Открыв ее, Худолей бесстрашно шагнул через порог — он уже, видимо, здесь все обходил, исследовал, изучил.

— Ну, ты даешь! — пробормотал Пафнутьев.

— Эта лестница ведет напрямиком в подвал. На нее можно выйти с каждого этажа. Видишь двери? Если вдруг какая надобность приспичит — милиция окружит, бандюги начнут обстрел, натовцы десант сбросят... Ты сразу в подвал. И огородами, огородами — только тебя и видели.

Чем ниже опускался Худолей, тем он становился нервнее, чаще оглядывался на Пафнутьева, словно хотел убедиться, что тот не сбежал, не бросил его в этом опасном путешествии.

— Только, Паша, ты это... Не делай сразу поспешных выводов... Не торопись с выводами. Осмотрись, успокойся, присядь на что-нибудь... А уж потом слова произноси. Там не каждые слова годятся, там, Паша, с выбором надо, осторожно, продуманно. Десять раз мысленно словечко про себя проговори, а уж потом вслух, для других ушей.

— Что там? — не выдержал Пафнутьев. — Трупы?

— Да ну, трупы! — Худолей пренебрежительно махнул ручонкой. — Стал бы я тебе трупы показывать... Что ты, трупов никогда не видел? Видел. И еще будешь видеть. Жизнь у тебя такая, Паша, не каждый выдержит, не каждому по силам... И кто бы оценил, кто бы поддержал душевным словом... Грамоту какую дал, медаль за отвагу... Нет!

Худолей продолжал бормотать, было такое впечатление, что он попросту боится замолчать, боится тишины, которая с каждым этажом вниз становилась все более давящей, все более глухой. Когда они сошли с последней ступеньки, Пафнутьев ощутил под ногами плотный бетон и понял, что они в подвале. Вокруг была такая темнота, что только судорожно вцепившаяся в его рукав ладошка Худолея говорила о том, что он здесь не один.

— Я рядом, Паша, — шептал Худолей. — Я с тобой, не бойся.

— Да я вроде того, что ничего...

— Здесь есть выключатель, сейчас найду. — Ладошка Худолея разжалась, и Пафнутьев остался один в этой невероятной темноте.

Шаркающей походкой, чтобы ни обо что не споткнуться, Худолей двинулся куда-то вправо, но слева, слева Пафнутьев явственно услышал какой-то шорох, ритмичный шорох, отдаленно напоминающий человеческие шаги, падающие капли воды, раскачивающийся на веревке груз.

— Нашел! — обрадованно произнес Худолей, и в тот же миг подвал осветился тусклым светом. Но после крошечной темноты свет от сорокаваттной лампочки казался сильным. — Видишь? — свистящим шепотом спросил Худолей. — Видишь?!

— Что? — недоуменно произнес Пафнутьев, который ожидал чего угодно, вплоть до человеческих голов, насаженных на железные штыри. На самом деле все оказалось проще и безобиднее. — Подвал просторный, можно ставить бильярдный стол, теннисный...

— Бильярд у него наверху. Полный, между прочим. А теннисный стол — в спортивном зале.

— Здесь есть спортивный зал?

— Не о том говоришь, Паша! Не туда смотришь! Не так ты живешь, ох, не так! — и Худолей, снова ухватив Пафнутьева за рукав цепкой своей ладошкой, поволок его в дальний угол.

— Видишь?! — прошептал он чуть слышно, издали указав обожженным растворами пальцем на коробки, сложенные в углу.

— Ну?

Худолей посмотрел на Пафнутьева с такой жалостливостью, с таким бесконечным сочувствием, будто тот осрамился в его глазах во всем и навсегда.

— Паша. — Худолей приблизился к коробкам, вздрагивающей рукой коснулся одной из них и произнес каким-то смазанным, надломленным голосом. — Паша, это “Смирновская”... Наша “Смирновская”... А вот ихняя “Смирновская”... Наша, конечно, лучше, но главное другое — есть и та, и другая... Представляешь? — Худолей вынул платок из кармана и вытер выступившую на лбу влагу. — А вон в той коробке, Паша... Там виски. Квадратные бутылки, золоченые пробки, черные этикетки, а емкость... Ты не поверишь! Они все литровые. В этих двух коробках тоже виски, но бутылки треугольные. Мне, Паша, треугольные больше нравятся. И вовсе не потому, что виски в них мягче, душистее, душевнее как-то... Вовсе нет — треугольная бутылка лучше в руку ложится... Она уже не выскользнет из ослабевших пальцев, она как бы роднится с тобой... И не подведет тебя, Паша, даже если пальцы твои увлажнятся от волнения и сладостного предчувствия... Тебя, Паша, посещают предчувствия?

— Особенно сладостные, — сказал Пафнутьев и не посмел, не решился разрушить возвышенное состояние худолеевской души.

— И меня посещают, — грустно кивнул Худолей. — Смотрю я, Паша, на все это богатство, на всю эту безудержную роскошь, — он кивнул в сторону коробок, — и думаю... Знаешь, о чем я думаю?

— О стакане.

— Нет, Паша, ты груб и ограничен. Святое тебе недоступно. Я думаю о своей загубленной жизни, Паша. И понимаю, только сейчас понимаю — она прошла мимо.

— Кто? — спросил Пафнутьев, отвлекшись от худолеевских рассуждений.

— Жизнь, Паша. Я о жизни говорю.

— Я смотрю, ты времени зря не терял, провел большую работу и вот-вот выйдешь на след преступника.

— А что на него выходить... Они все здесь перед тобой.

— Нужен один.

— Выберем, Паша. Есть из чего выбирать.

— А что вон в тех коробках? — Пафнутьев показал в другой угол подвала.

— Скажу... Только ты упрись во что-нибудь, чтобы не упасть... Прислонись к стене, вот так... В тех коробках, Паша... Мукузани, Оджелеси, Киндзмараули... Продолжать?

— Света любит грузинские красные.

— Ты тоже, я смотрю, времени зря не терял?

— Секретаршу еще не видел, только собираюсь представить. Но о ее вкусах наслышан. Жена Объячева Маргарита тебе понравится больше.

— Это почему же?

— Предпочитает крепкие напитки.

— Значит, хорошая женщина, — уважительно сказал Худолей. — Нет, она не могла убить своего мужа. Это сделал кто-то другой. Скорее всего, непьющий. Войся непьющих, Паша, от них вся зараза в мире. Если пьющий и пойдет на что-нибудь предосудительное... то только в состоянии сильного алкогольного опьянения.

— А ты ничего предосудительного здесь не совершил?

— Совершил, Паша. Совершил, — горестно кивнул Худолей. — Я это... Позаимствовал у хозяина... Одну четырехугольную, а вторую трехугольную. Он не возражал.

— Он не будет возражать, даже если ты у него этот дом позаимствуешь.

— Значит, тоже хороший человек. Был.

— Тише! — сказал Пафнутьев и замер, прислушиваясь. Ему опять почудились какие-то звуки. Здесь, в подвале, в полной тишине, они казались странными — для них не было никакой причины, не было ничего, что могло бы эти звуки издавать. — Показалось, — наконец произнес Пафнутьев.

— Хозяин — ладно, он стерпит, ему все это, скорее всего, уже не понадобится. — Худолей махнул рукой в сторону коробок. — А ты, Паша, не возражаешь против моего безрассудства?

— Ты забыл прихватить "Смирновскую", — сказал Пафнутьев сурово и осуждающе.

— Паша! — вскричал Худолей. — Как ты прав, как ты прав! И знаешь, я хочу подсказать тебе очень дельную вещь... Ты будешь меня благодарить долго и, можно сказать, испуганно.

— Слушаю внимательно.

— Не торопись, Паша, со следствием, не торопись разоблачать злодея, а? И ему приятно будет, злодею, что он так долго ходит неразоблаченным, и нам приятно. Ты должен, Паша, не просто разоблачить нехорошего человека, тебе необходимо вскрыть всю подоплеку происшедшего, дать социальную оценку убийства, провести не только разъяснительную работу с жильцами этого дома, но и воспитательную. Да, на это уйдет неделя, вторая, третья... А ты все равно не торопись. Здесь столько всего, столько всего, что твою поспешность никто не поймет. А некоторые могут даже осудить. И сурово, Паша, потому что дружеский суд — справедливый, но суровый. Ты понял меня, Паша?

— Думаешь, тебе здесь на две недели хватит?

— Дольше! Гораздо дольше, Паша! Убийство такого человека наверняка получит огласку, люди уже взбудоражены. И если ты опрометчиво и бездумно раскроешь преступление за два дня... Общественность будет огорчена и разочарована в тебе, Паша.

— И ты тоже разочаруешься во мне? — механически спросил Пафнутьев, продолжая прислушиваться к невнятным звукам где-то совсем рядом, в этом самом подвале.

— С меня все и начнется, Паша. И я говорю об этом со всей присущей мне прямоотой. И откровенностью.

— Это хорошо, — ответил Пафнутьев, не слыша слов Худолея. Он уже не мог откликаться на куражливое настроение эксперта, и тот сразу это понял, примолк, отошел в сторонку, не забыв, все-таки не забыв сунуть в служебную свою сумку бутылку смирновской водки. Начальство велело — надо выполнять. А проделав это, сразу стал деловым, сосредоточенным. Дескать, какие бы неожиданности ни подстерегали нас в этом доме, какие бы опасности ни грозили, какие бы соблазны ни тревожили и ни терзали, мы все равно остаемся на посту и дело свое сделаем.

Еще раз обойдя подвал, убедившись, что, кроме залежей виски, паркета, кафельной плитки, лыж и велосипедов, здесь ничего нет, Пафнутьев и Худолей поднялись наверх. Правда, Пафнутьев подзадержался, прислушался, замерев на первой ступеньке лестницы. Но нет, никаких звуков больше не услышал.

— Ну, и не надо, — пробормотал он.

Направляясь к секретарше Объячева, Пафнутьев уже представлял ее себе. Это наверняка будет красивенькая, пухленькая девочка с распущенными волосами и заплаканными глазами. И почти не ошибся. Волосы действительно были всклокочены, но короткие, так что распущенными их назвать никак было нельзя. Глаза тоже оказались хотя и не заплаканными, но красными, видно, совсем недавно девушка рыдала в подушку, которая лежала в самом углу раскладного дивана.

И еще заметил глазастый Пафнутьев — диван раскладной, но для девушки явно великоват, двуспальным оказался диван, и, видимо, для этого были основания. Впрочем, что гадать — ясно, какие могут быть причины для подобных странностей.

Увидев входящего Пафнутьева, девушка вскочила, сделала несколько шагов навстречу, но тут же остановилась, осознав, что вошел совершенно незнакомый человек. Она была в сверкающем спортивном костюме лазурно-зеленого цвета. Наряд мало подходил к событиям, которые разыгрались в доме, но юное создание, похоже, еще не привыкло осознавать подобные вещи.

— Здравствуйте, — сказал Пафнутьев, тоже делая шаг навстречу.

— Здравствуйте.

— Я уже все про вас знаю. Вас зовут Света, фамилия — Юшкова, вы первая красавица не только этого дома, но и всех окрестных лесов. Это правда?

— Правда, — кивнула Юшкова. — А вы, наверное, приехали, чтобы задержать убийцу?

— Хотелось бы, — честно признался Пафнутьев.

— Какой кошмар, какой кошмар! — не в силах сдержаться, Юшкова почти упала на грудь Пафнутьеву и забилась в рыданиях. И ему ничего не оставалось, как обнять ее за плечи, прижать к своей груди девичью головку, погладить по волосам. Кто-то заглянул в дверь. Оглянувшись, Пафнутьев увидел понимающую ухмылку Вохмянина. Кивнув головой, он велел ему убираться, не нужны ему были свидетели в столь трепетный момент. — Когда я увидела дыру в его голове... Дыру, в которую мог протиснуться мой кулак... Как я рыдала, Господи... Я чуть не упала там же, рядом, в лужу крови...

Как ни был потрясен Пафнутьев необычным поведением девушки, но его заскорузлость, его отвратная натура проявила себя в полной мере, и в этот священный миг, когда на его груди рыдала самая красивая женщина из всех, которых ему довелось увидеть в своей паскудной жизни, не смог он удержаться от мысли, подлой и недоверчивой, — а лужи-то не было... Не зря Худoley все время причитал, что крови мало... Кровь была только на подушке... Но ведь не в кровать же рядом с трупом готова была упасть Светочка Юшкова...

И в то же время чаще обычного билось его истерзанное следовательское сердце, сознавал он, сознавал — от красавицы исходит такая нестерпимая вибрация, что все гены бедного Пафнутьева содрогнулись и расположились в каком-то совершенно невероятном порядке.

О, эта подлая профессия, — мысленно простонал Пафнутьев, глядя короткие светлые волосы красавицы, от которых шел тревожный запах полыни и еще каких-то душистых и сумасшедших трав, — этот запах он помнил, оказывается, много лет, с тех пор, как далеким летом довелось провести ему месяц на Арабатской стрелке под знойным бездонным небом, на хрустящем ракушечнике, у зеленого Азовского моря... Оказывается, помнил, помнил, хмырюга старый! И при этом в мыслях, о, подлая работа! при этом в мыслях он ерничал и усмехался наивным и беспомощным словам девчушки, удары сердца которой чувствовал собственной грудью, и грудь ее тоже чувствовал. Надо же, как удачно она расположилась на мне, мелькнула мыслишка, настолько гадкая и мелкая, что Пафнутьев ужаснулся своему падению и устыдился, устыдился.

Девушка неожиданно резко отстранилась от него и, не убирая рук с плеч, в упор посмотрела на Пафнутьева заплаканными глазами.

— Обещайте мне... Вы найдете убийцу!

— Конечно, обещаю. — Пафнутьев с трудом покинул раскаленный на солнце ракушечник Арабатской стрелки, со стоном бросил последний взгляд на медленные, зеленые волны Азовского моря и вернулся в этот, уже опостылевший ему, недостроенный объезженный замок. — Я с удовольствием задержу его, —

сказал он несколько бестолково, но тут же исправился, задав вопрос и своевременный, и важный. — Но кто он?

— Не знаю. — Света отошла от Пафнутьева и присела на свой громадный диван. — Не знаю.

— А его жена... Что за человек?

— Стерва.

— В каком смысле?

— Во всех. Откуда на нее ни глянь, куда в нее ни загляни — одна сплошная стерва.

— Сурово вы о ней...

— Если бы вы знали, если бы вы знали, как Костя ее ненавидел, как она его ненавидела! — Света вскочила с дивана, подбежала к Пафнутьеву и опять замерла у него на груди — видимо, была у нее такая привычка.

Если не отработанный прием, подумал Пафнутьев и снова устыдился. Да, Паша, привык ты общаться с людьми, у которых другие манеры, осторожные, расчетливые и сухие. И вот столкнулся с другим человеком, и все в тебе топорщится от подозрительности и опаски. А чего ты, Паша, опасаясь? Скажи, наконец, сам себе — чего ты опасаясь? Что может сделать с тобой этот ребенок, искренний и наивный, доверчивый и несчастный? стыдно, Паша, стыдно.

— А за что она его ненавидела? За что он ее ненавидел?

— О! — Света уронила руки вдоль тела и отошла к окну. — Костя вкладывал в этот дом все свои силы, время, деньги, наконец. Он с рабочими клал кирпичи, вывозил мусор, с архитекторами составлял проект. А сколько сил стоило протянуть электричество, водопровод, канализацию, телефон...

— Да, большая работа, — сочувственно заметил Пафнутьев. — И, наверное, стоит больших денег.

— А, деньги! — махнула Света красивой ладошкой. — Стоит ли говорить о деньгах, если уже нет человека!

— Да, действительно, — рассудительно произнес Пафнутьев. — Жизнь человеческая — это мерило всех ценностей на земле.

Эти слова он слышал совсем недавно по телевизору, и надо же, подвернулись в удобный момент. Сначала Пафнутьев спохватился — было в них что-то выспренное, фальшивое, но Света восприняла их всерьез и даже уронила слезинку в высокий ворс красноватого ковра.

— Когда дом был почти готов, Маргарита заявила Косте, что это их совместно нажитое имущество, представляете?! Выкопала где-то эти юридические слова и выдала их в удобный момент. Совместно нажитое имущество! И потому она, как его законная жена, имеет полное право на часть дома. Я, говорит, отсужу у тебя половину этого сооружения, она дом называет сооружением, но жить, говорит, в нем не буду ни одного дня. Я, говорит, свою половину заселю всеми народностями Кавказа,

какие только удастся найти, устрою здесь маленький такой, симпатичненький Кавказ. И все мои жильцы будут воевать друг с другом не слабее, чем на настоящем Кавказе. Будет, говорит, у тебя здесь и своя Чечня, и Осетия будет, и Абхазия тоже состоится... А ты, говорит, живи в своей половине, как в большой России, и радуйся. Живи и радуйся. И трупы у тебя здесь будут, и взрывы, и простые убийства, и заказные... Все будет.

— Значит, о трупах в этом доме уже была речь?

— Да. И слова эти произнесла Маргарита.

— А он? Константин Александрович? Что он ответил на эти угрозы?

— Что он ответит?.. Человек добрый, увлеченный делом, весь в хлопотах, заботах... А она, знай, виски хлещет с утра до вечера и с вечера до утра.

— Вы ее не очень любите?

— Взаимно. — Света беспомощно улыбнулась и, уже как бы по привычке, подошла к Пафнутьеву и положила ему на плечо свою очаровательную головку. Хотя опять дохнуло на Пафнутьева запахами разогретой на солнце пыли, счастливые картины Арабатской стрелки на этот раз не посетили его, не посетили. Осторожно, чтобы не оскорбить тонких чувств красавицы, он отстранил ее от себя, подвел к дивану и усадил, поторопившись отойти на несколько шагов.

— А как у вас последнее время с Константином Александровичем? — Каждый раз Пафнутьев произносил имя Объячева с трудом, как бы медленно пробираясь по ступенькам и опасаясь сбиться — неудобное имя было у бизнесмена, церемонное какое-то.

— С Костей? — переспросила Света. — Что сказать... Не я, так другие доложат... Плохо.

— Вы поссорились?

— Он собирался купить мне какую-то комнатенку и выслать туда. С потрохами, — неожиданно добавила Света. И Пафнутьев сразу, в доли секунды, увидел ее другими глазами. Все так же пахла пыль, и Светины глаза мерцали тревожно и даже зовуще, но сам зов угас и затих среди других звуков — кухонных, будничных, суетных. Напрасно она упомянула потроха, ох, напрасно.

— Купил комнатенку-то?

— Купил, — без выражения ответила Света. — Так, собственно, квартирка... С удобствами, и место неплохое, почти в центре... Но комната одна.

— Может быть, это не самый плохой вариант... Ведь здесь-то вам в любом случае не жить.

— Почему? — спросила Света таким простым, ясным голосом, будто и в самом деле ее удивили слова Пафнутьева.

— С Маргаритой вам трудно будет ужиться.

— А зачем нам с ней уживаться? — Света легонько так, почти незаметно, повела плечом, и это невольное ее движение сказало Пафнутьеву о красавице куда больше, чем все, что она произнесла до этого. Легкое, почти неуловимое движение плеча в свободной искрящейся спортивной куртке. — Вначале у нас с ней складывались отношения... Неплохо все шло. Костя даже собирался переписать дом на мое имя... Но когда начались кавказские угрозы, чеченские предупреждения...

— А почему они начались? С какого момента?

— Мы с Костей как-то выехали за рубеж... Там, конечно, фотографировались. Снимки Маргарите не показывали, но кто-то послал ей фотку, доложил. С того момента все и началось.

— А в качестве кого вы ездили с Объячевым?

— Секретарша. — Света сделала еще одну ошибку — она улыбнулась вопросу Пафнутьева, но улыбнулась как бы жалеючи его за непонятливость. Пафнутьев не любил таких улыбок. Не то чтобы они повергали его в гнев, ничуть, просто не нравились. Он сразу делался улыбчивым и бесконечно добродушным, однако Худoley, который хорошо знал Пафнутьева, в таких случаях старался побыстрее улизнуть из кабинета от греха подальше, на всякий случай.

— Референт, помощник, делопроизводитель, — продолжала перечислять свои обязанности Света все с той же снисходительной улыбкой.

— А что... Снимок был слишком уж смелый, откровенный?

— Да нет... Обычный пляжный снимок.

— Куда вы ездили с Объячевым?

— Канары.

— Он вел там деловые переговоры?

— Вроде того. — Глаза Светы просохли неожиданно быстро, и она смотрела на Пафнутьева незамутненным взглядом, каким, наверное, смотрела в свое время на канарских официантов.

— Говорят, Маргарита часто пьет?

— Почему часто? Она просто не прекращает пить.

— Мне кто-то сказал, что вы любите красные грузинские вина.

— Люблю. У меня и сейчас где-то здесь пара бутылок завалылась. Хотите выпить?

— Чуть попозже. А что пьет Маргарита?

— Сивуху. Виски.

— А что пил Объячев?

— Все. Он пил все и с большим удовольствием.

— А что он пил в прошлый вечер?

— Вчера? Сейчас скажу. — Света сморщила очаровательный свой лоб, не привыкший к тяжким размышлениям о чем бы то ни было. — Вспомнила — водку. Потом выпил виски —

он последнее время подстраивался к Маргарите, понравиться хотел, за рубеж уговаривал ехать.

— Куда?

— Канары. Он любил Канары.

— Кто мог его убить?

— Понятия не имею.

— Маргарита могла?

— Запросто! — ответила Света, не задумываясь.

Пафнутьев понял ее невинную уловку — если бы Юшкова задумалась, поколебалась и сказала то же самое, но неуверенно, что-то преодолевая в себе, она взяла бы на себя ответственность, ее ответ был бы осмысленным. Бросив же словечко “запросто” легко и бездумно, как бы продолжая рассказ о Канарах, красном вине и подосланном снимке, она ничего не сказала, уклонилась, но подозрение бросила, или, во всяком случае, подтвердила. И Пафнутьев сделал вывод — непростая это девчонка, умненькая. Она вполне могла быть надежным помощником у такого человека, как Объячев, и, без сомнения, справлялась со своими обязанностями не только на этом диване.

— Маргарита ездила за рубеж?

— Да, Костя как-то отправлял ее с подругой в круиз по Нилу.

— А вы оставались здесь?

— Меня он на это время отправил к маме. Решил, что мне пора проведать маму. Он очень беспокоился о ней.

— Да-а-а? — удивился Пафнутьев, представив, сколько было сцен, слез и скандалов, когда Объячев отправлял Свету к маме. — Кто же ухаживал за ним? Кто готовил пищу, укладывал в постель? — Последние слова были явно провокационными, и, будь Юшкова постарше, поопытнее или хотя бы менее взволнованна в эти минуты, она разгадала бы ловушку. Но сейчас она просто свалилась в капкан, который подготовил ей Пафнутьев.

— Пока я общалась с мамой, а его жена путешествовала по Нилу, ухаживала за Костей, готовила пищу и укладывала в постель некая гражданка по фамилии Вохмянина. Екатерина Андреевна Вохмянина.

— Это... жена телохранителя?

— Она самая.

— Вохмянина тоже была на вашем последнем ужине?

— Была.

— Скажите, Света... А Екатерина Андреевна не могла это совершить?

— Вы имеете в виду убийство? — Юшкова, кажется, решила преподать Пафнутьеву урок разговора твердого и жесткого. Он только усмехнулся про себя ее самоуверенности.

— Да, я имею в виду убийство. — Пафнутьев подумал, что вначале он недооценил эту красавицу. Без сомнения, она человек сильный и целеустремленный, а эти ее припадания к муж-

скому плечу... Что ж, далеко не самый плохой прием, свежий, неожиданный, результативный. Пафнутьев мог себе представить, как содрогнулся Объячев, когда Юшкова впервые положила свою головку на его плечо, ища успокоения и защиты. Объячев наверняка оказался не столь сухим и заскорузлым, как он, Павел Николаевич Пафнутьев.

— Чем дольше я разговариваю с вами, тем больше убеждаюсь в том, что каждый из нас мог пойти на это.

— Но для столь крутого решения нужны причины, нужен повод, важный повод.

— А он есть у каждого. — Света повернула голову к окну, и Пафнутьев увидел, что над кромкой леса небо посветлело и приобрело еле заметный розоватый оттенок. — Вот и утро, — сказала она. — А мы все про убийство да про убийство.

— Почему же, мы и про Канары поговорили.

Юшкова легко поднялась с низкого дивана, подошла к Пафнутьеву, положила ему ладони на плечи, твердо посмотрела в глаза и спросила:

— Вы меня подозреваете?

— Конечно, — быстро, легко и бездумно ответил Пафнутьев.

— Правильно делаете, — усмехнулась Юшкова, поняв, что Пафнутьев применил тот же приём, которым совсем недавно воспользовалась в их разговоре она сама. — Мы понимаем друг друга, да?

— Надеюсь.

— Понимаем, — кивнула она. — Не пренебрегайте мелочами, здесь все замешано на мелочах. Глупый совет, да?

— Нет, почему же... Совет очень хорош, но... Но я помню об этом, Света.

— Наверное, Костя и сам не сознавал, какое осиное гнездо он устроил в своем доме, какую безжалостную банду собрал под крышей. Наивный, простодушный человек... Впрочем, нет... Скорее, безоглядный. Вы не всех еще видели, не со всеми говорили...

— Откуда вы знаете?

— Знаю. Может быть, со всеми вам и не придется говорить, — произнесла Юшкова, и Пафнутьев тут же насторожился. Света уже несколько раз произносила слова, которые не вписывались в разговор, были как бы из другого времени. Пафнутьев уже знал — такие слова не могут быть случайными. Похоже, сейчас он разговаривал с самым предусмотрительным и осторожным, с самым непроницаемым человеком в этом доме. — Как я понимаю, вы здесь надолго?

— Я буду отлучаться и возвращаться.

— Ко мне будете заглядывать?

— Обязательно, Света. В этом не сомневайтесь.

— Заглядывайте. Нам есть о чем поговорить. К тому же...

На вашем плече и поплакаться можно. Не возражаете, если я и в будущем воспользуюсь вашим плечом?

— Нет, — честно ответил Пафнутьев, не без содрогания глядя в ее потрясающие глаза. — Буду только рад.

Была весна, ранняя еще весна, холодная, стылая, неуверенная. Днем бежали по дорогам тощие ручейки, собирались в лужи. К ночи они подмерзали, затягиваясь тонким ледком, исчерканным узорами из длинных пересекающихся линий. Грязь на строительных площадках тоже подмерзала, пронизанная льдистыми иглами, но стоило лишь ступить на эту, вроде бы надежную опору, как она тут же расплзлась под ногами, и наружу проступала жидкая глина.

Когда взошло холодное еще солнце, его красноватые блики вспыхнули в лужах, придав им вид нарядный, чуть ли не праздничный. Весенний ветер гудел в кронах громадных сосен, оставшихся кое-где на участках, и этот сосновый гул пробуждал в душе жажду весны, тепла, поездок, встреч и всего того, что и составляет жизнь.

Выпросив у Вохмянина безразмерные резиновые сапоги с холодным, вымерзшим нутром, Худолей бесстрашно сунул в них свои тощеватые ноги и отправился бродить по объезчевскому участку.

Его курточка грела слабо, вязаная шапочка продувалась на стылом ветру, глаза слезились, но Худолей не дрогнул, не отступил. Он обошел вокруг дома, только сейчас оценив в полной мере его громадность, своеобразие замысла и исполнения. Соседние дома тоже были непростые, каждый со своим кандибобером, но не столь крутые, не столь.

Сапоги проваливались в жидкую глину, скользили в колее, оставленной мощными машинами, кранами, бульдозерами. Но в воздухе стоял весенний дух, Худолей в этом году ощутил его впервые. Он всегда отмечал это в себе — когда впервые почувствует первый порыв весны, когда что-то вздрогнет в нем, и он обрадуется, ощутив ожидание лета, значит, и в этом году он еще поживет немного.

На бетонной дорожке уже стояли машины скорой помощи и милиции, которые прислал Шаланда. Их водители зябко покуривали в стороне, потрясенные не столько убийством, сколько размерами домов на поляне. А Худолей, ссутулившись в нейлоновой своей куртке и сунув руки поглубже в карманы, продолжал вышагивать по участку, не то пытаясь вспомнить что-то, не то найти потерянное. Он несколько раз обошел вокруг сложенных бетонных плит, постоял у кучи битого кирпича, зачем-то попинал ногами покрытые молодой ржавчиной трубы, потом отправился в длинную прогулку по краю участка. Но нет, ничто не привлекло его внимания, ничто не заставило радостно вздрогнуть, обрадоваться находке.

И хозяева на участках, и строители еще спали, вся большая поляна, до самой кромки леса затянута весенней, уже весен-

ней дымкой, была безлюдна. Лишь изредка можно было заметить на чьем-то балконе или в проеме окна человеческую фигуру — слух о кошмарном убийстве распространился еще ночью.

— Хорошенькое у вас, ребята, начало, — бормотал Худолей, оглядывая зябнувшие на утреннем морозце фигурки. — С убийства началась история вашего поселка, с убийства, ребята... И чувствует мое старое, истерзанное сердце, чувствует, что этим не ограничится... Будет судьба время от времени напоминать о себе, о том, что не все в мире делается по вашей указке, дорогие вы мои банкиры, олигархи, магнаты, титаны толкучек, бензозаправок, разливных подвалов и...

Худолей остановился в своей обличительной речи, потому что именно в этот момент подошел к небольшому кирпичному домику в глубине объезжевого участка. Рядом с основным домом его можно было назвать сараем, хотя вполне мог сойти за добротный, хотя и скромный дом. Толкнув дверь, Худолей убедился, что она открыта, и ничто не мешает ему войти. И он вошел.

Внутри было тепло, ощущался явно жилой дух. Худолей осматрелся. У запотевшего окна стоял стол с остатками ужина или ночных посиделок, початая бутылка виски возвышалась посередине стола. Уже знакомая ему бутылка. Вдруг краем глаза он заметил движение в темном углу — с кушетки поднялся, вышел на середину комнаты и присел к столу странный человек. Всклоченный седоватый тип, с трехнедельной щетиной на щеках, с помятой физиономией и в таком тряпье, что в характере его занятий не возникало никаких сомнений. К тому же, правый глаз незнакомца был затянут густой синевой.

— Простите, пожалуйста, — произнес Худолей с чрезвычайной вежливостью, — я не помешал?

— Нисколько. — Голос у незнакомца был низкий, с сипловатой хрипотцой, видимо, не только от сна — это Худолей знал лучше кого бы то ни было.

— А вы кто? — спросил Худолей, все еще топчась у порога.

— Бомж. — Склонив голову к плечу, незнакомец смотрел на Худолея свободным от синяка глазом.

— Кто?

— Бомж, — повторил тип точно с таким же выражением. — Вы никогда бомжей не видели?

— Приходилось.

— И что? Не похож?

— Нет, почему же... Очень даже.

— Что же вас удивляет?

— Если говорить честно, то больше всего меня удивляет бутылка виски за две тысячи рублей на столе бомжа.

— А! — улыбнулся незнакомец, показав, что у него непорядок не только с глазом, но и с зубами, похоже, их выбили еще

до того, как подбили глаз. Он протянул руку, взял бутылку, встряхнул ее, полюбовался цветом, остро глянул на гостя. — По глоточку?

— Можно, — кивнул Худолей.

Что-то произошло, что-то открылось бомжу в те недолгие секунды, пока он единственным своим глазом смотрел на Худолея.

Понял, по каким-то признакам безошибочно догадался, что перед ним человек, которому без большого риска для жизни можно предложить выпить. И тот, скорее всего, не откажется. Из вежливости ли, из каких-то коварных целей или просто по состоянию своего здоровья, но не откажется, слова грубого не скажет и на улицу не выбросит.

— О! — обрадовался бомж пониманию. — Это по-нашему! Прощу! — и он шлепнул по сиденью стула большой, похоже, давно не мытой ладошкой.

Худолей сел, сдвинул на столе в сторону остатки вечернего застолья, придвинул стакан, который показался ему почище других. Но хозяин оказался на высоте — откуда-то возникшей в его руках тряпкой он протер стакан, посмотрел его на свет, еще раз протер и со стуком поставил перед Худолеем.

— Мы тут тоже не хухры-мухры! — радостно сказал он, свинчивая пробку с бутылки.

Худолей взял стакан с желанием подвинуть его поближе к бомжу, чтоб легче было наливать виски, но, пронося стакан мимо себя, уловил посторонний запах, который его насторожил, что-то напомнил. Худолей уже внимательно внюхался в стакан — это был запах машинного масла. Тогда он оборотил свой взгляд к тряпке, которой бомж только что протирал стакан. Взял ее, вроде для того, чтобы смахнуть крошки со стола, но замешкался, что-то ответил бомжу, о чем-то спросил и, механически теребя тряпку в руках, успел внимательно осмотреть ее со всех сторон. И убедился — масляные пятна на ней свежие, не успевшие еще растечься по холстине. Да, пятна имели четкие границы, следовательно, пользовались тряпкой как протирачным материалом совсем недавно, может быть, даже сегодня.

Худолей все-таки смахнул со стола какие-то крошки, мусор и, уже не скрывая, не таясь, понюхал тряпку.

— Вкусно пахнет? — беззаботно рассмеялся бомж. Худолей видел, что тот действительно смеется добродушно, будто удачно разыграл со своим гостем веселую шутку.

— Маслом, — ответил Худолей.

— Сливочным? — снова расхохотался бомж, показывая остатки зубов. Он наверняка уже выпил граммов сто пятьдесят, безошибочно прикинул Худолей. Может, двести? — спросил он у себя. Нет, все-таки сто пятьдесят, если не сто тридцать. В таких вещах он не ошибался. Но и эта доза оказалась для бомжа

почти предельной. Если он выпьет еще столько же, то никакого разговора с ним уже не получится.

— Машинным, — сказал Худoley и, припав грудью к столу, пристально уставился бомжу прямо в глаза. — Машинным маслом пахнет твоя протирка, — повторил он.

Результат оказался совершенно неожиданным — бомж поперхнулся и уставился на гостя глазами, полными ужаса. Сквозь его месячную щетину, невзирая на выпитое виски, явно проступила бледность. Что делать, простоват был бомж, а жизнь в подворотнях, в пустых вагонах и брошенных складах, когда приходится бояться не только сторожей, их собак, но и просто прохожих, когда тайком приходится питаться из мусорных ящиков, — все это лишило его твердости, уверенности, способности к самому малому сопротивлению.

— Где брал масло? — спросил Худoley, казня себя за невольительное коварство по отношению к этому забитому существу. После многих лет работы в следственных кабинетах он знал, не догадывался, не открывал что-то новое, а просто знал, что первые вопросы должны быть невинными, они, вроде бы, никого ни в чем не уличают, они вроде продолжения предыдущей беседы.

— В гараже, — бесхитростно ответил бомж. — А что, нельзя было?

— Тебя как зовут?

— Петя.

— А по отчеству? — продолжал выпытывать Худoley, понимая, что человек, втянувшийся в ответы, не сможет остановиться и потом, когда он задаст вопрос жесткий и прямой.

— Михалыч, — бомж даже не осмелился произнести Михайлович, он был просто Михалыч.

— Фамилия?

— Да какая там фамилия! Уже и от имени ничего не осталось! А ты фамилия! Нет у меня никакой фамилии. Была да вся вышла.

— Масло вернул на место?

— Отнес.

— Много использовал?

— Плеснул на тряпку — и все использование.

— Ладно, Михалыч. — Худoley откинулся назад, отрешенно посмотрел на стакан с виски, отодвинул его в сторону, дескать, какое виски, какая выпивка, если обнаружилось такое, что... дух перехватывает. — Давай, — устало, негромко, сочувствующе проговорил Худoley. — Показывай.

— Что показывать-то?

— Что смазывал, то и показывай.

— Чистосердечное признание, да? — не то с насмешкой, не то с издевкой спросил бомж.

— Вроде того.

— А что мне будет за это?

— Ничего не будет. — Худoley мысленно воззвал к высшим силам, чтобы сбылись его слова, чтобы не пришлось ему потом каяться и маяться за слова, брошенные хитро и обманно. Но что-то подсказывало ему, что-то стонало в его душе — не сможет человек после преступления так простодушно и легко угощать даровым виски, не сможет быть таким беззаботным, каким был божь десяти минут назад.

— Точно не будет? — Михалыч припал грудью к столу и попытался заглянуть Худoley в глаза.

— Клянусь, я не сделаю тебе ничего плохого, — произнес Худoley, решив про себя, что за эти слова он может отвечать в любом случае, он-то лично и в самом деле не принесет этому существу никакого вреда.

— Побожись!

— Вот тебе крест! — и Худoley, как смог, размашисто перекрестился, уже по ходу сообразив, что не ошибся, что все-таки справа налево бросил сложенные в щепотку пальцы, а не слева направо.

— Ну, смотри. — Михалыч постучал по краю стола немытым, замусоленным пальцем, от которого так предательски несло хорошим машинным маслом. Он окинул взглядом комнату, выглянул в окно, скользнул протрезвевшими глазами по столу, словно в поисках какого-то колдовского предмета, на котором его настырный гость может еще раз поклясться, еще раз заверить в своей доброте и незлобивости. И тут взгляд его задержался на двух так и не выпитых стаканах с виски.

— О! — воскликнул обрадованно Михалыч, указав пальцем на стаканы. — Чокнись со мной и выпей до дна. Тогда поверю! Тогда мы, вроде, кореша. Ну? Слабо?

— Почему же? — Худoley никогда не мог себе представить, что случится в его жизни подобное, что ему придется хлопнуть полстакана виски, чтобы доказать свою порядочность и верность законам пьющего братства.

Он взял стакан, крутанул его так, что виски помчалось по кругу золотистым хмельным круговоротом, весело глянул на Михалыча и понял, увидел, что для того все последующие опасности, волчьи ямы, все отступило перед предстоящим счастьем — они сейчас чокнутся, глянут друг другу в глаза и выпьют до дна. А потом — пусть будет, что будет.

Подчиняясь святости момента, Худoley почему-то встал, сам не заметил, как встал, твердо и спокойно посмотрел в глаза Михалычу, чокнулся с ним тоже твердо, не скрываясь за ухмылкой, за какими-то ненужными словами, прибаутками и шуточками — ничего этого не требовалось, более того, все это было бы лишним.

И выпил до дна.

И Михалыч выпил.

И посмотрел на Худолея с какой-то отчаянностью. Дескать, ничего мы с тобой ребята! Дескать, жаль, что не встретились раньше! Дескать, у нас еще будет кое-что впереди! Авось, Бог не выдаст, свинья не съест!

С неожиданной для его грузноватого тела легкостью он подошел к своей лежанке и, откинув свернутую фуфайку, которая служила ему подушкой, взял сверкнувший там темным металлом пистолет. А подойдя, размахнулся, но положил на стол осторожно, почти беззвучно.

Это был Макаров.

— Где взял? — спросил Худолей, не прикасаясь к пистолету.

— Нашел, — не задумываясь, ответил Михалыч. Глаза его шало сверкали — он снял с души груз, добрый человек заверил, что все для него обойдется легко и просто, и он уже игриво поглядывал на бутылку, в которой оставалась верная половина душистого виски.

— Где нашел?

— А вон там. — Михалыч махнул рукой в сторону причудливого объехчевского сооружения.

— Когда?

— Этой ночью. — Михалыч отвечал все с той же легкостью. И Худолей начал понимать, что, несмотря на всю анекдотичность ответов, божж, кажется, говорит чистую правду. Он действительно мог найти пистолет этой ночью. “Господи! — воскликнул про себя Худолей. — Да мне и в самом деле не придется наказывать это простодушное существо”.

— В котором часу? — в голосе Худолея начали появляться нотки заинтересованности и доверия. Михалыч ощутил это тут же, мгновенно, еще до того, как сам Худолей осознал, что верит божжу.

— Да чуть ли не в полночь... Может, ближе к часу. Тут из окон частенько кое-что выпадает... Вот виски выпало этой же ночью. — Михалыч показал на бутылку.

— Как выпало?

— Люди здесь живут нервные, но состоятельные. Ссорятся, друг в друга бросают, что попало!

— И бутылка не разбилась?

— В грязь упала. Чего ей делается? Отмыл, протер и вот хорошего человека угостить могу.

— Спасибо, — сказал Худолей и невольно потянулся к бутылке. Но, спохватившись, отдернул руку, виновато посмотрел на Михалыча, дескать, прости великодушно, сам за собой не уследил.

— Наливай-наливай! — радушно проговорил тот. — Для того она и стоит здесь! Бог даст, еще чего-нибудь из окна выпадет на радость сырым и убогим!

Худолей чувствовал в себе силы отказаться от виски, он вполне мог совладать с собой и пренебречь угощением. Но

опыт, большой жизненный и хмельной опыт подсказывал ему, что без глотка виски разговор иссякнет, а поддержать его надо, не все еще он выпросил у гостеприимного бомжа. А начало уже между ними возникать какое-то препятствие, стена из недоверчивости и различия в занятиях. Опять же, и допрос он учинил своему собутыльнику, заставил пистолет выложить на стол, опять же дал понять, что может ему напасть, испортить жизнь, навредить... Дал понять. Но тот великодушно простил его. Уж не ради ли еще одного совместного тоста?

— Ты хозяин, вот и наливай, — великодушно сказал Худолей, подведя под этим своим решением базу ответственную, даже нравственную.

— Тоже верно, — охотно согласился Михалыч и щедро плеснул виски в оба стакана. Больше, чем по глотку, явно больше, и Худолей отметил это с ощутимым потеплением в душе — пришло вдруг понимание, что все идет хорошо, как надо, даже лучше, чем можно было ожидать.

— Будем живы! — сказал Худолей, поднимая свой стакан, от которого уже не несло запахом машинного масла.

— Неплохо бы, — обронил бомж, опрокидывая в себя виски. — Оно бы неплохо, — повторил он, внезапно сделавшись печальным и усталым.

— Откуда синяк? — спросил Худолей.

— А! — Михалыч махнул рукой. — Хозяин врезал.

— За что?

— Я как-то в дом просочился. Не знал, что он на месте. Давно ничего из окон не выбрасывали. Кушать захотелось. Может, думаю, чего перехвачу. Только по лестнице стал подниматься, а тут он...

— Кто? — уточнил Худолей, вспомнив, что он все-таки при исполнении служебных обязанностей.

— Объячев. И врезал. Поддатый был, ни фиги не соображал.

— Часто поддает?

— Он просто постоянно поддатый. Когда больше, когда меньше. Такой человек. Это не хорошо и не плохо. Бог ему судья. — Михалыч присел к столу, поставил на него локти, подпер щеки ладонями.

— Обиделся на него?

— Упаси Боже! Как можно... Он кормилец мой и поилец... Должен же я чем-то расплачиваться. Вот и расплатился.

— Чем? — не понял Худолей.

— Глазом, синяком... Как скажешь. Теперь, вроде, и не даром хлеб его ем, воду пью.

— И зла не затаил?

— Что ты несешь? — удивился Михалыч. — Ты чего-то не понимаешь... Какое может быть зло? Из-за чего? В жестоком мире живешь, я вижу, а?

— Да как сказать, — растерялся Худолей от этой непоколебимой философии. — А он знал, что ты здесь?

— А как же, конечно, знал. Сам слышал, как он у Кати спрашивал — бомжа, говорит, кормили? Заботился.

— Какая же ему от тебя польза?

— Может, и никакой... Держат же люди при себе собак, кошек, попугаев, хомяков. Какая от них польза? Для души держал, как того же хомяка. Или приберегал для чего-то — и об этом мне мысли приходили в голову. А, может, и проще все. Какой-никакой, а я все-таки сторож, ночью всегда участок обойду, и внутри, и за забором. Тут ведь все тащат, ну вот просто все! Лопату оставишь ненароком — наутро нету. Моток проволоки, кирпич, трубу, стойку бетонную... Тащат. И правильно делают.

— Кто тащит? Эти владельцы дворцов?

— Нет. За леском деревня... А для местных любая труба, кирпич, доска — как подарок к празднику.

— А пистолет тебе зачем?

— Ни за чем, — беззаботно ответил Михалыч. Не настораживали его вопросы Худолея, несколько не беспокоили. Шла ли речь об украденной лопате или о пистолете под фуфайкой. — Вещь хорошая, надо в порядок привести. Утром спросят — я верну. Чистый, смазанный, хоть сейчас в работу.

— Какую работу? — насторожился Худолей.

— А какая ни придется, — махнул рукой бомж.

— Глушитель был при нем?

— А что это?

— Трубка такая, на ствол навинчивается.

— Эта, что ли? — Михалыч резво поднялся и из-под той же фуфайки на лежанке вынул протертый, смазанный, чистый глушитель.

— У тебя о нем никто не спрашивал?

— Нет, не спрашивали. Рано еще, проснутся — начнут искать. А я и скажу — вот он. Опять мне кой-чего перепадет, опять недельку продержусь, все ближе к теплу. У нас так. — Михалыч подошел к кушетке, присел на нее, пригорюнился, поставив локти на колени. — У нас так, — повторил чуть слышно.

— Значит, в дом, если понадобится, ты можешь войти?

— Ага, — кивнул бомж. — Могу. Но это уж если совсем изголодаюсь. Опять же, когда хозяин отсутствует. А войти могу. И через башню, и через гараж, и со стороны сада... Там этих входов-выходов понаделано — ходи — не хочу.

— Ты знаешь, что хозяин убит?

— Объячев, что ли? — спросил Михалыч без удивления.

— Он самый.

— Надо же...

— Так ты знал об этом?

— Ага, знал.

— От кого?

— Машины ночью понаехали, я в сторонке стоял, разговоры слышал. Когда ты вошел, я как раз за упокой души пригубил.

— Не жалко?

— Хозяина, что ли? — переспросил Михалыч и, поднявшись, снова налил и себе, и Худолею. Но пить не торопился, смотрел в окно, и лицо его, освещенное холодным светом утра, казалось каким-то особенно печальным, безнадежность была в нем, может быть, безутешность. — А чего жалеть... Убили, значит, так и надо. Меня вот сейчас кто надумает убивать... Ни слова поперек не скажу. — Бомж едва ли не впервые за все время в упор, твердо и ясно посмотрел Худолею в глаза. — Не жалко мне себя будет. Ничуть. — Михалыч взял свой стакан и, не чокаясь, выпил. — За упокой души.

— За упокой, так за упокой, — проямлил Худолей озадаченно. Последние слова бомжа ошеломили его своей простотой и какой-то потусторонней убедительностью.

— Спасибо, конечно, что ты выпил со мной, но я ведь знаю... Если придется брать меня... Ни на секунду не задумаешься, а?

— На секунду задумаюсь, — твердо сказал Худолей.

— Подозреваешь? — напрямую спросил бомж.

— Нет. — Худолей покачал головой. — Не подозреваю. Но вопросы задать обязан.

— Все правильно, — кивнул бомж одобрительно. — Кто-то должен и жизнь двигать.

— Кто мог убить Объячева? — спросил Худолей.

— А кто угодно. Все они люди с пониманием о себе, с гордостью. Стремления у них.

— И к чему же они стремятся?

— К достатку.

— А ты не стремишься?

— Нет. — Михалыч покачал головой, как бы прислушиваясь к собственным словам, и повторил тверже и отчетливее. — Нет, не стремлюсь. Нет никаких сил. Живу, как ветка какая, трава, тварь земная или водяная... Холодно стало — замерз, солнышко пригрело — ожил.

— А пистолет-то... Почистил.

— Ага, — кивнул Михалыч. — Почистил. Бутылку вот нашел, тоже почистил. Неплохая бутылка оказалась, да? — Он усмехнулся.

— И мужчина мог убить, и женщина? И жена? И любовница?

— Стремления у них.

— К достатку?

— Гордость опять же... И это... Не согласны они, как все в жизни устроилось. Каждому хочется чуть бы подправить... Отсюда все и идет.

— Что идет?

— Я же говорю... Бутылки из окон, пистолет вот выпал...

— Из пистолета убит Объячев. Выстрела никто не слышал. Значит, и глушитель был в деле.

— Не управиться им с домом без хозяина. Продавать придется, — задумчиво проговорил Михалыч.

Смерть Объячева его, похоже, нисколько не тронула, и мысли его как-то все время уходили чуть в сторону, чуть не по тому направлению, к которому подталкивал его Худoley.

— Да, дом неподъемный.

— Устал я, — сказал Михалыч и направился к своему лежку. — Прилягу. Если чего... заходи, я здесь. Больше мне быть негде.

Худoley вынул из рукоятки пистолета обойму, осмотрел ее — все патроны были на месте. Не хватало одного — того, которому положено быть в стволе.

— Патроны тоже протирал?

— Нет, они чистые.

— Из обоймы вынимал?

— Я не знаю, как это делается. Сверху протер, внутрь не заглядывал.

— Это хорошо, — кивнул Худoley. Он подумал, что на патронах, промасленных и протертых, наверняка должны остаться отпечатки пальцев того, кто возился с пистолетом, кто вынимал обойму, освобождал ее от патронов, снова заряжал... — Покажи хоть, где именно нашел пистолет, — обернулся он к Михалычу. — Под какими окнами?

— А вот прямо с моей стороны. Я шел по дорожке, все окна были темные, тут, вроде, спальни у них... Из какого окна вылетел этот гостинец — не заметил. Он в лужу упал, а лужа ледком затянута. По этой пробойне во льду я его и нашел. Сунул руку в глиняную жижу — нащупал. Вынул — пистолет. Думаю, утром искать начнут, а тут я с чистеньким да смазанным. То-то будет весело, то-то хорошо... И покормят, и из этого хозблока не прогонят. Глядишь — и до тепла протяну.

Сунув пистолет и глушитель в карманы куртки, Худoley направился к двери. Уже открыв ее, уже перешагнув порог, он неожиданно обернулся. И столкнулся с настороженным взглядом бомжа — тот даже голову приподнял над своей фуфайкой, чтобы видеть, как уходит, все-таки уходит его настырный гость. Худoley подмигнул ему заговорщицки, дескать, уж мы-то с тобой знаем, что в этой жизни главное, а чем можно пренебречь.

И вышел.

Шагая подтаявшей дорожкой к дому, он прокручивал разговор с бомжом и все время возвращался к его последнему взгляду, которым тот проводил гостя. Что-то в этом взгляде было не так, что-то настораживало истонченную службой и жизнью душу эксперта.

Подходя к дому, подзадержавшись перед дверью, он хотел было оглянуться и вдруг понял — этого делать нельзя. Ему вслед наверняка смотрит хмельной Михалыч. И, осознав это, Худолей понял, наконец, в чем дело, в чем причина его беспокойства — настороженный взгляд бомжа никак не вязался с тем его обликом, каким он предстал в своей ночлежке. Там был опустившийся, усталый, безразличный ко всему бомж. А уходя, Худолей столкнулся с цепким взглядом человека, который может постоять за себя, который еще на что-то надеется в жизни, у которого есть, есть еще кое-какие стремления.

Худолей вошел в дом, плотно закрыл за собой дверь, поднялся на второй этаж и тут же подошел к окну, которое выходило в сторону ночлежки. И увидел то, что и ожидал увидеть, — бомж осторожно, стараясь не хлопнуть дверью, вышел из своего убежища и, торопясь, прямо по лужам побежал к дому. Но не к той двери, в которую вошел Худолей, нет, он обогнул дом и устремился к гаражу.

Пока Худолей, для пользы дела и собственной услады, пьянствовал с бомжом, в доме произошли некоторые события. Вдвинули в машину вместе с носилками и увезли в город труп Объячева. Никто из жильцов не вышел проводить его, но, как заметил Пафнутьев, едва ли не все наблюдали из окон — каждый из своего, ни у одного окна он не заметил двух фигур. Только телохранитель Вохмянин постоял на пороге и, убедившись, что справятся без него, ушел в дом.

Через полчаса позвонил Шаланда и сказал, что заключение о вскрытии будет к вечеру. Андрей обошел все выходы из дома и опечатал их, оставив лишь главный вход, а сам расположился поблизости проследить за тем, чтобы никто не уехал без распоряжения Пафнутьева.

Беглый осмотр дома, или, лучше сказать, поверхностный обыск ничего не дал. Ни в одной комнате не было найдено ничего, что хоть как-то прояснило ночное убийство.

Худолея больше всего интересовало — к кому с такой поспешностью рванулся Михалыч. Он затаился на лестнице, ожидая, когда тот появится в доме, но упустил бомжа. Тот, похоже, знал расположение комнат, коридоров и лестниц куда лучше, чем могло показаться. Похоже, не зря получил в глаз от Объячева — шастал он по дому наверняка чаще, нежели признавался в этом. Когда, истомившись в своей засаде, Худолей вышел из-под лестницы и подошел к окну, то увидел лишь, как Михалыч входит в свое убежище.

К кому он прибегал? Кого и о чем хотел предупредить?

А ведь предупредил же — у него не хватило терпения подождать всего несколько минут, пока Худолей войдет в дом, он тут же побежал за ним. Пистолет — вот в чем дело. Скорее все-

го, он сообщил кому-то, что пистолет изъят. Или же поспешил убраться какие-то следы, унести какую-то улику.

— Ну, ты даешь, старик, — озадаченно пробормотал Худoley. — С тобой, я смотрю, не забалуешь... На кого же ты работаешь, в таком случае? И не ты ли хлопнул любимого хозяина? А что, вполне возможно. Пока все ужинали и выясняли отношения, пробрался незамеченным в дом, разулся у входа, чтобы не наследить жидкой грязью, сделал свое черное дело и вернулся к себе, прихватив по дороге бутылку виски. Очень даже может быть, — продолжал бормотать Худoley. — Хотя поверить в это трудно.

Пафнутьева он нашел в каминном зале — тот беседовал со странным человеком какого-то нервно-возбужденного вида. Тощий бледный тип с седой щетиной и в мятом пиджаке, в котором он, похоже, и спал эту ночь, поминутно вскакивал, обегал вокруг стола, за которым сидел Пафнутьев, присаживался, заламывал пальцы, так что слышался живой треск рвущихся сухожилий, снова садился. Пафнутьев наблюдал за ним молча, сосредоточенно, с едва заметной скукой. Он даже не поворачивал головы вслед за нервным и смотрел на него, лишь когда тот пересекал линию его взгляда.

— А вот и наш эксперт, — громко, внятно произнес Пафнутьев, увидев входящего Худoley, произнес с единственной целью — остановить носящегося кругами человека. — Прошу садиться, — опять громко и раздельно произнес Пафнутьев. — Есть вопросы, есть, надеюсь, ответы. Надо и то, и другое произнести вслух, чтобы не было у нас ни вопросов, ни ответов.

— Это как? — не понял нервный.

— Шутка, — ответил Худoley. — Начальство шутит.

— В этом доме? В этот момент? В-в-в... Когда я в таком состоянии? Шутка?!

— Если дело не допускает шуток, значит это несерьезное дело. — Пафнутьев говорил все с той же размеренностью, чтобы нервный осознал необычность слов, которые он произнес.

Тип замер на секунду, подумал, но, видимо, у него не хватило сил и терпения понять сказанное, и он снова устремился вокруг стола. Худoley перехватил его на одном из выражений. Уцепившись за руку, подтащил нервного к стулу и усадил, положив его руки ладонями вниз на стол. Когда тот попытался было снова вскочить, Худoley вынул из кармана куртки пистолет и со стуком положил на стол.

— Ваше оружие?

— Что? — отшатнулся нервный.

— Объячев, хозяин дома, был убит из этого пистолета. А вот и глушитель. — Худoley был суров, неулыбчив, но Пафнутьев уловил, уловил все-таки в самых уголках худoleyевских

глаз шалые искорки. — Сейчас он находится в морге. На вскрытии, — замогильным голосом продолжал Худoley. — И когда вскрытие закончится, мы будем знать все.

— О, Боже! — прошептал нервный и отшатнулся на спинку стула. Теперь он не смог бы бегать вокруг стола, даже если бы позволили, даже если бы помогли подняться со стула.

— Это Вьюев, Олег Игоревич Вьюев, — пояснил Пафнутьев. — Давний друг, хороший знакомый Объячева. Они вместе начинали, прошли через трудности становления и сохранили добрые отношения, привязанность друг к другу. Он гостил у Объячева. И теперь переживает, потому что оказался здесь в ту самую ночь, когда его друг и соратник был убит.

— Объячев — мой друг? — простонал Вьюев, горестно качиваясь из стороны в сторону. — Он обобрал меня, как... как... — Вьюев развел руки в стороны, не в силах подобрать слово, которое бы отразило его чувства.

— Хорошо обобрал?

— Начисто! — как от боли вскрикнул Вьюев.

— Что вы можете сказать по этому поводу? — Пафнутьев указал на пистолет и глушитель, которые все еще лежали на столе.

— Впервые вижу. — Тот с легкой брезгливостью отодвинул от себя оружие. — Никогда не пользовался.

— И мысли такой не было? — уточнил Пафнутьев.

— Мысли? — удивился вопросу Вьюев. — Мысли были.

— Что же останавливало?

— Здравый смысл.

— И немного робости?

— Разумеется. А как же... Робость входит в понятие здравого смысла. Робость, опасливость, страх. — Вьюев немного успокоился, выглядел увереннее, на вопросы отвечал убежденно, будто речь шла о вещах, которые он хорошо обдумал и пришел к твердым решениям.

Пафнутьев смотрел на сидящего перед ним человека и понимал, ясно понимал — это не слабак. А его нервное и бестолковое кружение вокруг стола — всего лишь минутная слабость, которая бывает и у самых сильных людей. Знал Пафнутьев и другой закон — слабаки редко плачут, гораздо чаще слезы катятся у людей сильных, способных на поступки решительные, отчаянные, безоглядные. Сильные не просто плачут, они рыдают, но не надо им напоминать об этом.

— Вы приехали к Объячеву за деньгами?

— Да.

— А он?

— Послал.

— Деньги?

— Меня послал. Сказать куда?

— Догадываюсь. Это был его окончательный ответ?

— Он говорил всякие слова, произносил какие-то обещания, какие-то надежды пытался внушить, но я понимал — никогда моих денег не отдаст. Не сможет. Он сам об этом не догадывался, но я понял — Объячев воспринимал возвращение долга как личное оскорбление. Он не мог переступить через себя. Мог только брать. Причем, брал всем.

— Всем — это как? — спросил Пафнутьев.

Вьюев еще дальше отодвинул от себя пистолет. Некоторое время молча смотрел в окно — солнечные лучи били ему прямо в глаза, но он, казалось, не замечал этого неудобства, более того, смотрел на солнце, не мигая, будто для него это было привычное занятие.

— Чем брал? — Вьюев усмехнулся. — Говорю же — всем. Унижением, оскорблением... Зная, что человек не может вернуть долг, пустяковый долг, больших долгов он не прощал, так вот, зная, что с этого человека ничего уже взять нельзя, он брал его самолюбие, достоинство. Он растаптывал его, превращал в тряпку и этим как бы возвращал долг. Как-то приехал ко мне за деньгами... Я не смог ему тогда вовремя вернуть долг. И тогда он изнасиловал мою жену.

— При вас, что ли?

— Нет, я отлучился куда-то. За коньяком пошел. Этого времени ему хватило.

— Распили коньяк? — спросил Пафнутьев таким тоном, будто это сейчас было самым важным. Впрочем, вполне возможно, что это, действительно, было самым важным.

— Да, распили. Но о том, что он сделал с моей женой, я узнал, когда он уже уехал.

— И тогда вас посетили мысли насчет вот этих дел. — Пафнутьев кивнул на пистолет, лежавший на столе.

— Мысли насчет этих дел меня не покидали никогда, — отчаянно признался Вьюев. — Они всегда были при мне.

— И наконец представилась возможность...

— Не надо! — он махнул рукой. — Не надо мне клеить это убийство. Уж поверьте мне, я бы нашел способ сделать это совершенно неуязвимо. Так, что вам и в голову не пришло бы задавать мне вопросы и вообще встречаться со мной.

— А это возможно? Совершить убийство неуязвимо?

— Да! — отрывисто произнес Вьюев. — Да! — повторил он уже с вызовом, твердо посмотрев в глаза Пафнутьеву. — У меня было несколько вариантов.

— Домашние заготовки?

— Можно назвать и так.

— Поделитесь, — попросил Худoley, решив, что и он, наконец, может вмешаться в этот рискованный разговор.

— Ни за что! — усмехнулся Вьюев. — Это мои маленькие изобретения, они еще не запатентованы. Кто знает, с кем меня еще сведет судьба, глядишь, и пригодятся.

— Отчаянный вы человек, — уважительно произнес Пафнутьев. — С куражом.

— Что вы хотите — предприниматель первого поколения. Мои дети будут осторожнее, мои внуки вообще станут законопослушными и исправными налогоплательщиками.

— Куда вы удирали ночью с чемоданом?

— Спасался, — пожал плечами Вьюев. — В доме труп. С покойником у меня отношения сложные. Можно сказать, болезненные. На каждом этаже милиция, оперативники, эксперты... Надо бежать.

— Вы не убивали Объячева? — прямо спросил Пафнутьев.

— Нет, — быстро ответил Вьюев. — Не убивал, хотя...

— Слушаю внимательно.

— Хотя сейчас вот, за этим столом, этим утром, разговаривая с вами... Я начинаю об этом сожалеть. Если я этого и не сделал...

— Вы имеете в виду убийство?

— Да, разумеется... Так вот, если я этого и не сделал... то только по одной причине — я все еще надеялся получить с него деньги, все еще думал, что это возможно.

— Много денег? — невинно спросил Худолей.

— Тысяч двести.

— Долларов?

— Конечно. Для него это были не слишком большие деньги, так, средненькие... Как вы думаете, во сколько ему обошелся этот домик?

— Понятия не имею, — чистосердечно признался Пафнутьев.

— Наверняка побольше миллиона.

— Долларов? — охнул, как от удара, Худолей.

— Не тугриков же, — усмехнулся Вьюев.

— И в этот свой приезд вы поняли окончательно и бесповоротно, что денег с Объячева уже не получить? — спросил Пафнутьев, снова выходя на тему убийства.

— Да, понял. Но — я не стал бы его убивать здесь, при таком количестве народа. Не стал бы. Но скрывать не буду — я удовлетворен случившимся, мне ничуть его не жаль, и если я о чем-то действительно сожалею, так это о том, что уже никогда с него своих денег не получу.

Пафнутьев помолчал, склоняя по своей привычке голову то в одну сторону, то в другую, то к одному плечу, то к другому. Это производило такое впечатление, будто он выслушивал доводы то одной стороны, то другой, то сомневался, то отбрасывал свои же сомнения. Он не смотрел ни на Вьюева, ни на Худолея, чтобы они не отвлекали его от мыслей глубоких и проницательных. Пафнутьев водил пальцем по полированной поверхности стола, следуя за причудливыми узорами орехового дерева, и, наконец, поднял голову, встретился взглядом с Вьюевым.

- Что у вас в чемоданчике?
- Документы. — Вьюев нервно передернул плечами.
- Какие?
- Деловые... Разные. Договоры, расписки, обязательства.
- Все документы... ваши личные?
- Не только... Когда все это случилось... Я нахватал у Объячева... Какие подвернулись. Со стола, из сейфа...
- Сейф был открыт?
- Нет.
- Как же вам удалось проникнуть в него?
- Удалось.
- Я смотрю, у вас много домашних заготовок?
- Вы еще не обо всех знаете, — отчаянно заявил Вьюев.
- Поделитесь, — опять попросил Худолей.
- Как-нибудь при случае.
- С какой целью вы пытались похитить обячевские деловые бумаги?
- Я подумал, что с их помощью мне удастся доказать его долг и хоть что-нибудь вернуть.
- Подводим итоги, — сказал Пафнутьев. — Причины убить Объячева у вас были. Желание убить тоже имелось. Мысли убить Объячева вас посещали часто и настойчиво. Более того, вы не один раз задумывались над тем, как убить Объячева столь хитро и предусмотрительно, чтобы следствию и в голову не пришло заподозрить в этом злодейском преступлении именно вас. Скажите, гражданин Вьюев, я правильно все изложил?
- Да, совершенно правильно. Только в одном месте допустили ошибку.
- Какую?
- Вы назвали преступление злодейским. Это не так. Здесь нет никакого злодейства. Это был бы справедливый акт возмездия.
- Олег Игоревич... А вы никому ничего не должны? За вами никаких долгов не числится? Денежных, нравственных, товарищеских?
- Некоторое время Вьюев с недоумением смотрел на Пафнутьева, потом усмехнулся каким-то своим мыслям, потер ладонями бледное после бессонной ночи лицо, да так и остался сидеть, опустив голову.
- Понимаю вас, — наконец сказал он. — Согласен с тем, что, вполне возможно, кто-то мечтает лишить жизни меня и наверняка когда-нибудь лишит... Говорю же — предприниматель первого поколения. Все мы живем хорошо, но недолго. Но я не убивал Объячева.
- Кто, по-вашему, мог это сделать? Здесь, в этом доме, не так уж много людей, согласитесь... Вот вы, жена, красавица-секретарша, домработница, телохранитель...
- Бомж в сарае, — подсказал Худолей.

— Как, у него был личный бомж? — весело удивился Пафнутьев.

— Почему был? Он и сейчас есть. Отдыхает после хорошего виски.

— Два строителя, — подсказал Вьюев. — Вы с ними уже беседовали?

— Чуть позже, — сказал Пафнутьев, поднимаясь. — А вас прошу больше не убегать. Это производит дурное впечатление на следствие.

— Совершенно верно, — кивнул Худoley. — Приличные предприниматели так себя не ведут. — Он осуждающе посмотрел на Вьюева. — Если, конечно, совесть их чиста и непорочна.

— Мне бы документы мои получить... Это как, возможно?

— Чуть попозже. — Привычными своими словами Пафнутьев наловчился уходить от всех срочных вопросов и решений. "Чуть попозже", говорил он, когда слишком уж его торопили, когда нечего было сказать или, вообще, преждевременно было произносить что-либо определенное.

Строители жили в подвале. Это была большая комната, почти зал, который в будущем можно бы приспособить и под настольный теннис, и под бильярд, и даже под небольшое стрельбище — чего только по пьянке не придет в голову загулявшим гостям. По диагонали, из угла в угол, расстояние явно превышало двенадцать метров, и из воздушных пистолетов вполне можно устраивать полуночные состязания.

Здесь было тепло, сухо, вдоль стен шли толстые, горячие трубы — отопление в доме было свое, независимое от внешних условий, от государственных котельных. И воздух свежий — три небольших окна у потолка давали достаточно и света, и воздуха.

Вдоль стены стояли несколько кроватей, скорее всего, позаимствованных в какой-нибудь соседней воинской части. Но заняты были только две — с них-то и поднялись два мужичка, едва Пафнутьев вошел. Поднялись, да так и остались стоять у своих кроватей, словно ожидая от него каких-то указаний.

— Вольно! — сказал Пафнутьев, закрывая за собой дверь. Мужички расслабились, заулыбались и сели на кровати, с которых только что поднялись. — Кто такие будете?

— Работаем мы здесь... — ответил молодой — более щуплый и, похоже, пошустрее.

— Давно? — задал Пафнутьев самый невинный вопрос, не предполагая, что он окажется самым существенным из всех, которые он вообще мог задать.

— Да уже больше года, — ответил тот, что постарше.

— Да-а-а? — удивился Пафнутьев. — А сами откуда?

— Западная Украина. Золочев.

— А дома жены молодые, дети малые?

- Так оно и есть.
- И что же вы тут делаете?
- Штукатурные работы, кирпичная кладка, камин вот сложили, отопление провели... Сейчас третий этаж вагонкой обшиваем. Хватает работы.
- Когда домой?
- Собирались через месяц... А теперь даже и не знаем.
- В чем проблема?
- Хозяина-то нашего, говорят, убили...
- Точно убили. — Пафнутьев сел на свободную кровать. — Могу подтвердить. Этой ночью и убили.
- Вопрос возникает...
- Слушаю внимательно.
- Кто же заплатит за работу?
- Сколько вам не заплачено?
- За весь год и не заплачено.
- За год?!
- Мы и намекали, и открытым текстом, и за горло брали нашего Константина Александровича...
- И что же Объячев? Устоял?
- Устоять-то устоял... Да, видно, не все такие лопоухие, как мы, — сказал молодой парень. — К кому нам теперь за деньгами-то? Или все так и ахнулось?
- Не знаю, ребята, — развел руками Пафнутьев. — Вопрос не простой. И если уж говорить откровенно...
- Ну? Ну? — нетерпеливо, почти хором заторопили его рабочие, побледнев от дурных предчувствий.
- Не завидую я вам.
- Да не надо нам завидовать! Мы тоже никому не завидуем! Нам деньги нужны!
- Понимаю, — кивнул Пафнутьев. — Хорошо вас понимаю. И потому не завидую. И сразу говорю — не по моей это специальности. Моя забота убийцу найти.
- А почему к нам пришли с этим делом?
- Не только к вам, я ко всем подхожу. Народу в доме не так уж много, человек пять, семь... С вами чуть побольше. Убийца в доме. Кто?
- Но даже эти суровые слова не смогли сбить мужиков с их собственных проблем, похоже, они и не услышали вопроса Пафнутьева, озабоченные уходящими из рук деньгами, которые зарабатывали целый год. Они смотрели Пафнутьеву в глаза, и он хорошо видел, что нисколько не заботит их поиск убийцы, что думают они сейчас только о деньгах. Впрочем, их напряженное, сосредоточенное молчание могло быть истолковано совсем иначе. И Пафнутьев мог при желании озвучить сейчас их мысли иначе — все ли сделано чисто, не осталось ли следов, нет ли чего такого, за что их могут привлечь, уличить и посадить надолго.

Всматриваясь в лица мужиков, вслушиваясь в их горестные причитания, Пафнутьев не мог избавиться от впечатления, что во всем этом таится какой-то второй смысл. Или рабочие недоговаривают, или говорят не самое главное. То вдруг без всякой надобности быстро перегляднутся, словно сверяя свои слова, словно советуясь. И еще видел Пафнутьев — нет, все-таки нет в них истинной горести, боли, разочарования. Не так себя ведут люди, которые, отработав год, вдруг обнаруживают, что получать им нечего и даже более того — не от кого. В какой-то неуловимый миг показалось ему, что они не столько печалятся, сколько хотят показать свою опечаленность.

И он решил проверить свои впечатления.

— Как же вас дома-то встретят? Там же на деньги надеются? Наверное, в долги залезли в надежде на ваши заработки?

— Ой, не знаю, не знаю! — запричитал, раскачиваясь из стороны в сторону, старший рабочий. — Боюсь даже думать об этом, боюсь даже представить, что будет, когда скажу все, как есть. — Он замолчал, продолжая раскачиваться с закрытыми глазами.

Нет, не убедили эти слова Пафнутьева. Холодными показались. Так может произносить текст слабенький актер, но не человек, которого только что ограбили, который минуту назад узнал, что обманут подло и нагло.

— Как вас зовут? — спросил Пафнутьев чуть жестковато, не отделившись еще от впечатления, что его разыгрывают.

— Меня Василь Вулых, а вуйко — Степан Петришко.

— Вуйко? Это имя такое?

— Нет, вуйко — это вроде дядька, вообще, старший, уважаемый...

— Понял, — кивнул Пафнутьев. — Он, значит, вуйко, а ты совсем даже не вуйко?

— Дело не в этом... Парень помоложе может назвать меня вуйко. Но среди нас двоих — Степан для меня вуйко, а я для него просто Василь.

— Как я понимаю... в доме жили не очень мирно?

— Какой там мир! — воскликнул Степан, и Пафнутьев вдруг уловил, почувствовал в его голосе ту искренность, которой так не хватало ему до сих пор. И с облегчением убедился, что первое его впечатление не ложное, не надуманное, не вызвано дурной подозрительностью. — Грызлись все, как собаки!

— Вы здесь питались? — спросил Пафнутьев.

— Да, — подтвердил Степан. — Нас кормили.

— В подвале?

— Когда хозяин был дома, то за общим столом.

— Все вместе? — удивился Пафнутьев.

— Да, разом.

— И выпить давали?

— Если хозяин пил, то и нам подносили. Что он пил, то и

мы.

— Так нечасто бывает.

— Так почти не бывает, — сказал Васыль. — Потому и терпели год... Вроде, за одним столом питаемся, не кормят, как собак где-то во дворе, за углом... Все за столом — и мы за столом. Получалось, что вроде как одна семья... Потому и язык не поворачивался каждый раз кричать: "Давай деньги! Давай деньги!"

— А когда гости?

— Смотри какие гости... Если его люди, из города, по своим делам, то, конечно, он сидел с ними наедине. Если приходили соседние застройщики... Вместе сложности обсуждали, за одним столом.

— Да ладно тебе трепаться! — вдруг сорвался Степан. — Зарядил — за одним столом, за одним столом... Триста лет в гробу я видел его стол! Ты мне отдай положенное, а я уж как-нибудь сам прокормлюсь! Тоже еще — благодетель! Дерьмом он жил, дерьмом и подох.

— И вам совсем-совсем его не жалко? — удивился Пафнутьев.

— Кого? Объячева, что ли? Триста лет в гробу в белых тапочках! Он как-то проболтался — в ресторане посидел вечерок со своими ребятами...

— И что? — спросил Пафнутьев. — Хорошо посидел?

— Наша с Васылем годовая зарплата! Вот цена их ужина. Не собирался он нам платить, не собирался! Это я знаю точно и всегда Васылю повторял. Он не верил. А сейчас хошь-не хошь, а верь!

— Теперь-то уж точно заплатить не сможет.

— И не собирался! — твердил свое Степан. — Я тебе это говорил? Спрашиваю — говорил?

— Было дело, — кивнул Васыль.

— Часто говорил?

— Частенько.

— Я прав?

— Ты всегда, Степан, прав.

— Вы сказали, что в этом доме все грызлись, как собаки, — напомнил Пафнутьев. — Что вы имели в виду? Лаяли, кусались, рычали?

— Гавкать не гавкали, и чтоб кусаться, тоже не замечал... Но, знаете, у всех было на душе вроде как злобство. Тот этого ненавидит, этот того терпеть не может, все вместе сраного Объячева готовы растерзать...

— За что?

— А! — Степан махнул рукой. — Конечно, он всех кормил, одевал, кое-кого по островам возил, по странам жарким... Но как сказать... Не по доброте душевной, не из щедрости и бескорыстия, нет. Жлоб он, вот что я скажу. Все, кто в этом доме жил, были для него прислугой. И потом, знаете, можно и с прислугой

нормально жить, а этот Объячев никогда не забывал напомнить, что ты прислуга. Я не возражаю, пусть прислуга, но плати! У меня семья в Золочеве год ничего кроме картошки не ест! Год!

— И однажды вам это надоело, — произнес Пафнутьев без вопроса, просто проговорил, как бы вывод для себя сделал, но Степан почувствовал — надо что-то ответить.

— Почему однажды? — он передернул плечами. — Это давно мне надоело. Васыль все сдерживал меня, а то я бы давно с этим хмырюгой разобрался.

— А как с ним можно разобраться?

— Как? Да тыща способов! Принес бы он мне эти денежки, в жменьке принес!

— В чем?

— В ладошке.

— Так как же все-таки с ним можно было разобраться?

— Морду набить — это первое дело. Петуха пустить в этот домик тоже можно. Работу так сделать, что через месяц все развалится, через месяц все надо по новой отделявать.

— Так, — кивнул Пафнутьев. — Это уже три способа. И еще есть другие?

— Есть.

— Слушаю вас внимательно.

— Телевизор видели в каминном зале? Он три тыщи долларов стоит. Его нетрудно вывезти. Никто и не заметит. Ковры видели в рулоны свернутые? Иранская ручная работа. Даже набор каминный — лопаточка, щипчики, совочек... Мне полгода надо вкалывать, чтобы такой набор купить.

— Неужели совок с лопатой может столько стоить? — ужаснулся Пафнутьев.

— Шведское исполнение, кованный металл, винтовой узор, квадратное сечение, отделка из дуба, подставка с фигурными крючками, тоже коваными... — Степан смотрел на Пафнутьева даже как-то жалостливо, как на человека, которому приходится объяснять такие простые вещи. — Опять же, надо учесть — это предмет роскоши. Я бы мог выковать такой набор, и он обошелся бы Объячеву в десять раз дешевле... Но есть некие неуловимые признаки хорошей фирмы. И платят за эти вот неуловимые признаки, а не за изделие и не за класс самой работы.

Степан как-то сразу, резко переменялся — уже не гневался на Объячева, сделался спокойным, усталым. Поставив локти на колени, скрестил тяжелые, нагруженные ладони и, казалось, просто ждал, пока Пафнутьев уйдет и оставит их с Васылем вдвоем.

“А как пылал, как горел всего две минуты назад!” — изумился Пафнутьев.

Самое большое удивление, самая ошарашивающая неожиданность подстергала Пафнутьева все-таки не в этом доме, где,

казалось, все было пропитано какими-то тайнами, недомолвками, загадочными превращениями и перепадами в настроении людей. Оставив Худолея и Андрея в объячевском особняке и наказав никого не выпускать, Пафнутьев выехал в город. И вот там-то, в морге, где знакомый патологоанатом должен был сделать вскрытие Объячева, Пафнутьева и поджидало сообщение, которое перевернуло все его соображения, вместе с подозрениями, прикидками и скромными озарениями.

Вначале, добравшись до своего кабинета, он позвонил Шаланде.

— А! — обрадовался тот. — Задержал злодея?

— Какого? — невинно удивился Пафнутьев.

— Ну, как же! Убийцу схватил?

— Знаешь, Шаланда, у меня такое впечатление, что этот убийца вовсе и не злодей.

— Кто же он? Жертва?

— Очень даже может быть.

— Да? — замедленно спросил Шаланда, но, не поняв, что хочет сказать Пафнутьев, на что намекает, тут же слегка обиделся. — Ты уж там без меня разбирайся, кто злодей, а кто невинная жертва. Мне этого не понять по темноте и невежеству, но когда что-то касается дела... Ты слышишь меня?

— Я слушаю очень внимательно.

— Так вот, когда касается дела, тут я на коне. Могу и слово сказать дельное, и вообще... Как ты думаешь, кто такой Объячев?

— Это который с дырявой головой?

— Он самый. Так кто же он?

— Магнат.

— Ни фига, Паша! Он не магнат. Мои ребята навели справки. За последний год он здорово обнищал. Но скрывал это, как дурную болезнь.

— Даже так... — пробормотал Пафнутьев.

— Из пяти заправочных станций у него осталось две, молочный завод отобрали крутые ребята за долги.

— А железобетонный?

— Пока за ним. И мебельная фабрика тоже.

— Знаешь, Шаланда, это мне напоминает одну американскую историю... Миллионер за один день просадил на бирже двадцать миллионов долларов. У него осталось пятьдесят миллионов. Он бросился с крыши небоскреба, оставив записку: "Я не представляю, как дальше жить".

— А кому достались пятьдесят миллионов? — серьезно спросил Шаланда.

— Какие пятьдесят миллионов? — Пафнутьев был не менее серьезен.

— Ну, о которых ты только что рассказывал. — Шаланда начал раздражаться.

— Я?!

— Значит, так. — Шаланда понял, что над ним издеваются, и перешел на сухой тон. — Убийца в доме, это совершенно ясно. Согласен?

— Могли стрелять в окно, — заметил Пафнутьев. — Объячев любил спать при открытом окне. Когда его нашли, окно было распахнуто настежь. Стрелять могли откуда угодно, вокруг полно недостроенных домов.

— Так ведь это... Твой Худолей говорил даже о позе, в которой якобы находился убийца в момент выстрела.

— Худолей говорил о горизонтальном полете пули. Но это имеет значение только в том случае, если бы Объячев действительно лежал головой на подушке.

— А как ему еще лежать?

— Он мог находиться в полулежачем положении, мог сидеть, опершись о спинку кровати.

— Ты так думаешь? — растерянно спросил Шаланда.

— А что касается утеранных им заправочных станций... Он мог их продать, а деньги вложить в дом.

— Тоже верно. Как бы там ни было, Паша, но дом надо перевернуть вверх ногами. Надо искать оружие.

— Нашли, — негромко сказал Пафнутьев.

— Кто нашел? — воскликнул Шаланда.

— Худолей.

— Но ты ведь сам только что говорил, что стреляли с соседнего участка! — возмутился Шаланда.

— Я этого не утверждал. — Пафнутьев оставался невозмутимым. — Просто предположил — не стреляли ли в окно? А что касается пистолета, глушителя... Да, Худолей все это обнаружил и приобщил к делу. Но твои ребята тоже неплохо сработали.

— Да? — польщенно протянул Шаланда. — Они у меня такие!

— Как сели возле дверей, так и не поднялись. Никого из дома не выпустили. Даже мне с трудом удалось пробиться и выскочить в город.

— Так, — крикнул Шаланда. — Хорошо, Паша. Все это очень хорошо. Ты разговаривал с патологоанатомом?

— Нет еще... А что?

— Поговори с ним, Паша. У вас должен получиться разговор. Надеюсь, он будет содержательным.

— Кстати... Что с гадалкой? Она в самом деле предсказала Объячеву смерть в собственной постели?

— Работаем, Паша, работаем. Будут результаты — доложу. — И Шаланда положил трубку.

Патологоанатом встретил Пафнутьева потрясающим своим взглядом — сквозь толстые и, кажется, зеленоватые стекла очков на мир смотрели не то человеческие глаза, не то просто за стеклами шла какая-то своя, таинственная жизнь.

— Здравствуйте! — сказал Пафнутьев громко и радостно, чтобы хоть голосом попытаться нарушить стылую какую-то, охлаждающую тишину морга.

— Рад вас видеть в добром здравии, — поморщился эксперт, что, очевидно, означало радостную улыбку.

— Говорят, у вас новости?

— А у нас всегда найдется, чем порадовать хорошего человека.

— Сегодня утром доставили труп Объячева...

— Пообщались мы с вашим Объячевым, познакомились.

— Как я понимаю, смерть наступила от выстрела в голову?

— Не сказал бы, не сказал бы, — пропел эксперт.

— От чего же?! — невольно воскликнул Пафнутьев.

— Сие есть тайна великая, — эксперт скорчил безутешную гримасу. — Великая и непознаваемая.

— Простите... Может, мы говорим о разных людях?

— Здесь не говорят о людях... Здесь говорят о том, что от них осталось. Да, конечно, я вынужден с вами согласиться — в голове трупа зияет большая сквозная дыра. Все в наличии — входное отверстие, выходное отверстие... Жить с такой раной невозможно. И если вы вздумаете убеждать меня, что это не так...

— Ни в коем случае! — поспешно вставил Пафнутьев.

— И правильно, — кивнул эксперт. — Не надо меня в этом убеждать. К сожалению, я не был знаком с этим человеком при жизни, но люди, которые его знали, говорят о нем разное... Кто он был на самом деле... Сие есть тайна великая.

— Да, скорее всего, — поддержал Пафнутьев разговор, маясь от неопределенности. — Вы сказали, что он умер не от выстрела в голову?

Эксперт помолчал, скорбно рассматривая сидящего перед ним Пафнутьева, потом принялся что-то изучать на своих ладонях, красных от постоянного мытья, оборотил свое лицо к окну, и оно осветилось — слепящее солнце било прямо ему в глаза.

— В самое сердце поразил его убийца.

— В сердце?! — оторопел Пафнутьев.

— Пойдемте. — Эксперт поднялся и быстрыми, частыми шагами направился к выкрашенной белой масляной краской двери.

Не любил Пафнутьев бывать в моргах, не любил и всячески избегал этих гнетущих посещений, увиливал, но иногда, как в этом случае, ему попросту некуда было деваться. И он покорно, склонив голову, поплелся вслед за экспертом. А тот едва вошел в морг, включил яркий свет — и Пафнутьев сразу увидел на возвышении накрытое чем-то грязноватым тело Объячева. Подойдя к трупу, эксперт резким движением отдернул простыню и обернулся к поотставшему Пафнутьеву.

— Смотрите, — он ткнул пальцем в едва заметную красноватую точку чуть пониже левого соска. — Вот сюда, точно в сердце вошла игла.

— Игла?

— Назовите ее шилом, как угодно назовите... Но если вы позволите мне немного...

— Позволяю.

— Дело в том, что это, конечно, не игла и не шило. Это был длинный острый предмет небольшого сечения. Скажем, в диаметре где-то около двух-трех миллиметров. Отсюда можно предположить и материал. Сталь. Это наверняка был не алюминиевый, не медь, не железо, не чугун... — исчерпав свои познания в металлах, эксперт замолчал.

— А длина? — спросил Пафнутьев.

— В тело предмет проник сантиметров на двадцать, может быть, на двадцать пять. Но что касается двадцати сантиметров, то это совершенно точно. А вот уже про двадцать пять ручаться не могу, потому что...

— Значит, стреляли в мертвого? — Пафнутьев и сам не заметил, как перебил эксперта.

— У меня тоже такое впечатление.

— Но здоровый, сильный мужчина в расцвете физических, духовных, сексуальных сил... Как он мог позволить совершить такое над собою?

— Сие есть тайна великая, — смиренно ответил эксперт.

— Значит, стреляли в мертвого... — повторил Пафнутьев, пытаясь осознать открывшиеся перед ним события. — Скажите, а разве человек, который стрелял с близкого расстояния, мог не заметить крови на груди?

— Ее могло не быть. Ну, выступила капелька, ну, выступила вторая... Если на нем был пестрый свитер, махровый халат, одеяло с пододеяльником... Вполне могло случиться так, что стрелявший и не заметил, что перед ним полноценный труп. Особенно если этот выстрел прозвучал вскорости после убийства. Мне все время хочется задать вам один вопрос...

— Слушаю внимательно.

— Не допускаете ли вы, что этот гражданин, который лежит перед вами в данный момент... Не допускаете ли вы, что он во время убийства был пьян?

— Он наверняка был пьян.

— Именно это я и хотел сказать, но не решался, поскольку такого вопроса редко мной не стояло, а навязывать свое видение происходящего... Я бы не хотел произвести впечатление человека, который лезет не в свое дело, простите за грубость выражения.

— Я вам чрезвычайно благодарен за это уточнение. И подтверждаю — он действительно был пьян.

— Но не слишком. — Глаза эксперта за зеленоватыми стеклами неподвижно уставились на Пафнутьева.

— В каком смысле?

— Видите ли... Он, конечно, выпил в тот вечер... Но количество алкоголя, распределенное на столь большое тело, не должно было произвести на него сильное потрясение. Настолько сильное, что он не почувствовал, как в него втыкают стальную спицу.

— Вы сказали спицу?

— Я так сказал? — удивился эксперт. — Ну, что ж, — рассудительно продолжал он, — если я так сказал, значит, так можно сказать.

— А что это еще может быть?

— Понятия не имею. Вязальная, велосипедная... Остро заточенная спица... Она войдет в тело очень легко, почти без усилий.

— И смерть наступает сразу? — уточнил Пафнутьев.

— Без промедления. Но я, с вашего позволения, вернусь к разговору о состоянии этого человека перед смертью... Смеею заметить, что вы несколько поспешно осмотрели эту маленькую ранку.

— Я чего-то не увидел?

— Да, с вашего позволения. Прошу обратить внимание. — Пафнутьев вынужден был подойти к самому трупу и склониться над ним, чтобы рассмотреть нечто совершенно маленькое. — Видите?

— Да, ранка.

— Я не о ней. Рядом с ранкой еще один, почти незаметный укол.

— Да, что-то такое просматривается.

— Человек, совершивший убийство, был неопытен в этом деле. Поначалу он хотел уколоть чуть ниже... И в таком случае промахнулся бы, в сердце бы не попал.

— И он исправил свою ошибку?

— Я не об этом, — с чрезвычайной терпимостью произнес эксперт. — Я о другом. Если человека хотят уколоть в одно место, но не доводят преступный замысел до конца, и, чтобы исправить оплошность, колят в другое место, более удачное для осуществления задуманного... О чем это говорит?

— Этот человек не слишком опытен.

— Я о другом. — Эксперт опустил голову, как бы ожидая, пока в комнате заглохнет эхо от глупых слов Пафнутьева. — В каком же состоянии должен был находиться человек, который позволяет совершить над собой все эти попытки? Он не был связан? На нем не было наручников? Его никто не приковывал к батарее? Я не обнаружил на теле никаких следов насилия.

— И как все это понимать? — спросил Пафнутьев растерянно.

— Сие есть тайна великая.

— Ну... великая или не очень великая сия тайна... Разберемся.

— Нисколько в этом не сомневаюсь. У меня есть некоторые предположения, но говорить о них преждевременно. Мне необходимо во всем убедиться самому.

— Может, поделитесь?

— Позвоните мне завтра.

— У меня тоже есть некоторые предположения, — задумчиво протянул Пафнутьев. — И я тоже хочу кое в чем убедиться сам. Ну и дом построил Объячев себе на погибель! — пробормотал он. — Ну и народец собрал под одной крышей!

— Человек этот жизнь прожил насыщенную. С виду он, конечно, производит впечатление здорового, крупного, сильного... Но в нем все настолько изношено, настолько запущено... Проживи он еще пять лет, на него свалилось бы такое количество всевозможных болезней... Кто знает, кто знает, может быть, такой конец для него наиболее приемлемый.

— В смысле — счастливый? — спросил Пафнутьев, уже в кабинете эксперта.

— Любой конец назвать счастьем весьма рискованно, однако мысли такие посещают и меня.

Уже выйдя на улицу, на солнце, на свежий, весенний воздух, к живым людям, которые ругались, воровали, пили водку, подличали и плодились, Пафнутьев вдруг вспомнил Худолея, который ко всем приставал с каким-то совершенно дурацким капризом — крови-то мало, маловато крови выплеснулось из простреленной головы Объячева. Все тогда воспринимали его слова как неуместную шутку, а мужик-то дело говорил. Потому и крови было мало, что стреляли в мертвого, в которого уже можно было и не стрелять.

А как понимать эти уколы в грудь? Как бы крепко ни спал человек, как бы ни был пьян, но укол острой спицей заставит проснуться кого угодно. А он не проснулся, позволил сделать второй укол, более точный и глубокий, — двадцать пять сантиметров глубины допускает эксперт.

— Как понимать? — в который раз задавал себе Пафнутьев вопрос и не находил, не находил ответа. Ведь когда Объячев встал из-за стола и отправился к себе в спальню, ужин продолжался. Сроднившиеся, хотя нет, сжившиеся под одной крышей люди и без хозяина продолжали пить вино и виски, болтали, смотрели телевизор, наверняка говорили о том, что весна затянулась, что пора бы уже наступить теплу, чтобы закончилась бесконечная грязь на дороге, во дворе, во всем этом крутом поселке... И время от времени кто-то отлучался, то один, то другой. Мало ли какие надобности у кого были — сходить в туалет, высморкаться, помыть руки после курятины, принести бутылку вина или виски... Ужин продолжался несколько часов, поскольку в каминном зале работал телевизор, идти было некуда, и спешить никому не было надобности — из-за стола можно было отправиться только спать.

Обьячев ушел первым, раньше обычного — ему стало плохо. Вот тут надо и копать — ему стало плохо. Или устал? Или хотел уединиться? С кем-нибудь...

Уединился.

За столом остались его жена Маргарита, секс-секретарша Света, телохранитель Вохмянин с женой, гость Вьюев, два строителя — Васыль и Степан.

Двое из них убийцы.

Пока двое.

Труп бомжа Михалыча болтался в петле, и ноги его едва не доставали до пола. Вытянись он чуть посильнее, мог бы, наверное, дотянуться кончиками пальцев до досок. Рядом валялась перевернутая табуретка, что должно было сказать опытному человеку, как все произошло — стал бедолага повыше, затянул петлю на тощевой небритой шее, перекрестился мысленно и оттолкнул ногами последнюю опору в своей жизни. Дернулся несколько раз, прохрипел что-то нечленораздельное и затих навсегда.

Худолей, заглянувший к утреннему своему собутыльнику где-то к вечеру, обнаружил бомжа уже мертвым. Несколько часов он проболтался в петле. И ничто за это время в доме не говорило о новой смерти, неожиданной и бестолковой. Если убит владеец дома и у каждого домочадца могло возникнуть желание лишить жизни тирана, то кому мешало это безобидное существо?

Никому оно не мешало, подумал Худолей, и ему с грустью пришлось признать, что, скорее всего, Михалыч сам покончил с собой. Выпил еще стаканчик виски, и показалось, что нет ему места на земле, никому он не нужен, никто его не любит, а если он сам кого-то еще любит, то тем хуже для него же...

Последние два слова в сознании Худолея неожиданно соединились в одно, и образовалось новое слово, которое чем-то понравилось — негоже...

— Негоже, — проговорил он, вслушиваясь в звучание слова. Всмотрелся в лицо бомжа, которое, хотя и было искажено предсмертными судорогами, но хранило в себе, все-таки хранило остатки удивления, впрочем, это могло быть и удовлетворение. Может, ему уже виделись картины потусторонней жизни, описаниями которых переполнены все нынешние газеты и журналы. Может, он сам удивился своему поступку, столь решительному и бесповоротному, удивился пронесшейся перед его глазами собственной жизни, закончившейся так печально...

Дойдя до этого места в своих невеселых рассуждениях, Худолей, сам того не замечая, потянулся к стоявшей на столе бутылке виски. Рука его уже обрела твердость и цель, мысли направились в нужную сторону, но за долю секунды до того, как

пальцы сомкнулись на бутылке, он почти в ужасе отдернул руку.

И все.

Начиная вот с этой самой секунды, мысли Худолея приобрели совершенно другое направление — жесткое, профессионально-цепкое. Теперь он твердо знал — самоубийства не было. Было безжалостное убийство. Наверное, так можно сказать — безжалостное, потому что убийства все-таки бывают и из жалости, и по собственной бестолковости, и из чувства возмездия, которое худо-бедно, но иногда все-таки оправдывает содеянное. А тут было именно безжалостное убийство, поскольку не очень старый, но уставший от жизни, от людей, от самого себя бомж никому не мешал. Если и посещали его какие-то желания — то разве что стремление угодить людям, сделать для них что-то доброе, чтобы дали поесть, позволили переночевать в таком вот сарае.

Неужели даже столь невинное желание может погубить человека и свести в могилу?

Поначалу Худолей и сам не мог понять — откуда у него вдруг появилась уверенность в том, что здесь, в этой сторожке, произошло преступление. Но он привык доверять своим выводам и не спешил от них отказываться. Он еще раз осмотрел комнатку, лежак, на котором оставил бомжа утром, стол, заваленный остатками пищи, один вид которой вызывал содрогание. Потом взгляд его коснулся бутылки, он вспомнил, как только что отдернул руку, готовую плеснуть виски в стакан, и понял все сразу и до конца.

В этот момент на окно легла чья-то тень, и красноватый свет закатного солнца оказался перекрыт. Комната сразу сделалась серой и мертвенно-холодной. Но тень мимо окна прошла к двери и комната, стол и даже сероватое лицо мертвеца сразу сделались розоватыми, теплыми.

Дверь раскрылась, и в комнату заглянул Пафнутьев.

— Паша! — радостно вскричал Худолей. — Наконец-то мы снова вместе! Наконец-то свершилась моя мечта — увидеть тебя живым и невредимым!

Пафнутьев молча закрыл дверь и устался на чуть раскачивающееся тело бомжа. Худолей, осознав, что его восторги были неуместны и даже кощунственны, посрамленно примолк и стоял, виновато вытянув руки вдоль тела.

— Это ты с ним так поступил? — спросил Пафнутьев.

— Нет, он сам... Вернее, мне показалось, что ему помогли.

— Показалось?

— Если уж быть откровенным, а с тобой, Паша, я всегда, если помнишь, откровенен весь, до конца, без утайки, что, собственно, и дает мне право надеяться на понимание и снисхождение, столь необходимые в нашей с тобой, Паша, работе, не только полезной для общества, но и опасной...

— Остановись. — Пафнутьев устало махнул рукой и сел на подвернувшийся стул. — Что здесь происходит?

— Захожу минут десять назад и вижу картину не просто неожиданную, а, можно сказать, жуткую.

— Это и есть личный бомж Обьячева?

— С этим гражданином мы сегодня утром пригубили по глоточку виски.

— Представляю себе этот глоточек! Один в петле болтается, а второй впал в безудержное словоблудие.

— Горько! — воскликнул Худолей оскорбленно. — Горько слышать подобные слова от человека, с которым судьба свела меня на годы, и какие годы! — Худолей безутешно качнулся из стороны в сторону.

— Так и будешь раскачиваться?

— Я, Паша, для тебя уже неживой, да? Уже покойник?

— Что здесь произошло? — спросил Пафнутьев, прерывая худолеевские причитания.

— Убийство.

— Или самоубийство?

— Нет! — горячо воскликнул Худолей и, как это бывало с ним в такие моменты, прижал к груди полупрозрачные свои ладошки, так похожие на мороженые тушки морского окуня.

— Может быть, вы с ним столько выпили, что ему больше ничего не оставалось, как сунуть голову в петлю?

— Через три минуты после того, как я утром вышел из этой забегаловки, он сам помчался в дом. На своих двоих.

— Зачем? Вам не хватило?

— Паша! — воскликнул Худолей. — Не надо так со мной! Я очень обидчивый. А в обиде я страшен.

— И во хмелю, — добавил Пафнутьев.

— У нас еще осталось! — в отчаянии воскликнул Худолей. — Посмотри на бутылку! Этот человек нашел пистолет в грязи под окнами и бескорыстно вручил его, сказав перед смертью...

— Он знал, что умрет?

— Не знал! Но жизнь, Паша! Жизнь! Не забывай о ней! Она все ставит на свои места.

— Не забуду, — заверил Пафнутьев.

— Так уж получилось, что те его слова оказались предсмертными.

— Что же он все-таки сказал?

— Его голос дрожал, по глазам текли слезы, горло сжимали судороги, но он произнес эти слова... Он сказал, что вручает мне это орудие убийства, но я должен поклясться, что найду убийцу и достойно его покараю.

— Зачем он побежал в дом после того, как вы расстались? Зачем он побежал в дом, едва ты вырвал у него пистолет? Он сказал, где его нашел?

— Сказал.

— Зачем он побежал в дом?

— Не знаю, Паша.

— А я знаю. Он побежал в дом сказать, что пистолет изъят, и чтобы человек, который выбросил его в окно, был осторожен с нами. Он знал, кто стрелял. Хотел быть хорошим со всеми. Тебе отдал пистолет, а сам рванулся предупредить. Нельзя быть хорошим со всеми. Вот результат. — Пафнутьев кивнул в сторону висящего перед ними бомжа.

— Как ты прав, Паша, как глубоко ты мыслишь! Я всегда восторгался тобой, Паша.

— А я — тобой.

— Не может быть?!

— И у меня есть для этого основания.

— Так назови же мне их быстрее, чтобы я тоже мог восхититься своими способностями! — Худoley опять прижал к груди ладошки, покрытые красноватыми прожилками.

— Ты говорил ночью, что в комнате, где лежал труп, мало крови. Ты всем мозги проел этими своими словами. Мало крови, мало крови!

— Я имел в виду...

— Ты был прав. Крови действительно было маловато.

— Хочешь сказать...

— Как, по-твоему, был убит Объячев?

— Ему выстрелили в голову, Паша. Пуля прошла навывлет. У него не было шансов остаться в живых. Убийца нашел единственную точку на черепе, расположенную между ухом и виском...

— Он стрелял в труп.

— Не понял?

— Повторяю для тупых и убогих — выстрел был произведен в мертвого человека. Поэтому из раны вышло так мало крови. Объячев к тому времени был мертв.

— Какой ужас! — простонал Худoley. — И тебе удалось это установить, Паша?!

— Эксперт сказал.

— Как же на самом деле убили Объячева?

— Спица в сердце. Тонкая, остро заточенная, из хорошей стальной проволоки... Ну, и так далее, сам можешь додумать остальное. Вопросы есть?

— Есть соображения.

— Внимательно тебя слушаю.

Худoley некоторое время молча смотрел на красное солнце, которое било ему прямо в глаза, и от этого в зрачках его полыхали маленькие, но опасные, чуть ли не сатанинские сполохи. Сев напротив Пафнутьева, он положил на стол вздрагивающие от пронзающихся мыслей руки и часто-часто забарабанил пальцами.

Пафнутьев его не торопил, он знал эту нервную манеру Худoleyа осмысливать неожиданные сведения. От всех прочих со-

трудников эксперт отличался тем, что всегда в подобных случаях произносил нечто неожиданное, находящееся как бы в стороне от здравого смысла, на обочине той дороги, по которой устремляется большинство, полагая по самоуверенности, что это и есть кратчайший путь к истине.

— Значит, так, — сказал Худoley, и пальцы его замерли. — Что же получается... У нас из семи подозреваемых двое убийцы?

— Трое, — Пафнутьев кивнул на повешенного бомжа.

— Если, бродя ночью под окнами в поисках чего поесть и выпить, он видел, кто и из какого окна выбросил пистолет...

— А это можно увидеть ночью?

— Если комната освещена. Бомж знал, кто живет за тем или иным окном, он всю зиму промаялся в этой сторожке, не догадываясь еще, бедолага, что в жизни у него не будет другой.

— Если человек выстрелил в труп... Его нельзя считать убийцей. Осквернение — да, но не убийство. — Пафнутьев вопросительно посмотрел на Худoley, как бы спрашивая — правилен ли его вывод.

— Еще неизвестно, был ли Объячев мертв после удара спицей.

— В этом можно не сомневаться. Игла прошла сквозь сердце насквозь. Так сказал эксперт, а он, как ты знаешь, не ошибается.

— До сих пор не ошибался. Но если этот тип не стал убийцей в прошедшую ночь, когда выстрелил человеку в голову, полагая, что тот жив... То он стал убийцей сегодня днем, когда повесил несчастного бомжа.

— Ты уверен, что он не повесился сам? — спросил с сомнением Пафнутьев.

— Уверен. — Худoley стыдливо глянул на Пафнутьева, в растерянности развел руками, покачался из стороны в сторону, показывая, что знания его носят несколько интимный, срамной характер и ему не хочется говорить об этом со столь достойным человеком. — Даже не знаю, как сказать, Паша, чтобы не оскорбить твои высокие чувства и самому остаться в твоих глазах человеком уважаемым, далеким от пороков и недостатков.

— Я тебя буду уважать, любить, баловать гостинцами, как и прежде, — заверил Пафнутьев.

— Больше всего в твоих словах мне понравилось упоминание о гостинцах.

— На этот счет можешь быть совершенно спокойным.

— Тогда ладно, тогда так и быть, — решил, наконец, Худoley. — Значит так, Паша... Представь себе пьющего человека... Ты когда-нибудь в своей жизни видел пьющего человека?

— Как-то не приходилось.

— Спасибо, конечно, тебе на добром слове, но скажи, ты можешь вообразить, чтобы пьющий человек покончил жизнь са-

моубийством, не допив последнего глотка из бутылки? Может такое быть в природе, во вселенной?

— Думаешь, не бывает?

— Я не могу сказать о себе, что являюсь таким уж трезвенником... Но, уходя из жизни, навсегда уходя, навсегда закрывая ясные свои, умные, всепонимающие глаза... Навсегда, Паша! Я оставляю на столе стакан прекрасного, золотистого виски?! Виски, за бутылку которого должен месяц, не разгибаясь, ковыряться в кровавых трупях, отчлененных членах, рисковать жизнью, падать под бандитскими пулями... И мне за этот месяц государство дает денег ровно на бутылку... Нет! Уходя, я никогда не оставлю стакан виски, чтобы его выхлебали люди грубые и злые. А он, Паша, оставил. Такое может быть?

— Никогда, — твердо сказал Пафнутьев.

— Как только я увидел на столе недопитую бутылку, мой организм пронзила догадка ясная и четкая — убийство. Я понимаю, что произошло: виски так ему понравилось, что он решил заработать еще одну бутылку.

— Жадность фраера погубит.

— Нет, Паша! Он не был жадным. Михалыч щедро угостил меня напитком, который сам пил, может быть, первый раз в жизни. И если бы я сказал ему утром — разливай остальное по стаканам, он бы это сделал с радостью. Он ценил общество, Паша. Может быть, он много пил, но не был пьяницей. А то, что побегал предупредить кого-то об опасности... Это, ведь, порядочность. Люди в доме, какими бы они ни были, кормили его, давали кров, позволили перезимовать в сарае... По отношению к ним он поступил правильно.

— Ты его обшарил? — спросил Пафнутьев.

— О! — воскликнул Худолей и вскочил, снова оказавшись в красноватом свете низкого солнца. — Паша, как тебе удастся каждый раз находить слово... Самое нужное, самое важное в данный момент?

— Умный потому что, — проворчал Пафнутьев.

Подойдя ко все еще висящему в петле Михалычу, Худолей быстро чувствительными своими пальцами пробежал по карманам, по щелям одежды бомжа, и постепенно перед Пафнутьевым выростала горка всего, что находил Худолей. Старый перочинный ножичек со сточенным, но острым лезвием, коробка спичек, несколько затертых писем, на которых с трудом можно было прочитать адреса — видно, где-то на бескрайних просторах бывшей великой страны жили близкие люди, от которых ждал он вестей, но к которым не мог вернуться.

И вдруг что-то произошло в комнате, как-то сразу наступила необычная, замершая тишина. Пафнутьев настороженно поднял голову и, оторвавшись от писем, повернулся к Худо-

лею. Тот медленно вынимал руку из внутреннего кармана пиджака бомжа — на ощупь, по весу поняв, что обнаружил. И поставил на стол перед Пафнутьевым маленький, пузатенький цилиндрик пули.

Некоторое время оба молча смотрели на нее, отметив про себя полосы на боках — следы винтовой нарезки. Значит, пуля была в деле, и были на ней чуть заметные подсохшие пятнышки крови.

Пафнутьев и Худолей одновременно подняли головы и посмотрели друг на друга.

— И как это понимать?

— Это надо понимать как явный перебор, — ответил Худолей. — Представляешь, что предлагает нам этот глупый, самонадеянный человек, этот тупой ублюдок? Представляешь?

— Ты о ком? — не понял Пафнутьев.

— Я говорю об убийце. Ведь какая, вроде бы, стройная версия выстроилась, вызрела в его отвратительных мозгах... Дескать, бомж, человек чрезвычайно низких нравственных качеств, прокрался ночью в спальню к Объячеву, застрелил его из пистолета с глушителем, подобрал пулю и смылся в свою берлогу. Пистолет найден, пуля — вот она... А сам он, не выдержав угрызений совести или в ужасе от предстоящей расплаты, взял да и повесился. Все. Следствие закончено, участники могут расходиться по домам. Или собираться за праздничным столом.

— А, может, так все и было? — спросил Пафнутьев.

— Я с ним пил! — веско сказал Худолей, горделиво вскинув голову. — И он сам отдал мне пистолет. Если он убил Объячева, разве держал бы пистолет у себя под подушкой, а пулю в кармане? Зачем ему пуля?

— На память? — предположил Пафнутьев.

— Ладно, Паша, ладно. Замнем твой глупый вопрос. Я сделаю вид, что не слышал его, и обещаю, что никогда не напомню тебе о нем.

— Что же произошло на самом деле?

— Пулю убийца подобрал с четким расчетом — чтобы бросить на кого-то подозрение. Когда бомж прибежал к нему и сказал, что пистолет у нас, сказал, что просит не беспокоиться, дескать, не выдаст, тот понял, что надо срочно что-то предпринимать! Не мог он допустить, чтобы жизнь его оказалась в немых руках бомжа. И он его придушивает, вешает. Это уже подробности для другого разговора... И сует пулю в карман. Все, говорит он себе, круг замкнулся, убийца найден, но поскольку он мертв, всем большой привет.

— Значит, это был мужчина, — заметил Пафнутьев.

— Чтобы поднять даже такое тщедушное тело и засунуть голову этого тела в петлю, нужны мужские усилия. Хотя...

— Ну? — нетерпеливо произнес Пафнутьев.

— Жена объядческого телохранителя, мадам Вохмянина... Женщина, как я заметил, достаточно мощная для такой работы.

— Возможно, — согласился Пафнутьев, не углубляясь в тонкие худолеевские наблюдения и предположения. — Возникает еще одно соображение... Человек, который стрелял из пистолета, человек, который, возможно, повесил твоего любезного собутыльника... Этот человек не знает, что стрелял в труп.

— Но то, что вешает живого человека, — знал!

— Я, кажется, начинаю сомневаться даже в этом, — пробормотал Пафнутьев, но продолжить не успел — в его кармане тонко запищал сотовый телефон. Он удивленно вскинул брови, подумал, прикидывая — кто бы это мог быть, и, наконец, вынув коробочку телефона, откинул крышку. — Да! Здравствуйте... Слушаю вас внимательно. — Пафнутьев диковато глянул на Худолея, замершего у стола, нащупал за спиной стул и медленно опустился на него. — Понял. И в этом нет никаких сомнений? Как вы сказали? Спасибо. Чрезвычайно вам благодарен.

Пафнутьев молча захлопнул коробочку телефона, сунул его во внутренний карман пиджака и замер, невидяще глядя в окно.

— У меня такое чувство, Паша, что ты узнал нечто важное.

— Звонил эксперт, анатом. В крови Объядчева обнаружена какая-то отравка. Названия он пока не знает, скорее всего, клофелин.

— Ни фиги себе! — присвистнул Худoley. — Это что же получается?

— Это значит, что человек, который проткнул спицей объядческое сердце... протыкал уже мертвое сердце. Или почти мертвое. Поэтому после первого неточного укола Объядчев даже не вздрогнул, не пошевелился. Похоже, у него не было шансов выжить в эту ночь.

— А наши шансы растут! — почти весело сказал Худoley.

— В каком смысле?

— Появился третий убийца. А если хотя бы у одного из них был сообщник или сообщница, мы можем сделать совершенно кошмарный вывод.

— Ну?

— Большинство в этом доме — убийцы.

— Похоже на то, — мрачно кивнул Пафнутьев. — Ладно, давай хоть что-нибудь полезное сделаем... Надо вынуть, наконец, этого бедолагу из петли, — он кивнул на все еще висящего посреди комнаты бомжа.

Выйдя из сарая, Пафнутьев и Худoley остановились, освещенные последними лучами заходящего солнца. Неяркое солнце пробивалось сквозь черные ветви голых деревьев, дробилось, вспыхивало и гасло при малейшем повороте головы. Лу-

жи к вечеру подернулись тонким ледком, и в нем тоже вспыхивали красноватые солнечные блики. Легкий ветерок со стороны леса уже нес в себе неуловимые весенние запахи, весенние надежды на избавление от затянувшейся холодной зимы. На строительных площадках вспыхивали острые огни электросварки, звучали редкие голоса, кое-где уже включили мощные пятисотваттные лампы — там предполагалась работа до глубокой ночи.

А прямо перед Пафнутьевым и Худолеем темной, зловещей громадой возвышался объячевский дом. Все окна в нем были темными, и только два верхних этажа посверкивали кроваво-красными отблесками.

— Авось, — пробормотал Пафнутьев вполголоса, — пробьемся. — И направился к главному входу.

— Постой, Паша, — остановил его Худoley. — Тебе ясно, что произошло здесь прошлой ночью?

— Ни фига не ясно.

— А мне чуть меньше... Крутой магнат, олигарх и титан умирает в собственной постели.

— Что ему и предсказала незадолго перед тем некая гадалка.

— Кстати! — вскинулся Худoley. — Шаланда обещал все об этом странном предсказании выяснить. Он что-нибудь узнал, сказал, поведал?

— Честно говоря, — Пафнутьев засмотрелся в ледяные узоры на луже, — честно говоря, меня эта гадалка не увлекла. Узнает Шаланда что-нибудь зловещее, потустороннее... Спасибо ему. Не узнает — перебьемся. Представь, что ты гадалка... К тебе приходит крутой олигарх, кладет на стол тысячу долларов и просит предсказать счастливую судьбу... Что ты ему скажешь?

— Я скажу, что он проживет долгую, веселую жизнь и умрет в своей постели, — не задумываясь, ответил Худoley.

— Вот и она сказала то же самое.

Пафнутьев зашагал к дому и, когда уже вошел в сумрачную тень, обернулся. Худoley не сдвинулся с места — стоял все у той же лужи и смотрел на красноватые в закатном свете весенние тучи.

Пожав плечами, Пафнутьев вернулся к Худoleyу, остановился рядом и тоже уставился на тучи, которые прямо на глазах наливались тяжелой зловещей синевой.

— Паша. — Худoley помолчал, заранее наслаждаясь словами, которые собирался произнести.

— Ну? — в голосе Пафнутьева прозвучала легкая, почти неуловимая нетерпеливость.

— Гадалка-то... Она бывала в этом доме.

Пафнутьев некоторое время непонимающе смотрел на Худoleyа, будто тот заговорил на китайском языке.

— И что же из этого следует?

— Она не только Объячеву гадала, она всем обитателям дома предсказывала судьбу.

— Ты хочешь сказать, что она бывала в этом доме не один раз?

— Я уже сказал об этом, Паша.

— И со всеми общалась... Причем, со всеми общалась наедине.

— Вот эти твои слова, Паша, пронзительнее всех других, которые ты произнес во время нашей прогулки.

— Откуда ты знаешь о приездах гадалки?

— Красотка сказала... Некоторые ее называют секретаршей. А некоторые — другими словами, менее уважительными. Кое-кто вообще нехорошие слова употребляет, когда задаешь вопрос об этой прекрасной юной женщине. Мы с ней очень мило побеседовали. Простая душа, доверчивая, искренняя, я бы даже сказал, влюбчивая.

— Ты ей понравился?

— Очень. — Худолей вкрадчиво взглянул на Пафнутьева.

— Я тоже, — сказал тот.

— И ты?! — оскорбился Худолей. — А что в тебе есть привлекательного?

— Ум, — усмехнулся Пафнутьев. — Я очень умный. Пошли. Подышали, выдохнули из себя трупные запахи, пора к живым людям.

— Надо спешить, пока они еще живы.

— Ты хочешь сказать, — Пафнутьев обернулся к поотставшему Худолею, — намекаешь на то, что...

— Да, — сказал Худолей. — Мне так кажется. Мы сунули палку в осиное гнездо и не знаем, что дальше делать.

— Разберемся, — проворчал Пафнутьев, входя в дом.

Башня с винтовой лестницей была затемнена, и только в самом верху горела слабая лампочка. Прихожая тоже освещалась одним светильником возле вешалки. Сквозь арочный проход из каминного зала просачивалось голубоватое свечение.

Пафнутьев вошел и включил верхний свет.

Картина была привычная — в углу полыхал экран телевизора, а перед ним в креслах сидели несколько человек. На журнальном столике стояла початая бутылка все того же виски и несколько тяжелых стаканов с толстыми днищами и ребристыми боками.

Бросив взгляд в сторону зрителей, Пафнутьев узнал Вохмянина, его жену, красотку-секретаршу, тут же были оба строителя, соблюдая обходительность, сидели чуть в сторонке, как бы признавая, что они здесь не на равных, им просто позволили скоротать вечерок вместе со всеми. Оглянувшись на Пафнутьева, они быстро взглянули друг на друга и снова уставились в телевизор. За годы работы Пафнутьев научился узнавать такие

вот переглядки — что-то беспокоило строителей, что-то заставляло их дергаться. Он был уверен — не видят они сейчас ничего, что происходит на экране, не видят бомб, которые доблестные американцы вместе с доблестными немцами и доблестными англичанами сбрасывают из безопасных высот на больницы, мосты, колонны беженцев, не видят, как шустрые истребители охотятся за автобусами, поездами и телегами, нагруженными полусожженным скарбом.

— Что в Югославии? — спросил Пафнутьев нарочито громко.

И заметил — вздрогнули строители, опять друг на дружку взглянули — дескать, как быть, что отвечать?

— Бомбят, — вяло отмахнулся Вохмянин.

— Хоть изредка сбивают самолеты-то? — с надеждой спросил Пафнутьев.

— Об этом ни слова, — опять ответил Вохмянин. — Как в начале бомбежек сшибли невидимку, так до сих пор никак не попадут.

— С двадцати километров бомбят, — сказал Пафнутьев. — Не дотягивают их ракеты. Слабоваты.

— Мы, наверное, пойдем. — Вулых поднялся. — Поздно уже.

Оба строителя уже направились к выходу, но Пафнутьев их остановил. Широко расставив руки, он перехватил строителей и чуть не силой затолкал обратно в кресла.

— Ни в коем случае! — сказал он. — Чтобы вы из-за меня портили себе вечер?! Да ни за что! Опять же, у вас, я смотрю, и виски не допито, а? Вы всегда столько добра в стаканах оставляете? Худолей! — обернулся Пафнутьев в сторону прихожей и заставил войти замешкавшегося эксперта. — Посмотри, сколько дорожущего виски они оставляют в стаканах, не допивая? Скажи, так бывает в жизни?

— Никогда! — твердо произнес Худолей. — Так бывает только в смерти.

— Это в каком же смысле? — с улыбкой обернулся из кресла Вохмянин.

— В прямом, только в прямом, — ответил Худолей. — Ни один настоящий мужик, пока он жив, пока бьется его блудливое сердце, пока ясен похотливый ум, пока бежит по его жилам горячая непутевая кровь, не поднимется из-за стола, на котором осталось вот это! — Худолей картинным жестом, в гневе от увиденного, показал на два стоявших рядом стакана, из которых пили строители, — в каждом из них было не менее, чем по трети виски. — Если же эти люди, — Худолей скорчил презрительную гримасу, показывая, как неприятно ему говорить о безнравственности, — встали из-за стола, бросив виски, — лицо Худолея сделалось одухотворенным, будто он говорил о самых больших ценностях, доступных человеческому духу, —

значит, были у них причины уважительные, срочные, а может быть, даже и противозаконные! Ну?! — резко обернулся Худoley к побледневшим шабашникам. — Признавайтесь!

— В чем? — дружно спросили оба осевшими голосами.

— Что заставило вас бросить это богатство?

— Так, вроде, хватит... Уж выпили...

— Вы всегда столько оставляете?

— Так уж получилось... Не всегда, конечно... Мы и пьем-то не часто, а уж виски...

— Вот! — вскинул Худoley указательный палец вперед, как бы пронзая им насквозь Петришко. — Вот! — повторил, пронзая второго и пригвождая обоих строителей к позорному столбу. — Павел Николаевич! Ты бы оставил столько виски в стакане, если бы тебя угостили на халяву?

— Ни за что! — заверил Пафнутьев.

— Что же делать, — бормотал Петришко, оглядываясь на приятеля.

— Придется допить, — улыбнулся Худoley, обессиленно падая в кресло. На вспышку красноречия ушла вся его небольшая, в общем-то, энергия. Поняв состояние эксперта, Вохмянин плеснул ему в свободный стакан остававшееся в бутылке виски. И только тогда Пафнутьев заметил, что его жена, объязчевская домоправительница, куда-то незаметно исчезла.

— Где ваша жена? — спросил он.

— Я отправил ее спать, — ответил Вохмянин. — Нечего ей здесь с мужиками толкаться.

— Как бы мне с ней поговорить?

— Может, утром? А то ведь она того... Вместе с нами слегка поддала... Вряд ли ее показания могут иметь какой-то интерес, какую-то доказательную силу, — усмехнулся Вохмянин, явно довольный тем, что ему удалось под шумок худолеевских речей умыкнуть жену от следователя.

— Ну, что ж. — Пафнутьев выглядел растерянным, понимая, что его обвели вокруг пальца. — Вроде бы, и закат еще не кончился, и ночь не наступила...

— Мы рано ложимся. — Вохмянин был неуязвим, и на все попытки Пафнутьева поговорить с его женой у него мгновенно находились свои возражения.

— Вы давно с ней здесь живете? — спросил Пафнутьев, понимая многозначность своего вопроса, сознавая, как много на него можно дать совершенно пустых ответов. Но слова Вохмянина были самыми неуязвимыми.

— С самого начала, — ответил телохранитель.

— Начала чего?

— С тех пор, как строительство дома вышло из нулевого цикла, и появились стены, крыша, полы... С тех пор, как Объязчев пригласил меня в качестве телохранителя, а Катю... — Вохмянин на секунду замялся, — кухаркой, домоправительницей...

В общем, на ней было все хозяйство дома... Кормежка строителей, расчеты с экскаваторщиками, выяснение отношений с соседями, которые все норовили сдвинуть заборы в нашу сторону... А деловая переписка, документация, организация деловых встреч с поставщиками... — Вохмянин расчетливо начал перечислять уже обязанности секретарши. Он чувствовал, что его прервут, и не возражал, поскольку, произнеся последние слова, сам замолчал, в ожидании когда Света вскрикнет гневно и возмущенно. И действительно, красавица вскочила из своего кресла, слегка хмельная и от этого, как заметил Пафнутьев, еще более прекрасная, нежели утром. Она резко поставила свой, тоже не допитый стакан с виски на стол и, выйдя из-за кресла, остановилась перед сидящим телохранителем.

— Как вам не стыдно! — воскликнула она звонко, но не истерично, не визгливо. Юшкова прекрасно владела собой, и Пафнутьев заметил, как она бросила на него взгляд, пристальный и твердый, — похоже, надеялась на поддержку.

— А мне стыдно, — спокойно сказал Вохмянин, не отрывая взгляда от пылающих нефтехранилищ Сербии, которые доблестные натовские пилоты продолжали бомбить с какой-то идиотской методичностью.

— За что вам стыдно? — спросила Света растерянно, Вохмянин ответил не так, как она ожидала.

— О, милая девушка, — протянул телохранитель, вытягивая перед собой ноги и скрещивая их чуть ли не в двух метрах от кресла. — Если я начну перечислять все поводы, по которым мне бывает стыдно... Это займет много времени. Не думаю, что мое перечисление всем будет так же интересно, как и вам. — Вохмянин подмигнул Свете, дескать, милочка, мы-то с тобой прекрасно все понимаем, мы-то знаем, о чем идет речь, и нам нет надобности пудрить друг другу мозги.

Пафнутьев молча смотрел на эту сцену, не представляя, как ему поступить. Все это могло выглядеть невинной перебранкой людей, которые не очень любят друг друга, но вынуждены жить под одной крышей. Так бывает в квартирах, в конторах, да что там — в трамваях схватываются люди, которые видят друг друга минуту-вторую и успевают за это время проникнуться такой ненавистью, что готовы на все, убить готовы, а, выйдя на остановке, шарят по карманам в поисках валидола, потому что без валидола могут тут же помереть. А у этих было время, чтобы их чувства вызрели, определились не только на мимолетных впечатлениях, а с убеждениями и выводами.

Да, все это могло выглядеть невинной перебранкой знакомых, если бы не знал Пафнутьев, что половина этих людей — убийцы.

— Можете начинать! — звонко и зло сказала Света. — Скажите, наконец, хоть две-три причины, по которым вам становится стыдно!

— Пожалуйста. — Вохмянин лениво, даже с некоторой величавостью навел пульт на телевизор, убрал звук, и теперь люди на ночных улицах Югославии умирали в полной тишине. — Мне, например, стало стыдно сегодня за вас, красавица.

— Да? — удивилась Света. — Что же во мне огорчительного?

— Меня огорчило нечто не в вас, а в сарайчике на краю участка, который вы посетили днем. Я заинтересовался вашими передвижениями и тоже зашел туда. Вам сказать, что я там увидел?

— Что же вы там увидели?

— Труп.

— Чей? — Света прижала руки к груди.

— Сами не знаете?

— Чей труп вы увидели в сторожке? — спросил у Вохмянина Пафнутьев, ужаснувшись тому, что смерть бомжа окажется не последней, как и предупреждал Худолей.

— Бомжа, — ответил Вохмянин. — Ваша работа? — спросил он у Светы.

Вместо ответа Юшкова резко повернулась и выбежала из комнаты. Хлопнула входная дверь, и Пафнутьев, подойдя к окну, в свете фонарей увидел, как девушка в комнатных шлепанцах не разбирая дороги несется к сараю. Вот она добежала до двери, распахнула ее, и через секунду окна сторожки осветились ярким светом.

— Похоже, Света знала, где расположен выключатель, — пробормотал Худолей, пристроившись у окна рядом с Пафнутьевым.

— Похоже, — согласился Пафнутьев. Оглянувшись, он увидел, что Вохмянин наблюдает за ним с поощрительной улыбкой. — Но если это ее работа, то зачем она туда побежала?

— После убийства человек некоторое время находится в шоке, — ответил Вохмянин. — Поступки совершает странные, непредсказуемые, часто губительные для самого себя.

— Я вижу, вы хорошо в этом разбираетесь?

— В чем?

— В том, как ведет себя человек после совершения убийства, какие поступки совершает, как сам себя губит... Откуда у вас столь странные знания?

— Я же бывший мент, — рассмеялся Вохмянин. — Мы с вами одной крови.

— Да? — Пафнутьев снова приткнулся к окну. И увидел, как от сарая к дому, по лужам, взламывая легкий ледок босыми ногами, идет Света. — Если она убила старика или хотя бы приложила к этому руку, то зачем ей туда мчаться? — спросил Пафнутьев и сам себе ответил: — Сие есть тайна великая, непостижимая.

— Преступника всегда тянет на место преступления, — заметил Вохмянин, снова уставившись в экран телевизора, — на

этот раз там мелькали кадры разбомбленного туберкулезного диспансера.

— Прямо вот только убил, и сразу назад тянет? — поинтересовался Пафнутьев.

— Я — бывший мент, а вы нынешний... Вам виднее.

— Конечно, — кивнул Пафнутьев. — Вне всякого сомнения.

— Вот и я о том же. — Вохмянин просто не мог допустить, чтобы последние слова в разговоре были не его, чтобы собеседник подвел итог беседе.

Пафнутьев склонил голову к плечу, потом к другому, все это время с нескрываемым удивлением рассматривая затылок Вохмянина — плотный, мясистый, с округлыми поперечными складками. Он видел, что тому мучительно хочется оглянуться, посмотреть на Пафнутьева, оценить его отношение к своим словам. И эти его душевные муки четко отразились на затылочных складках — они налились красным цветом, слегка увлажнились, Вохмянин протер их платком, но так и не оглянулся.

В прихожей хлопнула дверь — вернулась Света. В каминный зал она не вошла. В наступившей тишине слышались ее легкие шаги по винтовой лестнице. Все понятно, ей надо было срочно надеть на ноги что-нибудь теплое.

— Как бы не сбежала, — обронил Вохмянин, не оборачиваясь.

— Авось, — ответил Пафнутьев.

В этот момент входная дверь хлопнула посильнее.

Все обернулись на грохот — в арочном проеме каминного зала стоял Шаланда.

Пафнутьев ощущал полнейшую растерянность — события происходили не так, как он предполагал, да и не те события, которых можно было ожидать, совсем не те события. На второй день после многократной смерти Объячева на острие всех событий неожиданно оказался божж, человек, который, казалось бы, ни к чему не имел отношения, которого попросту терпели из жалости, из странной такой жалости. Так жалеет хозяин поросенка, чтобы в конце концов его зарезать к Новому году, так можно жалеть кур или вообще любую скотину, но божж...

— Как он тебе показался? — спросил Пафнутьев у Худолея.

— Святой человек. Божья тварь.

— Крокодил — тоже божья тварь, — заметил Вохмянин.

Пафнутьев опять удивленно вскинул брови, склонил голову к плечу, осознавая нечто важное для себя.

Божж в петле, окровавленная пуля в кармане, не найти ее невозможно. Пистолет не прятал, сам не скрывался, утро провел с Худолеем, никуда не торопился.

Он тоже убийца?

Не похоже.

А что касается Светы, то не могла она в одиночку затолкать бомжа в петлю, да и он не позволил бы поступить с собой так плохо. Предварительно надо было его придушить, оглушить, сделать с ним что-нибудь такое, что лишило бы возможности сопротивляться.

И потом, этот ее пробег в комнатных шлепанцах по веселым лужам, в которые она проваливалась чуть не по колено... Зачем она побежала к сараю? Не знала, что там труп? Или вспомнила какую-то подробность, которую упустила во время своего первого посещения?.. В таком случае она ведет себя отчаянно, но грамотно, опытно, дерзко. Способна ли на это комнатная красавица? И такая ли уж она комнатная?

— Входи, Жора, — устало сказал Пафнутьев Шаланде, который все это время стоял в дверях. — Присаживайся, здесь есть где присесть. Да, пока не забыл, — повернулся он к Вохмянину. — Кто-нибудь еще, кроме вас, видел, что Света днем бежала к сараю?

— Василь видел, — кивнул Вохмянин на строителя. — Мы вместе с ним наблюдали за странным поведением этой красотишки.

— Все так и было? — спросил Пафнутьев у Вулыха.

— Было... Так или почти так.

— Что вы имеете в виду?

— Я не видел, чтобы она входила в сарай. Шла к сараю, да, видел. Возвращалась обратно — видел. Была ли Света в сарае — не знаю.

— Что же она, ручку двери поцеловала и вернулась? — хотнул Вохмянин.

— О поцелуях чуть позже, — осадил его Пафнутьев. — Василь, скажи... А как ты оказался у окна, именно у того окна, которое выходит на сарай, именно в тот момент, когда по дорожке шла Света? Как можно объяснить столь много совпадений, учитывая, что работа у вас сейчас, в основном, в подвале?

— А меня Вохмянин позвал. Иди, говори, посмотри, как наша девица по лужам прыгает... Какие-такие, говорит, у нее могут быть дела с бомжом? Неужели и его обслуживает? Я подошел к окну и посмотрел. Да, действительно, идет по дорожке. В резиновых сапожках.

— Она входила в сарай?

— Говорю же — не знаю, дверь не видна из окна. На какое-то время она скрылась за углом, потом снова появилась.

— Ты видел, как она скрылась и как снова появилась?

— Да, примерно так.

— И чем вы с Вохмяниным занимались все это время, пока она была для вас не видна?

— Курили... Вохмянин угостил сигареткой... Мы стояли и курили.

— Ждали, пока Света появится?

— Не так чтобы уж и ждали...
— Смотрели в окно?
— Куда же нам еще смотреть? Не друг на дружку же... Слава Богу, насмотрелись за последний год.
— И потом она появилась из-за угла?
— Да.
— Бежала? Спешила? Оглядывалась? Спотыкалась и падала?

— Нет, спокойно шла, — сказал Вулых и почему-то с опаской оглянулся на Вохмянина, который все это время неотрывно смотрел в экран телевизора, затаенный черными клубами дыма горящих нефтехранилищ.

— Ее не было видно пять минут, пятнадцать, час?

— Да нет, — успокоенно махнул рукой Васыль, решив, что уж в этом-то вопросе нет подвоха. — Сколько нужно, чтобы выкурить одну сигаретку? Пять минут? И пяти минут не прошло, как она появилась из-за угла. Минуты две-три.

— За это время она смогла бы повесить мужика, который крупнее ее, старше, наверняка сильнее? Смогла бы, успела бы?

— Светка?! — присел от неожиданности вопроса Васыль и снова оглянулся на Вохмянина. — Да ни за что! Ей сутки, год дай на такую работу, и не справится. Светка это так... В жизни она предназначена для другого.

— Для чего?

— Ну, это... Для радости... Для любви. Больше ничего не умеет. Да ей и не нужно других умений... В порядке девочка. — Васыль явно выдавал собственное отношение к Свете.

Все это время Шаланда с недовольным недоумением вертел головой, поворачиваясь то к одному говорившему, то к другому. Когда это ему наскучило, и в разговоре возникла некоторая законченность, Шаланда решительно поднялся, взял у Вохмянина из рук пульт управления и переключил программу. На экране возникли титры последних новостей города.

— Мне кажется, вам пора, наконец, и делом заняться, — сказал Шаланда.

— Займемся, — охотно подхватил Пафнутьев. — Только ты, Шаланда, скажи — чем мы должны заняться, чтобы понравиться тебе, чтобы ты нас одобрил и даже восхитился?

— Я? Вами? Восхищаться? — обиделся Шаланда. — Это вы должны восхищаться мною с утра до вечера.

— Готовы! — не задумываясь, ответил Пафнутьев. Его настроение улучшилось, что-то важное узнал он в последнем разговоре, что-то забрезжило в той кромешной темноте, которая окружала его последнее время. Он готов был шутить, подковыривать самолюбивого Шаланду, терпеть от него любые насмешки — все это уже не имело никакого значения.

— Мы, наверное, пойдем? — опять поднялись строители. — Тут у вас разговоры серьезные...

— Да, ребята, идите. Я еще загляну к вам, — пообещал Пафнутьев. — У нас с вами есть парочка невыясненных вопросов.

— Каких вопросов? — остановились строители, уже готовые скрыться подальше с глаз следователя.

— Ну, как же! — воскликнул Пафнутьев со всей искренностью, на которую был способен в эти минуты. — Надо же нам, наконец, узнать, кто убил Объячева!

— Думаете, что мы знаем? — Строители, кажется, и задавали вопросы, и отвечали хором. Не потому, что так им хотелось — иначе не могли.

— Я в этом уверен! — с дурашливой твердостью заявил Пафнутьев. — И не только вы — все это знают. Но ваши знания распылены, разбросаны и представляют собой бестолковое скопище сведений. Поэтому моя задача — в этой куче разобраться, каждому ключку информации найти свое место, и тогда истина, единая, сияющая и бесспорная, откроется во всем своем величии.

— Как сказано, как сказано! — простонал Худолей. — Вот бы и мне так... Я бы далеко пошел.

— Пойдешь, — проворчал Шаланда.

— Тебе бы, Паша, президентские речи составлять, — продолжал Худолей. — Он бы тебя любил и дарил к праздникам всякие подарки.

— Подарит, — сказал Шаланда. — Догонит и еще раз так подарит, что забудешь, за что тебе такая благодарность.

— Идите, ребята. — Пафнутьев махнул рукой строителям. — Ждите в гости и готовьтесь к разговору долгому, но приятному.

— А мы чего, всегда готовы... Были бы вопросы, а уж ответить как-нибудь сообразим.

— До скорой встречи! — еще раз сказал Пафнутьев.

Трижды попрощался он со строителями, три раза напутствовал их и обещал утреннюю встречу. Нехорошо это, не к добру. И будь в каминном зале кто-нибудь, кто разбирался бы в мистике, тайных науках и оккультных знаниях, наверняка посоветовал бы Пафнутьеву не откладывать разговор до утра, сейчас, немедленно, тут же, не сходя с места спросить все, о чем хотел.

Но нет, такого человека не нашлось, и строители, натываясь друг на друга, торопясь, ушли, и вскоре их тяжелые шаги прогрохотали по лестнице в подвал.

И тут же вместо строителей в арочном проеме появилась Маргарита — стройная, хотя лучше сказать худая, если не высохшая, в черных свободных одеждах, развевающихся на ходу. Она прошла к креслам, невозмутимая, даже надменная, оглянулась на остальных, усмехнулась.

— Не помешаю?

— Нисколько, — быстро ответил Пафнутьев. — Располагайтесь, где вам удобно. Будем только рады.

— Спасибо, — кивнула Маргарита со странной улыбкой, понимая двусмысленность положения — ей, хозяйке, позволяют присутствовать в комнате ее же дома. — Есть какие-нибудь новости? — спросила она, глядя в экран телевизора.

— О! — радостно воскликнул Пафнутьев. — Их так много, они столь разнообразны, что я даже не знаю, с чего начать.

— Начните с чего-нибудь, — сказала Маргарита с ноткой великодушия.

— Наши передовые части вступили в Косово! — радостно объявил Пафнутьев. — Местное население встречает их восторженно! Как в сорок пятом! Их забрасывают цветами, девушки виснут на ступеньках боевых машин, власти дают зеленую улицу! Захвачен аэродром стратегического назначения! Десантники заняли круговую оборону и не подпускают натовцев ближе, чем на ружейный выстрел!

— Надо же, — обронила Маргарита, дождавшись, наконец, паузы в воплях Пафнутьева. — Я слышала, в доме еще один труп?

— Это ложь! — твердо заявил Пафнутьев. — Вас ввели в заблуждение. Труп появился не в доме, а в сарае.

— Кому же помешал этот несчастный бомж?

— Кому-то помешал, — солидно заметил Шаланда, чтобы обратить на себя внимание. — Иначе не убили бы.

— А если убили, значит помешал, — подвела итог Маргарита.

— Есть подозрения, но органы пока не придают им должного значения, — проговорил Вохмянин, все еще сидя спиной ко всем.

— Кто же подозревается?

— Есть одна юная и прекрасная дева, вся из себя...

— Света? — удивилась Маргарита. — По-моему, она сильна в другом... Впрочем, как знать, как знать.

— Разберемся, — заверил общество Пафнутьев.

— Посмотрите на экран, — громко призвал Шаланда. — Речь о наших событиях.

— У вас тоже что-то случилось? — с улыбкой спросила Маргарита.

— Да! — рявкнул Шаланда, которого эта томно-печальная дама раздражала с самого начала. — У нас тоже кое-что случилось. Убит местный бизнесмен и крутой воротила, некий Объячев. И мы сейчас заняты расследованием этого преступления.

— Это вы правильно решили, — одобрила Маргарита, но к экрану все-таки повернулась.

А там за это время появилась странная женщина, несколько полноватая, а если уж откровенно, то излишне полная, с длинными темными волосами по плечам, в черной шали с красными розами и длинными кистями. Вид она имела величавый, значительный, и на человека, который разговаривал с ней, смотрела

снисходительно, если не жалостливо. Пафнутьев знал этого человека, встречался с ним и даже водку приходилось пить вместе. Это был Фырнин, с которым судьба свела его несколько лет назад во время расследования какого-то заковыристого преступления.

— Гадалка, — оповестил Шаланда, чтобы всем сразу все стало ясно. — Та самая.

— Так ты нашел ее?! — восхитился Пафнутьев.

— Работаем, — ответил Шаланда.

— А мне говорили, что Фырнин ее разыскал в каком-то колдовском салоне.

— Фырнин?! — гневно развернулся Шаланда. — Да я твоему Фырнину эту красотку на блюдечке преподнес!

— Представляю себе это блюдечко, — пробормотал Худолей.

— Может быть, нам все-таки стоит ее послушать? — спросила Маргарита и этим добилась полной тишины.

Гадалка, между тем, вела себя совершенно спокойно и невозмутимо. Выслушав очередной вопрос журналиста, она откинула назад волосы, поправила шаль, усмехнулась потусторонним своим мыслям, задержалась взглядом на объективе камеры, и миллионы зрителей под ее взглядом содрогнулись в этот момент, ощутив, как высшие силы заглянули каждому в душу и такое там увидели, такое высмотрели, что просто ужас, просто кошмар какой-то.

— Вы что-то спросили? — наконец повернулась она массивным своим округлым молодым телом к тщедушному Фырнину.

— Я хотел уточнить одну криминальную подробность... Уж если вам удалось так явственно предсказать смерть Объячева, не обращались ли к вам за помощью следственные органы?

— А разве у них возникли сложности?

— Убийца до сих пор не задержан. Следовательно, вполне разумно предположить, что они, я имею в виду правоохранительные органы, могли привлечь вас к расследованию.

— Привлечь меня? — усмехнулась гадалка. — За что? — Последним своим вопросом она показала, что, несмотря на монументальную внешность, юмор ей не чужд.

— Ха-ха-ха, — сказал Фырнин, не рассмеялся, а именно сказал. — У вас развито чрезвычайно тонкое чувство смешного! — Слова получились глупыми, если не сказать издевательскими, но, как ни странно, гадалка отнеслась к ним со всей серьезностью и даже покраснела от удовольствия. — Скажите, Элеонора, а если бы я вот прямо сейчас попросил вас связаться с потусторонними силами, вызвать в себе некие мистические вибрации, — он явно куражится, подумал Пафнутьев, — то, может быть, вы смогли бы надоумить наши следственные органы, направить их на путь истинный в поисках убийцы? Вы сможете это сделать?

— А почему бы и нет? — с некоторой вульгаринкой в голосе произнесла Элеонора и так непосредственно, даже с некоторой доступностью повела плечом, что Пафнутьев просто не мог не подумать, что жила Элеонора и другой жизнью, не столь степенной, была, была она заводилой, выпивохой и отчаянной бабой, пока судьба не повернулась к ней своей оккультной стороной.

— Попробуем? — подзадоривал простодушную Элеонору многоопытный Фырнин.

— Женщина. Надо искать женщину.

Пафнутьев был разочарован. На какой-то миг, под действием чар Элеоноры, под влиянием неподдельного азарта Фырнина, он допустил, поверил и понадеялся, что сейчас гадалка действительно скажет нечто важное, пронзит своим мистическим лучом темноту, в которой блуждал следователь. Но нет, она проявила себя просто как здравая, трезвая баба и сказала слова разумные, неуязвимые, но ничем, увы, ничем не помогшие бедному Пафнутьеву. И тут же, словно почувствовав его разочарование, она пристально и как-то протяжно посмотрела с экрана прямо в усталые пафнутьевские глаза. И усмехнулась.

— Некоторым мои слова кажутся очевидными... Как бывает очевидным любое событие, самое невероятное после того, как оно случилось. Хочу сразу сказать — не торопитесь с выводами. Я сказала, что сказала. И не так уж мало.

— Да! Как говорят французы, шерше ля фам. Ищите женщину, — подхватил Фырнин.

— И не одну, — добавила Элеонора.

— Две? — ужаснулся Фырнин с профессиональной искренностью.

— Я вижу три, — сказала Элеонора со слегка затуманенным взглядом. Она вдруг как-то обмякла, словно устала за эти секунды.

— Вы хотите сказать, что эти три женщины, сговорившись...

— Нет, — она досадливо поморщилась. — Я говорю не об убийцах, я говорю о сути происшедших событий. А кто убил, как, когда... Это дело следствия. Кстати, оно скоро закончится.

— Скоро — это когда?

— Через день, два... Самое большее — через три дня.

— Знаете, Элеонора, я был потрясен точностью вашего попадания — незадолго до смерти вы сказали Объячеву, что он умрет в собственной постели... И все случилось именно так, именно так! Что вам в те секунды привиделось, какие видения пронеслись перед вашим внутренним взором?

Некоторое время Элеонора молчала, не задумываясь о стойкости экранного времени, потом, стряхнув с себя оцепенение, взглянула на Фырнина.

— А вы не допускаете, что это было обычное профессиональное лукавство? Заверив человека в том, что он умрет в собственной постели, я тем самым пообещала ему долгие годы жизни, спокойную старость, окружение многочисленных домочадцев... Этого вы не допускаете?

— Честно говоря, допускаю, — сказал Фырнин, твердо глядя Элеоноре в глаза.

— Несмотря на все ваши восторги, я это знала с самого начала. Мне, конечно, понравилось, что вы похвалили меня за чувство юмора, но смею заверить, я знаю цену этому комплименту.

— Я не хотел вас обидеть!

— Обидеть вы меня не хотели, но разоблачить или, скажем, развеять туман таинственности над моей головой... попытались.

— Простите! Вы меня не так поняли! — Фырнин сделал отчаянную попытку вернуть разговор в милое и слегка мистическое русло, однако Элеонора легко и небрежно пресекла его попытки.

— Не надо нас душить, — сказала она, пренебрежительным движением руки как бы отбрасывая нечто несущественное. И опять в ее голосе прозвучала вульгаринка, которая так понравилась Пафнутьеву несколько минут назад. — Хотите, вам кое-что предскажу?

— Хочу, — сипловато произнес Фырнин и невольно сглотнул набежавшую слюну.

— Вы не сделаете карьеры. Не станете богатым и знаменитым. У вас нет той силы, которая позволяет человеку перешагивать через ближних. И они вам этого не простят. Самое большее, на что можете рассчитывать в жизни, — это признательность или, скажем, любовь друзей.

— И женщин? — попытался пошутить Фырнин, но Элеонора отсекла и эту его попытку.

— Друзей, — твердо повторила она.

— Не так уж мало, — уныло согласился Фырнин.

— Это очень много.

— Скажите... Долго ли мне осталось жить?

— В ближайшие лет двадцать можете об этом даже не думать.

— А потом?

— Потом можете задуматься.

— Скажите, Элеонора, если вернуться к теме нашего разговора, к первым моим вопросам...

— Я увидела Объячева в кровати с окровавленной грудью.

— Но ему стреляли в голову.

— Может быть, в голову, может быть, стреляли... Мне об этом ничего не известно.

— Вы сказали, что мы очень скоро узнаем имя убийцы...

— Я этого не говорила.

— Ну, как же, только что...

— Я сказала, что следствие закончится быстро. Про убийцу я не произнесла ни слова.

— А могли бы?

— Нет. Здесь не все просто и очевидно... Какие-то наслоения изображений, желаний, пространств, интересов. — Глаза Элеоноры сделались отрешенными. — Если не возражаете, на этом остановимся, — она улыбнулась беспомощной улыбкой. — Я устала. Мне нельзя устать.

— Почему?

— Долго прихожу в себя. — Элеонора отбросила назад волосы, поправила шаль и поднялась из студийного кресла.

На этом передача закончилась, в кадре снова появилась смурная физиономия Фырнина, который ловкими обтекаемыми словами в несколько секунд подвел итог разговора с гадалкой и попрощался с телезрителями.

— Что скажете, молодые люди? — обернулась от экрана Маргарита. На губах ее блуждала ироническая улыбка, в пальцах раскачивался длинный мундштук с дымящейся сигареткой.

— Баба — не дура, — ответил Пафнутьев. — Она здесь бывала?

— И не один раз!

— Это кое-что объясняет.

— Что же именно? Наличие трех женщин?

Последнего вопроса Пафнутьев не услышал — он отошел к окну и набрал по сотовому номер Фырнина. Тот отозвался сразу, видимо, уже торчал в студийной курилке.

— Она больше ничего не добавила? — спросил Пафнутьев.

— Добавила. Говорит, ничего не вижу из-за потока несущихся денег. Прямо по воздуху, говорит, несутся и в какой-то черной дыре исчезают. Не то денежная метель, не то снегопад... И такая вот подробность, Павел Николаевич... Доллары. Это все доллары.

— И исчезают?

— Так она сказала.

— Я звоню из дома Объячева... Она бывала здесь.

— Павел Николаевич... Она бывала во многих местах. Элеонора вообще предпочитает работать на дому. Как я понял, женщина она наблюдательная, и многие подробности домашней жизни ей помогают. Кроме того, у себя дома люди более раскованны.

— И щедры, — добавил Пафнутьев.

— А что? — удивился новому повороту Фырнин. — Это не так уж плохо для ее профессии.

— Разберемся, — сказал Пафнутьев.

Обернувшись, он заметил, что в каминном зале стоит полная тишина, и все внимательно вслушиваются в его разговор с

Фырниним. И хотя он говорил вполголоса, наверняка его слышали и Вохмянин, повернувшийся складчатым затылком ко всем остальным, и Маргарита, потягивающая сигарету из длинного мундштука, и молчаливый Вьюев, который за вечер, кажется, не проронил ни единого слова. Но к виски прикладывался, причем, охотно — и это заметил Пафнутьев.

Разошлись поздно, когда закончился показ очередных “Секретных материалов” — нечисть из потустороннего мира вмешивалась в жизнь людей, насылала на них порчу и смерть. Сами по себе вскрывались могилы, мертвецы шастали среди живых, а живые, оказывается, давно уже были мертвецами и тоже не успали случая заявить о себе и свести какие-то давние счета.

Полыхали трупы, носились по воздуху гробы, посланцы из преисподней пили кровь юных девушек, вампиры похищали младенцев для сатанинских своих ритуалов, и все это странным образом перекликалось с тем, что происходило в доме, ставилось продолжением событий в громоздком объёчевском сооружении.

Маргарита вышла молча, не попрощавшись.

Вьюев исчез вообще незаметно, как бы растворился в воздухе.

Вохмянин ушел, громяхая тяжелыми ботинками, лишь в арочном проеме оглянулся и, сделав всем общий прощальный жест рукой, показал пальцем наверх, дескать, если понадобится, я у себя, всегда к вашим услугам.

Уехал в город Шаланда, оставив двух оперативников, увезли труп несчастного бомжа Михалыча, отправились в выделенные комнаты Пафнутьев с Андреем и Худолей. Входы из дома остались сторожить шаландинские оперативники. Погас экран телевизора, выключили свет в каминном зале, и только в прихожей осталась слабая лампочка в качестве ночника.

На втором этаже, пока Андрей с Худолеем разбирались в многочисленных комнатах — где кому ложиться, Пафнутьев, оглянувшись на еле слышный шорох, заметил щель приоткрытой двери. Дверь открылась больше, еще больше — и Пафнутьев увидел человеческую фигуру в длинном белом одеянии со струящимся расплывчатым контуром. Кто-то звал его в комнату, кто-то наетойчиво приглашал, просто умолял войти.

— Я сейчас, ребята, — сказал Пафнутьев и шагнул в приоткрытую дверь. Замок за его спиной защелкнулся, и он в полной темноте почувствовал на своей шее крепкие объятия.

— Не уходите, прошу вас, не уходите! — он узнал голос Светы. — Они убьют меня, вот увидите, они меня убьют, я уже все поняла.

— Кто? За что?

— Они убили его и меня тоже убьют.

— Кого убили? — Несмотря на неожиданность происходящего, Пафнутьев мысленно похвалил себя за то, что вопросы задает не самые бестолковые. И даже последний его вопрос “Кого убили?” мог показаться пустым только на первый взгляд — важно было знать, кого имела в виду Света — магната или бомжа.

— Не бросайте меня, прошу вас! — продолжала лепетать девушка.

Пафнутьев понимал, что Света действительно в ужасе, она, может быть, не сознает, что говорит, что с ней происходит. Но в следующее же мгновение до него дошло — Света прекрасно все понимает: поднявшись на цыпочки, она не просто поцеловала Пафнутьева в губы, как это бывает на вокзальных встречах-проводах, нет, она сделала это со всей силой, на которую была способна.

— А ты не убийца, случайно? — на всякий случай спросил Пафнутьев, призвав остатки своего посрамленного разума.

— Я? — Света отшатнулась на мгновение и тут же, не раздумывая, через голову сорвала с себя полупрозрачную длинную сорочку, отбросила ее в сторону, в угол, в темноту, и предстала перед Пафнутьевым во всей своей потрясающей наготы.

— Ты когда-нибудь видел таких убийц? — звенящим голосом спросила Света. — Отвечай! Немедленно! Ты видел когда-нибудь таких убийц?!

— Честно говоря, никогда, — искренне сказал Пафнутьев. — Думаю, что больше и не увижу.

— Увидишь, если сам захочешь!

— Как не захотеть, — пробормотал Пафнутьев слова беспомощные, но правдивые.

— Ты не уйдешь, нет? Не уйдешь? — Теперь в вопросах Светы был уже не страх, в ее голосе были другие чувства, более естественные для таких положений, когда в темной комнате наедине остаются мужчина и женщина.

— Павел Николаевич! — вдруг раздался из-за двери обеспокоенный голос Худолея. — Ты живой, Паша?

— Местами, — ответил Пафнутьев негромко, но Худолей его услышал.

— Нужна помощь?

— Пока держусь.

Сознавал и понимал Пафнутьев, что с каждой минутой этой сумасшедшей ночи в комнате, залитой лунным светом, в доме, где совершено уже два убийства, и кто знает, не произойдет ли еще чего-нибудь кошмарного, от него, сурового и неподкупного, циничного и насмешливого, потребуется нечеловеческая выдержка, сила воли, а то и суровая самоотверженность.

— Хочешь выпить? — спросила Света шепотом.

— Хочу.

— Виски?

— Больше ничего нет?

— Шампанское.

— Годится.

Светясь в лунном сумеречном свете, Света пробежала в угол комнаты, через несколько секунд там раздался громкий хлопок, и вот она уже здесь, рядом, стоит перед Пафнутьевым, и в руках ее два больших — Господи — два больших бокала, доверху наполненных пенящимся шампанским.

Пафнутьев выпил до дна, вздохнул, не останавливаясь, последние капли уже стекали у него по подбородку.

— Хочешь, скажу одну вещь? — спросила Света.

— Хочу.

— Никому не скажешь?

— Никому.

— Клянись.

— Клянусь.

— Клянись всем, что видишь вокруг! — потребовала Света.

— А что я вижу вокруг?

— Меня видишь, луну, землю, небо. И себя тоже видишь.

— Клянусь собой, тобой, луной, землей и небом, что никому, никогда, ни при каких обстоятельствах не скажу того, что сейчас услышу от тебя.

Напрасно, ох, напрасно куражился Пафнутьев, расцвечивая клятву и внося в нее слова, которых Света от него и не требовала, на которых не настаивала.

— Так годится, — сказала она.

И приблизившись к самому пафнутьевскому уху, чуть слышно, даже не шепотом, а шевелением губ произнесла три слова, три коротеньких, маленьких, почти несуществующих словечка.

И Пафнутьев с горечью вдруг осознал, что сиреневые заросли мгновенно отшатнулись от него, исчезли лунные зайчики в мятой траве, и сумасшедший сиреневый запах юности тоже испарился.

— Это точно? — спросил Пафнутьев, отстраняясь.

— Конечно... Об этом и спрашивать не надо.

— Как же все получилось?

— Случайно... Мы странно встретились и странно разошлись.

— Еще кто-нибудь в доме знает?

— Нет.

— А как ты объясняешь то, что произошло?

— Понятия не имею. Дичь какая-то. Просто не могу найти никаких объяснений.

— Вот почему ты бежала в комнатных шлепанцах по весенним лужам, — медленно проговорил Пафнутьев.

— А ты бы не побежал?

— Конечно, побежал бы...

Пафнутьев чуть шевельнулся, почти незаметно, почти не-уловимо, но Света сразу все поняла.

— Уходишь?

— Надо.

— Ты не забудешь меня?

— Не понял?

— Не забывай меня, ладно? — в глазах Светы стояли слезы. — Просто помни и все. И больше ничего. Есть, дескать, такая.

— Светка, ты круглая дура! — невольно вырвалось у Пафнутьева. — Ты не представляешь, что говоришь! Забыть тебя — это все равно, что забыть собственное имя. Понимаешь?

— Точно, да? Я тебе понравилась?

— Света. — Пафнутьев помолчал, подбирая слова. — Жизнь без тебя будет... Это будет просто стон. Незатихающий, никому не слышимый, никем не замечаемый горестный стон.

Света припала к Пафнутьеву и некоторое время стояла без движения. Ее глаза сияли от счастья, и, казалось, она сейчас такое скажет, такое выдаст, что...

— Представляешь... Иду по улице, ничего себе такого не думаю, и вдруг ты навстречу! Здорово, правда!

— Хорошо бы, — мечтательно произнес Пафнутьев, а сам тем временем прислушивался к звукам за дверью — они явно предназначались для него. Худoley шумно хлопал дверью, за чем-то топал. — Пора, — сказал Пафнутьев. — Меня зовут.

Странное существо все-таки была Света — едва услышав последние слова Пафнутьева, она снова бросилась со слезами ему на грудь, будто все происходило на вокзале, в аэропорту, будто он уезжал или улетал если не навсегда, то надолго, и путь его ждал опасный, и неизвестно, выживет ли, вернется ли...

— Господи, Света, — растерялся Пафнутьев, — я еще не умираю, еще поживу немного...

— Будешь меня помнить, да?

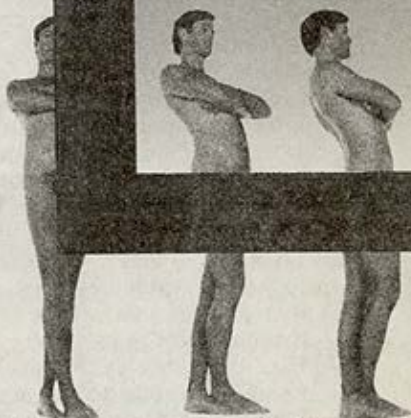
— Я тебя никогда не забуду. Клянусь.

— Ну, что тут у вас? — распахивая дверь, произнес Пафнутьев нарочито громко и властно.

— Труп, — ответил Худoley, скорбно потупив глаза. ■

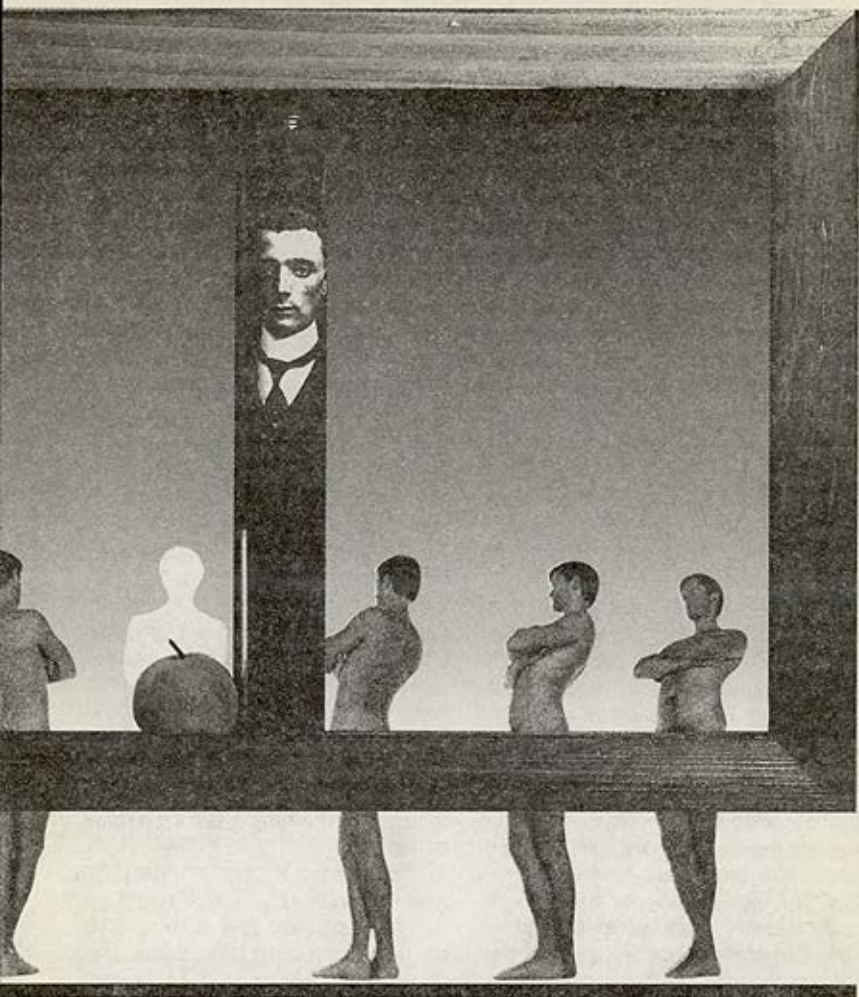
Окончание следует.

Не- опознан- ное явление

**Светлана
БЕСТУЖЕВА-ЛАДА**

Да простят мне женщины, и особенно те, кто причисляет себя к феминисткам, но я смею утверждать, что мужчины совсем не так примитивно устроены, как пытаются доказать некоторые представительницы прекрасного пола. Наоборот, они, как правило,

гораздо изобретательнее, нежели женщины, строят свои отношения с противоположным полом. Внешность мужчины при этом может быть любой, но — почти всегда — обманчивой. Легкомысленный "бабник" на поверку оказывается вернейшим из му-

жей, а суперположительный и здравомыслящий мужчина — просто сумасбродом. Примеры? Пожалуйста. Вот две совершенно разные истории из жизни двух совершенно разных мужчин. Выводы каждый может сделать для себя самостоятельно.

История первая. Бабник

В первый раз Виктор женился очень рано — ему едва исполнилось двадцать лет. Жена же была лет на десять старше, что, естественно, отнюдь не порадовало родителей Виктора. Это сейчас такие браки в моде и считаются очень прочными, а тогда все думали как раз наоборот. В общем, через полгода супруги расстались без особых взаимных претензий, поскольку, судя по всему, сами плохо представляли себе, зачем вообще сочетались законными брачными узами. И детьми не успели обзавестись.

Второй брак состоялся уже много позже, когда Виктору подкатило под тридцать. Жена на сей раз была, как и предполагается, моложе года на три, обладала изящной внешностью и красивыми глазами, и, что встречается значительно реже, острым умом и солидным образованием искусствоведа. Так что этот союз мог считаться идеальным во всех отношениях.

Но и он, увы, просуществовал не слишком долго и через пару лет тихо развалился. Именно тихо: ни скандалов, ни выяснения отношений, плавно переходящих в порчу домашнего имущества, не было. Просто в одно прекрасное утро Виктор понял, что беседы о возвышенном хоть и облагораживают душу, но хороши раза два в месяц, и не в собственном доме, а в гостях у друзей или знакомых. Дома же хорошо иметь возможность нормально обедать, не заботиться о чистоте рубашек и наличии на них пуговиц, и вообще жить в комфорте и уюте. Жена-искусствовед всего этого катего-

рически не понимала, к плите подходила только для того, чтобы прикурить от газовой горелки очередную сигарету, а остальное считала мешанством и пустой тратой времени. К тому же ей страстно хотелось выехать за границу, чтобы изучать любимое итальянское искусство, так сказать, в натуральном виде. И не последнюю роль в ее согласии выйти замуж за Виктора сыграло то, что он был эконоимстом-международником.

Увы! За границу Виктора так и не выпустили: он сидел на скромной должности в министерстве и никаких особых перспектив для себя не видел. Да и не очень-то к ним рвался, если честно.

Кончилось тем, что жена-искусствовед, устав от требований хоть как-то наладить быт, попросила развода. А получив его, вышла замуж за одного из коллег Виктора и с ним утатила в Италию, где смогла найти достойное применение своим профессиональным качествам и избавилась от постылых, унижающих человеческое достоинство бытовых обязанностей.

Виктор же к тридцати пяти годам остался один, как перст, и как-то, в редном для него приступе откровенности, попросил двух своих ближайших друзей немедленно сдать его в психиатрическую клинику, если они заметят, что он серьезно, с далеко идущими намерениями относится к какой-то женщине.

— Баба — она и есть баба, что с нее взять! — говорил он друзьям. — Встретаться — пожалуйста, а жениться — только под общим глубоким наркозом. Тем более, что дур я терпеть не могу, а

две умные у меня уже были, спасибо.

Если бы Виктор избрал манеру поведения убежденного холостяка, то есть смотрел бы на женщин с ненавистью, шарахался при их приближении и носил рубашки "смерть прачкам", а также забывал чистить ботинки, то женщины, разумеется, обращали бы на него внимание либо принципиально: "А вот я его переделаю!", либо с жалостью: "Беденький, неухоженный, непринятый". Но Виктор рубашки носил модные и ослепительно чистые, костюмы — отутюженные, ботинки — зеркального блеска. И скорее забыл бы позавтракать, чем вышел из дома с плохо повязанным галстуком. Так что любительницам переделывать или жалеть мужчин с ним было решительно нечего делать.

Если бы Виктор демонстративно избегал женщин или, наоборот, напропалую волочился за каждой юбкой, то его и тут ожидал бы соответствующий стандартный сценарий: какая-нибудь оборотистая дамочка нашла бы способ прибрать к рукам и строптивца, и Казанову. Не зря ведь говорят: "На каждого волка в лесу по лувшке".

Но наш герой женщин демонстративно замечал: то есть никогда не забывал сделать комплимент, поцеловать ручку, поднести к случаю букетик ландышей или даже тюльпанов. Дама, получившая такой знак внимания, естественно, делала загадочное выражение лица и ждала продолжения, рассчитывая про себя, сколько времени можно понокетничать и в канюю по счету встречу сдать. Но так с загадочным выраже-

нием лица и оставалась: продолжения не следовало.

То есть следовало лишь в том случае, когда дама сама проявляла инициативу и предлагала зайти в гости к ней. Или к самому Виктору. Он же приглашениями не пренебрегал, но был разборчив: его избранница должна была быть умна, ну уж в самом крайнем случае красива. Тогда происходило нечто вроде романа, но всегда только в тех рамках, которые определяла дама. По своей инициативе Виктор решительно никаких шагов не предпринимал и пассивно выжидал развития событий. Ниному ничего не обещал, никого ничем не обнадеживал.

Одной из признанных министерских львиц, например, Виктор на вечере по поводу женского дня 8 марта прилюдно заявил: "Даже не знаю, что с вами делать: оставить в мире и спокойствии или влюбить в себя?" Львица, до сего времени не обращавшая на Виктора внимания, сочла делом чести прибавить к своей коллекции еще один мужской скальп. А поскольку в мире и покое дама оставаться не желала, то произошел второй вариант: через месяц бывшая львица, зареванная, жаловалась подругам на глупость и холодность человека, пренебрегшего вниманием и любовью самой красивой дамы министерства.

Виктор, однако, мало внимания обращал на обиженных им дам. По его собственному признанию ближайшему другу, типично женские достоинства его не волновали. Он коллекционировал... женские души. То есть ему интересно было очередную даму, образно говоря, "подержать за пу-

говну" и выяснить, чем эта дама живет и дышит. Пуговку же расстегивать оказывалось при этом совсем не обязательно. В конце концов, захочет, так и сама расстегнет. Не маленькая.

Но откровенные признания Виктор делал редко. Посему за ним прочно закрепилась репутация жестокого донжуана и отчаянного бабника, который ни одной юбки пропустить не в состоянии. Назалось бы, теперь рассудительные и добродетельные женщины должны были обходить его за версту. Ан нет! Чем скандальнее становилась репутация у нашего героя, тем больше дам стремилось попасть в число его жертв. И попадали! И затем каждая вносила свою лепту в легенду о Великом и Неподражаемом Любовнике и Мужчине.

Надо сказать, что сам Виктор решительно ничего не делал, чтобы способствовать созданию или укреплению своей репутации. Наоборот, в чисто мужской компании, где, казалось бы, сам Бог велел пооткровенничать и похвастаться победами, замыкался и даже на прямые вопросы лишь пожимал плечами: "А я тут при чем?" Пробовали его подпойть, дабы благородные (и не слишком) напитки развязали язык молчаливому кавалеру — и тут ничего не вышло. То есть более разговорчивым Виктор, разумеется, становился. Иной раз даже чересчур. Но говорил о чем угодно: о футболе, международной политике и литературных произведениях, но о дамах — ни слова. Как будто бы их, дам, и не существовало. Наконец коллектив устал от тайн.

"Бабник!" — вынесло свой приговор общественное мнение.

"Бабник!" — пожимала плечами вчерашняя избранница, прослышав, что благосклонностью рокового мужчины уже всю пользуется другая. "Бабник!" — хмыкали мужчины, обремененные животом и проплешиной, когда женщины указывали им на безупречность прически и костюма Виктора. И на этом здоровый коллектив успокоился и занял прежней жизнью. Нормальный расклад: Иван — передовик производства, Петр — алкоголик, Виктор — бабник. Каждому свое.

Тем больший шок испытали все — и мужчины, и женщины, когда в один прекрасный день Виктор явился на службу с обручальным кольцом на пальце. Сначала решили, что это — очередной эпатаж, но затем выяснилось: никакой не эпатаж, а самый что ни на есть серьезный брачный союз. Причем женился герой наш отнюдь не на роковой красавице или общепризнанной интеллектуалке, на чьих вокруг него вертелось великое множество. Более того, не отбил жену у беспечного мужа и даже не выкрал тщательно оберегаемое сокровище у злого ревнивца. Женой его стала скромнейшая и тишайшая врачиха-невропатолог из районной поликлиники, к тому же — мать-одиночка.

Хотя ничего сверхъестественного, собственно говоря, не произошло. Просто сработал железобетонный принцип, о котором уже говорилось выше: "На каждого волка в лесу по ловушке". Причем сработал именно тогда, когда ничто не предвещало такого поворота событий. Просто подвело здоровье, прихватил банальный радикулит, а на вызов из районного

храма здравоохранения к Виктору явилась женщина еще сравнительно молодая, но настолько затурнанная жизнью, что не только возраст ее не имел никакого значения, но и внешность-то едва различалась под слоем многолетней усталости и неумело наложенной косметики. Явилась и... осталась ночевать.

Стыдно тому, кто плохо подумает! Вызов к Виктору был последним в тот день, на дворе стоял сырой и холодный вечер, а в ходе осмотра пациента и постановки диагноза случилось непредвиденное: сама доктор почувствовала себя неважно. Виктор, человек многоопытный, без стетоскопа определив сердечную недостаточность и неполадки с сосудами, как истинный джентльмен забыл о своем радикулите и быстро напоил даму необходимыми средствами, благо аптечка в его доме была богатая — на все случаи жизни. А потом предложил прилечь в соседней комнате на кушетке и ножки уставшие заботливо пледом укутал. А уж потом будить заснувшую рука не поднялась. Так до утра и проспала у него Анна Андреевна, Аня, Анечка.

А утром она впервые в жизни пила кофе, поданный ей в постель, и пыталась извиниться за то, что доставила столько хлопот. Извинений Виктор не принял, более того, сделал вид, что не понимает, о чем вообще идет речь. Но попросил — не в службу, а в дружбу, — взглянуть к нему как-нибудь еще, потому что радикулит все-таки имеется и медицинская помощь может понадобиться буквально в любую минуту. Анна Андреевна обещала, что ближе к вечеру обязательно зайдет прове-

дать, и умчалась на работу. А Виктор остался дома.

После обеда начались телефонные звонки. Считавшие себя близкими дамы желали проявить конкретную заботу о занемогшем друге. Сначала позвонила сослуживица с предложением принести какие-нибудь целебные травы, и была приглашена "навестить страждущего". Затем позвонила уже как бы оставленная знакомая из другого министерства: эта предложила свои услуги в качестве диетсестры ("Вы ведь наверняка голодаете, бедненький!"). Пригласил и эту. Третью, желавшую врачевать исключительно душевной теплотой и сочувствием, Виктор пригласил уже просто из любопытства: с таким методом лечения ему сталкиваться еще не приходилось. В результате пришли все три.

Чай со всякими вкусными вещами был сервирован прямо у ложа больного, который в основном этим самым чаем и наслаждался. Дамы же откровенно ждали, у кого быстрее сдадут нервы, кто покинет поле боя первым, оставив его сильнейшей. Но выяснить, кто самая терпеливая и хладнокровная, так и не удалось, ибо к вечеру пришла Анна Андреевна. В белом халате и с чемоданчиком. После чего Виктор в самых изысканных выражениях попросил дам удалиться и дать врачу возможность использовать традиционные средства лечения радикулита. А через месяц ошарашил коллегив обручальным кольцом и новостью о том, что и на "бабника" нашлась управа.

С этого времени жизнь Виктора круто изменилась. В ней появилась женщина, которая без его

поддержки, помощи и сочувствия, да просто без вовремя приготовленного обеда очень скоро свалилась бы всерьез и надолго. Да и лечить Аню нужно было капитально, поскольку сама она к своему здоровью относилась, мягко говоря, легкомысленно, хоть и была медином. Плюс заботы о сыне Ани, учащемся третьего класса, которого Виктор избавил от "продлёнки" и за несколько поездок на пляж в Серебряный Бор научил плавать "саженками". И так далее, и тому подобное.

Но и отношение коллектива к Виктору коренным образом изменилось. Сначала о нем говорили: "бедная жертва какой-то интриганки". Потом — "конченный человек, кроме дома, никаких интересов не осталось". И наконец: "счастливчик, выиграл пару миллионов по трамвайному билету".

Отношения своего к женщинам Виктор не изменил: по-прежнему был галантным со всеми, но выделял одну единственную... собственную жену.

"Счастливчиком" же Виктор стал тогда, когда выяснилось, что у его Анечки — незаурядный дар психотерапевта в сочетании со способностями к гипнозу. Обнаружил в ней эти таланты Виктор — и он же довел их до совершенства. В результате последние несколько лет Анна Андреевна работает в престижном медицинском учреждении, и на прием к ней записываются за месяц, а то и более. Ну, и платят соответственно.

Один из тех друзей, кого Виктор в свое время просил отправить его в дурдом, если он вздумает снова жениться, перед тем, как покупать свадебный подарок,

поинтересовался, не нужно ли все-таки обратиться к психиатру. Так, на всякий случай. На это Виктор ответил, что вполне обойдется невропатологом, тем более — собственным. И добавил:

— Просто я всю жизнь искал женщину, о которой мог бы заботиться. Терпеть не могу амазонок, эмансипированных дам, патентованных красоток. А вообще за холостяцкие годы я научился так разбираться в женщинах, что абсолютно уверен: это — настоящее.

Ну что ж, ему, специалисту со стажем, виднее.

История вторая. "О, как на склоне наших дней..."

Льву Леонтьевичу (назовем его так, ибо имя свое он просил сохранить в тайне, прочитаете его историю, поймете, почему) — заслуженному и довольно известному в прошлом оперному певцу — исполнилось ни много ни мало семьдесят пять лет. Юбилей он отметил более чем скромно: в обществе соседей по коммунальной квартире. Отношения в ней сложились скорее семейные, коль скоро Лев Леонтьевич на всем белом свете остался один, как перст, за десять лет до этого схоронив жену-скрипачку. А детей не назвали: служили Искусству не за страх, а за совесть. Служенье же музам, как известно, не терпит суеты, в том числе с соснами-пеленками. Вот и не суетились...

Заслужил же Лев Леонтьевич в результате не слишком большую пенсию да воспоминания о прежних триумфах. Все стены в его большой комнате с четырех-

метровыми потолками были завешаны фотографиями, поздравительными адресами и порядком выцветшими афишами. А еще осталась скрипка жены-покойницы, шредеровский кабинетный рояль и неплохая коллекция русского фарфора. На черный, как говорится, день.

Тьфу-тьфу-тьфу, чтобы не сглазить, "черных" дней пока не было. "Белых", впрочем, тоже. Так, что-то неопределенно-серого цвета, без особых печалей, но и без особых радостей. К пенсии имелся небольшой "приварок": два раза в неделю Лев Леонтьевич учил петь юные дарования в музыкальной школе.

Жемчужин среди юных дарований не наблюдалось, так что преподавательская деятельность Льва Леонтьевича также протекала тускло. И деньги платили невеликие. Но поскольку с возрастом бывший гурман, эстет и не дурак выпить стал почти что аскетом (не столько по соображениям морально-финансовым, сколько по состоянию здоровья), то удавалось не только сводить концы с концами, но еще и прикупать ежемесячно долларов несколько. Это уж — на самый крайний случай. Чтобы соседям не пришлось тратить свои, кровные, на похороны одинокого старика.

С соседями Льву Леонтьевичу, надо сказать, повезло. В когда-то густонаселенной четырехкомнатной коммунальной квартире фактически осталась одна семья: муж, жена, двое детей и старушка-теща. Теща, хоть и старушка, была на восемь лет моложе своего соседа и по бывшей профессии не была ему вовсе уж чужой: тридцать лет отслужила билетер-

шей в Театре эстрады. Анкеров, особенно певцов, с тех пор уважала до такой степени, что не позволяла своему соседу ни уборку делать на так называемой общей площади, ни белье стирать, ни иными бытовыми заботами себя отягощать.

Дочь и зять Анны Ивановны смотрели на эту идиллию, смотрели, да и подумали: а не поженить ли стариков? Зарегистрировать брак в загсе, честь по чести — разводиться они на старости лет вряд ли пойдут, а квартира из коммунальной враз превратится в отдельную. Без всяких доплат, обменов-разменов и прочих утомительных и дорогих манипуляций. А там останется только набраться терпения и подождать естественного хода событий. Известно ведь, что женщины, как правило, живут дольше, чем мужчины. В среднем, конечно, в среднем.

Лев Леонтьевич не отвергал решительно саму мысль о вторичном браке, но и соглашаться не спешил. Не потому, что так уж дорожил своей холостяцкой свободой (делать с ней все равно было нечего), а потому, что не мог перебороть наного-то внутреннего предубеждения против брака без любви и даже без увлечения.

Возможно, в конце концов он и внял бы здравому смыслу: лучше брак без любви, чем одинокая старость. Но судьба распорядилась иначе, рассудивши отправить Льва Леонтьевича в бухгалтерию ДЭЗа за какой-то пустяковой справкой. А там вот уже месяц как работала новая сотрудница Любочка — здоровая и жизнерадостная деваха, только-только приехавшая из глухой провинции завоевывать Москву. И поскольку

она еще не успела опомниться от первой удачи (получила "чистую" работу, а не необходимость внальвать на стройке или мести тротуары), и потому посетителям не хамила, со скукой и раздражением на них не глядела, то с первого взгляда произвела на Льва Леонтьевича, когда-то порядочного "ходона" по дамской части, более чем благоприятное впечатление.

В невинном своем кокетстве Любочка как-то поделилась заветной мечтой: стать эстрадной певицей. А для убедительности напела вполголоса популярный мотивчик. И тут Лев Леонтьевич, сам себе удивляясь, предложил:

— А хотите, я вам стану давать уроки пения? Бесплатно. Через год с вашими данными смело можете идти на любой конкурс.

Любочка, естественно, согласилась. Даже при несомкнутой вере в собственный талант она понимала: голос хорошо, а умение им пользоваться еще лучше. И старичок такой интеллигентный, деликатный, опасаться каного-либо подвоха не приходится.

Три дня спустя Любочка пришла на первый урок. С этого момента доселе почти идиллическая жизнь в коммунальной квартире постепенно стала превращаться в заурядный кромешный ад.

Голос у Любочки действительно был, но... Но таким голосом можно было либо тихо мурлыкать "Подмосковные вечера", либо громко исполнять частушки на улице под гармонь. А еще лучше — выяснять отношения в очередях. И когда этим самым голосом под аккомпанемент "Шредера" Любочка начала выводить обязательное для курса вокала "и" на всех нотах, от "до" до "си", то

взвыли не только соседи, но и все собрани в округе.

Блаженствовал один Лев Леонтьевич. Ему за этими самыми гаммами мерещились сольные концерты, феерические гастролы, цветы, оваии — словом, все то, что он когда-то знал и чего безвозвратно лишился.

Сладкие ли мечты, исходящее ли от Любочки сильное очарование молодости и свежести, а, может, все это вместе взятое, так подействовало на старого артиста, что через две недели Лев Леонтьевич считал минуты до очередного урока. Через три недели Любочка стала проводить в квартире не только час возле рояля, а практически все свободное время: смотрела телевизор, болтала с подругами по телефону, пила чай с конфетами.

Соседи были в ужасе. Молодая нахалка вела себя, как дома, не смущаясь ничем. Могла "серебристо" захохотать поздним вечером, так что дети просыпались в испуге, а Анна Ивановна хваталась за сердце. Могла, уходя, хлопнуть дверью так, что с высокого потолка сыпалась штукатурка вместе с лепниной. Могла переговариваться со Львом Леонтьевичем через всю квартиру — из комнаты в кухню. А уж ее "банные дни" действительно длились с утра до вечера — после замызанной душевой кабинки в общезнати, где то и дело нетерпеливая очередь подгоняет, просторная ванная с горячей водой была просто раем. Дура не воспользуется!

Но это, как выяснилось, была только преамбула. "Амбула" началась тогда, когда Лев Леонтьевич представил соседям Любочку в качестве своей законной жены. И

попросил, как говорится, любить и жаловать. Соседи призыву не вняли и удалились к себе в мертвом молчании. Которое примерно через час было нарушено неизбежным "и" из комнаты молодоженов. Занятия вокалом были святым: даже такое из ряда вон выходящее событие, как бракосочетание, ничего не меняло.

С момента водворения Любочки в квартире когда-то дружная коммуналка превратилась в поле непрерывного боя. Новоиспеченная москвичка самоутверждалась на захваченной территории не то что ежедневно — ежечасно. Первое, что пришлось сделать соседям — это перетащить холодильник из кухни в одну из своих комнат. Любочка не мелочилась, отделяя "свое" от "чужого", и лазила в соседский "Минск" не реже, чем в собственный. А на аппетит ей жаловаться не приходилось.

Потом из огромной кухни пришлось убрать в комнату обеденный стол с табуретками. Потом — повесить на шкафчик с кухонной посудой замок. Потом... В общем, молодая женщина теснила соседей по всем направлениям, не зная ни усталости, ни сострадания. А в ответ на протесты заявляла:

— Меняйтесь! Без доплаты получите двухкомнатную на пятерых где-нибудь в Бананово-Нукуеве. А сюда приличные люди приедут.

Первое время Лев Леонтьевич пытался деликатно вмешиваться, дабы охладить излишний пыл молодой супруги. Но та в ответ закатывала скандалы с истерикой и битьем посуды, что бедный молодожен несколько часов после этого отлеживался с мокрой тряпкой на голове и валидолом

под языком. Любочка могла наказать и по-другому: оставить без еды и исчезнуть на пару дней. Как потом объясняла, к подруге. Ее муж предпочитал верить: выражать сомнение было столь же опасно, как и заступаться за соседей.

Через полгода "счастливой семейной жизни" Лев Леонтьевич из молодежавшего и элегантного мужчины превратился в замученного старика, который на себя лишнего рубля не смел потратить. Доходы его, впрочем, оставались все теми же, то есть скромными, и было не совсем понятно, откуда его молодая жена берет деньги на "фирменные" туалеты и "фирменную" же косметику. Тем не менее, и то, и другое становилось все роскошнее и роскошнее.

И вдруг в один прекрасный день Любочка преподнесла соседям ошеломляющее известие: они со Львом Леонтьевичем переезжают в двухкомнатную квартиру в соседнем доме. А в их комнату въедет новый жилец.

— Холостой мужчина, еще не старый, — со скрытой издевкой в голосе оповестила Любочка персонально Анну Ивановну. — Чем не жених?

Когда через месяц новый жилец прибыл, старожилы коммуналки схватились за головы: соседом теперь у них оказался известный всему району алгоголик, у которого из мебели были только пустые бутылки. Как Любочке удалось "провернуть" подобный обмен, оставалось только догадываться. Но при таком соседе даже двухкомнатная квартира у черта на рогах становилась несбыточной мечтой: кто же поедет в коммуналку с соседом-алгоголиком?

А Любочна со вкусом начала устраиваться в новых апартаментах. Чтобы Лев Леонтьевич в этот важный период не путался под ногами, она устроила мужа в больницу на обследование и при своей постоянной занятости всего-то один раз за месяц и выбралась его навестить. Посидела с полчаса, наполнив палату ароматом парфюма, оставила на тумбочке пару апельсинов и испарилась. Даже не приехала встретить мужа при выписке. А когда Лев Леонтьевич кое-как добрался домой, то еще несколько часов ждал под дверью Любочниного прихода. И дождался.

Первым делом нежная супруга велела ему хорошенько вымыться, чтобы "не несло больницей", а потом опрыскивала каким-то дезодорантом — как блохастую собаку. И как собаке же определила место спанья: в маленьком коридорчике на раскладушке. Другого места в двухкомнатной квартире Льву Леонтьевичу не нашлось.

Бывшие соседи иной раз видят его на улице или в сквере неподалеку. Какая бы ни была погода, Лев Леонтьевич смиренно сидит на лавочке и о чем-то сам с собой беседует. Ни для кого в округе не секрет, что Любочна ждет не дожидется, когда старик окончательно тронется умом, и тогда можно будет сплавить его в соответствующий приют. Или простудится на улице — а в его возрасте это чревато. На более активное "подталкивание" событий у Любочни пока еще не хватает пороку. Хотя несколько раз соседи по дому уже видели ее в компании с очень крупными парнями.

Но, возможно, она просто затеяла наной-то свой бизнес и с головой в него погрузилась. Во всяком случае, пением она больше не занимается.

Ненюгда. Да и незачем уже. Ни ей, ни Льву Леонтьевичу.

"О, как на склоне наших дней нежней мы любим..." И как непредсказуемо оборачивается эта самая любовь. ■

ВНИМАНИЮ РЕКЛАМОДАТЕЛЕЙ!

**Информация
о размещении рекламы
в журнале
"Смена"**

по телефонам

**257-30-55,
257-39-45.**

Виталий КУЗЬМИН

С Виталием Кузьминым познакомился я давно. Сошлись в сугубо мужской компании, в стекляшке — в парке Дзержинского около Останкинского телецентра. Сюда в дни получек и авансов летом приходила пить пиво телевизионная разномастная братия. Виталия привел человек из детской редакции. Что-то они там снимали с животны-

Разговоры с собакой

ми — АБВГДейку, кажется. Ну и решили отметить окончание съемок. Виталий был дрессировщиком и любил рассказывать о цирковой жизни. Весело, смешно, легко рассказывал: сплетни, байки, гастрольные казусы...

Потом встречи наши сделались редкими. Перезванивались под Новый год — и все общение. Однажды он мне сказал, что ушел из дрессуры. Помнится, я удивился, он очень любил свою работу. Переспросил: “Ушел или ушли?” Виталий ответил: “Ушел”.

А недавно встретились мы в электричке. Я бы его не узнал — уж очень он постарел. Но Виталий узнал меня. Оказалось, живет он теперь за городом — несколько лет назад продал свою комнатенку в Москве какой-то фирме, на вырученные деньги купил домик в деревне с небольшим участком. Да так и живет там. На жизнь зарабатывает нехитрой строительной шабашкой — по плотницкой части. Пока ехали, он мне много чего порассказал, но еще больше не успел. И я, заинтригованный, напросился к нему в гости.

Осень стояла великолепная. Сидели мы с ним на веранде, сквозь пыльные стекла грело нас последнее в том году солнце, аккуратно пили принесенный мною коньяк, закусывая его сочной антоновкой. Рядом меланхолично лежал огромный мудрый пес. Виталий рассказывал, время от времени цитируя мне свои размышления, которые назвал “Разговоры с собакой”. Он их, как оказалось, время от времени записывает в старую обшую тетрадь — для себя.

Единственное, о чем попросил меня Виталий, — не называть места его работы. Сказал: “Не надо. Пусть читатели думают, что я работал не в том заведении, куда они приведут своих детишек смотреть на дрессированных животных”. В ответ я попросил его разрешить мне использовать кое-что из его “Разговоров с собакой”.

Леонид ШАРОВ

Я живу один. Так уж получилось. Но у меня есть собака — пожилой, как и я, большой пес, в котором много чего понамышано. Я подобрал его за городом — подростком. Как водится, лето он прожил на даче у каких-то сволочей, которые, уехав осенью в город, бросили его. Пес почти умирал. Но мне удалось выходить его. И теперь мы, состарившись, ведем долгие разговоры. Я давно уже знаю собачий язык...

Я люблю животных. Потому и стал дрессировщиком. Потому и перестал им быть.

В детстве больше всего я хотел быть Альфредом Бремом — был такой знаменитый немецкий естествоиспытатель и путешественник прошлого века. Как-то мы с отцом пришли в гости к его фронтовому другу. У друга был сын, который перед самой войной поступил в университет — хотел стать зоологом. Но по-

том ушел воевать и пропал без вести. От него в доме осталась книга Брема — один из томов его популярнейшей “Жизни животных”. Том назывался “Млекопитающие” — огромный, роскошный фолиант в темно-зеленой обложке с прекрасными иллюстрациями. Отцовский однополчанин подарил его мне. И я года два, пока не научился читать сам, мучил всех домашних, требуя ежевечернего прочтения избранных мест из этого фундаментального — до сих пор никто ничего лучше о животном мире не написал — труда дотошного немца.

Чего мне всегда не хватало, так это настоящего зоологического образования. От зоологии в школе меня отвратила учительница, похожая на корову тетка, которая не без апломба внушала: животные, согласно учению великого Павлова, мыслить не могут, а живут только инстинктами и рефлексам. О генах, о генной памяти и прочих премудростях, известных нынче даже первокласснику, тогда понятия не имели. Я сразу не поверил учительнице. Моя жизнь началась рядом с кошкой, которая была умна сугубо человеческим умом, она подчинила себе не только мою семью, но и соседей по старому деревянному дому на окраине города. Ее боялись все. Собаки обходили наш двор по противоположной стороне улицы — поджав хвосты и прижав уши. Редкая ворона отваживалась залетать в наш двор. При кошке нельзя было повышать голос — она оценивающе глядела на провинившегося, и тому становилось не по себе. Она делала послабления только в праздники, дни которых — я в этом был уверен — знала лучше всех нас. Меня же терпела потому, что видела во мне товарища ее многочисленных котят по веселому их времяпрепровождению. Кошка была той еще личностью.

Потом, когда мы переехали в коммуналку поближе к центру, у меня были птицы — две супружеские пары чижей и снегирей. Они свободно летали по комнатам, у них возникли между собой весьма сложные и вполне человеческие отношения. Всем своим поведением эти существа опровергали постулаты зоологии — они мыслили. Во всяком случае, я так считал и считаю...

Позже я прочитал Конрада Лоренца. Великий австрийский натуралист много раз повторял: нельзя приписывать животным человеческие чувства, нельзя уподоблять их мышление человеческому, но почти на каждой странице переведенных у нас книг “Кольцо царя Соломона” и “Человек находит друга” он опровергает сам себя. О собаках, кошках, гусях, воронах он пишет, как о личностях. Он перестает быть ученым, и мы видим удивительного человека, которому с животными лучше, чем с людьми. И я понимаю Лоренца. Мне тоже лучше с животными...

Учился я в школе неважно. Так что о поступлении в институт мечтать не приходилось. В армию меня не взяли из-за вро-

жденного порока сердца — я так с этим пороком и прожил всю жизнь. То ли он оказался не таким уж смертельным, то ли рассосался... По идее надо было мне идти в ПТУ или в техникум, но я не пошел. Сменил несколько работ... А потом пристроился — поначалу временно — в цирковую программу: ухаживать за медведями. Жил я тогда в провинции. Этот цирк приехал к нам на лето гастролировать... Мой предшественник, будучи в тяжелом запое, сломал ногу. Администратор труппы, поживший, помотавшийся по стране дядька, сказал, что если я хочу быть дрессировщиком, стало быть, укротителем, то другого пути у меня нет. Сначала нужно, говорил он, потягивая пиво, научиться варить хлебово для медведей и не брезговать выносить за ними... И — если повезет, если не задерет меня зверь, если не сопьюсь и не отступлю — со временем начну выводить мишек на арену. И уводить. Но иметь свой номер — это почти нереально. Мой будущий хозяин воздушных замков передо мной не строил. Зато, уверял он, поездишь, мир увидишь... Я поездил, увидел мир. И все-таки стал дрессировщиком.

Из "Разговоров с собакой"

— *Может ли человек понять собаку? — спрашиваю я своего пса.*

Он внимательно смотрит мне в глаза. В переводе с собачьего это означает:

— *Никогда. Человек и себя-то чаще всего не понимает. Очень редко понимает других. Если бы человек понимал собаку... Он бы и не человек уже был.*

— *А кто?*

— *Бог.*

— *Эка ты хватил. Откуда тебе, псу, знать, кто такой Бог!*

— *Ну вот, а ты спрашиваешь, может ли человек понимать собаку... Хорошо еще, что не так мало людей любят собак. Любить не значит понимать. Но мы понимания не требуем. Нам достаточно любви. И того, что мы-то вас как раз очень хорошо понимаем. И будьте счастливы тем, что об этом даже не догадываетесь.*

Публика — дура. Она не догадывается, что предшествует тем десяти минутам, в течение которых перед ней изгаляется циркач, что творится в эти десять минут за кулисами, что происходит после. Она любит укротительницей тигров — сбитой, нарумяненной бабенкой. И понятия не хочет иметь о том, что на бабенку эту работает немалый коллектив, без которого она в клетку не войдет. Хотя то, что она входит и красиво подает себя и тигров народу, уже немало... Есть, конечно, соблазн назвать бабенку блестящей упаковкой, но все-таки без нее —

артистки — номер никак состояться не может. Вспомните Казимира Алмазова из “Укротительницы тигров”. Дурак-то он дурак, а был прав, когда кричал про свою исключительность. Потому что в клетку войти может десяток человек — из его команды. Но изобразить из себя укротителя, создать образ бесстрашного, уверенного в себе человека, способного подчинить страшных зверей... Тут надо быть недюжинным лицедеем. Это все равно что играть последнюю сцену в “Гамлете” с настоящими боевыми рапирами, обильно смазанными ядом. На то и цирк, чтобы припудривать разноцветной мишурой каторжный труд и невыдуманную смертельную опасность. Кстати, сюжет “Укротительницы тигров” в те годы очень грел мою душу, потому что в фильме цирковая девушка-уборщица из Золушки-замарашки превращалась в богиню. В жизни, конечно, так не бывает, в жизни мне пришлось пройти все круги цирковой каторги.

Я начинал на ее задворках. Там обитал весьма разнообразный и экзотический народец. Ставшие инвалидами акробаты — еще молодые мужики. Они быстро и смертельно спивались. Бывшие жонглеры, не способные пользоваться вилкой, ложкой и ножом — чудовищный артрит скрутил их руки и пальцы. Состарившиеся, подрагивающие головами (сказывались падения) гимнастки, переквалифицировавшиеся в портних. Эти люди не работали, им не платили зарплату — они просто жили на цирковых задворках. Многим, собственно, и жить-то было негде. Они были, что называется, на подхвате — за полстакана водки после репетиции или представления, за кусок колбасы.

Когда месяца через полтора из больницы вернулся мой предшественник, он очень удивился, что я не то чтобы жив, но цел и невредим. Царапины, синяки — не в счет. Еще больше он удивился, увидев, что у меня с медведями сложился коллектив. Пять моих мишек в первые дни нашего знакомства очень удивились — их стали вовремя кормить. До этого их кормили, когда придется. А я еще приносил им из дома немудрящие лакомства и не матерился. “Страшно было входить к ним?” — спросил меня этот человек. “Да вроде нет”, — пожал я плечами. “А, так ты дурак”, — сказал он. Дураками, как я потом понял, он называл тех немногих, кто шел на эту работу не под давлением жизненных обстоятельств, а сознательно. Сам он, два раза побывав в ЛТП, нанялся ухаживать за зверями только потому, что цирк давал ему крышу над головой, немудрящий заработок и закуску, которую он экспроприировал у бессловесных медведей. Но за это он научил одного из них пить пиво. Этого медведя через год пришлось отдавать в зоопарк — он и лапой не хотел пошевелить без пивной бутылки. При этом медведь прекрасно отличал полную бутылку от пустой, не помогала даже подкрашенная чаем во-

да — от такого гнусного обмана медведь впадал в озлобленную меланхолию и вообще переставал выходить из клетки. Тогда его били...

Я довольно быстро понял: дрессура — это не любовь к животным, это — способ человеческого самоутверждения. Можно добавить, что и способ существования... По-настоящему животных любят те, кто, как Есенин, не бьет их по головам. Но в цирке никто себе такой роскоши позволить не может. Коли вознамерился ты умилять публику катающимся на велосипеде медведем, то сопли — по боку. Без битья мишка на велосипед не взгромоздится. Одними пряниками плясать под балалайку его не заставишь — нужен кнут. И хорош тот дрессировщик, который сумел найти правильное сочетание кнута и пряника. Впрочем, кнутом медведя не испугаешь — медведей бьют железными палками, не из-за жестокости, а потому что болевой порог у них куда ниже, чем у человека. Медвежат, правда, не бьют. Их хватают за шкуру, приподнимают и с силой швыряют на пол. Я помню, какой шок хватил меня на одной из первых репетиций: "Зачем вы так?" — спросил я у ассистента, что занимался с несчастным, глупым медвежонком. "То ли еще будет, — невесело усмехнулся ассистент. — Привыкай". Вообще больно надо уметь делать... И делать вовремя. Допустим, не выполнило животное на представлении положенный трюк или выполнило его после долгих понуканий, его надо сразу же привести в чувство — сразу же, а иначе забудет оно, не поймет, за что наказывают. А всякого рода накладки бывают почти на каждом представлении. Проштрафившееся животное уводят с манежа и тут же учиняют ему короткий, но впечатляющий разбор полетов — этим занимаются в основном ассистенты.

Однако это не садизм. Садисты с животными работать не могут. В том смысле, что долго не живут. Уж кто-кто, а животное сразу понимает, что ему делают больно ради удовольствия. И тогда берегись — хорошо, если уползешь растерзанным и расплюснутым.

Дрессировщику-артисту, его ассистентам, другим членам его команды надо сделать номер. Номер — это шанс попасть в программу. Программа — это представления. Девять представлений в неделю. А в зимние каникулы — три представления в день. Представление — это сборы. Стало быть, заработок, хлеб насущный. Это присвоение квалификации, категории, это возможность получить звание. А если номер хорош и оригинален — не исключены и заграничные гастроли. А это уже большой заработок и не просто хлеб, а с маслом. Под эффектный номер тебе дадут деньги для того, чтобы он мог стать еще более эффективным. Дадут деньги на покупку новых животных. Езжай, укрепляй славу российского цирка — лучшего цирка в мире. Что в принципе когда-то было очень недалеко от истины...

Однако дрессировщиков, хоть и считается эта профессия, как говорится, не массовой, заметно больше, чем программ. Поэтому — одно дело медвежонок, танцующий барыню, и совсем другое уже подросшая медведица, способная ходить по проволоке, или еще окончательно не заматеревший самец, разъезжающий на мотоцикле. В принципе заставить животное выполнить тот или иной трюк можно на одних только поощрениях. В строгом соответствии с учением доброго дедушки Дурова. Но на это уйдет прорва времени, без преувеличения — годы. Кто ж позволит себе ждать так долго? Посему битье, боль — куда более эффективный способ достижения нужного результата. Получается, как всегда: цель оправдывает средства. А страдания животных... Но разве можно, говорили мне, сравнивать их страдания с человеческими? Теперь-то я отвечу на этот вопрос без промедления — можно и нужно! Только ведь я кто? Я — дурак. Дураком пришел в дрессуру, дураком и ушел. Вы уже, наверно, догадались, что это от фамилии — Дуров. Говорят, что семейство Дуровых создало особую систему дрессировки животных — гуманную систему. В том смысле, что основана она именно на любви к животным. И еще на знании их психологии. Это вроде системы Станиславского, которую пропаганда изобразила как нечто универсальное. В наше время, когда все можно, стали говорить, что система Станиславского — всего лишь один из приемов режиссуры. Каждый мастер дует в свою дуду, исповедует только свой метод. То же и в дрессировке: каждый работает так, как считает нужным.

Между моим приходом в цирк и моим исходом из него пролегли годы, когда и я готовил свой собственный номер — хотелось славы, хотелось самоутвердиться, хотелось усть конкурентов... Мне повезло: человек, у которого я работал уборщиком, потом ассистентом, передал мне свою программу — маленький медвежий театрик. Не чета, конечно, Филатовскому медвежьему цирку. Филатов был цирковым гигантом — вроде завода Форда. Я на его фоне выглядел автомастерской, но это была моя мастерская.

Но и конкуренты хотели усть меня. И не брезговали ничем. Самое подлое — это когда убивали моих животных. Их травлили. Подбрасывали яд... Никогда не забуду смерть молодой медведицы Матрены — Моти. Удивительное было существо. Высшее достижение дрессуры состоит в том, чтобы животное почувствовало себя артистом. Словами этого не объяснишь. Просто ощущаешь какие-то секунды в жизни твоего воспитанника, когда он, так же, как и ты, ловит кайф, получает несказанное удовольствие от аплодисментов, от реакции публики. Может, я не прав... Может, я выдавал желаемое за действительное. Но, честное слово, Мотя была артисткой! Разучив несколько простых трюков, она сама принялась их усложнять. Это была какая-то мистика. Мы с ней танцевали вальс. И она попадала в

ритм. При этом ухитрялась делать уморительные движения — точь-в-точь глупая, перезревшая барышня на сельской танцплощадке. Потом она устраивала сцену ревности, отгоняя от меня девушку-ассистентку. И в ревности этой была необыкновенно убедительна. И заметьте: на ассистентку она грозно, с какими-то узнаваемыми кухонными интонациями рычала только во время представления. За кулисами Мотя была необыкновенно дружелюбна и покладиста. Успех шел за нами. Мы были гвоздем программы. Нас заметило цирковое начальство. Мотя была молода, мы бы с ней протанцевали не один год. А сколько было задумано новых трюков!

Моте подсыпали крысиного яду. Умирала она страшно. Я не отходил от нее — двое суток непрерывной пытки. Держал ее голову на коленях. Ей пытались сделать промывание желудка, кололи какие-то лекарства. Ничто не могло ее спасти — доза была чудовищной, чтобы, значит, наверняка. Иногда, когда ей на несколько минут становилось лучше, Мотя грустно смотрела на меня, будто спрашивала: “Неужели это все?” Упрекайте меня в сентиментальности, упрекайте, говорите, что это я все придумал, чтобы вышибить слезу. Но я знаю, что есть люди, которые поймут меня. Потому что и они прошли через это. Поймут меня и многие дрессировщики... И они точно так же теряли своих лучших артистов. Бывало так, что травили купленных на валюту львов, тигров, слонов, барсов, бегемотов... Это ведь экзотика, зритель на нее падок, значит, возможен шикарный номер. А вот хрен тебе, а не номер!

Некоторые из этих случаев потом расследовались... Прокуратурой, милицией — короче, органами. И вроде даже кого-то судили. За уничтожение государственного имущества, повлекшее большой материальный ущерб. Так это называлось... Имущество... Какая тоже подлость! Я требовал вскрытия тела умершей медведицы, проведения экспертиз... Да где там. Как и всякий творческий коллектив, цирк — тот же гадюшник. Со своими подсидаками, подлянками. Со своей зависимостью от начальства. Правда, романтизма заметно больше, чем, скажем, в театре. Все-таки в цирке до Бога куда ближе...

Из “Разговоров с собакой”

— *Что ты думаешь о людях? — спрашиваю я своего пса.*

Он отворачивает уже поседевшую свою морду. Это можно перевести так:

— *Ничего хорошего, хозяин. Я пытался понять их подлость. И не понял. Мне этого не дано. Нет, я много чего понимаю: ласку, гнев, безразличие... А вот подлость... Не могу.*

— *Но я же тебе много раз говорил, что люди бывают разными.*

— *Говорил. А подлость у них одинакова. Я “Маленького принца” Экзюпери, сам понимаешь, не читал. И лисом из этой сказки, прирученным и покинутым, не был. Потому что лис тот и не лис вовсе, а все тот же человек. Человеку даны воспоминания, он ими может согреться, он о них может рассказать. И тем самым оправдать кого-то или что-то. А я — не человек. Я — собака, пес. И у меня все просто: добро — это добро, зло — это зло. Между ними ничего нет. И не я страдаю от человеческой подлости. Сам человек от своей подлости и страдает. Потому как знает, что подл.*

А вы не задумывались над тем, что медведь на велосипеде — противоестественно? На кой черт медведю в лесу велосипед? На кой черт ему балансировать на дощечке, положенной на цилиндр? Вообще — все, что делают животные в цирке, им — животным — не нужно. Значит, все они — жертвы человеческого насилия. Собственно, в цирке все противоестественно. В реальной жизни никому в голову не придет жонглировать пятью бьющимися предметами, ходить по проволоке на высоте восьми метров без лонжей, без страховочной сетки делать тройное сальто. Так что цирк насилует не только, скажем, медвежью или тигриную природу, но и человеческую тоже... В угоду этому чудовищу — почтеннейшей публике. Вот и получается, что в цирке люди и звери равны. Они одинаково работают на износ. И людям в цирке часто бывает больно, иной раз смертельно больно. В том числе и детишкам... Им бы в куклы играть, в казаки-разбойники, в школу ходить, но они мотаются по городам и весям с родителями-акробатами. Каждый вечер выходят на манеж, где без зазрения совести эксплуатируется их детская гибкость, легкость, подвижность. И дрессируют их почти так же, как зверей, заставляя до изнеможения проделывать один и тот же трюк, поощряя мороженым за удачи и наказывая подзатыльниками и затрещинами. Эти немислимые нагрузки на треть, а то и вполовину сокращают их жизнь. Но человек еще как-то волен распорядиться своей судьбой, а вот животные... Они для многих всего лишь особый, требующий внимания одушевленный реквизит. Но это я так складно и как бы умно сейчас рассуждаю, а тогда я об этом, конечно, не думал.

Задумался впервые, когда поздно ночью, бродя по опустевшим цирковым закоулкам, наткнулся на небольшую клетку... Даже не на клетку — на ящик, одна из сторон которого была забрана решеткой. Я думал, что в нем никого нет. Каюсь, я искал припрятанную моим напарником бутылку портвейна — в служебке в ту ночь шла немалая пьянка. И протянул руку между прутьев, чего, конечно, согласно правил работы с животными в цирке, делать было никак нельзя. Мне показалось, что кто-то

поцеловал мою руку. Нежно и застенчиво. Вгляделся. В клетке сидел кенгуренок. Слава Богу, он ничего плохого сделать мне не мог. Безобидный, маленький детеныш... Один. Ночью. В тесной клетке. Испуганный. Забытый. Замерзший. Мне стало тошно. Невыносимо... Я моментально забыл о портвейне. Сбежал к себе. Принес кенгуренку каких-то овощей. Он не стал их есть. То ли от испуга, то ли от того, что ему нужна была какая-то другая еда. И опять он ткнулся в мою руку. Полночи я просидел рядом с ним, поглаживая его, успокаивая... Кенгуренок уснул, сладко — по-детски тонко — засопел. Все следующее утро я занимался своими медведями. Поближе к обеду пришел проведать маленького невольника. Ящик оказался пуст. Мне не хватило духу выяснить, куда делся кенгуренок. В цирке я его больше не увидел. Наверно, погиб он той ночью... Думаю, что не от голода — от одиночества. Зачем я ушел? Кенгуренок засыпал, ощущая рядом мое тепло. Проснулся — опять никого. Та же темень, пустота, пугающие звуки... И умер. Наверно, его душа попала в рай. То есть, души всех животных обязательно должны попадать в рай. Ибо они безгрешны.

Из "Разговоров с собакой"

— *Пес, тебе бывает одиноко?*

— *А что ты, хозяин, знаешь об одиночестве? И почему ты уверен, что это плохо? Одиночество — это еще и свобода. А вы, люди, так хотите свободы. Так извольте платить за нее одиночеством.*

— *Ты бы заплатил?*

— *Мне нечем и не за что платить. Я живу минутой. Она кончается. И я начинаю жить следующей минутой. А вот ты платишь. И ничего в этом нет страшного. Главное: платить честно.*

Но и о другом надо обязательно сказать. Медведь — самое коварное, опасное и умное животное. Я с ними провел половину жизни, потому знаю, что говорю. Обратите внимание — в цирке выступают в основном медвежата и подростки. Они с младенчества попадают к дрессировщику, их личности еще не сформированы, их можно подчинить чужой воле, сломать, заставить, они податливы к ласке. Дрессировать отловленного взрослого самца — дело крайне опасное и почти бесперспективное. Он, заматерев, уже знает свою силу, а она поистине безмерна. Одним взмахом лапы он может оторвать человеку голову. К тому же у него психология хозяина — на своей территории, которую он отвоевал у сородичей, медведь-хозяин церемониться не привык, он на ней устанавливает свои законы. Медведь, повзрослевший в неволе, не менее опасен, да еще и непредсказуем. Все кажется, что перед тобой прежнее существо, которое ты в младенчестве поил из соски, провел с ним много

месяцев, все о нем знаешь... А это уже другой зверь. Ты для него уже не авторитет. Немалое значение имеет и грубое нарушение медвежьего образа жизни. Нормальный здоровый медведь должен, отъевшись за лето и осень, залечь на зиму в берлогу. Тот, кто не сделал этого, превращается в шатуна — грозу окрестных деревень и вообще всего, что движется. Ну, а какая в цирке может быть берлога? Кто разрешит цирковому медведю проспять всю зиму? У медведей отличная память — не хуже, чем у слонов. И получше, чем у большинства людей. Он помнит все нанесенные ему обиды. А их хватает. Отомстить он может в любую секунду.

Я знавал одного старого медведя, которого оставили в цирке за особые заслуги, за истинный талант — он был в состоянии выполнить никак не меньше дюжины непростых трюков. В медвежатах он был воплощенным ангелом. Взрослым же искалечил по крайней мере трех человек. Они всего лишь зазевались около его клетки — в пределах досягаемости лапы. Он в мгновение ока сдирал с них скальпы. Его бы давно уже отправили в зоопарк или даже убили, но этот медведь делал сборы... А кошмарные эти случаи каким-то образом удавалось замять. Я уверен, что медведь знал о своем особом положении, потому и пользовался им сообразно своим понятиям. И еще я уверен: он мстил за все свои прошлые обиды, за то унижение, которому его подвергали каждый день.

То же самое и с обезьянами. В цирке выступают детеныши шимпанзе и орангутангов. Макаки и прочие мелкие обезьяны — не в счет. Они слабее взрослого человека. И знают об этом. Да и коллективный отпор дать не могут — все-таки живут не стайей. Взрослый шимпанзе, животное, как известно, крупное, сильное, умное, больше всего на свете ценит свою независимость и чьей-либо посторонней воле подчиняться не намерен. Его мог бы, конечно, урезонить вожак или другой самец, но не заведомо более слабый человек. Иметь дело с взрослым самцом шимпанзе — смертельно опасно...

Был такой случай, правда, не с шимпанзе, а с молодым, но уже входящим в силу павианом. Сам-то павиан размером с крупную собаку. Но силы в нем — не приведи Господь. Надо было видеть, как он, взгромоздясь на гримерный столик, прыгает с этим столиком по сцене — вопреки всем законам физики. Ассистентка, замороченная идеями дедушки Дурова, решила взять его домой, чтобы, значит, установить с ним более тесный контакт в неформальной, так сказать, обстановке, чтобы павиан проникся человеческой добротой и все такое прочее. Павиан воспринял это приглашение, как любой мужик. К тому же на дворе стояла весна. Страшно сказать, что он сделал с этой ассистенткой. Ее потом долго откачивали в реанимации. Из больницы она вышла инвалидом — с обезображенным лицом, без одной груди.

Вообще, если откровенно, то бояться надо всякого животного. Потеря бдительности стоила нашему брату немало крови и загубленных жизней. Животное может убить или искалечить человека, и не желая этого. Отмахнется тигр лапой — и беги в больницу, накладывай швы. Даже собака не всегда способна соизмерить свои силы. Истинный дрессировщик — это отмороженный человек. Рано или поздно он попадает в переделку. Но, оклемавшись, все равно входит в клетку. У прочих моментально вырабатывается комплекс, кое-кто начинает шарахаться от дворян, кошек и пауков.

Попадал в переделки и я. Приехали мы как-то на гастроли в Среднюю Азию. Ехали долго, поездом. Жара стояла невыносимая. Вот и осатанел один из моих артистов. Я его понимаю и ни в чем не виню — тут бы и человек озверел. К тому же парень подбирался к критическому возрасту и начинал осмысливать мир с позиций сермяжной медвежьей философии. Вот и шархнул он меня на репетиции лапой, когда я повернулся к нему спиной. Ощущение — будто кто ломом по лопаткам оприходовал. Ума не приложу, как мои ассистенты сумели не дать ему насесть на меня. Били они его потом смертным боем. Жалко было парня. Да что ж поделать? Не мог я его снять с представления — он у меня в то время тянул, что называется, пол-репертуара. А мне пришлось выступать в корсете и на обезболивающих: не мог разогнуться...

А кто виноват? Ответ один: человек. Тот, кто непосредственно работает с животными... Виноват в том, что дал себя искалечить. Виноват в том, что искалечил животное, а такое тоже случается... А сколько их, искалеченных — людей и зверей? Сколько убитых? Кто их считал?

Из "Разговоров с собакой"

И опять спрашиваю я своего пса:

— *А кто я — как ты думаешь?*

— *Я не думаю. Это человек думает и сомневается. Я знаю. Ты — хозяин.*

— *Что это значит?*

— *То, что я завишу от тебя. В этом-то вся штука. Я бы, может, и хотел не зависеть, но такой вы, люди, сделали собаку.*

— *Но это тяготит тебя?*

— *Меня? Мне кажется, это должно тяготить тебя.*

Как-то мне стало плохо с сердцем. Покрылся испариной, руки-ноги онемели, дышать больно, встать, добраться до аптечки на кухне не могу. Пес мой забеспокоился. Потом гляжу — несет с веранды в зубах свою лохань с водой. Как он ее только ухватил — ума не приложу. Подходит с лоханью ко

мне. Сует ее мне в руки. Попил я водички из его лохани. И стало мне легче...

Жизнь моя, как видите, сложилась несладко. Никогда не был я официально женат. Никогда не было у меня настоящей семьи. Да и что я мог предложить любимой женщине, детям? Вечные разъезды? Пропитавший меня запах циркового зверинца? Грошовую зарплату?

Бывало, приходишь после представления в гостиничный номер. За стеной идет пьянка — товарищи мои расслабляются. Все правильно: надо же как-то снять напряжение. Целый день прошел — а ты жив. И партнеры твои живы. И никто не сломал себе позвоночник. Меня же водка почему-то со временем перестала расслаблять, не помогала забыться. Вот и сидел я усталый. Смотрел в одну точку. И старел, старел. Страшно завидовал тем людям, которые имеют дело со свободными животными. И еще думал, что мир, природа устроены очень хорошо, правильно и надежно. Но человек в неоправданной гордыне своей посягнул на эту гармонию. А цирк довел это посягательство до абсурда. Недаром же мы часто абсурд, галиматью называем именно цирком.

Нет, я не стал ненавидеть людей. Я возненавидел почтеннейшую публику. Ту самую, без которой большую часть своей жизни я не мог жить...

Из "Разговоров с собакой"

— *Теперь я задам тебе вопрос, хозяин. На кой черт ты делаешь из меня человека да еще философа? Неужели тебе мало того, что я живу рядом?*

— *Не прибедняйся. Ты из меня тоже делаешь старого мохнатого пса, хлебнувшего в жизни и почти ею разочарованного...*

— *Мне нравится это твое "почти".*

— *Мне тоже.* ■

Композитор Игорь Николаев, который сейчас занимается сценической "раскруткой" Дианы Гурцкой, считает ее потрясающей певицей, а во время недавнего творческого вечера Николаева

в знаменитом "Мэдисон Сквер Гарден" публика трижды вызывала Диану на бис.

Но только самые близкие люди знают, что эта миловидная пластичная девушка с сильным чувственным голосом слепая с рождения.

И весь окружающий мир, который Диана так любит, окрашен для нее, казалось бы, в один цвет.

В черный.

Диана ГУРЦКАЯ:

“Все краски мира я вижу сердцем”

Диана — поздний ребенок — родилась в Сухуми от совершенно зрячих родителей. Однажды маленькая Диана с грохотом свалилась с дивана и в кровь расшибла личико. Потрясение и шок родителей, которым открылась правда о страшном недуге их горячо любимого ребенка, трудно описать. Начались бесконечные поездки и обивание порогов кабинетов луч-

ших офтальмологов страны. Но безуспешно: врачи констатировали абсолютно неизлечимую слепоту. Слепоту, о которой сама девочка тоже до поры до времени не догадывалась.

— Отец с матерью долго не решались объяснить мне мое состояние, а я не могла понять, почему мир для меня черен. Ведь родители и друзья говорили между собой

о них-то цветах и красках... Но постепенно во мне сформировалось какое-то чувство, которое рисовало мой мир, понятный только мне. В нем я с тех пор и живу. Должна сказать, что этот мир — далеко не такой скучный и черный, каким вы наверняка его себе представляете. По крайней мере, мне в нем комфортно.

Когда Диана достигла школьного возраста, родители определили ее в пансионат для слепых детей в Тбилиси. Там девочка получила среднее образование. Но все эти годы она тосковала по дому и родным, которые остались в Сухуми.

— Я так люблю маму, что мне становится страшно, когда ее нет рядом. Однажды мама долго не приезжала ко мне, я решила навестить ее сама и сбегала из пансионата вместе с подругой. Мы попросили каких-то взрослых женщин проводить нас на вокзал и посадить на поезд до Сухуми. Увидев меня на пороге дома, мама ахнула и пообещала никогда не оставлять меня так долго одну.

Потом в жизни Дианы была музыкальная школа, по окончании ее — Тбилисская филармония, где девочка впервые начала петь. А спустя время начался грузино-абхазский конфликт. Диана говорит, что накануне смутную, необъяснимую тревогу она почувствовала еще задолго до начала боевых действий. Трудно сказать, было ли это даром ясновидения, который свойствен многим слепым людям, но тогда девочка поделилась своими страхами и опасениями с папой. Отец ответил: "Доченька, на твоём веку войны точно не будет". И ошибся. С на-

чалом войны семья Гурцних спешно покинула Сухуми. Родители Дианы вспоминают, что в самый разгар эвакуации, когда они в суматохе собирали пожитки и грузили их в машины, девочка вдруг села за рояль, который еще не успели вытащить из комнаты, и заиграла.

— Я играла очень громно, пытаясь заглушить рев машин и крики детей, но этот кошмар был бесконечным. И я, обессиленная, упала на клавиши и зарыдала. Это, пожалуй, самое "яркое" воспоминание детства, которое запечатлела моя память.

Гурцние переехали в Москву. Диана поступила в Гнесинское училище, по окончании начала свою самостоятельную сценическую карьеру. И успех пришел довольно скоро. Широкую публику Диана впервые покорила на фестивале "Ялта-Москва-трансит", где ей присудили специальный приз жюри. В числе прочих членов жюри был Игорь Николаев, именно тогда он и открыл для себя талантливую певицу Диану Гурцкую. Визитная карточка певицы на сегодняшний день — песня "Ты здесь" — родилась именно в квартире Николаева. Композитор предложил девушке творческое сотрудничество и пригласил ее к себе домой для разговора. Диана сидела в комнате, Николаев вошел абсолютно неслышно, но девушка повернулась к нему и сказала: "Ты здесь, я чувствую..." Это стало первой строчкой песни, к которой Николаев написал и стихи, и музыку.

Сегодня некоторые персонажи столичной шоу-тусовки пытаются злословить по поводу того, что столь "крутой" и модный компози-

тор, как Николаев, связался с "малораскрученной" певицей. Игорь на это отвечает: не певицы делают его, а, наоборот, он, Николаев, делает их. "Я вижу материал, с которым можно плодотворно работать, — считает маэстро, — и не хочу тупо штамповать шлягеры, не зная, кому именно их посвящаю. Мне важны характер и душевное настроение моего соавтора. А Диана — певица с кристально-чистой и неимоверно притягательной душой. Трудно сказать, кто получает большее удовлетворение от нашего общения — я или она. Писать для Дианы — святая гордость".

Сама же Диана знает себе цену и отнюдь не намерена бежать к любому эстраднему мэтру, который позовет ее. Недавно один из известных российских композиторов предложил Гурцкой свою новую песню и был откровенно удивлен и даже раздосадован, что Диана отказалась. Услышав песню, девушка сказала, что петь ее не может — душа не принимает мелодию.

— Дорогая, — достаточно резко заметил композитор, — тебе рано сортировать песни, логичнее было бы петь все подряд. Все-таки не такая уж ты и звезда.

— Так почему же вы предлагаете свою "звездную" песню начинающей певице? — поинтересовалась Диана.

— Моя песня сделала бы тебе имя.

— Оно у меня уже есть. Меня зовут Диана Гурцкая — куда уж звучнее! — рассмеялась девушка.

Несмотря на слепоту, Диана знает практически все цвета и оттенки. Потрясающий случай произошел с ней однажды. Как-то ночью Диана проснулась и испуган-

но позвала из соседней комнаты свою сестру. Когда та прибежала, Диана рассказала, какой страшный сон ей приснился: "Будто я приехала выступать в концертный зал "Россия" и забыла свое красное концертное платье".

— Какое?! — переспросила сестра.

— Ну помнишь, мое любимое, красное.

"Сестра просто оторопела, — говорит Диана. — Ведь мне никто никогда даже не заикнулся о том, что мое платье красного цвета. А я об этом знала".

Как тут не вспомнить еще раз о даре ясновидения. Тем более, что певица может определить возраст, рост и цвет волос собеседника по его манере говорить и интонации голоса. Звуки рождают в Диане ассоциации, которые в большинстве случаев совершенно идентичны реальным внешним признакам человека.

— Когда я слышу Пугачеву, то вижу перед собой обаятельную женщину с красивой улыбкой и выразительными глазами. А низкий голос говорит о ее значимости и женской мудрости.

Что касается меня самой, то я не люблю, когда меня жалеют и сразу пресекаю малейший намек на это. У меня есть ноги, руки, голова, а главное, у меня есть голос, посредством которого я общаюсь с публикой. Помните, у Высоцкого: "Я дышу, и значит я живу". Я так долго мечтала обрести зрение, что эта мания в итоге переросла в глобальную любовь к окружающим, которая, собственно, и придает мне силы. ■

Беседу вел

Рамазан РАМАЗАНОВ.

Фото автора

Гуляй

Олег ПОЛОНСКИЙ

1 января. Празднование Нового года.

В старину существовал обычай в зимнее время под Новый год от всякого дома приносить на Красную горку по снопу от хлебов злаковых: пшеницы, ржи, ячменя, проса. Обычно несли снопы старые люди. Обвязывали праздничным льняным полотенцем с вышитыми обережными знаками. Оставляли снопы на ночь. А утром сходились вновь у Красной горки и глядели, какой же хлеб инеем да снегом укрыт? Была примета: тем колосом хлебом, который больше укроется снегом, будет поле красно летом.

Затем снопы приносили обратно домой, отрывали от них соломинки и складывали их на столе, прикрыв льняным полотенцем. По древнему поверью, если девица

вытаскивала соломку, то соломка могла назвать ей имя суженого и указать, какого он росту. Также верили, что в Новогоднюю ночь нечистую силу с метелями зима выпускает из-под норяг лесных, колод гнилых. Собирается нечистая сила на свои последние потехи. Месяц — на ущерб, а нечистая сила — на свет. Говорили старые люди: "Ни крынку, ни чашку на столе к вечеру не оставляй, так как туда может вселиться неведомая сила".

7 января. Рождество Господне.

Это один из самых почитаемых и главных праздников на Руси. Рождеству Христову предшествует сорокадневный пост, который русские люди называют Филипповнами, поскольку начало его прихо-

— не хочу?

январь

дится на следующий день после празднования апостола Филиппа. В России это время холодов, крепких морозов и метелей. Пост этот не особенно тяжелый, как говорят в народе, "больше холодный, чем голодный". Филипповни отличаются особым последним днем накануне Рождества — Сочельником. День строгого воздержания заканчивается редким кушаньем — сочивом. Само слово "сочиво" означает сок или молочко семян. Кушанье с этим соком или молочком считалось обязательным. Готовили его из сока миндального, манового, с медом, из каши сваренной из красной пшеницы, ячменя или гречихи, позднее — из риса.

Радость Сочельника — в светлом предпраздничном настроении и волнении. Православная рожде-

ственная служба совершается ночью, в тот же час, когда произошло само событие — рождение Христа, и заканчивается под утро.

Уставшие и радостные люди собираются под семейным кровом для долгожданного праздничного угощения, разговления после поста. Русский рождественский стол издревле у людей скромного достатка представлен печеной или жареной бараниной, свиной, домашними колбасками, солониной, лапшой с гусиными потрохами. Запивали все это квасом и крепким пивом. Любили закусывать копченой птицей — утками, гусями, а также ветчиной и вяленым мясом. Заезжие иностранцы дивились невиданной дешевизне съестных припасов на

рисунок Виктора Ковали

Руси в 16-17 веках. Праздничное народное питье состояло из простонародного крепкого пива, огромного количества различного вида квасов, ягодных морсов, медовухи и виноградных вин, а также водки. А вообще выбор блюд для праздничного стола зависел от традиций и местных обычаев.

Сразу же после празднования Рождества вплоть до Крещения (19 января) наступал особый период, называемый святками. Святки — наиболее почитаемый праздник у славян, который сопровождался богатым выбором обычаев, обрядов, примет и гаданий. Святки или святые вечера — это дни веселья и священного торжества, приуроченного к христианскому празднику Рождества Христова. Эти дни называются еще мясоедом. В этом празднике можно наблюдать смешение старинных языческих обрядов с некоторыми евангельскими эпизодами жизни Иисуса Христа. Языческие святки всегда сопровождалась гаданиями, играми, наряжанием и прочими забавами, и эта сторона праздника не имела ничего общего с христианским представлением о смысле евангельского праздника. Само слово "святки" говорит нам о святости дней в связи с великим событием в христианском мире — рождением Иисуса Христа. Но в глубокой древности зимние святки представляли собой длительный период заклинаний, во время которого подводились итоги прошедшему году и проводились заклинания на все 12 месяцев следующего года с пожеланием богатого урожая. Длелись святки 12 дней.

Исследования свидетельствуют, что языческие святки заимст-

вованы у греков. Ежемесячные римские праздники (наленды) стали известны на Руси по переводной литературе. От этого слова произошла народная форма понятия "коляда". Возможно, этот термин связан с понятием "круга солнца". Это слово прочно укоренилось практически у всех славянских народов: у русских, украинцев, сербов, болгар, чехов.

У древних славян также существовали свои ежемесячные праздники наподобие римских наленд. Такие коляды-наленды предусматривали обязательный сбор продовольствия у жителей той местности, где совершалось празднество, а также заклинания с целью будущего изобильного года. Эти праздники были посвящены древнему языческому божеству — богине плодородия Макоше, которая являлась предшественницей христианской Параскевы-Пятницы.

История наленд и коляды приводит к мысли, что в этом обряде отразился весьма архаичный пласт представлений древних народов не только славянского происхождения, но и Западной Европы. Наленды существовали у греков и римлян, и обычай наряжаться и надевать маски еще длительное время продолжал жить в Европе, несмотря на преследования со стороны христианской церкви. Сначала наленды отмечались каждое начало месяца, но римский император Юстиниан расширил празднование январских наленд на все время зимних святок — от Рождества до Крещения. А поскольку этот период времени был эпохой теснейших связей с Византией, то обычай отмечать святки в начале на-

ждого года перебрался в славянские земли.

Сам обряд колядования у русских язычников начинался 24 декабря. Люди начинали славить Коляду. Некоторые источники считают, что Коляда был древним богом пиршеств и мира, но этому нет прямых подтверждений. В период колядования группа людей ходила по дворам, пела заклинания и пожелания всяких благ каждому дому. При этом был обязателен сбор съестных припасов в общий мешок, которые потом съедались участниками обряда.

Одной из характерных черт колядования и других святочных игр является ряжение — одевание тулупов шерстью вверх, ношение звериных масок, шумные карнавальные пляски в домах и на улицах. В этих играх у колядных костров принимали участие и женщины, что подтверждает связь праздника с культом богини Макоши. Ритуальные маски изображались на серебряных браслетах, до наших дней дошли и подлинные маски, сделанные из кожи. Они были найдены при археологических раскопках близ Новгорода. Эти маски обшивались мехом или какой-нибудь материей для того, чтобы придать маске вид того или иного животного. Маскарады продолжались все зимние святки, приобретая особый размах в их вторую половину — от первого до шестого января. Во время игрищ производились самые разнообразные обрядовые действия, причем смешение обрядов было настолько сильным, что в наше время не удастся установить какую-нибудь систему в обрядах в период святочных дней.

Многие эпизоды новогодних увеселений восходят у славян к разным обрядам разных месяцев года. Здесь и сожжение чучела, и сноп, связанные с месяцем жатвы — августом, и соломенная кукла (март). Песни и обряды в период святков вбирают в себя элементы других праздников на протяжении всего года.

В святочные обряды обязательно входило гадание, при помощи которого по каким-нибудь особым искусственным или естественным знакам старались определить свое будущее. Впоследствии, когда на Руси стало распространяться христианство, само гадание постепенно стало превращаться в вид ворожбы. Ворожба же представляла собой действие сверхъестественных враждебных сил и приравнивалась к колдовству, а значит и к бесовскому занятию. Преследовавшаяся церковью гадание постепенно превратилось из языческого обряда в народную забаву. В святочные дни гадание было широко распространено среди народа.

Время гаданий и заклинаний будущего урожая — ночь под Новый год и первое января следующего года. Под руководством 12-ти стариков производились различные обряды и пелись песни в честь "славы хлебов".

Другая тема новогодних гаданий — это замужество, тут гадали на зерналах, на снах, под окном, при помощи лучины — все эти виды гаданий преследовали в сущности одну цель — узнать свое будущее и свою судьбу... Из древности до нас дошло огромное количество самых разнообразных форм гаданий, которые в святочные дни совершались обычно вечером или ночью.

Надо отметить, что вообще на Руси святки, ряжения, маскарады пользовались огромной популярностью среди народа и даже во времена распространения христианства. Церковь, конечно, всячески преследовала языческие игрища ряженных, но окончательно вытравить веселые святочные проделки и маскарады не смогла.

Русская история указывает нам, что и царь Иван Васильевич Грозный со своими опричниками принимал участие в святочных играх, надевал маски и личины подобно скоморохам и даже назвал своего приближенного Репнина за то, что тот отказался от маскарада. Царь Петр I тоже любил святочные игры и сам активно участвовал в них. Он приказывал наряжать своих приближенных в различные одежды и в сопровождении хора певчих ходил с ними к боярам по домам славить и колядовать.

В разных областях Руси святки имели свои особенности и свои названия. Так, в Новгороде людей, которые ходили до Крещения ряженными по городу в те дома, где были выставлены зажженные свечи на окнах, называли окрутниками. Окрутники тешили народ шутками, представлениями, плясками и песнями. Под Москвой существовал обычай называть сочельник "колядою" и в ночь на Рождество возить в санях девушку, одетую поверх зимней одежды в рубашку. Ее и выдавали за коляду.

Святки, как и канун Рождества, всегда были наполнены радостью и весельем. В наши дни святки сохранились как христианский церковный праздник несмотря на то, что в нем присутствуют элементы древних языческих культов и связанных с ними обря-

дов. В течение веков народные и церковные установления настолько тесно переплелись, что в настоящее время их трудно различить. Но тем не менее этот симбиоз язычества и христианства является характерным для русских традиций.

19 января. Крещение.

По народным приметам ясная и холодная погода — к засушливому лету, пасмурная и снежная — к обильному урожаю. В этот праздник памяти Крещения Спасителя подавали на стол крестильную кутью на молоке с маслом, яйцами и сливками. Пекли всевозможные сдобные пирожки и булочки, которым старались придать самые неожиданные формы: цветка, подковки.

23 января. Григорий.

Иней выпадает — к сырому лету, ветер с юга — к грозovому, дождливому лету.

24 января. Федосья.

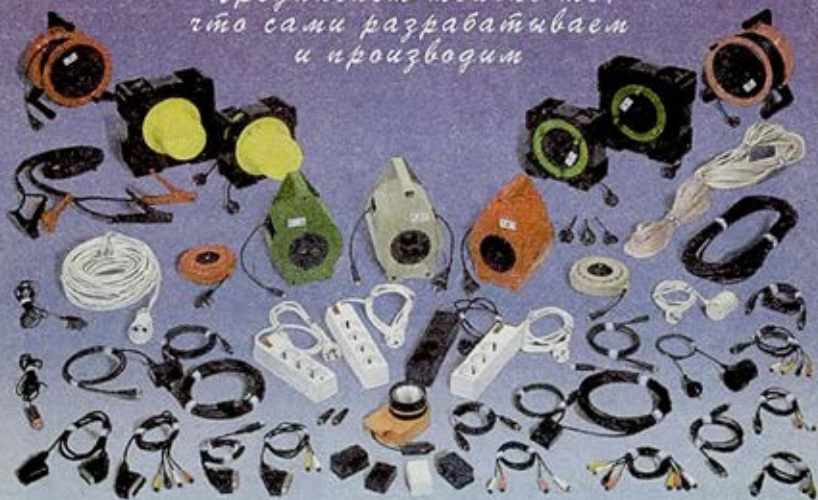
На Федосью тепло — к ранней весне.

25 января. Татьяна.

На Татьяну солнышко — к раннему прилету птиц. Если на Татьяну снег — к дождливому лету. Святая Татьяна считается покровительницей студентов. В Москве в здании университета на Моховой улице в 1837 году была устроена церковь св. Татьяны, праздник которой падает на 25 января — день подписания императрицей Елизаветой Петровной указа об учреждении Московского Императорского Университета. С тех пор мученица Татьяна, римлянка, жившая в первой половине III вена, сделалась покровительницей Московского университета. Татьянин день широко отмечается сегодня в студенческой среде. ■

Э ЭЛЕКТРОБЫТ

*Предлагает только то,
что сами разрабатываем
и производим*

*УДЛИНИТЕЛИ
СОЕДИНИТЕЛИ
АДАПТЕРЫ*

СИЛОВЫЕ ●
ТЕЛЕВИЗИОННЫЕ ●
ТЕЛЕФОННЫЕ ●
АВТОМОБИЛЬНЫЕ ●
ВИДЕО И АУДИО ●

Мы нужны всем и всегда!

111024, Москва, в/л 42
шоссе Энтузиастов, 5

Тел.: 918-0080
Факс: 361-6831

Тайп: 113174 ЖИЛА
E-mail: elektrobity@mtu.ru

**Премии
"Смены"
за 1999 год
присуждены:**

Лилия БАЙРАМОВА

Светлана
БЕСТУНЕНКО-ЛАДА

Олег ДЗЮБА

Николай АЛЕНСАНДРОВ

Любовь МАНЬНОВА

Лилии БАЙРАМОВОЙ —

за цикл очерков “Всемирная галерея” (№№ 1, 2, 5, 7, 12);

Светлане БЕСТУЖЕВОЙ-ЛАДЕ —

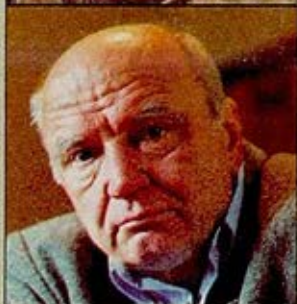
за цикл очерков “Личная жизнь” (№№ 1-4, 9-11);

Олегу ДЗЮБЕ —

за репортажи “Закусон” (№ 1), “Рыбалка по-камчатски” (№ 2), “Здесь живет Дед Мороз” (№ 12);

Николаю АЛЕКСАНДРОВУ —

за очерки “Параллельная жизнь” (№ 2), “Грядет ли век пирамид?” (№ 8), “Системщику и женщины — до фени” (№ 11); “Жизнь сначала” (№ 12);

Любови МАНЬКОВОЙ (РУСЕВОЙ) —

за цикл очерков “Издалека” (№№ 1-12);

Эвелине МЕЛЕНЕВСКОЙ —

за переводы романов Рут Рэнделл “Пойман врасплох” (№ 1), Эвелин Беркман “Случайный спутник” (№ 9) и рассказов Фредерика Рэффила (№ 6);

Евгению НОСОВУ —

за рассказы “Жаних” (№ 2) и “Уха на троих” (№ 7);

Виктору ПРОНИНУ —

за роман “Высшая мера” (№ 6);

Ирине СЕМАШКО —

за очерки “Иная” любовь Марины” (№ 7) и “Три шестерки” Александры Коллонтай” (№ 10);

Леониду ШАРОВУ —

за очерки-монологи “Открытым текстом” (№№ 2, 6, 8, 11).

Военнослужащие прав не лишаются

"Отслужив в армии, я вернулся и обнаружил, что квартира, где я проживал вместе с бабушкой, приватизирована и передана по договору ренты. Можно ли как-то оспорить заключение этих договоров?"

М. Савичев,

Кемеровская обл.

Можно, поскольку приватизация в данном случае была проведена с нарушением действующего законодательства. Согласно ст. 2 Закона РФ "О приватизации жилищного фонда в РФ" в редакции от 28.03.98 г. приватизация жилых помещений проводится с согласия всех совместно проживающих членов семьи в возрасте от 14 лет. То, что вы проходили военную службу, не является основанием для лишения вас прав на квартиру. В Федеральном законе "О статусе военнослужащих" от 6.03.98 г. прямо предусматривается ч. 2 п. 11 ст. 15 сохранение за военнослужащими, проходящими службу по призыву, жилых помещений, занимаемых до призыва (поступления) на военную службу. Таким образом, приватизация не могла быть проведена без вашего согласия.

Договор о передаче квартиры в собственность (сделка приватизации) должен быть признан недействительным как заключенный в нарушение положения ст. 2 Закона РФ "О приватизации жилищного фонда в РФ".

Соответственно, сделка по передаче квартиры по договору ренты с пожизненным содержанием так же будет признана недействительной. Основание – право собственности на квартиру, необходимое для передачи ее по договору ренты, не наступило, так как приватизация проведена с нарушением законодательства.

Не берите деньги у агитаторов

"Перед проведением выборов в органы местного самоуправления общественного объединения, проводившее агитацию, вручило нескольким пенсионерам небольшие суммы денег, чтобы возместить расходы на проезд к месту голосования. Является ли это нарушением законодательства о выборах?"

Т.И. Ивашова,

Краснодарский край

В описанном вами случае действительно было нарушено законодательство о выборах, а именно Федеральный закон от 23.10.96 г. "Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления".

Ст. 25 Приложения к указанному закону запрещает кандидатам и их уполномоченным представителям передавать избирателям денежные средства, вручать подарки и иные материальные ценности. Исключение составляет вознаграждение за выполнение

предвыборной организационной работы, например, дежурства на избирательных участках, сбора подписей и тому подобного. Не допускается льготная распродажа товаров, бесплатное распространение любых товаров, за исключением печатных, в том числе иллюстративных, материалов, а также значков, специально изготовленных для избирательной кампании.

Кандидаты и их уполномоченные представители не вправе воздействовать на избирателей и обещаниями передачи им денежных средств, ценных бумаг и иных предметов.

Ваше увольнение незаконно

"Я много лет проработал на одном предприятии в местности приравненной к району Крайнего Севера. В этом году меня уволили по сокращению штатов. После этого я узнал, что на моем месте был оставлен работник с меньшим стажем. Мне 51 год, и я единственный работник в семье. Законно ли мое увольнение и куда следует обращаться для восстановления на работе?"

Г.Д.Кадысева,
Татарстан

Действительно, в вашем случае администрацией не были в полной мере соблюдены требования трудового законодательства, а именно кодекс законов о труде РФ. КЗоТ РФ устанавливает довольно строгие правила для работодателей в случае сокращения штатов и высвобождения работников. В общем виде процедура такого увольнения выглядит следующим образом.

Прежде всего администрация предприятия должна письменно

предупредить работника о предстоящем сокращении не менее чем за два месяца. Одновременно с этим предупреждением работнику предлагается другая подходящая работа на этом же предприятии. Только в случае отказа продолжить работу на предложенном месте работник может быть уволен. При этом согласно ст.35 КЗоТ РФ увольнение по сокращению штатов производится только с предварительного согласия профсоюзного органа.

Далее нужно учесть то, что при сокращении работников должна применяться ст.34 КЗоТ о преимущественном праве на оставление на работе некоторых категорий работников. К таким лицам в числе прочих относятся работники, имеющие длительный стаж работы на данном предприятии, а также являющиеся единственными работниками в семье. При этом наличие сразу двух преимуществ дает больше оснований для оставления на работе.

Кроме того, судебной практикой выработано положение о том, что предпочтение должно даваться также лицам, которые вскоре должны уйти на пенсию.

Таким образом, у вас есть все основания для заявления требования о восстановлении на работе, так как даже несоблюдение одной ст.34 КЗоТ является серьезным нарушением трудового законодательства.

Для защиты ваших нарушенных прав следует обращаться непосредственно в суд с иском о восстановлении на работе. ■

Ольга Корытко,
консультант "Смены"

по юридическим вопросам

Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**
 IX международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

1. Л. ЛЕБЕДЕВ

Бобруйск, Беларусь

2

2. В. ГРЕБЕШКОВ

пос. Середка Псковской обл.

2

3. А. СЕВЕРУХИН

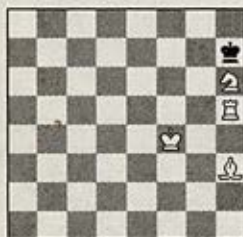
Ижевск

2

4. В. КОНОВАЛОВ

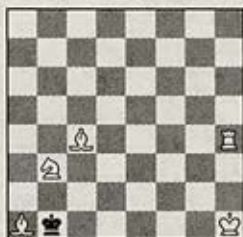
Туапсе

3

5. В. СИМОНОВ

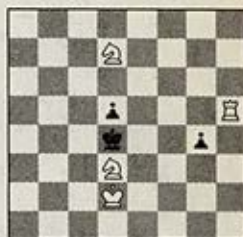
Самара

3

6. В. ГРЕБЕШКОВ

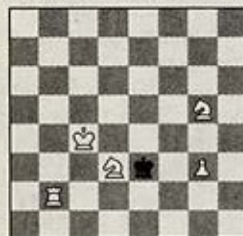
пос. Середка Псковской обл.

3

7. М. МАТРЕНИН

г. Колпино Ленинградской обл.

б) Кд-а3

3

8. М. НОРМИЛЬЦЕВ

Екатеринбург

6

9. В. ЛЕКАХ

г. Обнинск Калужской обл.

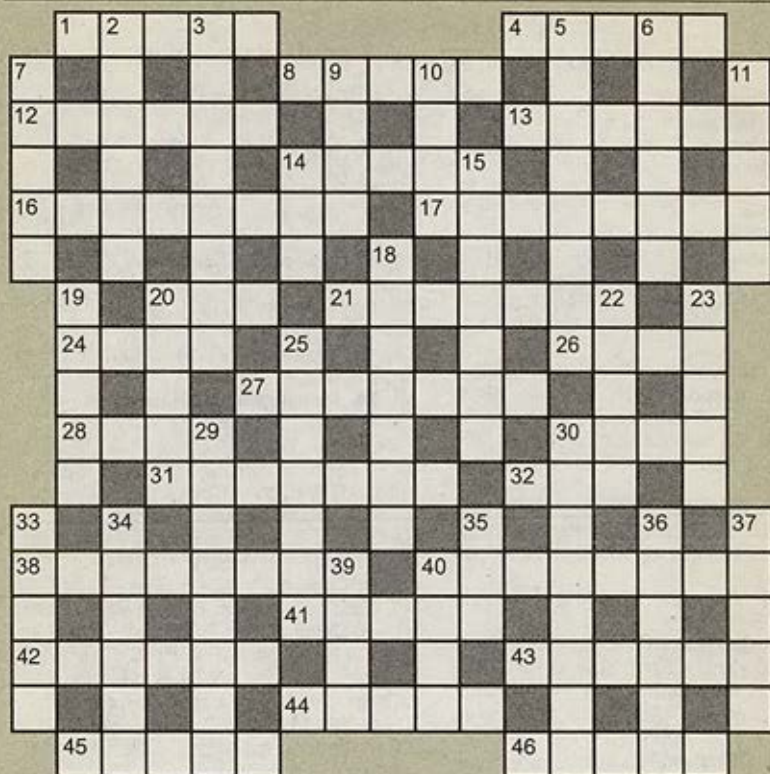
7

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ, опубликованных в "Смене" №№ 1-3, 1999

1. **Лебедев.** 1.b7
2. **Н. Лебединец** 1.Лh1
3. **В. Черных** 1.Фh1
4. **С. Радченко.** 1.Фh1
5. **В. Мельниченко.** 1.Сf5!, 1Фс7?, Се4? f5!
6. **Р. Федорович.** 1.Фf5!
7. **Григорян** а) 1.h7 Кpg4 2. h8N; б) 1.g7 Кpg4 2. g8N (2. g8Фдуаль)
8. **М. Марандюк.** 1.Hd6! Кpe5 2.Фe4, 1...Кpe3 2.Ла3. 1.Фd5? Кpg4!, 1. Нh4? Кpe3!
9. **В. Гребешков.** 1.Фh5! Кpd3 2.Фf5
10. **Г. Егоров.** 1.Фh1! Кpd4 2.Фe4, 1...Кpf6 2.Фh6, 1...Кpf5 2.Фh5
11. **А. Черненко.** 1.Се2! Кrb5 2.Лd5, 1...d5 2.Ле3, 1...Кrc4 2. Кpd6 (дуаль-2.Кrc6)
12. **Е. Марков.** 1.Сb5! - 2.Фс6 Кpd4 3.Фс4x, 1...Кpe6 2.Фe4 Кpd6 3.Фe5x, 2...Кrf7 3.Фe8x, 1...Кpd6 2.Фс6 Кpe7 3.Фf6x
13. **В. Воинов.** 1.О-О! Кpg4 2.Кpg2 Кpg5 3.Лg3
14. **И. Сорока.** 1.О-О! b3 2.Лd5 Кrb4 3.Кpd2 Кра3 4.Кrc3 Кра2 5.Лd1
15. **С. Ткаченко.** 1.g4 Кrf1 2.Ла2 Кpe1 3.g5 Кrf1 4.g6 Кpg1 5.g7 Кrh1! 6.Ле2! Кpg1 7.g8Ф
16. **Л. Лебедев.** 1.Кrc4!
17. **В. Рябцев.** 1.Сh8!
18. **Р. Сурков.** 1.Сb3!
19. **В. Желтов.** а) 1.Не6! Кpe6 2.Лh5, 1...Кpd5 2.Фf5; б) 1.Кpd5! Hd5 2.Фf4, 1...Кpd4 2.Кpd6
20. **Е. Фомичев.** 1.Кpe4! Н- 2.Фh5, 1...Hd3 2.Сg4, 1...Не2 2.Фа1
21. **А. Степочкин.** 1. f4! gf 2.Кpg4, 1...Кrf5 2.Кrh5, 1...gh 2.Кpg4
22. **Ю. Лялюшкин.** 1.Кrc7! Нf8 2.Лh6 Hd7 3.Лh8, 1...Hg5 2.Лg6 Нf7 3.Лg8
23. **М. Чернушко.** 1.Лh3! Кrc8 2. Кrc6 Кrb8 3.Сf2, 1...Кpe8 2.Кpe6 Кrf8 3.Сf6
24. **Ю. Сушков.** 1.Фf7! Кpe4 2.Кrc4 e5 3.Кrb3 Кpd3 4.Фс4
25. **С. Радченко.** 1.h4!
26. **А. Слесаренко.** 1.Сg6!, 1.Сb5? c4!
27. **В. Гребешков.** 1.Нb6!
28. **В. Клипачев.** 1.Лg1!
29. **В. Марковций.** 1.e5!, 1.Сс2? Нb5!
30. **Г. Мосиашвили.** 1.Фe2!, 1.Фh5? Нf7!
31. **В. Лукашев.** 1.Кpd5! Кpg6 2.Фe7, 1...Кpg8 2.Сh6
32. **И. Сорока, Ю. Костив.** 1.Фd6 - 2.Сс4, 1...Кpe8 2.Фс7, 1...Кpg7 2.Фe7
33. **М. Налгин.** 1.Ла7 Са7 2.b7
34. **Л. Лебедев.** 1.О-О! О-О 2.Лg1, 1.Лd1? О-О!
35. **М. Чернушко.** 1.Лb6! Ла8 2.баЛ!, 1...Лс8 2.bcН!
36. **В. Симонов.** 1.Фс7! Кpe3 2.Ле1, 1...Кpd2 2.Фe5, 1...Кrf2 2.Фg3
37. **А. Кудрявцев.** 1.h8С! Кrh6 2.f7 Кpg6 3.f8Л!
38. **М. Марандюк, Н. Нагнибида.** а) 1.Фe7 Кpg6 2.g3 Кrh6 3.Фf7 Кpg5 4.Фg7x; б) 1.Фf7 Кpg5 2.Фe6 Кrh5 3.Фf6 Кpg4 4.Фg6x; в) 1.g5 Кpg7 2.g4 Кrh7 3.Фf8 Кpg6 4.Фg8x
39. **В. Желтоножко.** 1.Фd8 Кpe5 2.Нf3 Кpe6 3.Нg5 Кpe5 4.f4x, 1...Кrf7 2.Кrf5 Кpg7 3.Нg6 Кrh7 4.Фh8x
40. **И. Сорока.** 1...С - 2.Лh7x, 1.Нb6! Сd6 2.Hd7 Сb4 3.Нb8 Кра5 4.Ла7x
41. **Ю. Сушков.** а) 1.Се7! a5 2.Сd8 Кpd6 3.Кpd4 a4 4.Лf4 Кpe6 5.Лf6x, 2...Кrc5 3.Сс7 a4 4.Кrc3 Кpd5 5.Ле5x; б) 1.Са5 Кpd6 2.Кrc4 a3 3.На6 a2 4.Нс5 a1Ф 5.Ле6x, 1...a3 2.Сс7 Кrc5 3.Кrc3 Кrb5 4.Ле5 Кра4 5.Ла5x
42. **З. Гнат.** 1.Кrc6 Кrb8 2.Се6 Кра7 3.Кrc7 Кра8 4.Сс8 Кра7 5.b6 Кра8 6.Сb7x
43. **Ю. Лялюшкин.** а) 1.Hd5! Сg4 2.e4 Се6 3.Не3 Сh3 4.e5 Cf1 5.Нf5; б) 1.Нс8! Сg4 2.Hd6 Cf5 3.Нb5 Сg4 4.Hd4 Cf3 5.Нf5
44. **М. Нормильцев.** 1.Лс2! Лb1 2.Кpd2 Ле1 3.Кpe1 Кrb1 4.Кpd2 Кра1 5.Кrc3 Кrb1 6.Кrb3
45. **В. Морозов.** 1.Сg3! Кpg1 2.Сh2 Кrh1 3.Сg3 h4 4.Сh2 Кrh2 5.Кrf2 Кrh1 6.Нg4 h2 7.Кrf1 h3 8.Нf2x, 2...Кrh2 3.Кrf2 Кrh1 4.Нf1 h4 5.Не3 Кrh2 6.Нg4 Кrh1 7.Кrf1 h2 8.Нf2x

Правильные ответы на все задания прислали: **Ю. КАРТАШОВ** (Санкт-Петербург), **В. КОЖАКИН** (Магадан), **А. МОТОВИЧЕВ** (Архангельск), **Г. ПОПОВ** (Якутск), **В. СИМОНОВ** (Самара), **В. ШУМАРИН** (Москва). ■

КРОССВОРД

По горизонтали. 1. Дорожка н елке, протоптанная любителями встречать Новый год в лесу. 4. Пирожное с кремом. 8. Подарок судьбы болельщину на хоккейном матче. 12. Музыкальное содружество. 13. Город на реке Вопь в Смоленской области. 14. Кавалер, бьющий даму. 16. Объект замаривания за столом. 17. Человек, плывущий по волнам судьбы. 20. Самый известный опереточный мистер. 21. Псыанское действие. 24. Телега хлеб в дом возит, а ... на базар (русская пословица). 26. Двуполое небесное тело. 27. Хвалебное церковное песнопение. 28. Домашний "теплоход". 30. Самый новогодний зверек. 31. Закрытое средство доставки новогоднего послания. 32. Звук от бегущей тройки. 38. Русское название прибора штихмасса. 40. Медово-плодовый сахар. 41. Пушной зверь, которого можно встретить у польньи. 42. Самый никудышный подарок школьника родителям. 43. Упущенный шанс ружейного охотника и шанс зверя уй-

ти живым. 44. Наличница. 45. Если ее трут, джинн тут как тут. 46. Снежное сумасшествие.

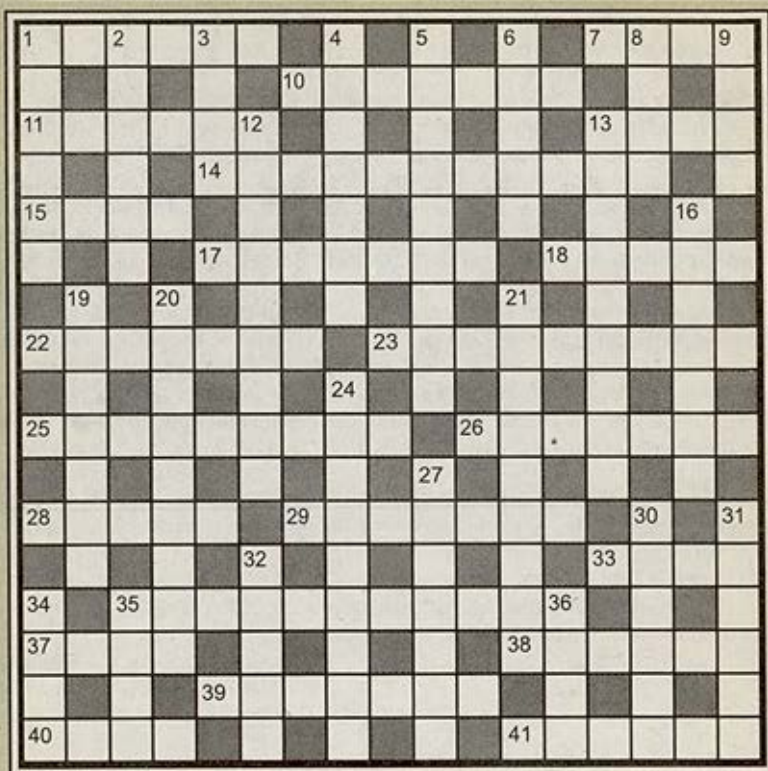
По вертикали. 2. Быстрее всех, выше всех или дальше всех. 3. Парный предмет солдатской экипировки, способный при обмороке заменить нашатырь. 5. Праздник, где теряют свое лицо. 6. Русский лирик, написавший стихотворение "Русалка под Новый год". 7. Самый эстрадный суп. 9. Рисовая водка, какой встречают Новый год на Востоке. 10. Хорошая мина при плохой игре. 11. Желанная персона за праздничным столом. 14. Зимняя песня волна. 15. Каждый в экипаже "машины боевой" из песни. 18. Музыкальный инструмент, чьи звуки возвещают начало торжества или парада. 19. Начало страха. 20. Мыслитель, попавший в суп. 22. Инакомыслящий умник в русских сказках. 23. Русская надриль. 25. Актер, исполнивший роль зануды в фильме "Ирония судьбы, или С легким паром". 29. Судьбоносная таблица взаимного расположения звезд и планет, составленная для того, кто чужому дяде верит больше, чем себе. 30. Наглядное качество Соколиного Глаза. 33. Еда, закуски, нание ставили на праздничный стол в старину. 34. В "Евгении Онегине" А. Пушкин высказал надежду: "И, сохраненная судьбой, быть может, в Лете не потонет..., слагаемая мной". 35. Горы во Франции и Швейцарии, где в самоволку не рубят елку. 36. Древнейший плавучий зоопарк. 37. Ружейная пуля на волна. 39. Ситуация у четверых застольных стуначей, заставляющая пересчитать кости. 40. Зафалдованный пиджак. ■

*Составил Ю. КЛИМОВ,
Данков Липецкой области*

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали. 7. Верона. 9. Италия. 11. Клупп. 13. Надбава. 14. Портулак. 15. Такси. 18. Хавтайм. 19. Овчинна. 20. Ферма. 21. Яковлев. 25. Глетчер. 28. Ерин. 29. Доллар. 30. Цейс. 32. Шарм. 33. Трепан. 35. Дело. 37. Эмальер. 41. Живодер. 44. Умора. 45. Прорубь. 46. Генерал. 47. Жамка. 50. Нанонада. 51. Застолье. 52. Белна. 53. Нондор. 54. Ревком.

По вертикали. 1. Щербатов. 2. Ротвейлер. 3. Накат. 4. Хиппи. 5. Заправила. 6. Фигурист. 8. Зуен. 10. Дамаск. 12. Ланкре. 16. Ашер. 17. Самсон. 22. Опера. 23. Лесть. 24. Винер. 25. Глиен. 26. Ершов. 27. Черед. 31. Заимна. 34. Рембрандт. 36. Лидерство. 38. Маршан. 39. Ларионов. 40. Юрок. 42. Оденолон. 43. Енанье. 47. Жабры. 48. Моль. 49. Азарт.

ЭРУДИТ

По горизонтали. 1. Размоченные хлебные зерна как строгая пища в канун Рождества. 7. Лепесток розы ветров. 10. Сокол, способный не есть 35 дней — дольше всех пернатых. 11. Каждый артельный рыбак в "Гамбринусе" А. Куприна. 13. Горы в Америке, которые В. Хлебников предлагал украсить огромной головой Д. Бурлюка. 14. Человек, часто замечающий лишь то, что он хочет видеть. 15. Имя богатыря — единственного казана в былинах. 17. Леденцы, изобретенные разносчиком торговца Елисеева. 18. Питье, поданное римлянами Христу, распятому на кресте. 22. Название на Руси кремля до XIV века. 23. Тетеревиные смотрины. 25. Подмосковное промысловое село, где шутят: "У нас ребенок рождается с кисточкой". 26. Король, завоевавший почти всю Галлию и положивший начало Франкскому государству. 28. Корабельный роддом. 29. Фамилия по первому мужу Жозефины — первой жены Наполеона. 33. Узкий оноп. 35. Наивная, смешная вера. 37. Созвездие, похожее на параллелограмм. 38. Любивший восточную экзотику русский художник, близкий к "Голубой розе". 39. Крупный советский писа-

тель, не любивший отождествлять себя с интеллигенцией, которую презирал. 40. Металл Тельца в астрологии. 41. Мифический герой, чьи муки стали крылатыми словами.

По вертикали. 1. Самоцвет, срастающийся с живой тканью организма без нежелательных последствий. 2. Буддийский храм-молельня в Индии, обычно пещерный. 3. Оруженосец. 4. Народный "Ванька-ключник" по жанру. 5. Адмирал, предлагавший образовать академию из декабристов, осужденных на каторгу и ссылку. 6. Парижская тюрьма, на месте которой королева Маргарита Прованская открыла первую во Франции богадельню. 8. Единица "женьминьби" ("народных денег"). 9. Большая пална, особенно в деревенской потасовке. 12. Птичка, которую раньше шахтеры брали в забой. Если она поднимала кверху лапки — значит появился газ. 13. Великий полководец античности, знавший в лицо и по имени тридцать тысяч своих солдат. 16. Металл, загорающийся на воздухе. 19. Ж. Кальвин как житель города, превращенного им в столицу протестантского мира. 20. Прилегающий к корням растений слой почвы, богатый микроорганизмами. 21. Страна, чьи голубеводы вывели дутыша. 24. В. Набоков по отношению к бабочкам. 27. Название хлопца в гоголевских "Вечерах на хуторе близ Диканьки". 30. Похожий на известняк минерал, помогающий растениям лучше усваивать удобрения. 31. Рогоносец из преисподней. 32. Шест для управления нартами на Севере. 34. Черная траурная хоругвь в Иране. 35. Обычный водоем на картинах русских художников. 36. Название у эвенков скалы, высокого берега, осыпи.

ОТВЕТЫ НА "ЭРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали. 4. Тринакрия. 9. Сычение. 11. Крысохвост. 12. Поллукс. 14. Аннад. 16. Бизе. 17. Хоугс. 18. Струя. 19. Лещ. 23. Тевяк. 24. Перепродажа. 26. Гипертрофия. 28. Астма. 29. Ерь. 31. Финал. 33. Цапля. 34. Доре. 35. Борец. 39. Терцина. 40. Мысловский. 41. Хорезми. 42. Лакричник.

По вертикали. 1. Высомерие. 2. Землетрясение. 3. Жинна. 5. Роршах. 6. Наст. 7. Нахи. 8. ...ирония... 10. Этвеш. 13. Склеп. 15. Штурм. 16. Бундесканцлер. 20. Щенок. 21. Пение. 22. Дюномолунгма. 25. Отвал. 27. Ярвет. 30. Юдома. 31. Фреска. 32. Нобили. 36. Ценоз. 37. Чобр. 38. Усач.

Левково

пансионат

Пансионат "Левково" Администрации Московской области — современный комплекс индивидуального, семейного и детского отдыха на охраняемой территории. Находится в 35 км от Москвы по Ярославскому шоссе. Бывшая барская усадьба. Современные постройки, пруд, лесопарк 18 га.

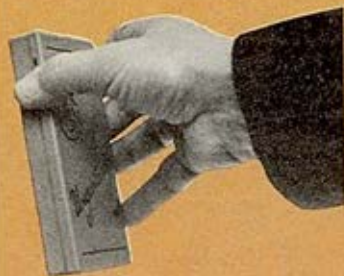
К Вашим услугам:

2-х комнатные люксы, 1-комн. полулюксы, 3-х местные с удобствами, 3-х разовое питание, бар, 2-х этанная сауна с бильярдом, футбольное поле, спортплощадка, катание на лошадях, библиотека, медпункт, прекрасные условия для проведения конференций, семинаров, банкетов, свадеб, конференц-зал на 250 мест, залы для занятий спортом, транспорт. Работает детский оздоровительный лагерь (июнь-июль).

Развлекательные программы с участием известных артистов эстрады и кино.

141200, г.Пушкино, пансионат "Левково"
тел. (095) 584-39-49, 584-39-62, ф.(253) 2-44-21

**Внимание
владельцев
микроволновых
печей!**

Хотите быть уверены в том, что вы правильно пользуетесь микроволновой печью, и она не оказывает вредного влияния на ваше здоровье?

Вам необходимо приобрести Индикатор СВЧ-излучения.

Контроль с помощью "Индикатора" достаточно прост. "Индикатор" поворачивают тыльной стороной к работающей печи и перемещают в пространстве вокруг печи на расстоянии 0,8-1,0 м. Появление звуковой и световой сигнализации свидетельствует об обнаружении повышенного уровня излучения.

В этом случае необходимо обратиться в ремонтную мастерскую.

Контролируя излучение микроволновой печи "Индикатором-СВЧ" завода "Протон", вы сохраняете здоровье.

Тел. (095)534-02-86, 534-33-50,
факс (095)534-33-08.

Вы будете выглядеть так, как мечтали

В жизни каждой женщины бывают моменты, когда, глядя в зеркало, она едва не впадает в отчаяние и говорит себе: "Надвигается старость!". Сначала морщинки вокруг глаз, потом вокруг губ, кожа становится суше, заметна ее усталость... С возрастом процесс старения ускоряется.

Неужели нельзя приостановить его или хотя бы замедлить? Ваши переживания будут длиться до тех пор, пока вы не воспользуетесь Российской омолаживающей косметикой "Лита-Цвет" производства НПФ "Лита-Цвет", уже известной потребителю такими косметическими сериями, как "Прикосновение..." и "Мастер и Маргарита".

Одна из основных причин старения — замедление в организме после 25 лет синтеза коллагена — белка, отвечающего за прочность, эластичность и упругость кожи. Но если организм не воспроизводит коллаген в достаточном количестве, значит его необходимо нанести на кожу извне? Правда, необходимо одно условие: коллаген должен хорошо и быстро проникать во все слои эпидермиса.

Главный секрет косметики "Лита-Цвет" — уникальный, не имеющий аналогов препарат "Эксолин". Состав "Эксолина" близок к фармакопейному коллагену, однако превосходит его по многим показателям, обеспечивая двойной эффект: во-первых, "Эксолин" создает влажную среду на поверхности кожи, во-вторых, обеспечивает проникновение питательных биокомпонентов во внутренние слои кожного покрова, усиливая процессы регенерации. Сочетание коллагеновых составляющих и уроновых кислот (их в "Эксолине", кстати, в восемь раз больше, чем в фармакопейном коллагене), отвечающих за процессы роста и восстановления тканей, придает "Эксолину" особое неповторимое качество.

Кремы серии "Лита-Цвет" обеспечивают глубокое, но деликатное очищение кожи, укрепляют кожу вокруг глаз, увлажняют и предохраняют ее от потери влаги, тонизируют, повышая защитные свойства, разглаживают мелкие морщинки, предохраняют кожу от сухости и шелушения, ускоряют заживление микротрещин и снимают раздражение. Идеальны для последующего нанесения макияжа, обладают эффектом лифтинга и лечебно-профилактическим эффектом.

С новинками серии "Лита-Цвет" мы будем знакомить вас в последующих номерах "Смены".

Спрашивайте косметику "Лита-Цвет" в магазинах. Приглашаем к сотрудничеству оптовых покупателей: Москва, ул. 9-я Парковая, д.37, корп.1 Тел. (095) 165-90-01, (095) 965-20-38.

“Калинка”:

наши меха снова станут лучшими в мире!

Меховому промыслу Вятки 200 лет — древнейшие традиции скорняжного дела передаются в этих местах из поколения в поколение. Не удивительно, что 8 лет тому назад кировчанин (а теперь вятч) Андрей Морозов своим бизнесом выбрал пошив меховых изделий, создав производственно-торговую компанию под названием “Калинка”.

Здесь используют отечественные и импортные меха, кожу, трикотаж. Уже несколько лет продолжается сотрудничество с двумя крупными итальянскими фабриками “Мото Альфредо” и “Альбатрос”, которые поставляют сырье для “Калинки”. Это и длинношерстная “Тоскана”, и дубленочные материалы под рептилию (лакированная “черепаха” и “кронодил”), классический “велюр”, а также имитирующая трикотаж овчина с определенным рисунком. Новое направление фирмы — работа с трикотажем: его комбинируют с кожей, замшей. Недавно стали шить элитные изделия из американской черной норки “Blackglama”, которую поставляет Сиэтлский Пушной Аунцион. “Калинка” нашла свою нишу, перейдя от выпуска массовых изделий к прет-а-порте. Изюминка фирмы — вышивка каракулем, которая украшает дубленки “Калинки”. Эту сложную ручную работу выполняет мастер вышивки Лидия Новалыч. В компании работает дизайнерская группа из семи человек, в основном, молодежь. Все таланты местные — вятские. Здесь говорят: как художнику Богом данный талант, даются скорняку руки и взгляд на мех. Поэтому главное богатство “Калинки” — специалисты. Благодаря их энергии и задору процветает фирма. Постепенно расширяется сеть фирменных магазинов, два из которых находятся в Кирове (Вятке), остальные — в регионах России (Тюмень, Красноярск, Омск, Уфа, Пермь, Нижний Новгород, Ижевск). В ближайшее время открывается магазин в Москве.

Руководство фирмы проводит активную маркетинговую политику, умело продвигает свои конкурентоспособные товары на отечественный рынок. Так, в конце прошлого года в Кирове впервые прошла ярмарка “Покупайте российские товары”, которую инициировала и финансировала ПТК “Калинка”. В ярмарке приняли участие 35 предприятий-производителей. Состоялась деловая встреча местных товаропроизводителей и оптовых покупателей. Кроме демонстрации своих товаров на стенде фирма на радость зрителям и участникам организовала театрализованное шоу. Главным украшением акции стала Надежда Кадышева с ансамблем “Золотое кольцо”, которая дала полуторачасовой концерт, и с успехом демонстрировала норковую шубу от “Калинки”.

Компания участвует в различных международных и российских выставках, является постоянным участником “Недели Российской моды” в Москве. Весной 2000 года “Калинка” будет участвовать в ежегодном международном меховом шоу, на которое она уже получила приглашение.

610002 г. Киров, ул. Милицейская, 14
(8332) 67-18-33 — менеджер по оптовой торговле
(8332) 67-32-52 — директор
(8332) 67-31-47 — факс (круглосуточно)
e-mail: morozov@kalinka.kirov.ru

МЕХА КОЖА
Жалинка

Шуба, дубленка, меховая шапка — отнюдь не роскошь в холодной России. А основа добротной меховой одежды — в красивом, качественном мехе. И многие модницы, щеголяющие в мехах в суровую русскую зиму, и не подозревают, что обязаны этим не только дизайнерам, портным и швеям, но и специалистам-звероведам.

Наково состояние селекционно-племенной работы в стране — таково меха, такова в конечном счете и сама зимняя одежда. Хороших хозяйств, сохраняющих свой высокий потенциал, не так уж и много.

Зверосовхоз "Пушкинский" — первенец отечественного звероводства. В 1928 году в хвойном бору недалеко от г.Пушкино Московской области была основана Московская экспериментальная ферма пушных зверей.

Первыми ее питомцами стали 96 серебристо-черных лисиц, 90 норок и 10 пар диких соболей, отловленных в Сибири. В тяжелые годы, во время Великой Отечественной войны удалось сохранить элитное племенное поголовье, эвакуировав животных в Сибирь.

В 60-90-е годы "Пушкинский" стал крупнейшим в стране производителем пушнины. Здесь создана уникальная порода — черный пушкинский соболь, который достойно представляет Россию на международных пушных аукционах в Лондоне, Копенгагене, Сизтле.

Учитывая конъюнктуру рынка, особое внимание уделяют здесь разведению соболя. "Пушкинский" — единственное хозяйство, обладающее широкой цветовой "палитрой" меха норки: темно-коричневой, сапфировой, серебристо-голубой, мойлалеутской, пастелевой, ампало-сапфировой.

А "огневка" — красная лисица? Видели, как играет ее мех? При встряхивании шкурки пережат огненной волны остевых волос с густой серо-голубой подпушью напоминает дымку костра... Сегодня ассортимент пушнины расширен за счет серебристо-черной, снежной и жемчужной лисиц.

Благодаря целенаправленной селекционной работе в "Пушкинском" создано поголовье голубого вуалевого песца крупного размера. Черная вуаль чистого графитного цвета и густая голубая подпушь придают меху песца особую привлекательность и красоту.

Разводят здесь и хорьков, и сурнов.

В этом году в "Пушкинском" решили порадовать и рядового покупателя — открыли собственное ателье. Теперь в хозяйство может приехать не только специалист, но и любой человек, выбрать понравившийся ему мех, заказать шубу, шапку, пелерину.

Специалисты ГПЗ "Пушкинский" обладают коллекцией шкурочек зверей, отвечающих высочайшим требованиям внутреннего и международного рынков, готовы поделиться своими знаниями и опытом, оказать помощь коллегам и предложить высококачественную продукцию.

**ГПЗ "Пушкинский": 141214, Московская область, Пушкинский район, п. "Зверосовхоз".
Тел.: 584-35-38, факс: 584-93-44.**

*В королевстве
русского меха*

ГДЗ "ПУШКИНСКИЙ"

МЕХА КОЖА
Жалінка